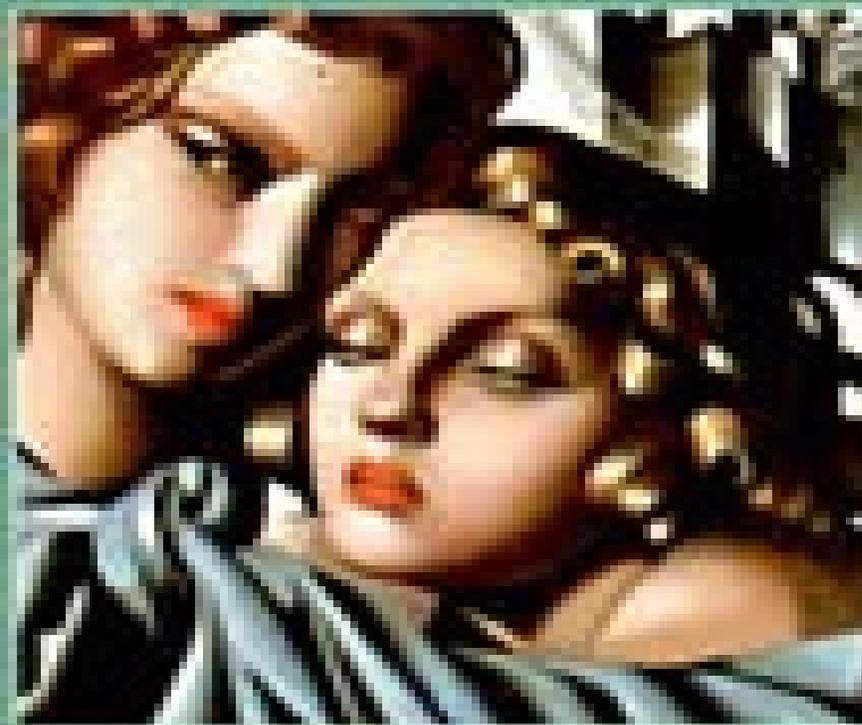

КНИГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Реймонд
ЧАНДЛЕР

Вечный сон
Высокое окно

Annotation

"Вечный сон".

Дело об исчезновении лихого ирландца, по чистой случайности ставшего мужем наследницы американского миллионера, выглядит почти водевильным... пока в него не вмешивается сама Смерть.

И тогда водевиль превращается в расследование нелепо жестокого убийства мелкого шантажиста - первого преступления среди многих. Работа как раз во вкусе Марло!

"Высокое окно".

Дело о пропаже уникальной золотой монеты из нумизматической коллекции...

И - словно в пару к нему - совсем уж незатейливое дело об исчезновении прелестной певички...

Просто - мечта для желающего отдохнуть Марло!

Однако вскоре простое расследование превращается в таинственное дело об убийстве, и с планами на отдых приходится расстаться...

- [Раймонд Чэндлер](#)
 - [Раймонд Чэндлер](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)

- [XVI](#)
- [XVII](#)
- [XVIII](#)
- [XIX](#)
- [XX](#)
- [XXI](#)
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- [ФЕНОМЕН РЕЙМОНДА ЧАНДЛЕРА](#)
-

- [Реймонд Чандлер](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-

Раймонд Чэндлер

Вечный сон. Высокое окно

Раймонд Чэндлер

Вечный сон

I

Пасмурное октябрьское утро. Горы на горизонте подернуты сеткой колючего, унылого, морозящего дождя. Я же принарядился: голубой костюм, темно-синяя рубашка, галстук, в кармашке носовой платок, черные штиблеты, черные шерстяные носки в темно-синюю полоску. Можете смеяться, но я чисто вымыт, гладко выбрит и трезв как стеклышко — не каждый же день частного детектива приглашает к себе миллионер.

В холле, над дверьми такой высоты, что в них с легкостью вошло бы целое стадо индийских слонов, я увидел витражную панель, где был изображен рыцарь в черных доспехах, который спасал привязанную к дереву даму. Совершенно нагое тело дамы прикрывали лишь длинные, предусмотрительно распущенные волосы, а рыцарь, откинув — очевидно, из вежливости — забрало, тщетно пытался ее отвязать. Рассматривая витраж, я подумал, что, живи я в этом доме, мне рано или поздно пришлось бы встать на лестницу и помочь рыцарю. Ему явно не хватало терпения.

Стеклянная дверь выходила на покрытый изумрудным травяным покровом задний двор, где находился белый гараж, возле которого шофер, смуглый худенький паренек в потертых черных гетрах, мыл темно-бордовый «паккард» с откидным верхом.

За гаражом виднелись декоративные деревья, постриженные, словно пудели; за деревьями — большая оранжерея с куполообразной крышей, еще дальше — опять деревья и, наконец, тяжеловесные, неровные отроги гор.

На второй этаж вела выложенная кафелем широкая лестница, а наверху, на галерее с медными поручнями, виднелась еще одна витражная панель, тоже с каким-то романтическим сюжетом. Внизу, по стенам, стояли массивные стулья с высокими спинками и красными плюшевыми сиденьями, на которых, судя по всему, никто никогда не сидел. На левой стене, посередине, находился большой, совершенно пустой камин с четырьмя купидонами по углам мраморной каминной доски. Над камином висел большой портрет маслом, а над портретом, под стеклом, — два перекрещенных кавалерийских вымпела, то ли пробитых пулями, то ли изъеденных мухами. На портрете был изображен, причем довольно аляповато, офицер в военной форме времен Мексиканской войны с бородкой, усами, черными как уголь горящими глазами и видом человека, с которым лучше не связываться. «Вероятно, это дед генерала Стернвуда», —

подумал я. Вряд ли это мог быть сам генерал, хотя, по слухам, отец двух совсем еще юных девиц был уже весьма преклонного возраста.

Я как замороженный смотрел в горящие черные глаза офицера на портрете, но тут дверь под лестницей открылась. Я повернулся, ожидая увидеть дворецкого, но увидел девушку. Невысокую стройную двадцатилетнюю девушку с узкой талией и крепким бюстом, в элегантных голубых брюках «клевш». Она не шла, а плыла. Короткие, стриженные «под пажа», слегка подвитые золотистые волосы. Глаза серо-голубые, довольно невыразительные. Она подошла поближе и улыбнулась мне одним ртом, обнажив маленькие хищные зубки, блеснувшие из-под тонких, нервных губ. Лицо бледное, вид нездоровый.

— А вы высокий, — сказала она.

— Стараемся.

Ее глаза округлились: озадачена, задумалась. Мыслительный процесс, сразу видно, удовольствия ей не доставлял.

— И красивый, — добавила она. — Сами ведь знаете.

Я что-то пробурчал в ответ.

— Как вас зовут?

— Джек, — ответил я. — Джек Потрошитель.

— Странное имя. — Она прикусила губку и, слегка наклонив голову, искоса на меня посмотрела. Затем опустила свои длиннющие бархатные ресницы и опять, очень медленно, словно театральный занавес, подняла их. Коронный, как в дальнейшем выяснилось, номер. Вероятно, предполагалось, что я начну кататься по полу и дрыгать ногами от восторга.

— Вы случайно не боксер? — спросила она, увидев, что по полу я не катаюсь и ногами не дрыгаю.

— Не совсем. Я — сыщик.

— А... — Она сердито мотнула головой, и ее золотистые волосы блеснули в полумраке. — Все шутите.

— Угу.

— Что?

— Только не притворяйтесь глухой. Вы же слышали, что я сказал.

— Ничего вы не сказали. Зануда, вот вы кто. — И с этими словами она сунула в рот большой палец и прикусила его. Какой-то необычной формы был этот палец: тонкий и узкий, как безымянный, и не сгибающийся в суставе. Прикусив его, она принялась сосать палец, вертя его во рту, словно ребенок — соску.

— Вы ужасно высокий, — сказала она и тихонько захихикала. А

потом, как-то незаметно повернувшись ко мне всем телом и уронив руки, на цыпочках подкралась и рухнула навзничь мне на грудь. Если бы я ее не поддержал, она бы разбила голову о кафельный пол. Я подхватил ее под руки, и она тут же привалилась ко мне спиной. Чтобы девица не съехала на пол, я вынужден был прижать ее к себе. Коснувшись головой моей груди, она повернулась ко мне лицом и опять захихикала.

— Ну, ты даешь, — похвалила она меня. И себя заодно.

Я промолчал — отчасти потому, что в стеклянной двери, удачно выбрав момент, появился дворецкий. Впрочем, наша поза, по-видимому, несколько его не смутила.

Это был долговязый седой старик лет шестидесяти или старше. Задумчивые голубые глаза. Кожа гладкая, белая; походка мягкая, упругая, выдававшая физически сильного человека. Он медленно подошел к нам, и, увидев его, девушка отпрыгнула в сторону, бросилась к лестнице, взлетела, словно серна, на второй этаж и скрылась, прежде чем я успел издать глубокий вздох облегчения.

— Генерал ждет вас, мистер Марло, — бесстрастным голосом сказал дворецкий.

— Кто она? — спросил я, еле шевеля языком.

— Мисс Кармен Стернвуд, сэр.

— Ей замуж пора.

Дворецкий с непроницаемым видом, молча посмотрел мне в глаза и повторил, что генерал меня ждет.

II

Мы вышли на задний двор и зашагали по гладкой, выложенной плитняком тропинке, которая, огибая гараж, тянулась до самого конца лужайки. Худенький, похожий на подростка шофер загнал «паккард» в гараж и мыл теперь черный «бьюик». Мы свернули к оранжерее, дворецкий открыл дверь, отступил в сторону, пропустив меня вперед, и я очутился в маленьком, раскаленном от жары вестибюле. Дворецкий последовал за мной, плотно закрыл первую дверь, открыл вторую, и мы вошли внутрь. Только теперь я понял, что такое настоящая жара: мало того, что в оранжерее было душно, как в парилке, — горячий влажный воздух был пропитан пьянящим запахом цветущих тропических орхидей. Стекланные стены и крыша запотели, и сверху на растения стекали крупные капли влаги. Ощущение было такое, словно находишься в джунглях: вокруг, окутанные зеленоватым, как в аквариуме, светом, роста какие-то экзотические растения с отвратительными мясистыми листьями и стеблями, напомилавшими пальцы только что обмытых покойников. Чтобы представить себе, как эти растения пахнут, надо вскипятить виски и понюхать его, предварительно укрывшись с головой одеялом.

Дворецкий пошел вперед, раздвигая густую влажную листву, и вскоре мы выбрались из чащи на небольшую, находившуюся прямо под куполом здания площадку, где на старом красном турецком ковре стояло инвалидное кресло, а в кресле сидел, уставившись на нас, умирающий старик. Глаза старика уже давно потухли, однако были такими же черными и пронизательными, как у офицера на портрете. В остальном же его лицо представляло собой неподвижную восковую маску с бескровными губами, заострившимся носом, ввалившимися висками и вывернутыми мочками, какие бывают у покойников. Несмотря на чудовищную жару, длинное, худое тело старика было закутано в плед, из-под которого виднелись полы выцветшего от времени красного купального халата. Худые, похожие на когти пальцы с лиловыми ногтями неподвижно лежали поверх пледа, а из лысого черепа, словно дикие цветы из скалы, торчали редкие слипшиеся седые волоски.

Дворецкий подошел к старику и доложил:

— Мистер Марло, генерал.

На это старик не только ничего не ответил, но даже не пошевелился. Дворецкий ловко подставил мне совершенно сырой плетеный стул и, когда

я сел, неуловимым движением выхватил у меня из рук шляпу.

Только тогда старик прочистил горло и низким, замогильным голосом произнес:

— Принесите бренди, Норрис. Как вы относитесь к бренди, сэр?

— Положительно, — ответил я.

Дворецкий исчез в джунглях, а генерал заговорил снова, экономя силы, как экономит последние деньги безработная актриса, чтобы купить себе пару капроновых чулок:

— В свое время я любил смешивать бренди с шампанским. Рюмка бренди на полбокала ледяного шампанского. Да вы снимите пиджак, сэр. Для живого человека здесь слишком жарко.

Я вскочил, снял пиджак, вынул носовой платок и вытер лицо, шею и вспотевшие ладони. В Сент-Луисе летом и то прохладнее. Потом сел, машинально потянулся за сигаретой, но вовремя вспомнил, где нахожусь. Старик все понял и, слабо улыбнувшись, сказал:

— Можете курить, сэр. Я люблю запах табака.

Я закурил, и он, точно охотничья собака, стал жадно принюхиваться к дыму. На его тонких, крепко сжатых губах заиграла едва заметная улыбка.

— Веселое занятие, ничего не скажешь, — смотреть со стороны, как твоим порокам предаются другие, — с грустью заметил он. — Когда-то и я, сэр, умел красиво жить, а теперь — инвалид: паралич обеих ног, резекция желудка. Есть я почти ничего не могу, а сплю так чутко, что это и сном-то не назовешь. Только жарой и спасаюсь — как новорожденный паук. Если бы не орхидеи, здесь и вовсе дышать было бы нечем. Вы любите орхидеи?

— Не особенно, — признался я.

Генерал прикрыл глаза:

— Я их ненавижу. С виду они похожи на человека, а пахнут дешевыми духами проститутки.

Я смотрел на него и ловил губами влажный душный воздух, задыхаясь от жары. Старик кивнул, осторожно согнув шею, словно боялся, что она сломается под тяжестью головы. Тут в зарослях орхидей появился дворецкий, кативший перед собой сервировочный столик. Он налил мне в бокал бренди, смешал его с содовой, обернул медное ведро со льдом влажной салфеткой и удалился. Хлопнула дверь.

Я пригубил бренди. Старик молча посмотрел на меня и со скорбным видом гробовщика облизнул губы.

— Расскажите о себе, мистер Марло. Полагаю, моя просьба вас не удивляет?

— Нет, разумеется. Но рассказывать особенно нечего. Мне тридцать

три года, когда-то я ходил в колледж и английский язык еще не забыл. Частным сыщиком стал недавно. Одно время работал следователем у окружного прокурора Уайлда. На днях мне позвонил старший следователь Уайлда Берни Олс и сказал, что вы хотите со мной поговорить. Я не женат — уж очень не люблю полицейских жен.

— А вы, я смотрю, циник, — улыбнулся старик. — Работа у Уайлда вам не понравилась?

— Меня уволили. За непослушание. В этом смысле мне нет равных.

— Я тоже этим отличался, сэр, так что мы с вами друг друга стоим. Что вы знаете о моей семье?

— Я знаю, что вы вдовец и у вас две дочери. Обе молоды, красивы и живут в свое удовольствие. Одна из них была замужем уже три раза, последний раз — за бутлегером по прозвищу Рыжий Риган. Вот и все, что я слышал, генерал.

— Что-нибудь в этой информации показалось вам любопытным?

— Разве что Рыжий Риган. Впрочем, сам я всегда ладил с бутлегерами.

Генерал опять слабо улыбнулся — экономит на всем, даже на улыбке:

— Я тоже против них ничего не имею, да и Рыжий Риган мне очень нравится. Представьте себе эдакого здоровенного ирландца из Клонмела с курчавыми рыжими волосами, грустными глазами и улыбкой шириной с Уилширский бульвар. Поначалу, правда, он показался мне авантюристом, промышлявшим какими-то темными делишками.

«Тот еще жук», — подумал я.

— Теперь я вижу, что он вам действительно понравился: вы заговорили на его языке.

Генерал спрятал свои худые бледные руки под плед, а я загасил окурок и допил бренди.

— Меня он, можно сказать, вернул к жизни, — продолжал старик. — Увы, ненадолго. Риган часами сидел со мной, хлестал бренди, обливался потом и рассказывал про Ирландскую революцию. Ведь он был офицером ИРА^[1] и в Штатах находился на незаконном положении. По-моему, на моей дочери он женился по чистой случайности — впрочем, вместе они и месяца не прожили. Учтите, мистер Марло, все это тайна.

— И тайной останется, — заверил его я. — Что с ним произошло?

Старик тупо посмотрел на меня:

— Месяц назад он исчез, причем совершенно неожиданно, никого не предупредив. И не попрощавшись со мной. Обидно, конечно, но ничего не поделаешь — для таких, как он, приличий не существует. Думаю, Риган еще даст о себе знать. А пока меня опять шантажируют.

— Опять?!

Генерал вновь вытащил руку из-под пледа, сжимая в пальцах коричневый конверт.

— Я бы не позавидовал тому, кто попытался бы меня шантажировать, когда Риган жил в моем доме. За несколько месяцев до его появления, то есть без малого год назад, я заплатил пять тысяч долларов человеку по имени Джо Броди, чтобы он оставил мою дочь Кармен в покое.

— А... — промычал я.

Генерал повел своими редкими седыми бровями:

— Что вы этим хотите сказать?

— Ничего.

Слегка нахмурившись, старик некоторое время в упор смотрел на меня, а затем сказал:

— Возьмите конверт и ознакомьтесь с его содержимым. И про бренди не забывайте.

Привстав, я взял конверт, опять сел, в очередной раз вытер потные ладони и стал его рассматривать. Письмо адресовано генералу Гаю Стернвуду: 3765, Алта-Бриа-Креснт, Уэст-Голливуд, Калифорния. Адрес написан чернилами, от руки, наклонными печатными буквами — такой почерк бывает у инженеров. Конверт вскрыт. В нем коричневая визитная карточка и три листа плотной белой бумаги. На карточке из тонкого коричневого картона золотыми буквами выбито: «Мистер Артур Гуинн Гейгер». Адреса нет. А в нижнем левом углу очень мелкими буквами значится: «Редкие книги и подарочные издания». Я перевернул карточку и прочел следующее:

Уважаемый сэр!

Несмотря на то что взыскать по закону за неуплаченные карточные долги возможным не представляется, я полагаю все же, что Вы захотите их оплатить.

С уважением,

А. Г. Гейгер

Листки плотной белой бумаги оказались долговыми расписками, заполненными от руки и датированными началом прошлого месяца:

По предъявлении обязуюсь выплатить (или

перевести) 1000 (одну тысячу) долларов Артуру Гуинну Гейгеру без процентов.

Кармен Стернвуд

Почерк размашистый, с завитушками и кружочками вместо точек. Я налил себе еще бренди и отложил конверт в сторону.

— Что скажете? — спросил генерал.

— Пока ничего. Кто такой Артур Гуинн Гейгер?

— Понятия не имею.

— А что говорит Кармен?

— Я ее не спрашивал. И не буду. От нее толку мало — засунет в рот палец и сосет его себе с умильным видом.

— Я встретил ее в гостиной. Она действительно сосала большой палец, а потом попыталась усесться мне на колени.

Ни один мускул не дрогнул на лице генерала. Он застыл в своем кресле, мирно сложив руки на коленях и тихонько дрожа от холода, тогда как я начинал дымиться от жары.

— Вы позволите задать вам несколько нескромных вопросов, генерал? — спросил я.

— А я от вас скромных вопросов и не жду, мистер Марло.

— Ваши дочери между собой ладят?

— Я бы этого не сказал. У каждой своя жизнь, и по наклонной плоскости они скатываются каждая по-своему. Вивьен — избалованная, требовательная, неглупая и совершенно безжалостная. Кармен же — из тех тихих девочек, что больше всего на свете любят отрывать мухам крылышки. Духовная жизнь, мораль — для них обеих пустой звук. Впрочем, и для меня тоже. Чем-чем, а нравственностью Стернвуды никогда не отличались. Еще вопросы есть?

— Они обе, надо полагать, получили неплохое образование?

— Вивьен училась в хороших закрытых школах, а потом — в колледже. Кармен же сменила не меньше десятка школ, и каждая следующая была либеральней предыдущей. По-моему, она ровным счетом ничего из них не вынесла. И Вивьен, и Кармен наделены всеми пороками современной молодежи, Хорош отец, думаете, наверное, вы. Разругал дочерей в пух и прах. — Он помолчал. — Но ничего не поделаешь, мистер Марло, жизнь во мне еле теплится, и тут не до викторианского лицемерия. — С этими словами старик откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, а затем вновь открыл их: — Надеюсь, вам не надо объяснять,

что, если мужчина впервые становится отцом только в пятьдесят четыре года, он получает по заслугам.

Я отхлебнул бренди и кивнул. Артерия едва заметно пульсировала на его дряблой серой шее. Старик одной ногой стоит в могиле, но сдаваться явно не собирается.

— Ваш вывод? — неожиданно спросил он.

— Я бы ему заплатил.

— С какой стати?

— Денег он просит мало, а неприятностей, если не заплатите, может быть много. Что-то за этим шантажом наверняка есть, но в душу к вам никто лезть не собирается, и потребуются целая армия проходимцев и уйма времени, чтобы нанести вам мало-мальски значительный материальный ущерб.

— Но у меня есть гордость, сэр, — холодно возразил генерал.

— На это и весь расчет. Пока вы не докажете, что это вымогательство, Гейгер может сколько угодно наживать на таких долговых расписках. Он же вместо этого дарит их вам, да еще признается, что это карточные долги, по которым вы платить не обязаны, даже если бы расписки были у него. Таким образом, если Гейгер жулик, он свое дело знает; если же он честный человек, промышляющий скромным книжным бизнесом, деньги ему следует отдать. А кто такой Джо Броди, которому вы заплатили пять тысяч?

— Какой-то прохвост, уже не помню. Норрис, мой дворецкий, наверняка знает.

— Скажите, генерал, у ваших дочерей свои деньги есть?

— У Вивьен есть, но немного. А Кармен еще несовершеннолетняя. Но я даю им на расходы, и немало.

— Значит, так, генерал, — сказал я. — Гейгера, кто бы он ни был и чем бы ни занимался, я могу, если хотите, взять на себя. Вам это обойдется в некоторую сумму, не считая, разумеется, того, что вы заплатите за работу мне. Но, хочу вас заранее предупредить, это вам ничего не даст. Вы ведь уже все равно у них на заметке.

— Понятно. — Старик зябко повел широкими вздернутыми плечами. — Минуту назад вы сказали, чтобы я ему заплатил. А теперь говорите, что это мне ничего не даст.

— Вы меня не поняли. Я говорю, что в вашем положении проще и дешевле заплатить, чем лезть на рожон. Вот и все.

— Нет, мистер Марло, я человек азартный, меня такая тактика не устраивает. Сколько вы берете?

— Двадцать пять долларов в день плюс расходы — при удачном

исходе дела, разумеется.

— Ясно. Что ж, будет очень благородно с вашей стороны, если вы снимете с меня этот груз. Надеюсь, эту сложную операцию вы проведете по возможности безболезненно для пациента. Не исключено, мистер Марло, что вам придется иметь дело не с одним жуликом, а с несколькими.

Я допил второй бокал бренди, вытер губы и струящийся по лицу пот. Прохладнее от бренди не стало. Генерал прищурился и зашевелил под пледом руками.

— Если окажется, что этот тип ведет более или менее честную игру, я могу вступить с ним в переговоры? — спросил я.

— Да. Вообще поступайте, как найдете нужным. Я целиком вам доверяю.

— Я с ним разберусь, не беспокойтесь.

— Не сомневаюсь. А теперь, мистер Марло, прошу меня извинить. Я устал. — С этими словами старик вынул из-под пледа руку и позвонил в висевший на спинке кресла колокольчик. Шнур от колокольчика соединялся с черным кабелем, обвивавшимся вокруг гигантских темно-зеленых кадок, где росли эти вонючие орхидеи. Генерал закрыл глаза, вновь открыл их, бросил на меня напоследок быстрый, живой взгляд и откинулся на подушки. Веки его снова слиплись, и больше он не обращал на меня абсолютно никакого внимания.

Я встал, снял со спинки сырого плетеного стула свой пиджак и, нырнув в заросли орхидей и плотно закрыв за собой обе двери, вышел на улицу, ловя губами кислород. Вдохнув полной грудью свежий октябрьский воздух, я обнаружил, что шофер куда-то исчез, а мне навстречу по красной дорожке легкими, пружинистыми шагами идет прямой как жердь старый дворецкий. Я натянул пиджак и остановился.

Дворецкий почти вплотную подошел ко мне и мрачно сказал:

— С вами хотела поговорить миссис Риган, сэр. Пожалуйста, зайдите к ней перед уходом. Что же касается денег, сэр, то генерал распорядился выдать вам чек на ту сумму, какую вы сочтете необходимой.

— Когда же это он успел распорядиться?

Дворецкого несколько озадачил мой вопрос, однако, помолчав, он с улыбкой ответил:

— Понимаю, сэр. Я совсем забыл, вы же сыщик. Распоряжение было передано мне по телефону, сэр.

— Вы сами выписываете чеки?

— Да, сэр, я удостоен этой чести, сэр.

— Что ж, в таком случае под забором вы не умрете. Нет, благодарю,

сейчас никаких денег не надо. Для чего меня хочет видеть миссис Риган?

Дворецкий посмотрел на меня в упор холодными голубыми глазами:

— Боюсь, миссис Риган не совсем правильно представляет себе цель вашего визита, сэр.

— А откуда она вообще знает о моем визите?

— Окна миссис Риган выходят на оранжерею. Она видела, как мы с вами входили туда, и я вынужден был сообщить ей, кто вы такой.

— Очень плохо.

Из холодного взгляд дворецкого сделался ледяным.

— Вы считаете возможным указывать мне, каков должен быть круг моих обязанностей, сэр?

— Нет, просто я вижу, что круг этот совершенно неограничен.

Некоторое время мы молча поехали друг друга глазами, а напоследок дворецкий пронзил меня злобным взглядом и отвернулся.

III

Комната, в которую я попал, была совершенно необъятных размеров, двери и потолки — выше некуда, а громадный, во всю комнату, белый ковер напоминал заснеженное озеро. По стенам стояли высокие, в человеческий рост, зеркала, а на подзеркальниках — великое множество самых разнообразных хрустальных безделушек. На окнах, в тон мебели, инкрустированной слоновой костью, висели тяжелые, очень длинные портьеры: на фоне белого ковра портьеры казались грязными, а ковер на их фоне — каким-то бесцветным. За окнами чернели вдали горы. Было душно, собирался дождь.

Я присел на краешек глубокого мягкого кресла, посмотрел на миссис Риган и... потерял дар речи. Передо мной, лениво раскинувшись в шезлонге и довольно рискованно задрав юбку, восседала богиня. От ее ног невозможно было оторвать глаз: тончайшие шелковые чулки обтягивали полные, округлые колени, икры были столь соблазнительны, а лодыжки столь длинны и стройны, что о них впору было сочинять поэму. Высокая, стройная, сильная. Голова покоилась на атласной подушке также цвета слоновой кости. Волосы — темные, жесткие, с пробором посередине, а глаза такие же черные и горящие, как на портрете в холле. Тонко очерченный, капризно поджатый рот. Красивый подбородок, кокетливо надутая нижняя губка.

Миссис Риган сидела в шезлонге с бокалом в руке.

— Вы, стало быть, частный детектив, — сказала она наконец, в очередной раз пригубив бокал, и посмотрела на меня в упор, поднеся его к глазам. — А я-то думала, сыщики только в книжках встречаются или же это какие-то подозрительные субъекты, из тех, что по отелям шныряют.

Отвечать мне на это было нечего, поэтому я счел за лучшее промолчать. Миссис Риган поставила бокал на плоский подлокотник шезлонга и, сверкнув изумрудным кольцом, провела рукой по волосам.

— Как вам отец? — спросила она с расстановкой.

— Понравился, — ответил я.

— Он любил Рыжего. Знаете, кого я имею в виду?

— Да.

— Рыжий Риган бывал иногда резок, даже груб, но это был по-настоящему искренний человек. Отцу с ним всегда было ужасно интересно. Напрасно он так неожиданно уехал. Отец очень переживает, хотя никогда в

этом не признается. Или вам он что-нибудь говорил?

— Что-то, кажется, говорил, — уклончиво заметил я.

— А вы, я смотрю, не очень-то словоохотливы, мистер Марло. Отец хочет его разыскать, да?

— И да, и нет, — обронил я, помолчав.

— Это не ответ. Вы, к примеру, его найти можете?

— Такая задача, насколько я понял, передо мной не ставится. Вы бы лучше сами обратились в полицию, в розыск пропавших без вести. Там ведь сидят специалисты своего дела. И потом, одному тут не справиться.

— Что вы, по такому поводу отец в жизни не станет обращаться в полицию. — Миссис Риган опять ласково посмотрела на меня сквозь стекло бокала, осушила его и позвонила в звонок. В комнату через боковую дверь вошла служанка, женщина средних лет с добродушным желтым лицом, длинным носом, плоским подбородком и большими влажными глазами. Похожа она была на старую лошадь, которая всю жизнь прослужила своим хозяевам верой и правдой, а теперь отпущена на луг пастись.

Миссис Риган помахала ей пустым бокалом, и служанка, не говоря ни слова, даже не посмотрев в мою сторону, наполнила его, передала хозяйке и вышла из комнаты.

— Так как же вы собираетесь действовать? — поинтересовалась миссис Риган, когда дверь за служанкой закрылась.

— Когда и при каких обстоятельствах он исчез?

— А разве отец вам не говорил?

Я искоса посмотрел на нее и хмыкнул. Она вспыхнула. В ее горящих глазах сверкнула злоба.

— Не понимаю, чего вы хитрите! — бросила она. — И вообще, мне не нравится ваше поведение.

— Да и я от вашего не в восторге, — сказал я. — Между прочим, я с вами встречаться не собирался, вы сами меня вызвали. Можете, если вам так уж хочется, строить из себя королеву, можете, в моем присутствии выпить хоть дюжину бутылок виски. Можете сколько угодно демонстрировать мне свои ножки. Они того стоят, и я получил от них огромное удовольствие. Можете даже ругать мои манеры, я не обижусь, они действительно оставляют желать лучшего; долгими зимними вечерами я ужасно тоскую, что дурно воспитан. Словом, можете делать все, что хотите, но пожалуйста, не устраивайте мне допроса — только время зря потеряете.

Миссис Риган с такой силой стукнула бокалом о подлокотник, что его

содержимое выплеснулось на атласную подушечку. Затем, опустив ноги на пол, она вскочила и с открытым ртом злобно уставилась на меня. Глаза сверкали, ноздри раздувались, суставы стиснутых в кулаки рук побелели.

— Вы забываетесь! — прохрипела она.

А я сидел и молча улыбался. Миссис Риган очень медленно закрыла рот, взглянула на мокрую от виски подушечку и присела на край шезлонга, подперев рукой подбородок.

— Ну, погоди, красавчик. Доиграешься.

Я чиркнул спичкой об ноготь большого пальца, и спичка — кажется, впервые в жизни! — зажглась. Я закурил и глубоко затянулся. Торопиться было некуда.

— Терпеть не могу самоуверенных красавчиков, — сказала она. — Ненавижу.

— Чего вы, собственно, боитесь, миссис Риган?

Ее глаза побелели, а потом потемнели — сплошной зрачок, без белка. Ноздри запали.

— Он не из-за этого вас вызывал, совсем не из-за этого, — проговорила она напряженным, срывающимся от гнева голосом. — Не из-за Рыжего. Правильно?

— Его спросите.

Она опять вспыхнула:

— Убирайтесь! Убирайтесь, черт вас побери!

Я встал.

— Садитесь! — заорала она.

Я сел и, щелкнув пальцами, стал ждать, что будет дальше.

— Я знаю, — сказала она, — я знаю, вы могли бы найти Рыжего, если б вас попросил отец.

Это на меня тоже не подействовало. Я кивнул головой и спросил:

— Когда он исчез?

— Месяц назад. Уехал в своей машине, никому не сказав ни слова. Машину потом обнаружили в каком-то частном гараже.

— «Обнаружили»?

Проговорилась? Все ее тело как-то вдруг обмякло. Она улыбнулась и с победоносным видом взглянула на меня.

— Об этом, значит, отец вам не говорил. — Она с трудом сдерживала радость, как будто ей удалось меня перехитрить. Возможно, так оно и было.

— Генерал действительно рассказывал мне о мистере Ригане, но вызвал он меня совсем по другому поводу. Вы это хотели от меня узнать?

— Ничего я не хотела.

Я опять встал:

— В таком случае я пойду.

Миссис Риган молчала. Я подошел к высокой белой двери и обернулся. Она сидела, прикусив губу и скаля зубы — точно щенок, играющий с ковром.

Я вышел, спустился по выложенной кафелем лестнице в холл, и передо мной опять вырос дворецкий с моей шляпой в руке. Я надел шляпу, а он распахнул дверь.

— Вы ошиблись, — сказал я. — Миссис Риган не хотела меня видеть.

Дворецкий вежливо опустил свою седую голову:

— Простите, сэр. Я часто ошибаюсь. — И с этими словами захлопнул за мной дверь.

Я остановился на ступеньках и, закурив, стал смотреть на спускающийся уступами участок, засаженный цветами и подстриженными деревьями и огороженный высоким забором с позолоченными копьевидными наконечниками на железных прутьях. К открытым чугунным воротам усадьбы сбегала извивающаяся дорога, а под горой, за забором, в нескольких милях от особняка видны были старые деревянные буровые вышки нефтепромысла, на котором в свое время разбогатели Стернвуды. Теперь на этом месте предполагалось разбить парк — подарок городу от генерала. Пока же несколько нефтяных скважин еще функционировало, давая по пять-шесть баррелей нефти в день. Не зря Стернвуды построили себе дом на самой вершине горы: отстойной водой и нефтью не пахнет, и в то же время видны месторождения — источник их богатства. Впрочем, не думаю, чтобы Стернвуды часто любовались из окон буровыми вышками.

Я сбежал по усыпанной битым кирпичом дорожке, прошел вдоль забора к воротам и направился к стоявшей под пальмой машине. В горах прокатился гром, небо почернело, стало душно. «Сейчас польет», — решил я и, прежде чем ехать в город, опустил крышу автомобиля.

Да, ножки у Вивьен Стернвуд весьма аппетитные. Этого у нее не отнимешь. Хорошенькая парочка: разбитый параличом генерал и красавица дочка. Старик, скорее всего, просто меня испытывал — ему ведь нужен юрист, а не сыщик. Даже если мистер Артур Гуинн Гейгер, специалист «по редким книгам и подарочным изданиям», действительно вымогатель, это работа для юриста, а не для частного сыщика. Впрочем, вполне может быть, что за шантажом скрывается что-то еще. Вот только что?

Первым делом я поехал в голливудскую публичную библиотеку и

полистал пыльный том под названием «Первые издания редких книг».
Через полчаса я проголодался.

IV

Магазин А. Г. Гейгера выходил на бульвар, неподалеку от Лас-Пальмаса. Входная дверь находилась в глубине, а за инкрустированной медью витриной были спущены жалюзи, поэтому заглянуть в магазин с улицы я не мог. Витрина была заставлена каким-то восточным хламом. Впрочем, в антиквариате я разбирался неважно, поскольку, кроме неоплаченных счетов, ничего не коллекционировал. Входная дверь была из толстого стекла, но и через нее ничего не было видно — внутри стоял полумрак. Справа от книжной лавки находился жилой дом, а слева — роскошный ювелирный магазин, торгующий драгоценностями в кредит. У входа, раскачиваясь на пятках, со скучающим видом стоял ювелир, высокий, красивый седой еврей в дешевом темном костюме и с бриллиантовым перстнем в девять каратов на безымянном пальце правой руки. Когда я подошел к книжной лавке Гейгера, губы ювелира скривились в многозначительной улыбке. Бесшумно прикрыв за собой дверь, я ступил на толстый синий ковер, закрывавший весь пол. Вдоль стен стояли обтянутые синей кожей стулья, а рядом — напольные пепельницы. На узких полированных столах, а также в застекленных шкафах лежали книги и образцы кожаных переплетов с тиснением. Отличный товар! Такие переплеты с удовольствием приобрел бы, причем в немалом количестве, какой-нибудь богатый делец, да еще наставил бы на них свои экслибрисы. Против входа, в глубине магазина, находилась деревянная перегородка с запертой дверью, а в углу, между стеной и перегородкой, за маленьким письменным столом под лампой с резным деревянным абажуром сидела молодая женщина.

Увидев меня, она медленно встала и, покачивая бедрами, лениво двинулась в мою сторону. Гладкое, обтягивающее черное платье, длинные ноги, походка такая, которую в книжном магазине встретишь нечасто. Золотисто-пепельные вьющиеся волосы, зеленые глаза, густо накрашенные ресницы. В ушах огромные черные клипсы, ногти покрыты серебряным лаком. Косметика дорогая, а вид, между тем, дешевый.

Подойдя ко мне походочкой, которая обезоружила бы и вооруженного до зубов бандита, блондинка подняла пальчик и небрежно поправила очаровательный пепельный завиток, который в нужный момент всегда почему-то выбивается из пряди. Улыбка у нее была столь же обезоруживающей, как и походка.

— Что вы хотели? — осведомила она.

— У вас случайно нет «Бен Гура»^[2] 1860 года издания? — не снимая темных очков в роговой оправе, по-птичььи прощепетал я.

Еле сдерживаясь, чтобы не сказать «Чего?!», блондинка слабо улыбнулась и переспросила:

— Первое издание?

— Третье. С опечаткой на странице 116.

— К сожалению, сейчас нет.

— А полное собрание Одюбона^[3] 1840 года?

— ...Этого... тоже сейчас нет. — Она безуспешно пыталась сохранить на лице улыбку.

— Это ведь книжный магазин, я не ошибся? — спросил я все тем же вежливым птичьим фальцетом.

Блондинка оглядела меня с ног до головы. Улыбка пропала. Глаза ледяные. Вся подобралась. Ткнула своим серебряным ноготком в застекленные книжные шкафы:

— А это что, по-вашему, — грейпфруты?!

— Нет-нет, эти гравюры меня мало интересуют. Вероятно, это гравюры на стали? Два цента — цветная копия, один — черно-белая. Какая пошлость. Нет уж, увольте, благодарю покорно.

— Дело ваше. — Блондинка попыталась вернуть улыбку на место. Вела она себя, словно страдающий подагрой джентльмен, которому наступили на мозоль. — Может быть, мистер Гейгер... Но его сейчас нет... — Она буквально поела меня глазами. В редких книгах она разбиралась ничуть не лучше, чем я — в тараканьих бегах.

— А он сегодня будет?

— Если и будет, то очень поздно.

— Жаль, — вздохнул я. — Очень жаль. Какие прелестные стулья! Если позволите, посижу, выкурю сигаретку. Вечер у меня сегодня совершенно свободный. Все уроки сделаны, одна тригонометрия осталась.

— Да, — сказала она. — Да-да, садитесь, пожалуйста.

Развалившись на стуле, я закурил сигарету, воспользовавшись лежавшей на пепельнице круглой никелевой зажигалкой. Некоторое время, прикусив губу, блондинка с растерянным видом постояла рядом, потом кивнула головой и двинулась обратно, к своему письменному столику в углу. Села и из-под лампы уставилась на меня. Я положил ногу на ногу и зевнул. Ее наманикюренные пальчики потянулись было к стоявшему на столе телефону, но до трубки не достали и нервно забарабанили по столу.

Минут через пять дверь магазина открылась и появился высокий тип с

голодным взглядом, тростью и длинным носом. Он вошел крадучись, бесшумно закрыл за собой дверь и, подойдя к письменному столу, положил на него какой-то сверток. Затем извлек из кармана бумажник из тюленьей кожи с золотым тиснением и что-то показал блондинке. Та нажала на кнопку, и носатый, приоткрыв дверь ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь, исчез за деревянной перегородкой.

Я докурил одну сигарету и достал следующую. Время шло. За окном хрюкали и трубили автомобильные гудки, прорычал огромный красный междугородный автобус, переключались сигналы светофора. Облокотившись о стол, блондинка исподлобья, не отрываясь смотрела на меня. Дверь в деревянной перегородке приоткрылась и снова выпустила высокого типа с тростью. Под мышкой он нес уже другой сверток, напоминавший по форме большую книгу. Он подошел к столу, расплатился и вышел из магазина точно так же, как вошел: на цыпочках, тяжело дыша и подозрительно косясь на меня.

Я вскочил, простился с блондинкой, приподняв шляпу, и последовал за таинственным покупателем, который, помахивая тростью, зашагал на запад. В толпе выделялось его клетчатое шерстяное пальто с такими широкими накладными плечами, что шея торчала из него, точно черенок сельдерея, а голова при ходьбе болталась из стороны в сторону. Мы прошли квартала полтора, и, когда носатый вышел на Хайленд-авеню и остановился у светофора, я с ним поравнялся — специально, чтобы он мог меня видеть. Сначала носатый смерил меня безразличным взглядом, но потом нахмурился, отвел глаза и отвернулся. Мы перешли Хайленд-авеню и прошли еще один квартал, после чего он прибавил шагу, оторвался от меня ярдов на двадцать и, повернув направо, стал быстро подниматься в гору. Затем он остановился, повесил трость на руку и полез в нагрудный карман за портсигаром. Сунул сигарету в рот, уронил спичку, подымая ее, обернулся, увидел, что я слежу за ним из-за угла, и выпрямился с такой поспешностью, как будто кто-то дал ему сильный пинок под зад. В гору носатый понесся галопом, только трость мелькала впереди, и я начал отставать. Опередив меня не меньше чем на квартал, он свернул налево и исчез. Обливаясь потом, я завернул за угол и очутился на узкой тенистой улочке, по одной стороне которой тянулась земляная насыпь, а по другой — ряды одноэтажных коттеджей.

Я брел по улице и смотрел по сторонам — носатый как сквозь землю провалился. Однако вскоре я кое-что все-таки заметил: между двумя рядами утопающих в зелени коттеджей тянулась аллея, засаженная коротко подстриженными итальянскими кипарисами, которые были похожи на

сосуды с маслом из сказки «Али Баба и сорок разбойников»; так вот, за третьим таким «сосудом» мелькнул клетчатый рукав.

Я прислонился к кипарису и стал ждать. В горах опять зарокотал гром. В свинцовых тучах сверкнула молния. На асфальт упали первые, крупные — каждая величиной с пятицентовик — капли дождя. Было почти так же душно, как в оранжерее генерала Стернвуда.

Из-за дерева вновь показался клетчатый рукав, потом длинный нос, потом сверкнул правый глаз и мелькнула рыжая шевелюра. Глаз уставился на меня и снова исчез. Через несколько секунд с другой стороны ствола выглянул левый глаз. Прошло еще минут пять, и носатый не выдержал — вот что значит нервы! Я услышал, как он чиркнул спичкой и начал что-то насвистывать. Затем по траве к соседнему дереву метнулась длинная тень, а через минуту он вышел на аллею и двинулся прямо на меня, помахивая тростью и посвистывая. Беззаботность у него не получилась — дыхание было прерывистым, напряженным. Я с задумчивым видом вперился в грозное небо. Носатый прошел в десяти футах от меня, даже не взглянув в мою сторону. Опасность миновала — товар удалось припрятать. Я дождался, пока он уйдет, а затем, подойдя к третьему кипарису, раздвинул листья, вытащил завернутую книгу, сунул ее под мышку и удалился. Никто меня не остановил.

V

Вернувшись на бульвар, я зашел в аптеку и по телефонной книге стал искать адрес мистера Артура Гуинна Гейгера. Он жил на Лаверн-террас, улице, выходящей на бульвар Лорел-кэньон, Опустив монетку, я набрал его номер — на всякий случай. Длинные гудки. Тогда, в той же телефонной книге, я отыскал адреса двух близлежащих книжных магазинов.

В первом, двухэтажном, где внизу размещался писчебумажный отдел, а книги продавались наверху, делать было нечего. Зато во второй, маленький, тесный, забитый книгами до самого потолка и находившийся на противоположной стороне бульвара, недалеко от первого, зайти, как выяснилось, стоило. Несколько книжных червей листали новинки, оставляя грязные следы на свеженьких переплетах. Никто не обратил на меня внимания. Я проследовал через магазин, зашел за перегородку и обнаружил маленькую смуглую женщину в очках, которая сидела за столом и изучала уголовный кодекс.

Я раскрыл бумажник и показал ей полицейский жетон. Она внимательно на него посмотрела, сняла очки и откинулась на спинку стула. Я спрятал бумажник. Она глядела на меня своими умными еврейскими глазами и молчала.

— Вы не могли бы оказать мне небольшую услугу? — спросил я.

— Смотря какую, — отозвалась она приятным низким голосом.

— Вы знаете магазин Гейгера? На этой улице, в двух кварталах отсюда.

— Что-то не припоминаю.

— Он тоже торгует книгами, — пояснил я. — Но не такими, как вы. Наверняка же знаете.

Она поджала губы и промолчала.

— Вы знаете Гейгера в лицо? — спросил я.

— К сожалению, никакого Гейгера я не знаю.

— Значит, не скажете, как он выглядит?

Еще сильнее поджала губы:

— А почему я, собственно, должна вам что-то говорить?

— Ничего вы не должны. Не хотите — не надо. Я вас не заставляю.

Она заглянула за дверь в перегородке и снова откинулась на стуле.

— У вас на жетоне звезда шерифа?

— Почетный помощник шерифа. Все это ерунда. Такому жетону —

грош цена.

— Понятно. — Она достала пачку сигарет, вытряхнула одну и ухватила ее губами. Я дал ей прикурить. Она поблагодарила, опять откинулась на стуле и посмотрела на меня сквозь дым.

— Вы хотите знать, как он выглядит, но при этом не хотите с ним разговаривать, да? — осторожно спросила она.

— Просто его нет на месте, — ответил я.

— Придет, надо думать. Это ж его магазин.

— Да и разговаривать пока что мне бы с ним не хотелось.

Она опять заглянула за перегородку.

— Вы что-нибудь понимаете в редких книгах? — спросил я.

— А что вас интересует?

— У вас есть третье издание «Бен Гура» 1860 года, с повторяющейся строкой на странице 116?

Она отодвинула в сторону уголовный кодекс, сняла с полки толстый том, положила его на стол, полистала, нашла нужную страницу и пробежала ее глазами.

— Такого издания не существует, — сказала она, не подымая головы.

— Совершенно верно.

— Не понимаю, о чем вы?

— Продавщица в магазине Гейгера этого не знала.

Она подняла голову:

— Теперь понятно. А то вы меня заинтриговали.

— Я — частный сыщик. Расследую одно дело. Может, я слишком многого от вас требую?

Она выпустила колечко дыма, проткнула его пальцем и, когда дым рассеялся, ровным, безразличным голосом произнесла:

— На вид ему за сорок. Среднего роста, полный. Весит не меньше ста шестидесяти фунтов. Толстое лицо, чаплинские усики, короткая шея. Весь какой-то рыхлый. Одевается хорошо, но ходит без шляпы, строит из себя знающего букиниста, хотя в книгах абсолютный профан. Да, еще у него искусственный левый глаз.

— Из вас вышел бы отличный сыщик.

Она поставила справочник обратно на полку, снова открыла уголовный кодекс и заметила, надевая очки:

— Не дай бог.

Я поблагодарил ее и вышел на улицу. Шел дождь. До машины, стоявшей в переулке, почти напротив магазина Гейгера, бежать пришлось довольно далеко, и я здорово промок. Прыгнув в машину, я поднял боковые

стекла и вытер сверток носовым платком. И только потом развернул его.

Что собой представляет лежавшая в свертке книга, я уже, конечно, догадывался. Тяжелая, в твердом переплете, превосходный шрифт, тонкая бумага, высококачественные фотографии во всю страницу: и фотографии, и текст абсолютно непристойные. Книга не новая. На форзаце проставлены даты выдачи. Изощренная порнография — на вынос.

Я снова завернул книгу в бумагу и спрятал ее под сиденье. Чтобы сбывать такие книжонки в самом центре города, у всех на глазах, связи нужны большие. Я сидел в машине, травился табачным дымом, слушал, как стучит дождь по крыше, и размышлял.

VI

Потоки дождевой воды неслись по водостокам, разливаясь в глубокие лужи, через которые с хохотом переносили визжавших девиц огромные полицейские в непромокаемых плащах, блестящих, словно пушечные стволы. Дождь глухо барабанил по крыше машины, с потолка закапало, и вскоре у меня под ногами образовалась небольшая лужица. Обычно такие проливные дожди начинаются позже. Я накинул пальто, сбегал в ближайшую аптеку, купил бутылку виски и, вернувшись в машину, стал «греться». Время стоянки давно уже было просрочено, но полицейским, таскавшим через лужи девиц и залиvisto свистевшим в свистки, было не до меня.

Несмотря на непогоду (а может, пользуясь ею), в книжной лавке Гейгера шла бойкая торговля: к дверям то и дело подкатывали роскошные лимузины, и хорошо одетые люди — отнюдь не только мужчины — исчезали внутри и поспешно выходили со свертками в руках.

Он появился часа в четыре. У входа в магазин остановился двухместный автомобиль кремового цвета, и из него выскочил приземистый мужчина с обрюзгшим лицом и чаплинскими усиками. Был он без шляпы, в зеленом кожаном плаще с поясом. Искусственный у него глаз или нет, я не разобрал. Вскоре из магазина вышел высокий смазливый парень в короткой кожаной куртке, сел за руль двухместного автомобиля, отъехал за угол и пешком вернулся обратно. Его мокрые черные волосы блестели под дождем.

Прошел еще час. Стемнело, и улица осветилась тусклым светом витрин. Сердито перезванивались трамваи. В начале шестого тот же высокий парень в куртке вышел из книжного магазина, раскрыл зонт и отправился за машиной. Когда кремовый двухместный автомобиль остановился у двери, из магазина вышел Гейгер, и парень, держа зонт у него над головой, проводил его до машины. Гейгер сел за руль, а парень сложил зонтик, стряхнул с него дождевую воду, передал в машину и убежал обратно в магазин. Я включил зажигание.

Гейгер поехал налево, и мне пришлось, грубо нарушив правила, сделать левый поворот, отчего я нажил немало врагов, среди которых оказался и водитель автобуса; он высунулся из кабины и смачно выругался. Пристроившись за кремовой малолитражкой, я постепенно стал ее догонять. По всей вероятности, Гейгер ехал домой. На какое-то время я

потерял его из виду, но потом заметил, что двухместный автомобиль свернул на Лорел-кэньон. Еще один лихой поворот, и я вслед за ним очутился на Лаверн-террас, узкой улочке, по одну сторону которой тянулась насыпь, а по другую, в низине, за живой изгородью, стояли утопавшие в зарослях кустарника маленькие коттеджи. Кроны деревьев набрякли от дождя.

Гейгер ехал с включенными фарами, я — без. Прибавив скорость, я обогнал его на вираже, мельком бросил взгляд на номер дома, мимо которого проехал, и, развернувшись в конце квартала, остановился. Гейгер остановился еще раньше и теперь загонял машину в гараж возле небольшого коттеджа, входная дверь которого из-за разросшейся живой изгороди была совершенно не видна. Я заметил, как он вышел под зонтиком из гаража и исчез в кустах. Судя по его виду, он не подозревал, что за ним следят. В окнах коттеджа зажегся свет. Подъехав к соседнему с гейгеровским дому, который, похоже, пустовал, хотя объявления о продаже видно не было, я заглушил мотор, приспустил боковое стекло, отхлебнул виски и стал ждать. Чего — неизвестно. Что-то, однако, подсказывало мне, что подождать стоит. Опять лениво потянулось время.

В гору, одна за другой, поднялись две машины. Потом вновь все стихло. В начале седьмого в морозящем дожде опять показались фары. Машина остановилась у дома Гейгера. К тому времени уже совсем стемнело. Фары вспыхнули в темноте и погасли. Распахнулась дверца, и из машины вышла женщина. Маленькая, стройная, в шляпке и прозрачном дождевике. Зашла за изгородь, позвонила в дверь. Дождь заглушил трель звонка. Дверь за ней закрылась, и опять наступила тишина.

Прихватив фонарь, я подошел к ее машине, бордовому или темно-коричневому «паккарду» с откидным верхом и приспущенным стеклом на левой двери, осветил регистрационный талон: «Кармен Стернвуд, 3765, Алта-Бриа-Креснт, Уэст-Голливуд» — и опять вернулся на свой наблюдательный пост. Сидеть надоело, на колени с потолка капало, в животе жгло от выпитого виски. Больше машин не было. И света в нежилом доме, возле которого я остановился, тоже не было. Тихое место — словно специально создано для темных делишек.

В половине восьмого темные окна гейгеровского коттеджа внезапно озарились вспышкой ослепительно белого света. Когда дом вновь погрузился во мрак, до меня донесся сквозь шелест мокрых листьев истошный крик. В следующую секунду я был уже на ногах.

Ужаса в крике не было. Скорее в нем был тупой, какой-то умильный даже, хмельной испуг, что бывает у запойных алкоголиков или дебилов. Я

тут же представил себе людей в белых халатах, зарешеченные окна и узкие железные койки с кожаными ремнями, в которые продеваются запястья и лодыжки. В доме стояла мертвая тишина. Я нашел проем в живой изгороди и крадучись подошел к входной двери. На двери была выбита львиная пасть, а из нее торчало кольцо, использовавшееся вместо дверного молотка. Не успел я за него взяться, как в доме, словно по сигналу, грянуло три выстрела подряд. Затем послышался звук, напоминавший тяжелый, хриплый вздох, глухой шум падающего тела и быстрые шаги.

Дверь выходила на узкую дорожку, которая, точно мостик через лощину, протянулась от стены коттеджа до склона горы. На задний двор попасть было невозможно: не было ни крыльца, ни площадки. Задняя дверь выходила в узкий проулок, куда надо было спускаться по деревянной лесенке. По ней кто-то быстро сбежал, потом взревел мотор, и все стихло. Мне показалось, правда, что вслед за первой машиной из проулка выехала еще одна, но я мог и ошибиться. В доме было тихо, как в склепе. Теперь можно не спешить. Сделанного, как говорят, не воротишь.

Окно было зашторено, но жалюзи на нем спущены не были, и я, забравшись на забор, отделявший один участок от другого, попытался заглянуть в просвет между шторами, но ничего, кроме освещенной стены и края книжного шкафа, не увидел. Тогда я слез с забора и, разбежавшись, изо всех сил врезался плечом во входную дверь. Ничего глупее придумать было нельзя, ибо в Калифорнии в дом можно войти в любую дверь, кроме входной. Ушибив плечо и придя в бешенство, я опять залез на забор, выбил ногой оконное стекло и, воспользовавшись шляпой, как перчаткой, вынул осколки. Затем, дотянувшись до нижнего шпингалета (верхнего, по счастью, не оказалось), я поднял его и, раздвинув занавески, влез в дом.

Двое находившихся в комнате людей не обратили на меня никакого внимания, хотя мертв из них был только один.

VII

Комната была очень большой, во всю ширину дома, с низким потолком и коричневыми оштукатуренными стенами, завешанными китайской вышивкой и китайскими же и японскими гравюрами в деревянных рамках. По стенам стояли низкие книжные шкафы, а на полу раскинулся розовый китайский ковер, такой толстый, что в ворсе легко могла бы спрятаться крыса. На полу валялись подушки, повсюду были разбросаны какие-то обрезки шелковой материи, как будто хозяин дома постоянно что-то теребил в руках. На широком низком диване, обитом старой розовой декоративной тканью, валялась смятая одежда, в том числе лиловое шелковое женское белье. В комнате было несколько торшеров: один большой, на резной ноге, и два поменьше, с темно-зелеными абажурами и длинными кистями. За черным письменным столом с деревянными фигурками по углам стоял полированный черный стул с резными подлокотниками, на котором лежала желтая атласная подушечка. В нос, стоило мне войти, ударил терпкий запах пороха и тошнотворный — эфира.

В углу, на небольшом возвышении, стоял стул из тикового дерева с высокой спинкой, а на стуле, застеленном оранжевой шалью с бахромой, в позе египетской богини, очень прямо, положив руки на подлокотники, сдвинув колени, уставившись в одну точку и обнажив хищные белые зубы, сидела мисс Кармен Стернвуд. Глаза широко открыты. Темный зрачок почти без остатка растворился в синевато-серой радужной оболочке. Безумный взгляд. Вид такой, словно девушка либо находится без сознания, либо обдумывает что-то очень важное. Из полуоткрытого рта вырывался странный звук, напоминающий сухой, металлический смешок, однако на выражении лица смех этот совершенно не отражался, даже губы не шевелились.

Если не считать длинных нефритовых серег, очень красивых, стоивших никак не меньше нескольких сот долларов, мисс Кармен Стернвуд пребывала совершенно нагой.

Тело у нее было замечательное: гибкое, крепкое, округлое, блиставшее при свете лампы, словно жемчуг. Ноги тоже очень красивые, хотя в них и не было той манящей, несколько вульгарной красоты, какой отличались ножки миссис Риган. Нагое тело Кармен странным образом не вызывало у меня ни смущения, ни желания. Ощущение было такое, будто передо мной сидит не молодая, весьма соблазнительная обнаженная женщина, а кукла.

Именно такой она и сохранилась в моей памяти.

Я перевел взгляд на Гейгера. Хозяин дома лежал на спине, за ковром, возле предмета, очень напоминавшего индейский тотемный столб. Профиль у тотемного столба был орлиный, а огромный круглый глаз, он же фотообъектив, был направлен на сидевшую на стуле обнаженную девушку. Сбоку к фотообъективу была прикреплена затемненная лампа-вспышка. Гейгер был в подбитых войлоком китайских домашних туфлях, в черных шерстяных пижамных брюках и в расшитой драконами и залитой кровью китайской домашней куртке. Лежал он на спине и весело таращился на меня своим широко раскрытым искусственным глазом. Судя по всему, все три выстрела пришлись в цель. Гейгер был мертв и не скрывал этого.

Теперь все стало на свои места. Сверкнувшая в окне молния была фотовспышкой, а истошный крик, который я услышал, сидя в машине, — реакцией на вспышку голый, одурманенной наркотиками девицы. Что же касается трех выстрелов, то это, вероятно, была попытка несколько разнообразить привычный сценарий. Попытку эту предпринял, по всей видимости, тот самый тип, что сбежал в проулок по черной лестнице, сел в машину и уехал. Что же, понять его было можно.

На красном лакированном подносе, на самом углу черного письменного стола, стояли два бокала из тонкого стекла с золотыми прожилками, а рядом — пузатая фляжка с какой-то коричневой жидкостью. Я вынул пробку и понюхал: эфир и что-то еще, возможно опиум. Сам я никогда этой отравы не пил, но для того дела, каким промышлял Гейгер, опиум подходил как нельзя лучше.

По оконному стеклу и по крыше стучал дождь. Ни автомобильной сирены, ни шума мотора слышно не было — только дождь. Я подошел к дивану, скинул пальто и, порывшись в вещах девушки, нашел бледно-зеленое шерстяное платье с короткими рукавами. С бельем я решил не возиться — и не потому, что боялся смутить ее, а потому, что не мог себе представить, как буду надевать на нее трусики, застегивать лифчик. Прихватив шерстяное платье, я подошел к стоявшему на возвышении стулу. От мисс Стернвуд на расстоянии нескольких шагов разило эфиром. Она по-прежнему издавала странный звук, напоминавший сухой, металлический смех, а по ее подбородку катилась пена. Я несильно ударил ее по щеке. Смех прекратился. Я ударил ее еще раз:

— Очнись. Будем одеваться.

— Пшелтызнаешькуда, — пробормотала она, уставившись на меня совершенно бессмысленными, пустыми глазами.

Я ударил ее еще несколько раз, но она на пощечины абсолютно не

реагировала. Тогда я стал надевать на нее платье. К этому она тоже отнеслась совершенно безразлично: не сопротивлялась, когда я поднял ей руки, и даже, как бы в шутку, широко расставила пальцы. Я надел платье ей на голову, продел руки в рукава, натянул платье на спину и поднял ее. Она захихикала и повалилась мне на грудь. Я опять усадил ее на стул и надел на нее чулки и туфли.

— Пойдем погуляем, — сказал я. — Немножечко пройдемся.

И мы прошлись по комнате, хотя прогулкой назвать это было трудно; скорее уж какой-то танец — наверное, танго, когда приходилось тащить ее на себе, или классический балет, когда, взявшись за руки, мы, словно по команде, расходились в разные стороны. Мы дошли до Гейгера и вернулись назад. Я повернул ее лицом к труп; покойник ей явно очень понравился, она захихикала и хотела что-то сказать, но вместо этого издала лишь какой-то нечленораздельный звук. Потом я подвел ее к дивану и уложил. Она пару раз икнула, опять захихикала и уснула, а я распихал ее белье по карманам и подошел к фотообъективу. Камера в объектив была вставлена, но в самой камере отсутствовала кассета для фотопластинок. Я поискал кассету на полу, решив, что Гейгер, пока был жив, сам ее вынул, но на полу кассеты не было. Тогда, взяв покойника за вялую ледяную руку, я немного сдвинул тело, но и под Гейгером кассеты не оказалось. Это мне совсем не понравилось.

Я вышел в коридор и стал осматривать дом. Справа я увидел две двери — одна вела в ванную, другая была заперта; сзади дверь в кухню. Кухонное окно взломано, жалюзи отсутствуют, а на подоконнике, в том месте, где сорвали шпингалет, глубокая вмятина. Дверь в конце коридора оказалась не заперта, и я заглянул в чистенькую, стильную, по-женски обставленную спальню. На постели — покрывало с оборками, на туалетном столике с трюмо — духи, носовой платок, мелкие деньги, несколько мужских расчесок, брелок с ключами. В стенном шкафу — мужская одежда, а из-под покрывала с оборками выглядывали мужские шлепанцы. Комната мистера Гейгера. Прихватив ключи, я вернулся в гостиную и занялся письменным столом. В нижнем ящике я нашел запертую металлическую коробку. Подобрал к ней ключ, я открыл ее, однако внутри обнаружил лишь записную книжку в синем кожаном переплете с зашифрованными записями. Почерк такой же, как на конверте, присланном генералу Стернвуду, — косые печатные буквы. Я сунул записную книжку в карман, стер с металлического ящика отпечатки пальцев, запер письменный стол, выключил искусственный камин, надел пальто и попытался разбудить мисс Стернвуд. Нереально. Тогда, нахлобучив ей на голову шляпку и натянув на

нее дождевик, я взял ее на руки и отнес в машину. Потом вернулся, потушил свет, захлопнул входную дверь, достал, порывшись в ее сумочке, ключи от «паккарда» и включил зажигание. По улице мы проехали, не зажигая фар. Через десять минут мы были уже в Алта-Бриа-Креснт. Дорогой Кармен громко храпела, дышала мне в лицо эфиром и все норовила положить голову мне на колени.

VIII

В особняке Стернвудов за узкими окнами со свинцовыми переплетами тускло горел свет. Я остановил «паккард» у ворот и, вывернув карманы пальто, сложил на сиденье вещи девушки. Кармен мирно посапывала в углу: шляпка съехала ей на нос, из прорезей дождевика безжизненно свисали руки. Я вышел из машины и позвонил в дверь. Откуда-то, очень издали, слышались неторопливые шаги. Дверь открылась, и на пороге вырос прямой как жердь старый дворецкий. При электрическом свете от его серебристой шевелюры исходило какое-то волшебное сияние.

— Добрый вечер, сэр, — вежливо сказал он, поглядев сначала на «паккард», а потом прямо мне в глаза.

— Миссис Риган дома? — спросил я его.

— Нет, сэр.

— А генерал, надо полагать, спит?

— Да, в это время он всегда спит.

— А служанка миссис Риган на месте?

— Матильда? Да, она здесь, сэр.

— Пусть спустится. Боюсь, без женских рук нам не обойтись. Загляните в машину, и вы поймете, в чем дело.

Дворецкий послушно заглянул в машину и обернулся:

— Все ясно. Пойду позову Матильду.

— Да уж, без Матильды вам не справиться. Она ей поможет.

— Мы все стараемся ей помочь, сэр.

— Плохо стараетесь, — буркнул я.

Дворецкий и глазом не моргнул.

— Что ж, спокойной ночи, — сказал я. — Передаю ее вам из рук в руки.

— Большое спасибо, сэр. Позвольте, я поймаю вам такси.

— Не позволю. И вообще меня здесь не было. Я вам приснился.

Тут дворецкий наконец улыбнулся, кивнул своей седой головой, а я повернулся и спустился по аллее обратно к воротам.

Пройдя не меньше десяти кварталов по петляющим, залитым дождем улицам, под деревьями, с которых стекала вода, мимо больших, ярко освещенных, утопающих в зелени особняков, мимо маячивших высоко в горах фронтонов, карнизов и светящихся окон, далеких и недостижимых, словно волшебные замки, я наконец вышел к залитой ослепительным и

никому не нужным светом бензоколонке, где за запотевшим стеклом со скучающим видом сидел на табуретке и читал газету служащий в белой кепке и темно-синей куртке. Я решил было перекинуться с ним словом, но потом раздумал и пошел дальше. Я уже промок до нитки, но ловить в такую погоду такси — значит себя не уважать. Да и таксистов тоже.

Через полчаса быстрой ходьбы я дошел до дома Гейгера. Улица по-прежнему пустовала, только у соседнего дома одиноко, с видом заблудившейся собаки стояла моя машина. Я вытащил из кабины недопитую бутылку виски, отхлебнул из нее и сел покурить. Сделав несколько затяжек, я выбросил окурочок, вылез из машины и направился к дому Гейгера. Отпер дверь, вошел в темную, не успевшую еще остыть гостиную, некоторое время постоял, прислушиваясь к шуму дождя и оставляя мокрые следы на ковре, а затем нащупал выключатель и зажег свет.

На стене — это сразу бросилось в глаза — не хватало двух-трех китайских вышивок, вместо них на выкрашенной в коричневый цвет штукатурке зияли пустоты. Я двинулся дальше, включил торшер и посмотрел на фотообъектив. Под ним рядом с китайским ковром был расстелен еще один ковер. Раньше его не было. Раньше на этом месте лежало тело Гейгера. А теперь — ковер.

Потрясенный, я замер и, криво улыбнувшись, тупо уставился в искусственный «глаз» фотообъектива, после чего, немного придя в себя, опять отправился гулять по дому. Все стояло на своих местах, только Гейгера нигде не было — ни на застеленной покрывалом с оборками кровати, ни под ней, ни в стенном шкафу, ни на кухне, ни в ванной. А может, тело в запертой комнате, справа? Подобрал ключ, я открыл дверь и вошел. Убитого не было и здесь, но комната показалась мне интересной. И прежде всего тем, что была полной противоположностью комнате Гейгера: никаких безделушек, оборок, ковров; обстановка скромная, по-мужски неприхотливая: натертый воском деревянный пол, пара циновок с индийским орнаментом, два стула, темное бюро с откидной крышкой, а на нем — две черные свечи в высоких медных подсвечниках. Постель узкая, жесткая, крытая бордовым батиком. Поежившись, я вышел, запер комнату, вытер носовым платком ручку двери и, вернувшись в гостиную и внимательно осмотрев ковер, обнаружил две едва заметные бороздки на ворсе — как будто кого-то волокли по ковру за ноги. Что ж, тому, кто пытался вытащить труп за дверь, не позавидуешь, ведь нет ничего тяжелей покойников — даже несчастная любовь, и та легче.

На полицию не похоже. Они бы еще были здесь: делали замеры,

фотографировали, снимали отпечатки пальцев, пыхтели своими дешевыми сигарами. Кто-кто, а полиция не торопится. Убийца? Тоже вряд ли. Он слишком быстро удрал — должно быть, заметил девчонку и испугался: а вдруг она, несмотря на свое состояние, его видела? Сейчас он, наверное, уже далеко. Я бы не удивился, если бы кому-то было выгодно не только убить Гейгера, но и спрятать тело. А значит, у меня есть шанс найти убийцу без посредничества Кармен Стернвуд. Я опять запер входную дверь, вдохнул жизнь в свою застоявшуюся машину и отправился домой — принять душ, переодеться и поужинать. Чистый, сухой и сытый, я развалился в кресле и, потягивая пунш, попытался прочесть зашифрованные слова в синей записной книжке. Шифр я не разгадал, но пришел к выводу, что это, вероятней всего, фамилии и адреса гейгеровских клиентов, которых я насчитал больше четырехсот — неплохой бизнес, а уж какие возможности для шантажа! Этим, надо думать, убитый тоже не брезговал. А стало быть, любой клиент Гейгера, из тех, чьи адреса попали в его записную книжку, в принципе мог быть его потенциальным убийцей. Да, полиции, если она возьмется за это дело, можно только посочувствовать.

Спать я пошел сильно нетрезвый и расстроенный, и мне всю ночь снился человек в залитой кровью домашней куртке с драконами, который гонялся за голой девушкой с длинными нефритовыми серьгами в ушах; я же бежал следом и пытался их сфотографировать пустым фотоаппаратом.

IX

Когда я проснулся, ярко светило солнце. На улице было ясно, в голове — туман, во рту — помойка. Я выпил две чашки кофе и развернул утренние газеты. Про Артура Гуинна Гейгера ни в одной из них не говорилось ни слова. Только я вытащил на свет свой отсыревший, измятый костюм, как раздался телефонный звонок. Звонил Берни Олс, старший следователь окружной прокуратуры, тот самый, что рекомендовал меня генералу Стернвуду.

— Как самочувствие? — начал он голосом человека, у которого хорошее пищеварение и нет долгов.

— Вчера перепил, — буркнул я в ответ.

— Так, так. — Олс рассмеялся и как бы невзначай — испытанный полицейский прием — спросил:

— У генерала Стернвуда уже был?

— Угу.

— Начал на него работать?

— Очень уж вчера дождь сильный был, — ответил я, если это можно назвать ответом.

— С этой семейкой не соскучишься, — сказал Олс. — Неподалеку от Лидо, у причала, в море плавают здоровенный стернвудовский «бьюик».

Я разинул рот и с такой силой стиснул телефонную трубку, что чуть ее не раздавил.

— Вот такие дела, — весело продолжал Олс. — Новенький «бьюик». Внутри песок, вода... Да, чуть не забыл, в кабине нашли какого-то парня.

— Риган?! — спросил я, стараясь дышать как можно тише.

— Кто-кто? А, бывший бутлегер, которого женила на себе старшая дочка генерала. Не знаю, старик, я ведь этого Ригана никогда в глаза не видал. С чего бы это он вдруг решил отправиться на «бьюике» в плавание?

— Не валяй дурака, прекрасно же сам знаешь, что охотников до подобных морских процедур найдется немного.

— Не знаю, не знаю... Сейчас еду на место аварии. Если хочешь, присоединяйся.

— Охотно.

— Тогда приезжай в управление. Я у себя.

Наспех побрившись, умывшись и позавтракав, я вскочил в машину и меньше чем через час был уже в городском полицейском управлении.

Окружная прокуратура располагалась на седьмом этаже, где Олс занимал маленький, но отдельный кабинет. За письменным столом, на котором не было ничего, кроме блокнота, дешевого письменного прибора, шляпы Олса и его правой ноги, сидел среднего роста блондин с густыми светлыми бровями, спокойными глазами и ровными, белыми зубами. Внешность у него была ничем не примечательная, а между тем я слышал, что на его боевом счету девять убитых, причем троих преступников он уложил, находясь — как им казалось — в безвыходном положении.

Олс встал, спрятал в карман плоскую жестяную коробку сигар «Антракт», одну сигару сунул в рот, пожевал ее и, откинув назад голову и прищурившись, внимательно посмотрел на меня.

— Это не Риган, — сказал он. — Я проверял. Риган — здоровенный лоб, с тебя ростом, да и весит не меньше. А в «бьюике» — совсем еще молоденький парнишка.

Я промолчал.

— Почему, интересно, Риган смылся? — спросил Олс. — Ты об этом не задумывался?

— В общем, нет.

— Тот, кто незаконно промышляет спиртным, потом женится на деньгах, а потом вдруг посылает к черту красавицу жену и несколько миллионов, которые, считай, были у него в кармане, даже у меня вызывает подозрение. А ты, наверно, решил, что все это тайна?

— Угу.

— Ладно, старик, не обижайся. Делай то, что тебе поручил генерал. — Олс подошел к столу, похлопал себя по карманам и взял шляпу.

— Я Ригана не ищу, — сказал я.

Олс запер кабинет, мы спустились на стоянку, сели в небольшой синий автомобиль и поехали в сторону Сансета, время от времени оглашая окрестности оглушительной полицейской сиреной. Утро выдалось такое свежее, такое солнечное, что жизнь, если бы в голову не лезли дурные мысли, казалась бы прекрасной и безмятежной.

До Лидо по прибрежному шоссе было тридцать миль, из них десять — по забитой машинами дороге, однако Олс ухитрился преодолеть это расстояние за три четверти часа. Перед старой, выцветшей аркой Олс съехал на обочину, остановил машину, и мы вышли. За аркой тянулся, уходя в море, длинный пирс, огороженный белыми столбиками. На его дальнем конце собралась небольшая толпа, стояли люди и в арке, но на пирс их не пускал полицейский в мотоциклетном шлеме. По обеим сторонам шоссе выстроились легковые машины — в любителях острых

ощущений обоего пола недостатка, как всегда, не было. Олс предъявил полицейскому в шлеме свой жетон, и мы вышли на причал. В нос тут же ударил сильный, несмотря на прошедший ливень, залах рыбы.

— Вот она — на барже. — И Олс показал сигарой на стоявшую у причала в самом конце пирса низкую черную баржу с рулевой рубкой, как у буксира. Действительно, на палубе, переливаясь в лучах утреннего солнца, виднелась большая темная машина, с которой не успели еще снять подъемные цепи. Стрела лебедки была уже развернута и спущена на палубу. Вокруг машины столпились люди.

По скользкому трапу мы сошли на палубу. Олс поздоровался с помощником шерифа в зеленой гимнастерке и с каким-то мужчиной в штатском. Три матроса стояли, прислонившись к рубке, и жевали табак. Один из них, вероятно тот, кто лазил в воду и надевал на «бьюик» цепи лебедки, вытирал мокрые волосы грязным полотенцем.

Мы осмотрели машину. Передний бампер погнут, одна фара разбита, у второй лопнул обод, но стекло цело; на радиаторе большая вмятина, на кузове и молдингах царапины. Обшивка сидений намочла от воды и почернела, а вот колеса не пострадали.

Водитель, небольшой темноволосый парень, сидел в кабине, уткнувшись неестественно вывернутой головой в руль. Еще совсем недавно он, видимо, был хорош собой, теперь же лицо его побелело, глаза под приспущенными веками потухли, а в открытый рот набился песок. На лбу слева темнел огромный кровоподтек.

Олс сделал шаг назад, кашлянул и, раскуривая свою короткую сигару, спросил:

— Что произошло?

Помощник шерифа молча указал пальцем на стоявшую в самом конце пирса группу зевак. Один из них держался рукой за столбик разбитой ограды; белая краска сошла, и сквозь нее проступила светло-желтая, цвета свежеспеленной сосны, древесина.

— В этом месте «бьюик» в ограду врезался, — рассказал помощник шерифа. — Удар, похоже, сильный был. Здесь ведь дождь кончился рано, часов в девять вечера. Дерево внутри сухое, а значит, случилось это уже после дождя. Воды машина, видать, много набрала, а то бы удар еще сильнее был, да и отнесло бы ее подальше. Другое дело, если б не отлив, ее бы к сваям прибило. Получается, авария где-то часов в десять произошла. Может, в девять тридцать, но уж никак не раньше. Сегодня утром приходят на пирс рыбаки, смотрят — под водой машина. Мы ее тогда лебедкой и вытащили; подняли на баржу, а в кабине — труп.

Мужчина в штатском молча ковырял доски палубы носком ботинка. Вертя сигарой, словно сигаретой, Олс перевел взгляд с него на меня.

— Пьян был? — спросил он, обращаясь ко всем сразу.

Матрос, который вытирал голову полотенцем, подошел к нам, облокотился на поручни и так громко харкнул, что все повернулись к нему.

— Песку наглotalся, — пояснил он и сплюнул. — Меньше, конечно, чем покойничек, но тоже солидно.

— Может, и пьян, — отозвался помощник шерифа. — Разве трезвый в такой дождь кататься поедет?! А пьяному — море по колено.

— Пьяный! Как бы не так! — подал голос штатский. — Неужели нормальный человек, хоть бы и пьяный, станет на прямой передаче по причалу катить?! Да и на голове у него здоровенный фонарь, не видите, что ли? По мне, так это убийство.

Олс взглянул на матроса с полотенцем в руках:

— А ты что скажешь, приятель?

Тот, довольный, что к нему обратились, ухмыльнулся и заговорил:

— Мое дело маленькое, но, раз спрашиваете, могу сказать: самоубийство это, как пить дать самоубийство. Вон на причале следы от его шин до сих пор видны. А значит, шериф прав, дело уже после дождя было. Если б он медленно ехал, то заграждение бы не пробил. А он ведь, скорее всего, еще пару раз в воздухе перевернулся. Выходит, набрал скорость и на полном ходу в ограду въехал. По газам — и в воду. А голову разбил при падении.

— Ишь ты, глазастый какой, — похвалил его Олс. — Обыскали? — спросил он помощника шерифа, но тот промолчал, выразительно посмотрев на меня и на стоявших возле рулевой рубки матросов. — Ладно, потом, — спохватился Олс.

С причала по трапу сбежал маленький человечек в очках, с усталым лицом и черным портфелем в руках. Приблизившись, он снял шляпу, вытер потный затылок и стал смотреть на море с таким видом, будто не знал, где он находится и зачем его вызвали.

— Вон ваш пациент, доктор, — сказал ему Олс. — Вчера вечером нырнул с причала в воду. Часов в десять. Больше нам пока ничего не известно.

Маленький человечек с угрюмым видом посмотрел на покойника, пощупал пальцами его голову, внимательно осмотрел кровоподтек, повертел обеими руками шею, пощупал ребра. Затем поднял безжизненную руку, взглянул на ногти, подержал ее на весу и отпустил, проследив, как она падает, после чего отошел в сторону, вынул из портфеля бланки и,

подложив копирку, стал писать.

— Непосредственная причина смерти — по всей вероятности, перелом шеи, — сообщил он, продолжая писать. — А это значит, что в нем мало воды. Из этого следует, что сейчас, на воздухе он начнет довольно быстро коченеть. Советую поэтому, не откладывая, вытащить его из машины, а то потом с ним замучаетесь.

Олс встал:

— Давно наступила смерть, доктор?

— Трудно сказать.

Олс пристально посмотрел на него, потом вынул изо рта сигару и так же пристально посмотрел на нее:

— А еще врач называется! Да такие вещи на следствии за пять минут выясняются!

Маленький человечек кисло улыбнулся, сунул бланки обратно в портфель и спрятал карандаш:

— Если только он вчера вечером обедал, я смогу ответить на ваш вопрос — но не через пять минут, естественно.

— А кровоподтек откуда взялся? При падении?

Человечек еще раз осмотрел труп:

— Нет, не похоже. Удар нанесен каким-то посторонним предметом. Гематома образовалась еще до наступления смерти.

— Дубинкой, стало быть, огрели?

— Очень возможно.

Человечек снова кивнул, нагнулся за своим портфелем и поднялся по трапу на причал. Под арку задним ходом въезжала «скорая помощь». Олс посмотрел на меня.

— Пошли, — сказал он. — Стоило в такую даль ехать!

Мы поднялись на пирс, вышли на шоссе, и Олс, развернувшись, поехал обратно в город по чисто вымытому дождем трехрядному шоссе, мимо поросших розовым мхом бело-золотых песчаных дюн, за которыми, ныряя в волны и взмывая в небо, носились чайки, а у маячившей на горизонте белой яхты вид был такой, будто она свешивается с неба.

— Знаешь его? — скосив на меня глаз, бросил Олс.

— Конечно. Шофер Стернвудов. Еще вчера я видел, как он мыл этот самый «бьюик».

— Прости, Марло, что вмешиваюсь, но скажи: дело, которое поручил тебе генерал, имеет отношение к этой аварии?

— Нет, я даже не знаю имени этого парня.

— Зато я знаю. Оуэн Тейлор. Хочешь, расскажу откуда? История

любопытная. Примерно год назад мы задержали его за нарушение закона Менна[4]: парень сбежал в Юту со стернвудовской младшей дочкой — смазливая девица, ничего не скажешь. Старшая сестра поехала на поиски этой парочки, привезла их обратно, а Оуэна засадила за решетку. Но на следующий же день сама явилась к Уайлду и стала уговаривать его вступить за парня перед генеральным прокурором. Сказала, что Тейлор любил сестру и собирался на ней жениться, но Кармен замуж не хотела — ей бы только выпить да погулять. В результате мы его отпустили, а Стернвуды, черт их возьми, опять взяли Тейлора к себе на работу. А через некоторое время на него пришло досье из Вашингтона, и выяснилось, что парень шесть лет назад участвовал в ограблении в Индиане и полгода просидел в той самой тюрьме, откуда сбежал Диллинджер[5]. Все это мы сообщили Стернвудам, но они и не подумали его выгнать — так он у них шофером и работал. Ну, что скажешь?

— Хорошенькая семейка, — сказал я. — Они уже про аварию знают?

— Нет еще, придется прямо сейчас к ним ехать.

— По возможности не вмешивай в это дело старика, хорошо?

— Почему, собственно?

— Он еле дышит, и потом, у него и без Тейлора проблем хватает.

— Ты имеешь в виду Ригана?

Я нахмурился:

— Говорю же тебе, про Ригана мне ничего не известно. Я Риганом не занимаюсь. Насколько я знаю, он никому ничего плохого не сделал.

— Да? — переспросил Олс и стал задумчиво смотреть на море, из-за чего чуть было не съехал в кювет. Оставшуюся часть пути он почти ничего не говорил. Меня он высадил в Голливуде, возле Китайского театра, а сам, свернув на запад, поехал в Алта-Бриа-Креснт. Я пообедал в закусочной, а потом купил свежую газету, однако и в дневном выпуске про Гейгера не было ни строчки.

После обеда я решил еще раз взглянуть на магазин Гейгера и поехал на бульвар.

Х

Худой черноглазый ювелир стоял у входа в свой магазин в такой же позе, как и накануне. Когда я появился, он бросил на меня такой же многозначительный взгляд. Ничего не изменилось и в книжной лавке: та же лампа, тот же маленький секретер в углу, та же блондинка с пепельными волосами, в таком же черном, под замшу, платье, с такой же, как и в прошлый раз, фальшивой улыбочкой на лице.

— Что вам?.. — вставая мне навстречу, начала она и осеклась. Вздрогнули пальцы с серебряными ногтями. На губах заиграла натянутая улыбка. Вернее, гримаса.

— Это опять я, — весело сказал я и помахал сигаретой. — Сегодня мистер Гейгер в магазине?

— К... к сожалению, нет. Н... нет. Простите... вы... вы, кажется... хотели...

Я сдернул темные очки и мягко постучал дужкой по кисти левой руки. Я был само изящество — если только можно назвать изящным существо весом в сто девяносто фунтов.

— Вчера я морочил вам голову, — прошептал я. — Что поделаешь — работа такая. У меня кое-что для него есть. Он об этом давно мечтал.

Пальцы с серебряными ногтями нервно пробежали по пепельным волосам над маленьким, оттянутым под тяжестью клипсы ухом.

— Так вы... поставщик, — сказала она. — Знаете что... приходите завтра. Завтра, я думаю, он будет.

— Не валяйте дурака, — сказал я. — Я же его деловой партнер.

Ее глаза сузились и сверкнули зеленоватым огоньком, словно ручеек в чаще леса. Она вцепилась своими длинными ногтями себе в ладонь, придиричиво на меня посмотрела и выдохнула воздух.

— Он болен? Я мог бы зайти к нему домой, — поспешил сказать я. — Время ведь не ждет...

— Вы... вы... вы... — Блондинка лишилась дара речи и, казалось, вот-вот лишится чувств. Она дрожала всем телом, а щеки у нее тряслись, точно поднявшееся тесто. Наконец, с большим трудом, она взяла себя в руки и с трудом изобразила улыбку.

— Понимаете... — выжала она из себя. — Понимаете, его нет в городе. Поэтому... к нему домой ехать бессмысленно. Вы не могли бы... прийти сюда завтра?

Только я открыл рот, чтобы ей возразить, как дверь в перегородке приоткрылась и из-за нее выглянул высокий смуглый красивый парень в короткой кожаной куртке с бледным лицом и плотно сжатыми губами. Увидев меня, он тут же захлопнул дверь снова, однако я успел заметить деревянные ящики, стоявшие на полу у него за спиной. Они были выложены газетами и как попало набиты книгами. Упаковывал ящики какой-то тип в новеньком комбинезоне: товар Гейгера переправлялся в укромное место.

Когда дверь в перегородке закрылась, я опять водрузил на нос темные очки и, приподняв шляпу, сказал блондинке:

— Что ж, завтра так завтра. С удовольствием вручил бы вам свою визитную карточку, но вы же сами понимаете...

— Да-да, понимаю. — Блондинка опять вздрогнула и издала, надув ярко накрашенные губки, какой-то едва слышный свистящий звук, а я вышел на улицу, прошел по бульвару до перекрестка, повернул за угол и по узкой, параллельной бульвару улочке подошел к магазину сзади. Перед дверью в книжную лавку стоял небольшой фургон черного цвета с решетчатыми бортами. Тип в новеньком комбинезоне выносил из магазина ящики и складывал их в кузов. Я вернулся на бульвар, прошел квартал в сторону гейгеровского магазина и увидел стоящее у пожарного крана такси. За рулем сидел румяный парень и читал комиксы.

Я просунул голову в машину, показал таксисту доллар и сказал:

— Покатаемся? Надо одного типа выследить.

Он осмотрел меня с ног до головы:

— Сыщик?

— Частный.

Таксист заткнул журнал за зеркало заднего вида и с улыбкой сказал:

— Годится. Эта работа по мне, шеф.

Я сел в такси, мы свернули с бульвара в переулок и остановились против заднего входа в магазин Гейгера, рядом с еще одним пожарным краном.

Сложив в кузов десятка полтора ящиков, тип в новеньком комбинезоне закрыл задние дверцы фургона, поднял подножку и сел в кабину.

— За ним, — скомандовал я таксисту.

Тип в комбинезоне завел мотор, зыркнул глазами по переулку и, проехав назад, свернул налево. Свернули и мы. Я заметил, что фургон повернул в сторону Франклина, и велел таксисту догнать его, но, когда мы доехали до Франклина, фургон опережал нас уже квартала на два. По дороге на Вайн, в самом Вайне и всю дорогу до Вестерна фургон маячил

далеко впереди. Дорога была забита, и моему краснощекому шоферу никак не удавалось сократить дистанцию. Я сделал ему внушение, но тут фургон, оторвавшийся от нас на весьма почтительное расстояние, свернул опять, на этот раз на Британни-плейс. Когда же вслед за ним свернули туда и мы, грузовик исчез.

Краснощекий промямлил через стеклянную перегородку что-то в свое оправдание, и мы поехали в гору со скоростью четыре мили в час, вертя головами во все стороны — а вдруг фургон спрятался в кустах? Через два квартала, на перекрестке Британни-плейс с Рэнделл-плейс, перед нами вырос белый многоэтажный жилой дом, который своим фасадом выходил на Рэнделл, а въездом в подземный гараж — на Британни. Мы медленно ехали мимо дома, и таксист уговаривал меня, что фургон не мог далеко уехать, но тут, повернув голову, я, совершенно неожиданно, увидел, что фургон с открытой задней дверцей стоит под аркой белого здания, у въезда в гараж.

Мы обогнули дом, остановились у подъезда, и я вошел внутрь. В холле было пусто, домофон отсутствовал, над стоявшим у стены письменным столом тянулся длинный ряд выкрашенных в золотистый цвет почтовых ящичков. Я пробежал глазами фамилии жильцов. Квартиру под номером 405 занимал некто Джозеф Броди. В свое время некто Джо Броди получил от генерала Стернвуда пять тысяч долларов за то, чтобы он, Джо, отстал от Кармен и занялся какой-нибудь другой девицей. Возможно, владелец квартиры номер 405 Джозеф Броди и вымогатель Джо Броди — одно и то же лицо. Возможно, и даже очень.

Я прошел вдоль стены к шахте лифта. Его крыша находилась на одном уровне с полом. Наверх вела выложенная кафелем лестница. Рядом была дверь с надписью «Гараж». Я открыл ее и по узким ступенькам спустился в подвал. Дверь лифта была открыта. Тип в новеньком комбинезоне, тяжело дыша, грузил в кабину ящички с книгами. Я остановился поодаль, закурил и стал наблюдать, как он носит книги. Ему это явно не понравилось.

— Смотри, как бы перевеса не получилось, — сказал я, помолчав. — Больше полутонны этот лифт не подымает. Кому товар везешь?

— Броди, в четыреста пятую, — ответил грузчик. — А ты кто, управляющий?

— Он. Добра, я вижу, тут хватает.

— Тоже мне добро. Книги это, — буркнул грузчик, метнув на меня злобный взгляд светлых, с белым ободком глаз. — Каждая коробка, считай, сто фунтов весит. Что ж мне их, на своем горбу носить?

— Главное, чтоб перевеса не было, — повторил я.

Загрузив шесть ящиков, он вошел в лифт и захлопнул дверцы, а я поднялся в холл, вышел на улицу, сел в такси и поехал в центр, к себе в контору. Краснощекому я заплатил гораздо больше, чем он заслуживал, а он в благодарность вручил мне свою измятую визитную карточку, которую я против обыкновения не стал выбрасывать в стоявшую у лифта керамическую вазу с песком.

На седьмом этаже я снимал под контору полторы комнаты. Полторы, потому что одна комната была перегороджена на собственно кабинет и приемную. На двери, ведущей в приемную, значилась моя фамилия — только фамилия и ничего больше. Дверь в приемную я никогда не запираю, чтобы было где меня подождать, если клиент явится в мое отсутствие.

Клиент явился в мое отсутствие.

XI

Она была в бежевом в горошек шерстяном костюме, в рубашке мужского покроя с галстуком и в тупоносых туфлях на низком каблучке. Чулки такие же тонкие, как и накануне, но юбка на этот раз прикрывала колени. Блестящие черные волосы выбивались из-под маленькой шляпки с пером, стоившей никак не меньше пятидесяти долларов, хотя на первый взгляд кажется, что такую шляпку без всякого труда можно соорудить одной рукой из листа бумаги.

— Лучше поздно, чем никогда! — воскликнула она и, безглаголиво сморщив нос, оглядела нехитрую обстановку моей приемной: обитая красной, полинявшей материей тахта, два не слишком уютных кресла, давно не стиранные тюлевые занавески на окнах и детский столик с серьезными — для вида — журналами.

— А я уж решила, что вы работаете в постели — как Марсель Пруст.

— Кто это такой? — Я сунул в рот сигарету, закурил и посмотрел на нее. Лицо бледное, встревоженное, но собой владеет неплохо.

— Французский писатель, живописал пороки. Вы его не знаете.

— Какая жалость, — огорчился я. — Ну-с, прошу в мой будуар.

Она встала:

— Мы с вами вчера не поладили. Возможно, я погорячилась.

— Мы оба погорячились, — откликнулся я, открыл дверь и пропустил миссис Риган внутрь. Кабинетом я тоже похвастаться не мог: ковер не первой молодости, да еще какого-то бурого цвета; в углу пять зеленых ящичков с картотекой, в основном — по Калифорнии; на стене отрывной календарь, на котором изображены катающиеся по небесно-голубому ковру пятеро малюток-близнецов в розовых платьицах, с каштановыми волосами и живыми черными глазенками величиной со спелую сливу. В кабинете было также три стула под орех, стандартный письменный стол с блокнотом, чернильным прибором, пепельницей и телефоном, а у стола — скрипучий вращающийся стул, тоже стандартный.

— У вас могло бы быть и поуютнее, — изрекла миссис Риган, садясь к столу.

Я подошел к почтовому ящичку, извлек оттуда шесть конвертов (два письма и четыре рекламных объявления), повесил шляпу на телефон, сел за стол и сказал:

— У Пинкертонов тоже неудобно, не думайте. Нашей профессией

много не зарабатываешь, если, конечно, не жульничать. Когда в кабинете сыщика уютно, это означает, что сыщик богат или же рассчитывает разбогатеть.

— Так вы, значит, не жульничаете? — Она открыла сумочку, достала из французского эмалевого портсигара сигарету, вынула зажигалку, закурила, побросала портсигар и зажигалку обратно в сумку и опустила ее на колени, не закрывая.

— Упаси бог.

— Почему же тогда вы избрали такую нечистоплотную профессию?

— А почему вы вышли замуж за бутлегера?

— Господи, давайте не будем снова ссориться. Я все утро пытаюсь вам дозвониться. И сюда звонила, и на квартиру.

— По поводу Оуэна?

Она нахмурилась и тихим голосом проговорила:

— Бедный Оуэн. Стало быть, вы все знаете?

— Следователь из окружной прокуратуры сегодня утром возил меня в Лидо. Он думал, что я в курсе дела, а оказалось, сам он знает куда больше меня. Например, ему известно, что в свое время Оуэн хотел жениться на вашей сестре.

Миссис Риган молча курила, поедая меня своими пронзительными черными глазами.

— А что, это было бы совсем не так уж плохо, — быстро проговорила она. — Он ведь любил ее, а такое в нашем кругу встречается не часто.

— Да, но он сидел.

— Подумаешь, были бы связи — не сидел бы, — небрежно бросила она, пожав плечами. — В этой бандитской стране связи решают все.

— Ну, это вы, положим, преувеличиваете.

По-прежнему не сводя с меня глаз, она стянула перчатку с правой руки и прикусила палец:

— Я к вам пришла не из-за Оуэна. Скажите, вы по-прежнему отказываетесь рассказать мне, по какой причине вас вызвал отец?

— Только с его разрешения.

— Из-за Кармен?

— Даже этого не могу вам сказать. — Я кончил набивать трубку и поднес к ней спичку. Некоторое время миссис Риган молча смотрела на дым, а потом опять полезла в сумочку, достала оттуда толстый белый конверт и бросила его на стол:

— Полюбуйтесь.

Я взял конверт в руки. Адрес напечатан на машинке: «Миссис Вивьен

Риган, 3765, Алта-Бриа-Креснт, Уэст-Голливуд». Отправлено письмо не почтой, а с посылным. Время отправки: восемь тридцать пять утра. Я открыл конверт и вынул оттуда глянцевую фотографию размером 4,25x3,25 дюйма.

Фотографию Кармен. Девушка восседала на возвышении, на гейгеровском стуле из тикового дерева с высокой спинкой. В ушах — сережки, одета в костюм Евы, глаза — еще безумнее, чем в жизни. На оборотной стороне ничего не написано.

— И сколько же такая фотография стоит? — спросил я, вкладывая снимок обратно в конверт.

— Пять тысяч — за негатив и за все отпечатанные копии. Денег она требует сегодня же, в противном случае грозит передать фотографию в какую-нибудь бульварную газетенку.

— Кто «она»?

— Через полчаса после того, как принесли письмо, по телефону позвонила какая-то женщина.

— Насчет бульварной газетенки можете не волноваться. Если эта женщина поместит фотографию, упечь ее за решетку ничего не стоит — сейчас с такими не церемонятся. Еще угрозы были?

— А вам мало?

— Да, мало.

Миссис Риган озадаченно посмотрела на меня:

— Были. Женщина сказала, что Кармен замешана в одной темной истории и, если я в течение дня не заплачу, в дальнейшем придется общаться с сестрой через решетку.

— Ясно. А что за история?

— Понятия не имею.

— Где сейчас Кармен?

— Дома. Вчера вечером она себя неважно чувствовала. Наверно, еще не вставала.

— Она вчера вечером выезжала из дому?

— Нет, уезжала я, а Кармен, по словам прислуги, сидела дома. Вчера я была в Лас-Олиндасе, играла в рулетку в «Кипарисе», игорном клубе Эдди Марса. Продулась в пух и прах.

— Вы любите рулетку? Что ж, это неудивительно.

Она положила ногу на ногу и закурила вторую сигарету:

— Да, люблю. Мы, Стернвуды, азартные: любим или в рулетку поиграть, или выйти замуж за человека, который исчезает неизвестно куда; или же принять участие в стипль-чезе и упасть с лошади, оставшись на всю

жизнь калекой. Деньги у нас есть, а вот счастья не хватает.

— Куда отправился Оуэн вчера вечером на вашей машине?

— Этого никто не знает. «Бьюик» он взял без спроса. Когда у него свободный вечер, мы всегда разрешаем ему пользоваться машиной. Но как раз вчера вечером он работал. — Она скорчила гримасу. — Вы считаете...

— А он мог знать об этой фотографии?

— Трудно сказать. Не исключено.

— Достать пять тысяч наличными можете?

— Да, но для этого пришлось бы все рассказать отцу, Правда, я могла бы одолжить эти деньги. У того же Эдди Марса, например. Уж он-то мне не откажет.

— Так и сделайте. И побыстрее.

Она откинулась на спинку кресла и закинула руку за подлокотник:

— А может, пойти в полицию?

— Идея хорошая, только вы ведь не пойдете.

— Нет?

— Нет. Ваша задача — выгородить отца и сестру. Вы же не знаете, как себя поведет полиция. Дело может принять такой оборот, что нельзя будет его скрыть, хотя обычно в случае шантажа полиция именно так и поступает.

— А вы сами могли бы что-нибудь сделать?

— Думаю, да. Но сейчас я не могу сказать вам, что именно.

— Вы мне нравитесь, — неожиданно сказала она. — Вы верите в чудеса. У вас в кабинете пьют?

Я открыл ключом ящик письменного стола, достал заветную бутылку и два стакана, разлил виски, и мы выпили. Миссис Риган защелкнула сумочку и отъехала на стуле от стола:

— Пять тысяч я достану. Одолжу у Эдди Марса, я же исправно посещаю его игорный клуб. Впрочем, он не откажет мне и еще по одной причине, о которой вы, вероятно, не знаете. — И она улыбнулась мимолетной улыбкой, одними губами: — Ведь жена Эдди — это та самая блондинка, с которой убежал Рыжий Риган.

Я промолчал. Она пытливо посмотрела на меня:

— Разве это вас не интересует?

— Интересовало бы, если б я его искал. Уж не думаете ли вы, что сюда и Рыжий Риган замешан?

Она пододвинула мне свой пустой стакан:

— Налейте еще. Из вас, я вижу, ничего не вытянешь. Гиблое дело.

Я наполнил ее стакан:

— Не скажите. Все, что надо было, вы из меня уже вытянули. Хорошо бы я был, если бы искал вашего мужа.

Она быстро поставила стакан на стол и изобразила на лице крайнее возмущение:

— Рыжий никогда не жульничал. А если и жульничал, то не для наживы. У него было пятнадцать тысяч — наличными. Говорил — на черный день. Он всегда носил эти деньги с собой — и когда на мне женился, и когда сбежал. Нет, Рыжий не из тех, кто станет заниматься грошовым вымогательством.

Она взяла со стола конверт и встала.

— Я сам с вами свяжусь, — сказал я. — Если же срочно вам понадобится, звоните на квартиру — мне передадут.

Я проводил ее до двери. Постукивая ребром конверта по костяшкам пальцев, она сказала:

— Вы по-прежнему отказываетесь говорить, что отец...

— Для этого я должен сначала с ним увидеться.

Уже в дверях она остановилась, достала из конверта фотографию сестры и стала ее разглядывать.

— Хорошая фигурка, а?

— Ничего.

Тут она придвинулась ко мне и совершенно серьезно сказала:

— У меня не хуже.

— Не знаю, не видел.

Она громко расхохоталась, вышла из кабинета и, повернув голову, сухо заметила:

— С вами не соскучишься, Марло. Я могу называть вас Фил?

— Разумеется.

— А вы можете называть меня Вивьен.

— Почту за честь, миссис Риган.

— Идите к черту, Марло! — воскликнула она и, не оборачиваясь, вышла в коридор.

Я запер за ней дверь, с минуту постоял, держась за ручку, а потом вернулся к столу, убрал виски обратно в ящик и сполоснул стаканы. Щеки пылали.

Сняв с телефона шляпу, я набрал номер окружной прокуратуры и попросил к телефону Берни Олса. Он уже вернулся и сидел в своем кабинетике.

— Старика я тревожить не стал, — отчитался он. — Дворецкий сказал, что либо он сам, либо кто-то из дочек сообщит генералу о случившемся.

Этот Оуэн Тейлор жил при гараже. Я просмотрел его вещи. Родители его живут в Дабеке, штат Айова. Я дал телеграмму тамошнему шефу полиции — поставить их в известность и узнать, не надо ли им чего-нибудь от нас. Телеграмму оплатят Стернвуды.

— Самоубийство? — спросил я.

— Неизвестно. Никаких записок Тейлор не оставил. Машину он взял без спроса. В тот вечер все Стернвуды, кроме миссис Риган, были дома. Она ездила в Лас-Олиндас с одним бездельником по имени Ларри Кобб. Я проверял, в «Кипарисе» у меня знакомый крупье.

— Давно пора прикрыть эти игорные притоны, — сказал я.

— И нажать себе врагов? Ты что, не знаешь, сколько людей этим кормится? Не валяй дурака, Марло. Что меня смущает, так это кровоподтек у парня на виске. Но тут ты мне не советчик, верно?

Типичный ход Олса. Тем самым он давал мне возможность, не покрывив душой, с ним согласиться. Мы попрощались, я вышел из кабинета, купил все три вечерние газеты и на такси доехал до полицейской стоянки, где находилась моя машина. Про убийство Гейгера газеты по-прежнему молчали. Я вновь раскрыл синюю записную книжку, но зашифрованные записи, как и днем раньше, мне никак не давались.

XII

Лаверн-террас. На выстроившихся вдоль улицы деревьях после дождя распустились свежие зеленые листья. При бледном свете заходящего солнца виден был крутой склон за домом Гейгера и спускавшаяся в проулок деревянная лестница, по которой, выпустив три пули, сбежал в темноте убийца. В проулок выходили фасадом два небольших дома. Их владельцы могли слышать выстрелы. А могли и не слышать...

Перед домом Гейгера, да и во всем квартале, было тихо, из-за живой изгороди выглядывала еще влажная от дождя черепичная крыша. Я медленно ехал мимо и тут вдруг сообразил, что накануне не заглянул в гараж. Не желая форсировать события, я, собственно, и не стремился во что бы то ни стало отыскать труп. А между тем убийца вполне мог оттащить тело в гараж и на гейгеровской же машине отвезти его в один из заброшенных каньонов, каких вокруг Лос-Анджелеса сотни, где труп пролежал бы незамеченным много дней, а то и недель. Но для этого необходимо было иметь, во-первых, ключ от гаража, а во-вторых, соучастника. В этом случае моя задача упрощалась, ведь когда из дома выносили труп, связка ключей от дома лежала у меня в кармане. Но попасть в гараж мне не удалось. На дверях висел замок, а когда я подъехал ближе, то за изгородью внезапно появилась женщина в бело-зеленом клетчатом пальто и в маленькой шляпке. Кармен Стернвуд — это была, конечно же, она — уставилась на мою машину с таким ужасом, будто не слышала, как я въезжал в гору, а затем быстро повернулась и вновь нырнула за живую изгородь.

Я доехал до конца улицы, заглушил мотор и пешком вернулся назад — в дневное время оставлять машину возле дома было неосмотрительно, даже опасно. Войдя во двор, я увидел Кармен, которая молча застыла у запертой входной двери. При виде меня ее правая рука медленно потянулась ко рту, а зубы вонзились в узкий большой палец. Под глазами лиловые круги. Лицо бледное, перепуганное.

— Привет, — улыбнувшись, сказала она тоненьким, дрожащим голоском. — Что... что... — не договорила и опять принялась за палец.

— Помните меня? — спросил я. — Джек Потрошитель. Высокий такой. Помните?

Она кивнула, и ее губы скривились в жалкой улыбке.

— Давайте войдем в дом, — сказал я. — У меня и ключ есть. Здорово,

правда?

— Что-что?

Я отодвинул ее в сторону, вставил ключ в замочную скважину, открыл дверь, втолкнул девушку внутрь, закрыл дверь и, остановившись в холле, повел носом. При свете дня гостиная выглядела ужасно. Китайские гравюры по стенам, ковер, аляповатые лампы, вычурная мебель из тикового дерева, многоцветье, посередине фотообъектив, запах эфира и опиума — во всем этом в дневное время было что-то непристойное, как в пьянке гомосексуалистов.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Она пыталась улыбнуться, но осунувшееся лицо ее не слушалось, улыбка на нем не удерживалась, куда-то сползала. Огрубевшая матовая кожа, провалившиеся глазницы, полный идиотизма и ужаса взгляд, приклеившийся к нижней губе белый кончик языка. С этой хорошенькой, избалованной и не самой умной девицей творится бог знает что, а всем на это наплевать. Будь прокляты эти миллионеры, не переносу их! Я размял сигарету, отодвинул стопку книг и присел на край стола. Потом закурил, выпустил дым и некоторое время молча наблюдал за захватывающим поединком ее зубов и большого пальца. Кармен стояла передо мной, словно провинившаяся школьница в кабинете директора.

— Что вы здесь делаете? — спросил я наконец.

Она вцепилась в рукав своего пальто и молчала.

— Помните, что было вчера вечером?

На этот вопрос она ответила с лисьим блеском в глазах:

— А что помнить? Вчера мне нездоровилось, и я сидела дома.

Только сейчас я заметил, что говорит она каким-то низким, гортанным голосом.

— Будет врать.

Ее глаза вспыхнули и тут же снова погасли.

— До возвращения домой, — пояснил я. — До того как я отвез вас домой. Что вы делали? Здесь, на этом стуле? — Я показал на стул. — На стуле, покрытом оранжевой шалью? Наверняка же помните.

Подбородок и щеки Кармен залились густым румянцем. И на том спасибо. Значит, хотя бы краснеть не разучилась. Из грязно-серой радужная оболочка сделалась белой. Большой палец еще глубже погрузился в рот.

— Выходит, это были вы? — прошептала она.

— Я. Что вы помните?

— Вы не из полиции? — вяло спросила она.

— Нет, я друг вашего отца.

— Точно не из полиции?

— Точно.

Она облегченно вздохнула:

— Что... что вам надо?

— Кто его убил?

Кармен передернула плечами, но лицо ее оставалось совершенно непроницаемым.

— Кто еще... знает? — спросила она.

— Про Гейгера? Понятия не имею. Полиция не в курсе — иначе они бы уже давно здесь околачивались. Может, Джо Броди?

Я спросил наугад, но, как выяснилось, попал в точку.

— Джо Броди! Да!

Мы оба замолчали. Я с остервенением сосал потухшую сигарету, она — большой палец.

— Только, пожалуйста, не хитрите, — взмолился я. — Говорите начистоту, все как было. Его убил Броди?

— Кого «его»?

— О господи! — вырвалось у меня.

Она обиделась. Уперлась подбородком в грудь.

— Да, — совершенно серьезно сказала она. — Это сделал Джо.

— Зачем?

— Не знаю. — Она решительно замотала головой, словно бы уговаривая себя, что и в самом деле ничего не знает.

— Вы последнее время с ним часто виделись?

Ее руки упали и сжались в маленькие белые кулачки.

— Нет, всего пару раз. Я его ненавижу.

— Так вы знаете, где он живет?

— Да.

— И вам он больше не нравится?

— Я его ненавижу!

— Значит, вы были бы не против, если б он сел за решетку?

Опять пустой взгляд. Вероятно, она за мной не поспевала. Я и сам за собой не поспевал.

— Вы беретесь сообщить полиции, что убийца — Джо Броди? — осторожно спросил я.

По ее лицу пробежала тревога.

— При условии, разумеется, что о фотографиях я молчу, — добавил я.

Она захихикала. От ее смеха мне стало не по себе. Если бы она закричала, или заплакала, или даже рухнула без чувств, это было бы

совершенно естественно. Но она хихикала. Ее, видите ли, вдруг разобрал смех. Ее фотографировали в чем мать родила, фотографию эту украли, Гейгера прямо у нее на глазах пристрелили, сама она была пьяней целой армии запойных алкоголиков — и, несмотря на все это, ей почему-то вдруг стало ужасно весело. Веселей некуда. С каждой минутой смех ее становился все громче, все залиvistее, отдавался в углах комнаты — у девушки началась истерика. Я соскочил со стола, подошел к ней вплотную и дал ей пощечину.

— То же самое было вчера вечером, — сказал я. — Хорошенькая парочка: Джек Потрошитель и Кармен Стернвуд — непревзойденные комики в поисках комедианта!

Смех прекратился, однако к пощечине Кармен отнеслась так же спокойно, как и накануне. Вероятно, она привыкла к тому, что ее били по лицу поклонники. Что ж, их можно понять. Я опять сел на край письменного стола.

— Никакой вы не Джек Потрошитель, — неожиданно совершенно серьезно сказала она. — Вы — Филип Марло, частный сыщик. Мне Вивьен говорила. Она показала мне вашу визитную карточку. — И Кармен погладила покрасневшую щеку, улыбнувшись с таким видом, будто ей ни с кем не было так хорошо, как со мной.

— Вот видите, все вы помните, — сказал я. — А сегодня вы вернулись сюда, чтобы забрать свою фотографию, но в дом попасть не смогли. Правильно я говорю?

Повела подбородком — вверх-вниз. Изобразила улыбку. Устремила на меня пристальный взгляд. Готова дружить. Ура! Еще минута — и можно будет пригласить ее прокатиться в Юту.

— Фотография исчезла, — продолжал я. — Вчера вечером, прежде чем отвезти вас домой, я искал ее по всему дому. Может, ее взял Броди? Вы насчет Броди ничего не выдумали?

Она решительно покачала головой.

— Ничего, не волнуйтесь, дело поправимое, — успокоил я ее. — Главное, помните, вы здесь не были — ни вчера, ни сегодня. Об этом не должен знать никто, даже Вивьен. А в остальном положитесь на Джека Потрошителя.

— Вас зовут не... — начала было она, но осеклась и закивала головой, соглашаясь то ли с моими словами, то ли со своими мыслями. Глаза ее сузились и стали такими же черными и непроницаемыми, как эмалированные подносы в закускойной. Ей явно пришла на ум какая-то идея.

— Мне пора домой, — сказала она таким тоном, как будто зашла ко мне на чашку чая.

— Конечно.

Я не сдвинулся с места. Кармен снова пристально посмотрела на меня и направилась к выходу. Но едва она взялась за ручку двери, как за окном послышался шум мотора. Девушка вопросительно посмотрела на меня. Я пожал плечами. Лицо Кармен исказилось от ужаса. Послышались приближающиеся шаги, раздался звонок. Не выпуская ручку двери, Кармен покосилась на меня через плечо, ловя губами воздух от страха. Звонок звонил не переставая. Потом смолк. Щелкнул замок. Кармен, как ошпаренная, отлетела от двери и застыла на месте. Дверь распахнулась. Через порог переступил неизвестный мне мужчина, остановился и спокойно, не теряя самообладания, обвел нас глазами.

XIII

За исключением до блеска начищенных черных штиблет и двух ярко-красных рубинов в шерстяном галстуке, напоминавших по форме бубны на зеленом сукне рулетки, он был весь, с головы до пят, серый. Серыми были и галстук, и сорочка, и отличного покроя двубортный фланелевый костюм. Увидев Кармен, он снял серую шляпу и обнажил пепельно-серые волосы, такие тонкие, словно их просеяли сквозь сито. В его густых серых бровях было что-то щегольское. У него был длинный подбородок, нос с горбинкой и задумчивые серые глаза, которые слегка косили из-за нависающих над веками складок кожи.

Одной рукой он касался двери, в другой держал шляпу, слегка похлопывая ею себя по ляжке. Лицо его оптимизма не внушало, хотя скорее он был похож на опытного жокея, чем на отпетого преступника. Но это был не жокей, это был Эдди Марс.

Он захлопнул дверь и сунул руку в карман пиджака, выставив наружу большой палец, ноготь которого блеснул в полумраке комнаты. А потом улыбнулся Кармен обаятельной, светской улыбкой. Девушка облизнула губы, уставилась на него и, преодолев страх, улыбнулась в ответ.

— Простите за вторжение, но я долго звонил, — сказал Марс. — Мистер Гейгер дома?

— Нет, — сказал я. — Мы не знаем, где он. Дверь была приоткрыта, мы и вошли.

Марс кивнул, коснувшись шляпой своего длинного подбородка.

— Вы его друзья, да?

— Нет, знакомые. Мы пришли по делу. За книгой.

— За книгой, говорите? — быстро сказал он и хитро прищурился, как будто хорошо знал, что собой представляют книги Гейгера. А потом снова посмотрел на Кармен и повел плечами.

— Мы, пожалуй, пойдем, — сказал я, двинувшись к двери и взяв Кармен за руку. Но она не отрываясь смотрела на Эдди Марса. Он ей нравился.

— Что-нибудь передать Гейгеру, когда он вернется? — ласково спросил Эдди Марс.

— Нет, спасибо.

— Не за что, — со значением сказал Марс и, когда я проходил мимо, посмотрел на меня в упор своими ледяными серыми глазами. — Девица

пусть сматывается, — обронил он, — а ты задержись, командир. Разговор есть.

Я выпустил руку Кармен и тупо уставился на него.

— И без глупостей, — вкрадчивым голосом добавил Марс. — В машине сидят мои люди. Слушаются меня с полуслова.

Кармен издала какой-то гортанный звук и выскочила за дверь. Слышно было, как она бежит по улице. Ее машина мне на глаза не попала — значит, она оставила ее внизу, не перекрестке.

— Какого черта... — начал было я.

— Не петушись. — Эдди Марс вздохнул. — Что-то тут не то. Надо с тобой разобраться. А будешь возникать, получишь пулю в живот.

— Какие мы грозные! — буркнул я.

— Только в экстренных случаях, командир. — Больше Эдди Марс на меня не смотрел. Он с мрачным видом расхаживал по комнате, не обращая на меня никакого внимания. Я украдкой посмотрел в разбитое окно. С улицы виднелась крыша автомобиля, слышался шум мотора.

Тем временем Эдди обнаружил на столе лиловый штоф и два бокала с золотыми прожилками, понюхал содержимое одного из бокалов, потом — штоф. Его губы скривились в язвительной улыбке.

— Сводник паршивый, — выругался он без всякого выражения, после чего окинул взглядом лежавшие на столе книги, хмыкнул, обогнул стол и остановился перед фотоаппаратом на длинном штативе. Осмотрел его, потом опустил глаза, сдвинул ногой ковер и быстро нагнулся. Замер. Затем опустился на серое колено, и его серая голова пропала из виду. Через секунду он издал возглас удивления, и серая голова появилась снова. В руке Марса сверкнул пистолет, черный «люгер». Он сжимал его в своих длинных коричневых пальцах, но целился не в меня, а куда-то в пол.

— Кровь, — сказал он. — На полу, под ковром, кровь.

— Не может быть! — удивился я.

Марс подсел к столу, придвинул к себе темно-красный телефонный аппарат, переложил «люгер» в левую руку и со свирепым видом посмотрел на телефон, сдвинув густые серые брови и наморщив крючковатый нос.

— А не вызвать ли нам полицию? — сказал он.

Я подошел к фотоаппарату и приподнял ногой ковер, лежавший на том самом месте, где раньше лежал Гейгер.

— Это старая кровь, — сказал я. — Высохшая.

— Все равно надо вызвать полицию.

— Почему бы и нет? — откликнулся я.

Марс прищурился. Куда только девался весь его внешний лоск: теперь

передо мной сидел обыкновенный, хотя и одетый с иголочки, бандит с пистолетом в руке. То, что я с ним согласился, ему не понравилось.

— А ты, собственно, кто такой будешь, командир?

— Меня зовут Марло. Я — сыщик.

— Первый раз слышу. А девчонка кто?

— Моя клиентка. Гейгер пытался ее шантажировать, вот мы и решили с ним поговорить. Но его тут не оказалось. Дверь была приоткрыта, и мы решили войти. Впрочем, я, кажется, повторяюсь.

— Какое невероятное стечение обстоятельств, — съязвил он. — Ключа нет, а дверь открыта.

— Да. Кстати, а откуда у вас ключ?

— Нехорошо вмешиваться в чужие дела, командир.

— Сегодня чужие, а завтра мои.

Марс натянуто улыбнулся и сдвинул шляпу на затылок:

— Но ведь и я могу вмешаться в твои дела, командир.

— Они того не стоят — мне мало платят.

— Чтоб ты знал, светлоглазый, дом этот принадлежит мне, а Гейгер его у меня снимает. Что теперь скажешь?

— Скажу, что жильцы у тебя — первый сорт.

— А я их не выбираю. Какая мне разница. — Тут Марс вспомнил про «люгер», повел плечами и спрятал пистолет под пиджак. — И все-таки откуда в комнате кровь, командир? Что ты по этому поводу думаешь?

— Много чего. Кто-то пристрелил Гейгера. Или же сам Гейгер кого-то пристрелил и сбежал. А может, Гейгер тут вообще ни при чем. Или же Гейгер совершал перед фотообъективом кровавые жертвоприношения. А возможно, он ел на обед цыплят, которых имел обыкновение свежевать у себя в гостиной.

Серый свирепо посмотрел на меня.

— Все, — сказал я. — Больше в голову ничего не приходит. Зови своих дружков из полиции.

— Не понял шутки, командир.

— Давай, зови легавых. То-то они обрадуются.

Марс задумался, а потом опять обнажил зубы.

— И этого я тоже не понял, — злобно сказал он.

— Бывает. Просто ты сегодня не в форме. Я знаю вас, мистер Марс. Игорный клуб «Кипарис» в Лас-Олиндасе. Рулетка: высшие ставки для высшего общества. Местная полиция в кармане, с Лос-Анджелесом полный контакт, иначе говоря, протекция. Та самая, без которой не мог обойтись и Гейгер с его подпольным бизнесом. Может, вы, мистер Марс, и устраивали

ему скромную протекцию — ведь он, как-никак, ваш жилец?

Губы Марса побелели от гнева и скривились в гримасу.

— Что еще за подпольный бизнес?

— Порнография.

Марс в упор посмотрел на меня.

— Кто-то с ним свел счеты, — вполголоса сказал он. — И ты, похоже, в курсе дела, командир. Сегодня он не явился в магазин. Там никто не знает, где он. Домашний телефон не отвечает. Вот я и приехал проверить, в чем дело. И что же я вижу? Тебя с какой-то девицей, а на полу, под ковром, — кровь.

— Звучит не очень убедительно, — сказал я. — Впрочем, может, кому-нибудь эта версия и понравится. Кое-что ты все-таки упустил. Сегодня из магазина Гейгера вывезли книги, те самые, с картинками, которые Гейгер давал читать своим клиентам.

— Черт побери, об этом я не подумал, командир, — сказал Марс, щелкнув пальцами. — Ты, я вижу, в этой истории неплохо ориентируешься. Как же, по-твоему, обстояло дело?

— Думаю, Гейгера ограбили. И убили — на полу, по всей видимости, его кровь. А тело спрятали, решив, пока его не найдут, перевезти книжки в безопасное место. Кто-то, вероятно, хочет присвоить себе подпольный бизнес Гейгера, а на это ведь время нужно.

— Напрасно они думают, что это им сойдет с рук, — мрачно заметил Эдди Марс.

— Это ты так считаешь. Ты и двое твоих людей в машине. Не обольщайся. Город вырос, теперь здесь лихих ребят хватает. Им все нипочем.

— Что-то ты больно разговорился, — сказал Эдди Марс и, ослабившись, дважды пронзительно свистнул. За окном хлопнула дверца машины, и по двору послышались быстрые шаги. Марс опять выхватил «люгер» и, приставив пистолет к моей груди, гаркнул:

— Открой дверь!

Ручка двери щелкнула и повернулась, за дверью раздался чей-то голос. Я не сдвинулся с места. Дуло «люгера» очень напоминало въезд в туннель под Секонд-стрит, но я даже не пошевелился. Странно, но до сих пор мне почему-то казалось, что я пуленепробиваем.

— Сам откроешь. Кто ты такой, чтобы мною командовать? — сказал я. — А будешь себя хорошо вести, можешь рассчитывать на мою помощь.

Марс вскочил на ноги, бросился, обогнув стол, к двери и распахнул ее, не спуская с меня глаз. В комнату, держа руки за пазухой, ввалились двое:

один с виду боксер, смазливый бледный парень с разбитым носом и похожим на разжеванный бифштекс правым ухом; второй — тощий блондин с невыразительным одутловатым лицом и бесцветными близко посаженными глазами.

— Проверьте, есть ли у этого типа пушка, — приказал им Эдди Марс.

Блондин выхватил короткоствольный револьвер и прицелился в меня, а боксер бочком, бесшумно приблизился ко мне и стал тщательно ощупывать мои карманы. Я же вертелся перед ним с грацией утомленной манекенщицы, которая демонстрирует модное вечернее платье.

— Оружия нет, — доложил боксер хриплым шепотом.

— Выясни, кто он такой.

Боксер сунул руку в мой нагрудный карман и вытащил оттуда бумажник. Раскрыл и изучил его содержимое.

— Зовут Филип Марло, — сообщил он. — Адрес: Франклин, Хобарт-Армс. Лицензия, жетон общественного помощника шерифа и так далее. Короче, сыч. — С этими словами боксер опустил бумажник обратно в мой нагрудный карман, потрепал меня по щеке и отвернулся.

— Идите, — скомандовал Эдди.

Телохранители вышли из комнаты и закрыли за собой дверь. Слышно было, как они садятся в машину и снова заводят мотор.

— Ладно, говори, — сказал Эдди Марс. Его густые серые брови были как нарисованные.

— Мне пока трудно сказать, как в точности обстояло дело, — как ни в чем не бывало продолжал я. — Ведь было бы очень глупо убивать Гейгера только для того, чтобы завладеть его бизнесом. Поэтому я не уверен, что Гейгера убили именно по этой причине. Если его вообще убили. Ясно одно: тот, кто присвоил себе его книги, в курсе событий. Ясно и другое: блондинка, работающая в гейгеровском магазине, чего-то ужасно боится. И еще. Я, кажется, догадываюсь, кто взял книги.

— Кто?

— Вот этого я пока сказать не могу. Из-за своего клиента, сам понимаешь.

Марс повел носом.

— Это... — начал было он, но сдержатся.

— А я думал, ты знаешь эту девицу, — сказал я.

— Так кто же взял книги, командир?

— Пока это тайна, Эдди. Да и почему, собственно, я должен перед тобой отчитываться?

— Вот почему, — отозвался он, кладя «люгер» перед собой на стол и

поглаживая его ладонью. — Чем не аргумент?

— Я признаю только один аргумент — деньги. Сколько платишь?

— За что?

— А что ты хочешь знать?

Марс стукнул кулаком по столу:

— Слушай, командир. Если ты будешь отвечать на мой вопрос вопросом, мы с тобой далеко не уедем. Я хочу знать, где Гейгер, по своим, сугубо личным соображениям. Его бизнес мне не нравился, и я ему протекции не составлял. Но этот дом принадлежит мне. Впрочем, не в доме дело. Я одно понял: об этой истории тебе трепаться невыгодно, иначе бы сюда уже давно нагрянули легавые. Так что торговать тебе нечем. Сдается мне, ты и сам нуждаешься в протекции. А потому давай выкладывай все как есть.

Насчет протекции он угадал, но говорить ему об этом я, естественно, не собирался. Вместо этого я закурил и швырнул спичку в объектив фотоаппарата.

— Ты прав, — сказал я. — Если с Гейгером что-то случилось, мне придется все, что я знаю, рассказать полиции. И тогда торговать будет нечем. А потому, с твоего разрешения, я пойду.

От бешенства его загорелое лицо побелело. В эту минуту Марс, кажется, был готов на все. Его рука в очередной раз легла на пистолет, но тут я, как бы между прочим, спросил:

— Кстати, как поживает миссис Марс?

В первый момент мне показалось, что я перестарался. Рука с пистолетом дернулась. Лицо окаменело.

— Ладно, проваливай, — тихо проговорил он после паузы. — Мне наплевать, как ты тут оказался и что делал. Но послушайся моего совета, командир: меня в свои дела не впутывай, а то отправишься в далекие края.

— Уж не в Ирландию ли? — хмыкнул я. — Там ведь в Клонмеле, я слышал, дружок твой родился.

Марс набычился и застыл, положив на стол локти, а я подошел к двери и, открыв ее, напоследок обернулся. Его ледяные серые глаза неотступно следили за мной, а поджарое серое тело замерло. В глазах — ненависть. Я вышел, пересек двор, зашагал к машине и сел за руль. Включил зажигание, развернулся и въехал в гору. Никто мне вслед не стрелял. Проехав несколько кварталов, я свернул в переулок, заглушил мотор и несколько минут просидел не двигаясь. Никто за мной не гнался. Я опять завел машину и поехал обратно, в Голливуд.

XIV

Когда я остановил машину у входа в жилой дом на Рэнделл-плейс, было без десяти пять. Некоторые окна были освещены, в сумерках, стараясь перекрычать друг друга, надрывались радиоприемники. Я поднялся на лифте на четвертый этаж и пошел по широкому коридору. На полу зеленый ковер, стены обиты светлым деревом, с пожарной лестницы сильно дуло.

Я нажал на маленькую белую кнопку у дверей квартиры 405 и стал ждать. Наконец дверь бесшумно и как-то даже воровато приоткрылась, и на пороге вырос длинноногий, широкоплечий субъект с темно-кариими глазами на смуглом непроницаемом лице, которое давно уже научилось ни на что не реагировать. Волосы у субъекта были похожи на стальную стружку и росли преимущественно на затылке, а над грустными темными глазами нависал огромный выпуклый лоб — признак, как многие по наивности думают, высокого интеллекта. Его длинные, худые, загорелые пальцы впились в дверной косяк. Субъект молчал.

— Гейгер? — спросил я.

Ни один мускул не дрогнул на его физиономии. Он извлек откуда-то из-за спины сигарету, сунул ее в рот, небрежно, с каким-то даже презрением пустил мне в лицо струйку дыма и ленивым, ровным голосом, чеканя слова, словно банкомет в фараоне, переспросил:

— Как вы сказали?

— Гейгер. Артур Гуинн Гейгер. Книготорговец.

Субъект с ответом не торопился, сначала он взглянул на кончик своей сигареты, потом рука, которая держалась за дверной косяк, куда-то исчезла, а плечо приподнялось, как будто исчезнувшая рука делала за спиной какие-то знаки.

— Не знаю такого, — наконец-то последовал ответ. — Он что, живет в этом доме?

Я улыбнулся. Улыбка моя ему не понравилась. Глаза потемнели от злости.

— Вы Джо Броди? — спросил я.

Смуглое лицо напряглось.

— Ну, допустим. У тебя что, дело какое или так, дурью маешься?

— Стало быть, Джо Броди, — повторил я. — А человека по имени Гейгер не знаете. Забавно.

— Да? Я вижу, у тебя хорошее чувство юмора, приятель. Только со мной такой юмор не проходит. Ступай, пошутить с кем-нибудь другим.

Я облокотился о дверь и загадочно улыбнулся:

— У тебя есть книжки, Джо. Я знаю. А у меня — список клиентов. Надо бы поговорить.

Броди не отрываясь смотрел на меня. За его спиной, в квартире, послышался слабый звук, как будто по металлическому кронштейну скользнули кольца от занавесок. Заглянув в комнату, он открыл дверь пошире:

— Почему ж не поговорить... раз у тебя дело есть, — сухо сказал он и пропустил меня внутрь.

Я вошел в уютную, хорошо обставленную комнату. Мебели немного, за окном — каменный балкон, а за балконом — очертания гор в сумерках; две двери: одна, закрытая, у окна; другая, за задернутой плюшевой занавеской на тонком медном кронштейне, — у самого входа.

На противоположной стене дверей не было, зато посередине стоял диван, на который я и сел. Броди закрыл за мной дверь и, загребая, точно краб, ногами, направился к массивному письменному столу, на котором стояла шкатулка из кедрового дерева с позолоченными петлями. Броди взял шкатулку, положил ее в стоящее между дверьми кресло и, вернувшись, сел за стол. А я снял шляпу, бросил ее на диван и стал ждать.

— Ну, я тебя слушаю, — подал наконец голос Броди. Он открыл ящик с сигарами и, бросив окурок в стоящее на столе блюдце, достал длинную, тонкую сигару. — Куришь? — И он бросил еще одну сигару мне на диван.

Я потянулся за ней, а Броди тем временем вытащил из ящика пистолет, черный полицейский кольт 38-го калибра, и прицелился мне прямо в нос. Хорошенькое начало.

— Ну как, доволен? — полюбопытствовал Броди. — Встань-ка на минутку и подойди поближе. Дышать можешь полной грудью. — Говорил он с прохладцей, бесстрастным голосом супермена, как говорят на экране гангстеры. В кино ведь они все одинаковы.

— Ой, как страшно, — сказал я, не двигаясь с места. — Что за город! Пистолет у каждого второго, а с мозгами — почти никого. Всего час назад я познакомился с таким же, как ты; он тоже считает, что если у него в руке пистолет, значит, он — хозяин жизни. Отложи пушку и не валяй дурака, Джо.

Он сдвинул густые брови и, набычившись, смотрел на меня. Взгляд его не сулил ничего хорошего.

— Его зовут Эдди Марс, — сказал я. — Слышал о таком?

— Нет. — Броди продолжал в меня целиться.

— Если Эдди, не дай бог, узнает, где ты вчера вечером гулял под дождем, он сотрет тебя в порошок.

— При чем тут Эдди Марс? — холодно спросил Броди, но пистолет спустил.

— Мокрого места от тебя не оставит.

Мы поедали друг друга глазами, и я перестал коситься на острый носок черной женской туфельки, которая выглядывала из-под плюшевой занавески.

— Пойми меня правильно, — миролюбиво сказал Броди. — Я ведь не преступник, просто принимаю меры предосторожности. А тебя я знать не знаю. Вдруг ты убийца?

— И это называется «принимать меры предосторожности»? С книжками Гейгера ты поступил крайне опрометчиво.

Броди глубоко вздохнул, а затем откинулся на спинку стула, скрестил свои длинные ноги, а кольт положил на колени.

— Напрасно ты думаешь, что я не воспользуюсь этой пушкой, если надо будет, — пригрозил он. — Выкладывай, зачем пришел.

— Пусть сначала из-за занавески выйдет твоя подружка в черных туфельках, — сказал я. — А то она, бедная, набрала воды в рот, даже вздохнуть боится.

— Выходи, Агнес, — позвал Броди, впившись глазами мне в живот.

Занавески раздвинулись, и в комнату, покачивая бедрами, вошла зеленоглазая блондинка из гейгеровского магазина. На меня она взглянула с нескрываемым отвращением. Ноздри ее раздувались, глаза потемнели, вид был глубоко несчастный.

— Я сразу поняла, что от тебя не отвяжешься, — бросила она мне. — И предупредила Джо, чтобы он держал ухо востро.

— Не ухо востро, а кольт в кармане, — сострил я.

— Очень остроумно, — сказала блондинка.

— Было остроумно, — возразил я. — А теперь, боюсь, уже не очень.

— Хватит шутить! — порекомендовал мне Броди. — Не бойся, Джо всегда начеку. Включи-ка свет, детка, а то ведь в темноте можно и промахнуться.

Блондинка включила большой торшер с квадратным абажуром и, опустившись в кресло, застыла с прямой спиной, как будто ей жал пояс.

Я сунул в рот сигару и откусил кончик. Пока я доставал спички и закуривал, кольт 38-го калибра проявлял ко мне повышенный интерес.

— Список, о котором я говорил, зашифрован, — начал я, выпуская

дым. — Покамест я его еще не расшифровал, но в списке имеется около пятисот клиентов. Насколько мне известно, ты перевез двенадцать ящиков — стало быть, как минимум пятьсот книг. Еще сколько-то книг в данный момент на руках, но, предположим даже, книг в общей сложности не больше пятисот. Даже если из пятисот клиентов реально существует только половина, то получается, что на выдаче книг Гейгер заработал сто двадцать пять тысяч: меньше же доллара за книгу он брать не мог — такой товар денег стоит. Впрочем, твоя подружка все это знает, она не даст соврать. Итак, если каждая выданная книга стоит доллар, ты имеешь сто двадцать пять тысяч. Капитал Гейгера стал теперь твоим капиталом. Как видишь, есть все основания посадить тебя за решетку.

— Псих он! — закричала блондинка. — Что ты слушаешь этого кретина!

Броди заскрежетал зубами и рявкнул:

— Заткнись ты! Заткнись, Христа ради!

Блондинка вонзила длинные серебряные ногти себе в колени и застыла с выражением глубокой обиды и еле сдерживаемой ярости.

— Бизнес этот не так уж прост, — сказал я Броди с ласковой улыбкой. — Тут нужен человек расчетливый, осторожный — вроде тебя, Джо. Надо уметь расположить к себе клиента — ведь люди, которые тратят деньги на неприличные фотографии, нервничают не меньше, чем пожилые дамы в поисках общественной уборной. Правда, мне всегда казалось, что шантажировать клиентов — грубая ошибка; выдал клиенту книжку, получил с него деньги — чего еще надо!

Броди ощупывал меня своими темными, настороженными глазами, не сводил с меня пристального взгляда и кольт 38-го калибра.

— А с тобой, я смотрю, не соскучишься, — безразличным голосом произнес наконец Броди. — Я только не понял: кто же заправляет этим лихим книжным бизнесом?

— Ты, — ответил я. — Теперь — ты.

Блондинка чуть не задохнулась от злобы и впиалась ногтями — на этот раз себе в ухо. А Броди продолжал молча смотреть на меня.

— И ты еще будешь нам рассказывать, что мистер Гейгер занимался такими делами на одной из центральных улиц? Да ты спятил! — воскликнула блондинка.

— Не вижу в этом ничего удивительного, — возразил я, вежливо ей улыбнувшись. — Где же еще заниматься сбытом порнографии, как не в центре Голливуда? Если уж такой бизнес существует, он должен быть на виду. Это и полиции удобнее. Иначе откуда бы, красавица, взяли районы

красных фонарей? Полиции проще, когда такие заведения на виду, — в любой момент можно спугнуть добычу.

— Какого черта! — вскричала блондинка. — Не понимаю, почему ты позволяешь этому придурку меня оскорблять, Джо?! У тебя ведь в руке пистолет, а у него всего лишь сигара!

— А он мне нравится, — сказал Броди. — Смышленный парень. А ты, — повернулся он к блондинке, — закрой пасть и больше не разевай ее, а то я сам заткну ее тебе вот этой штукой. — И Броди небрежно помахал кольцом.

Задыхнувшись от злобы, блондинка замолчала и отвернулась к стене, а Броди с издевкой взглянул на меня и спросил:

— И как же я, по-твоему, завладел этим бизнесом?

— Да очень просто. Ты убил Гейгера. Вчера вечером, когда шел дождь. Погода для убийства была — лучше не придумаешь. Вот только, на твою беду, хозяин дома в это время был не один. Либо ты этого не заметил, что маловероятно, либо пристрелил Гейгера и быстренько смылся. Впрочем, у тебя хватило присутствия духа перед уходом вынуть из аппарата пленку, а затем вернуться в дом и припрятать тело, чтобы успеть перевезти из магазина книжки, пока полиция не хватилась.

— Ишь ты... — процедил Броди. Кольт подпрыгивал на его колене, а смуглое лицо так напряглось, что казалось деревянным. — А ведь ты сильно рисковал, приятель. Тебе здорово повезло, что Гейгера убил не я.

— Какая разница, отвечать ведь все равно тебе.

— Ты что же, считаешь, что меня засудят?

— Обязательно.

— Почему?

— Говорю же, есть свидетель. Этот свидетель тебя и подставит. Только не прикидывайся дурачком, Джо.

И тут он взорвался.

— А, эта маленькая шлюха, будь она проклята! — заорал он. — С этой сексуальной маньячки станется!

Я откинулся на спинку дивана и хмыкнул:

— А я-то думал, у тебя есть ее фотографии.

Броди ничего не ответил. Молчала и блондинка. Я терпеливо ждал. Наконец лицо Броди разгладилось, на нем появилось подобие улыбки, он положил кольт на край стола, но руку со стола не убрал. Затем стряхнул пепел прямо на ковер и, прищурившись, взглянул на меня.

— Я что, по-твоему, дурак? — сказал он.

— А что, умный? Давай фотографии.

— Какие фотографии?

Я покачал головой:

— Ты не прав, Джо. Напрасно ты морочишь мне голову — это тебе ничего не даст. Одно из двух: либо ты сам вчера побывал у Гейгера, либо получил эти фотографии от того, кто у него был. Ты же прекрасно знаешь, что Кармен была там, — иначе бы ты не подговорил свою подружку припугнуть по телефону миссис Риган. А значит, ты либо сам был свидетелем того, что произошло, либо каким-то образом достал фотографию девчонки, зная, где и когда ее сфотографировали. Так что выкладывай-ка все как есть.

— Заплатишь — расскажу, — мрачно сказал Броди и покосился на Агнес, которая сейчас больше походила на драную кошку, чем на роскошную зеленоглазую блондинку.

— Ни цента не дам, — сказал я.

Броди метнул на меня злобный взгляд:

— Как ты меня нашел?

Я вынул бумажник, раскрыл его и показал ему полицейский жетон:

— По заданию своего клиента я следил за Гейгером. Вчера вечером я сидел в машине возле его дома, услышал выстрелы и ворвался внутрь. Убийцу я не застал, зато увидел массу интересного.

— Увидел, но скрыл, — хмыкнул Броди.

— Верно, — признал я, убирая бумажник. — Скрыл. Тебе первому говорю. Так получу я фотографии или нет?

— Книжек, о которых ты тут толковал, у меня нет, — сказал Броди.

— Как же нет, когда я собственными глазами видел, что тебе их привезли из магазина. У меня и свидетель есть.

— Педик, что ли?

— Какой еще педик?

Броди опять с ненавистью посмотрел на меня:

— Парень, который в гейгеровском магазине работает. Когда грузовик уехал, он куда-то исчез. Даже Агнес не знает, где его черти носят.

— Вот как, — сказал я, улыбнувшись. — Любопытно. Не зря, значит, меня что-то смущало. Скажите, кто-нибудь из вас до вчерашнего дня бывал в доме Гейгера?

— Мы вообще там ни разу не были — ни вчера, ни раньше, — отрезал Броди. — Значит, она утверждает, что это я его шлепнул?

— Будь у меня фотографии, я мог бы убедить ее, что она ошиблась. Чего с пьяных глаз не привидится, верно?

Броди вздохнул:

— Она меня на дух не переносит. Я же ее выставил. Да, верно, за это мне заплатили, но я все равно рано или поздно это сделал бы. Она ведь чокнутая, а я человек простой, не люблю таких. — Он кашлянул: — Так как насчет денег, шеф? Может, заплатишь немного? А то я совсем на нуле, а нам с Агнес скоро на другую квартиру переезжать.

— Деньги моего клиента я на тебя тратить не собираюсь.

— Слушай...

— Давай фотографии, Броди!

— Ладно, черт с тобой, — буркнул он. — Твоя взяла. — Броди встал, сунул кольт в карман брюк и едва успел, скорчив жуткую гримасу, опустить левую руку во внутренний карман пиджака, как раздался длинный звонок в дверь.

XV

Броди это не понравилось. Нижняя губа у него отвисла, густые брови сошлись на переносице, в лице появилось что-то настороженное, лисье.

А звонок звонил не переставая. Мне это тоже не понравилось. Если это Эдди Марс со своими ребятами, я могу получить пулю в лоб только за то, что здесь оказался. Если полиция, отговориться будет довольно сложно. Если же это друзья Броди — при условии, конечно, что таковые имеются, — поладить с ними, боюсь, будет еще труднее, чем с ним самим.

Блондинка тоже была не в восторге. Она вскочила и с остервенением махнула рукой. Она так волновалась, что старела и дурнела буквально на глазах.

Не сводя с меня глаз, Броди рывком выдвинул нижний ящик письменного стола, достал оттуда автоматический пистолет с костяной ручкой и протянул его блондинке. Та подбежала и схватила пистолет дрожащей рукой.

— Сядь рядом с ним, — распорядился Броди. — Дуло опусти пониже, в сторону от двери. Если будет дурака валять, действуй по своему усмотрению. Не бойся, детка, еще не все потеряно.

— Ой, Джо! — Блондинка всхлипнула, подошла к дивану и, сев рядом со мной, прицелилась мне в ногу. Ее глаза загорелись каким-то лихорадочным блеском, что мне совсем уж не понравилось.

К тому времени звонок смолк, и входная дверь задрожала от торопливых, резких ударов. Броди сунул правую руку с кольцом в карман, вышел в прихожую, левой рукой открыл дверь, и в квартиру, приставив к его тонким темным губам дуло маленького револьвера, стремительно ворвалась Кармен Стернвуд.

С перекошенным от ужаса лицом, делая ртом какие-то судорожные движения, Броди попятился назад, а Кармен захлопнула за собой дверь и двинулась в комнату, не обращая внимания ни на меня, ни на Агнес. Она крадучись наступала на Броди, высунув от натуги кончик языка. Броди же вынул руки из кармана и делал ей какие-то непонятные знаки, пытаясь, вероятно, ее успокоить. Брови его ходили ходуном. Агнес отвела пистолет от меня и прицелилась в Кармен. Тогда я схватил блондинку за руку, а большим пальцем нажал на предохранитель. Как выяснилось, напрасно — пистолет и так стоял на предохранителе. Последовала короткая схватка, на которую ни Броди, ни Кармен не обратили ни малейшего внимания, в

результате чего автоматическим пистолетом завладел я. Агнес тяжело дышала, все ее длинное тело сотрясалось от ярости, у Кармен же лицо было каменным и мертвенно бледным.

— Отдай мои фотографии, Джо, — прошипела она.

— Конечно, детка, конечно, — глотая слюну, с застывшей улыбкой на лице лепетал Броди. Теперь он говорил тоненьким, дрожащим голосом, который отличался от его прежнего голоса, как велосипед от самосвала.

— Это ты пристрелил Артура Гейгера, — сказала Кармен. — Я тебя видела. Отдавай фотографии.

Броди позеленел.

— Эй, подожди, Кармен! — крикнул я.

А блондинка тем временем опять приступила к активным действиям. Опустив голову, она впилась зубами в мою правую руку. Я замычал и отшвырнул ее от себя.

— Послушай, крошка, — шептал Броди. — Погоди минутку...

Тут блондинка плюнула в меня и, вцепившись в мою ногу, попыталась укусить ее. Я стукнул ее по голове — правда, не очень сильно — ручкой пистолета и попробовал встать. Она опустилась на колени и обхватила руками мои ноги. Я снова повалился на диван. Блондинка оказалась очень сильной — то ли от ярости, то ли от страха, то ли от ярости и страха одновременно. А может, просто была такой от природы.

Броди выбросил вперед руку и попытался завладеть маленьким револьвером, дуло которого было направлено прямо ему в рот. Не получилось. Раздался негромкий хлопок, и пуля пробила стекло в приоткрытой балконной двери. Броди издал страшный вопль и, повалившись на пол, дернул Кармен за ногу. Та рухнула рядом с ним, а маленький револьвер отлетел в угол. Броди проворно встал на колени и полез в карман.

Я снова, на этот раз сильнее, ударил Агнес пистолетом по голове, оттолкнул ее и встал. Броди покосился на меня, но я погрозил ему пистолетом, и он вынул руку из кармана.

— Черт! — взвыл он. — Она же убьет меня!

И тут я разразился громким, совершенно идиотским смехом. Блондинка сидела на полу, упершись в ковер руками. Рот полуоткрыт, пепельные волосы растрепались. Кармен, стоя на четвереньках и громко шипя, упрямо ползла в угол, где возле плинтуса поблескивал ее маленький револьвер.

Я помахал Броди зажатым в руке пистолетом и крикнул:

— Стой где стоишь.

А потом перешагнул через застывшую на четвереньках девушку, подошел к плинтусу и подобрал ее револьвер. Кармен взглянула на меня и захихикала. Я сунул револьвер себе в карман и, хлопнув ее по задку, сказал:

— Вставай, малютка. А то в такой позе ты напоминаешь мне китайского мопса.

После этого я подошел к Броди, приставил ему автоматический пистолет к груди и извлек у него из кармана кольт; теперь все имевшееся в наличии оружие принадлежало мне.

— Давай, — сказал я Броди, рассовав пистолеты по карманам и протягивая руку.

Он кивнул, облизнул губы и, испуганно озираясь по сторонам, достал из нагрудного кармана толстый конверт. В конверте лежали негатив и пять фотографий.

— Это все?

Он снова кивнул. Я спрятал конверт, также в нагрудный карман, и повернулся к Броди спиной. Агнес сидела на диване, поправляя прическу, и подала Кармен своими зелеными, полными ненависти глазами. Кармен уже была на ногах и направлялась ко мне, по-прежнему шипя и хихикая. В углах ее рта собралась пена, маленькие белые зубки сверкали.

— Отдайте их мне, — сказала она, протягивая руку и робко улыбаясь.

— Отдам, но не сейчас. Отправляйся-ка домой.

— Домой?

Я вышел в прихожую, открыл входную дверь и выглянул наружу: все тихо, по коридору гуляет прохладный ночной ветерок. В наше время пистолетным выстрелом и разбитым окном уже никого не испугаешь. Стоя в дверях, я сделал Кармен знак, и она вышла в прихожую с застывшей улыбочкой на лице.

— Езжай домой и жди меня там, — ласково проговорил я.

Девушка привычно сунула в рот большой палец и выскользнула в коридор. Проходя мимо меня, она коснулась рукой моей щеки и сказала:

— Значит, не дашь Кармен в обиду?

— Не дам.

— А ты красивый.

— Чепуха. Ты бы видела, какая красotka вытатуирована у меня на правой ягодице.

Ее глаза округлились.

— Шалун, — сказала она и погрозила мне пальцем. А потом шепнула: — Пистолет отдашь?

— Отдам, но не сейчас. Я тебе его привезу.

И тут, ни с того ни с сего, девица порывисто обхватила меня за шею и поцеловала в губы.

— Я люблю тебя, — сказала она. — Кармен очень тебя любит. — И с этими словами, словно выпущенная на свободу птичка, понеслась по коридору, на лестничной площадке остановилась, помахала мне рукой и исчезла.

Я вернулся в квартиру.

XVI

Я подошел к приоткрытой балконной двери и осмотрел стекло. Разбито вдребезги, но отверстия от пули не видно. Зато в штукатурке имелась маленькая дырочка, которая, впрочем, от опытного глаза никогда бы не скрылась. Поэтому я задернул балконную дверь занавеской и вытащил из кармана револьвер Кармен. Такими вооружены служащие банков: 22-й калибр, патроны с вогнутыми наконечниками, перламутровая ручка с маленькой круглой серебряной пластинкой, на которой выбито: «Кармен от Оуэна». Всех окрутила.

Убрав револьвер обратно в карман, я сел рядом с Броди и уставился в его мутные карие глаза. Прошла минута. Блондинка вынула зеркальце и занялась прической.

— Доволен? — бросил мне Броди, потянувшись за сигаретой.

— Более или менее. Почему ты решил припугнуть миссис Риган, а не старика?

— Один раз я уже пытался вытянуть из него деньги. С полгода назад. Вот и подумал: а вдруг старикашка обидится и сообщит в полицию?

— А с чего ты взял, что миссис Риган не скажет ему о телефонном звонке?

Броди задумался. Некоторое время он молча курил и внимательно смотрел на меня, а потом сказал:

— Ты ее хорошо знаешь?

— Видел пару раз. Ты, наверно, знаешь миссис Риган гораздо лучше, чем я, раз уж рискнул ее шантажировать.

— Она вроде сестры — погулять любит. Поэтому я и решил, что ей тоже есть что от папаши скрывать. И потом, она из тех, для кого пять тысяч — не деньги.

— Звучит не очень убедительно, — сказал я. — Впрочем, неважно. Так ты, говоришь, на нуле?

— Не то слово, шеф. Уже целый месяц еле концы с концами свожу.

— Кем работаешь?

— Страховым агентом. Снимаю под контору две комнаты в офисе Малыша Уолгрин: Фулуайдер-билдинг, Вестерн, Санта-Моника.

— Если уж раскололся, рассказывай все. Книжки здесь, в квартире?

Броди щелкнул зубами и махнул своей смуглой рукой. К нему возвращалась уверенность:

— Ты что, смеешься? Я их на хранение сдал.

— Выходит, сначала ты нанял грузчика, который привез сюда книги из магазина, а потом вызвал людей из книгохранилища и они опять их увезли?

— Конечно. Какой же мне резон, сам посуди, перевозить товар Гейгера прямо сюда?

— Хитро́, — с восхищением признал я. — А сейчас у тебя на квартире что-нибудь криминальное есть?

Броди опять встревожился и решительно замотал головой.

— Вот и хорошо, — сказал я и посмотрел на Агнес. Она привела в порядок волосы и теперь тупо пялилась в стену, не прислушиваясь к тому, о чем шел разговор. У нее был какой-то сонный вид, что, впрочем, после перенапряжения и шока бывает довольно часто.

— Ну? — Броди угрюмо покосился на меня. — Что еще?

— Как к тебе попали фотографии?

Он разозлился:

— Слушай, ты ведь получил то, за чем пришел, да еще бесплатно, а? Дело ты провернул отлично, твой клиент будет тобой доволен. А я — чист. И никаких фотографий в глаза не видел, правильно я говорю, Агнес?

Блондинка приоткрыла глаза и пытливо, с некоторой даже брезгливостью посмотрела на него.

— Правильно, да не очень, — процедила она, презрительно фыркнув. — Такая уж у меня планида. Ни разу не было, чтоб мужчина все, с начала до конца, предусмотрел. Ни разу.

Я улыбнулся:

— Я не очень больно вас ударил?

— Жизнь бьет больнее, — буркнула она.

Я снова посмотрел на Броди. Он нервно теребил сигарету. Пальцы слегка дрожат, но длинное, точно кочерга, загорелое лицо по-прежнему абсолютно непроницаемо.

— Нам надо выработать общую версию, — сказал я. — Давай договоримся, что Кармен здесь не было. Это очень важно. Ее здесь не было. Она тебе привиделась.

— Привиделась, говоришь? — Броди хмыкнул. — Ну, что ж, если так надо и если ты... — Он сложил пальцы в пригоршню и потер большим пальцем об указательный и средний.

Я кивнул:

— Посмотрим. Возможно, ты и получишь небольшую компенсацию. Но на тысячи, сразу предупреждаю, не рассчитывай. Откуда у тебя фотографии?

— Дал один парень.

— Ну да, слышали: прохожий на улице. И ты его первый раз видел. Первый и последний.

Броди зевнул.

— Фотографии выпали у него из кармана, — сказал он.

— Не может быть! Скажи лучше, у тебя алиби есть, бровастый?

— А то нет. Вчера вечером я был здесь вместе с Агнес. Правда, Агнес?

— Опять ты за свое, — разочарованно произнес я.

Броди не двигался: глаза выпучил, челюсть отвисла, сигарета прилипла к нижней губе.

— Ты считаешь, что умней всех, а на самом деле — дурак дураком, — сказал я. — Даже если тебя почему-либо не отправят на тот свет в Квентине, тебе предстоит много лет промаяться за решеткой...

Сигарета дернулась в его пальцах, пепел упал на жилет.

— ...наедине с мыслями о том, какой ты умный, — закончил я.

— Пойди проветришься! — неожиданно взревел Броди. — Проваливай. Надоело тебя слушать. Катись.

— Слушаюсь. — Я встал, подошел к большому дубовому письменному столу, вынул из кармана два пистолета, аккуратно выложил их рядом на блокноте, так, чтобы стволы были параллельны друг другу, поднял упавшую с дивана шляпу и направился к двери.

— Эй! — крикнул мне вслед Броди.

Я повернулся. Сигарета прыгала у него во рту, точно заводная кукла.

— Все в порядке, шеф? — спросил он.

— Конечно, в порядке. Я же тебя не неволю: хочешь сидеть в тюрьме — сиди себе на здоровье. Мы ведь, слава богу, живем в свободной стране.

Броди продолжал пялиться на меня, с остервенением жуя сигарету. Блондинка медленно повернула голову и тоже впиалась в меня глазами. Оба смотрели с какой-то звериной настороженностью, недоверием, скрытой злобой. Внезапно Агнес вскинула руку с длинными серебряными ногтями, выдернула из головы волос и, накрутив его на пальцы, с ожесточением разорвала.

— К легавым ты же все равно не пойдешь, шеф, — дрожащим от напряжения голосом сказал Броди. — Даже если на Стернвудов работаешь. У меня на эту семейку кое-какой материал имеется, будь спокоен. Фотографии ты получил, обещание держать язык за зубами — тоже. А теперь убирайся и не суй нос в чужие дела.

— Ты, я вижу, сам толком не знаешь, что тебе надо, — сказал я. — То ты говоришь, чтобы я ушел, то опять окликаешь. Чего же ты в конце

концов хочешь?

— Тебе меня заподозрить не в чем, — сказал Броди.

— Если не считать парочки убийств, но ведь это в твоём кругу считается мелочью.

При этих словах Броди подпрыгнул — как говорится, до потолка. Глаза его налились кровью, а смуглое лицо при свете торшера приобрело какой-то зеленоватый оттенок.

Блондинка же издала низкий, животный вопль и, рухнув на диван, зарылась головой в подушку. От ее покатых бедер невозможно было оторвать глаз.

Броди медленно облизнул губы и сказал:

— Садись, шеф. Ещё не вечер. Как надо понимать твою шуточку насчет двух убийств?

Я облокотился на дверь:

— Где ты был вчера вечером, примерно в половине восьмого, Джо?

Броди насупился и уставился в пол:

— Где был? Пас одного типа. У него неплохой бизнес, вот я и подумал, не нужен ли ему партнер. Гейгеру то есть. Хотел выяснить, есть ли у него покровители. По идее ведь должны быть, иначе бы он такими делишками открыто промышлять не стал, верно? Я за его домом не первый день слежу, но ни одного мужчины ни разу не видал. Только девицы к нему и ходят.

— Плохо, значит, следил, — буркнул я. — Дальше.

— Приезжаю вчера вечером, дождь льет — из машины не выйти, сижу себе, стекло поднял, смотрю: один автомобиль у дома Гейгера стоит, а другой — чуть повыше. Отъезжаю подальше и вижу за домом здоровенный «бьюик», внутри вроде бы никого. Подождал немного, подхожу: регистрационный талон на имя Вивьен Риган. В доме тихо, а постоял, постоял и уехал. Вот и вся история. — Броди помахал в воздухе сигаретой и украдкой взглянул на меня.

— Нет, не вся. Знаешь, где сейчас этот «бьюик»?

— Откуда же мне знать?

— В полицейском гараже, вот где. Сегодня утром его выловили в Лидо, у причала. В машине найден труп. Водителя ударили чем-то тяжелым по голове, а «бьюик» столкнули в воду.

Броди тяжело дышал, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— По-твоему, значит, это я его убил?

— Не исключено. Ты же сам говоришь, что за домом Гейгера стоял «бьюик». Так вот, на «бьюике» приехала не миссис Риган, а ее шофер, Оуэн Тейлор. Парень решил поговорить с Гейгером по душам: Тейлор был

влюблен в Кармен, и игры, в которые Гейгер с ней играл, ему, естественно, не нравились. Вооружившись пистолетом и отмычкой, Тейлор проник в дом и обнаружил, что Гейгер фотографирует Кармен, а та — в чем мать родила. Парень, не долго думая, разрядил в него свой пистолет, Гейгер упал, а Оуэн уехал, не забыв, однако, прихватить с собой фото пленку. Ты же погнался за ним и фото пленку у него отобрал. Как еще она могла у тебя оказаться?

Броди облизнул губы.

— Все правильно, — сказал он. — Но парня я не убивал. Я услышал выстрелы, вижу: убийца сломя голову бежит по задней лестнице, садится в машину и по газам. Я — за ним. Доехал он до подножия каньона и свернул на Сансет. За Биверли-Хиллс его вынесло на вираже на обочину, он и остановился. Подхожу и делаю вид, что я — легавый. Он выхватывает пистолет, но нервишки-то шалят, и я успеваю стукнуть его по голове. Когда он отключился, я быстренько его обыскал, чтобы выяснить, кто он такой, и случайно наткнулся на пленку. Верчу я ее в руках и голову ломаю, что бы это могло быть, но тут парень вдруг очнулся и меня из машины выкинул. Пока я соображал что к чему, его уже и след простыл. Больше я его не видал.

— Интересно, а как же ты догадался, что он пристрелил именно Гейгера?

Броди пожал плечами:

— Кого же еще? Впрочем, может, я и ошибаюсь. Понимаешь, когда я проявил шлепку, то сразу же догадался, как дело было. А когда Гейгер сегодня утром не явился в магазин, да еще к телефону не подходил, все встало на свои места. Ну, раз такая история, думаю, самое время вывезти из магазина его книжки, вытянуть из Стернвудов немного денег и поскорей когти рвать.

Я кивнул:

— Логично. Может, ты и действительно никого не убивал. Где ты спрятал тело Гейгера?

Он поднял брови. А потом хмыкнул:

— Ну, уж это ты брось! Буду я на рожон лезть! Думаешь, я не понимаю, что в дом в любой момент могла нагрянуть полиция? Нет, я себе не враг.

— Кто-то спрятал тело, — пояснил я.

Броди еще раз пожал плечами, по-прежнему смотря на меня с недоверчивой улыбкой, но тут снова раздался пронзительный звонок в дверь. Броди вскочил, улыбка исчезла.

— Опять она! — прорычал он, косясь на лежавшие на столе пистолеты.

— Если это она, то оружия у нее нет, — успокоил его я. — Может, это какой-нибудь твой знакомый? Должны же у тебя быть друзья!

— Хороши друзья! — огрызнулся он. — Надоели мне эти «кошки-мышки». — И с этими словами Броди подошел к столу, взял кольт и, держа его дулом вниз, направился к выходу. Повернув левой рукой ручку двери и прижимая пистолет к бедру, он приоткрыл дверь и выглянул в коридор.

— Броди? — раздался чей-то голос.

Броди что-то ответил, но что, я не расслышал, ибо в этот момент хлопнули один за другим два коротких, глухих выстрела. Вероятно, стрелявший приставил пистолет к груди Броди, который откинулся назад и потянул за собой дверь. Дверь с грохотом захлопнулась, Броди съехал но двери вниз, ноги смяли ковер, левая рука выпустила дверь и глухо ударилась об пол, а голова ткнулась в дверной косяк. В правой руке он по-прежнему сжимал кольт.

Бросившись в прихожую, я отодвинул тело и, открыв дверь, протиснулся в коридор. Из квартиры напротив высунулась женщина с искаженным от страха лицом и показала в конец коридора своей похуже на клешню рукой.

Я помчался по коридору к лестнице и услышал, как кто-то быстро бежит вниз по кафельным ступенькам. Спустившись в холл, я увидел, что входная дверь бесшумно закрывается, шаги же теперь гулко отдавались за дверью, по асфальту. Я успел проскочить в дверь, прежде чем она захлопнулась, и вылетел из дому.

Петля между стоящими машинами, по улице наискось бежал долговязый парень без шляпы, в короткой кожаной куртке. На бегу он повернулся ко мне, и из куртки вырвалось пламя. В стену, у меня над головой, что-то дважды тяжело ударило. А долговязый вновь пустился бежать, проскочил между двумя машинами и исчез.

Ко мне кинулся какой-то прохожий:

— Что случилось?

— Стреляют, — бросил я на бегу.

— Господи, помилуй, — охнул прохожий и поспешно скрылся в подъезде.

Я побежал к своей машине, сел, включил зажигание, отъехал от тротуара и медленно поехал под гору. На противоположной стороне улицы шума мотора слышно не было, зато издали до меня донеслись шаги — впрочем, я мог и ошибиться. Проехав под гору квартала полтора, я свернул

на перекрестке, дал задний ход и вскоре услышал тихое посвистыванье. А потом — шаги. Я остановил машину во втором ряду, спрятал голову под руль и достал из кармана маленький револьвер Кармен.

Шаги приближались, кто-то шел мне навстречу, насвистывая веселую мелодию. Еще секунда, и появился долговязый в своей короткой кожаной куртке. Я вышел из машины и спросил:

— Спичек не найдется, приятель?

Парень дернулся, правая рука поползла к карману кожаной куртки. В свете круглых уличных фонарей сверкнули его влажные, темные, миндалевидные глаза. Лицо бледное, красивое, с вьющимися, падающими на лоб черными волосами. Очень хорош собой, ничего не скажешь. Тот самый долговязый из магазина Гейгера.

Он замер и молча покосился на меня. Его правая рука подползла к карману куртки, а моя — стиснула за спиной маленький револьвер.

— Скучаешь, видать, по своему красавчику, — сказал я.

— Пошел ты... — тихо проговорил долговязый. Деваться ему было некуда: с одной стороны машины, с другой — пятифутовая стена.

Вдали завывала, приближаясь, полицейская сирена. Долговязый вздрогнул, а я подошел к нему вплотную и ткнул револьвером в кожаную куртку:

— Выбирай: я или легавые.

Он мотнул головой, как будто я вlepил ему пощечину.

— Ты кто такой? — спросил он.

— Друг Гейгера.

— Отвяжись от меня, ублюдок.

— Пистолет у меня небольшой, малыш, и, если я прострелю тебе брюхо, через три месяца ты уже будешь ходить и сам, без посторонней помощи, войдешь в новенькую, уютную газовую камеру в Квентине.

— Пошел ты... — повторил долговязый и сунул руку в карман. Тогда я еще сильнее ткнул дулом револьвера ему в живот, и он, издав тихий, протяжный вздох, вынул руку из кармана. Рука повисла плетью, широкие плечи опустились.

— Чего тебе надо? — прошептал он.

Я опустил руку ему в карман и извлек оттуда автоматический пистолет.

— Полезай-ка в машину, малыш.

Он двинулся к машине, я — за ним.

— Садись за руль. Поведешь ты, — приказал я.

Он сел слева, я — рядом.

— Пусть сначала проедет патрульная машина, — сказал я. — Они

подумают, что мы, услышав сирену, поехали из города. А мы переждем, пропустим их и поедem обратно в город.

Я убрал револьвер, приставил автоматический пистолет к груди долговязого и оглянулся. С каждой секундой сирена выла все громче, и наконец посреди улицы вспыхнули два красных огня. Огни становились все больше, слились в один, и мимо на бешеной скорости промчалась полицейская машина.

— Поехали, — скомандовал я.

Долговязый включил зажигание, развернулся и направился в город.

— Едем домой. На Лаверн-террас.

Он прикусил губу и повернул на Франклин.

— Эх, ты, дурень, — сказал я. — Как тебя зовут?

— Кэрол Ландгрeн, — еле слышно ответил он.

— Ты не того пустил в расход, Кэрол. Джо Броди твоего красавчика не убивал.

Долговязый в очередной раз послал меня и всю оставшуюся дорогу молчал.

XVII

Из-за длинных ветвей эвкалиптов сквозь туман выглядывал наполовину скрывшийся за тучами месяц. Где-то, в самом конце Лаверн-террас, надрывался радиоприемник. Долговязый подъехал к дому Гейгера, остановился у живой изгороди, заглушил мотор и замер, сложив на руле руки и уставившись в одну точку. Дом Гейгера был погружен во мрак.

— Дома кто-нибудь есть, сынок? — спросил я.

— Тебе лучше знать.

— Это еще почему?

— Пошел ты...

— А ведь потом будешь удивляться, почему у тебя вставная челюсть, — вздохнул я.

Он ухмыльнулся, обнажив зубы, пока что свои собственные, после чего распахнул дверцу и выпрыгнул из машины. Я — за ним. Стиснув руки в кулаки, он подбоченился и стал молча смотреть на темный коттедж за оградой.

— Ладно, постояли и хватит, — сказал я. — Пошли в дом. У тебя ведь есть ключ?

— Кто тебе сказал?

— Не морочь мне голову, сынок. Твой красавчик дал тебе ключи от дома. И выделил маленькую чистенькую комнатку. Когда у него бывали дамы, он тебя выставлял, а комнату запирали. Цезарь, одно слово: с женщинами — мужчина, а с мужчинами — женщина. Думаешь, я не в состоянии раскусить таких, как вы с ним?

Хотя я по-прежнему держал пистолет, он кинулся на меня с кулаками. Удар пришелся мне прямо в челюсть. Я успел сделать шаг назад, чтобы не упасть, но удар почувствовал. Долговязый вложил в него всю свою силу — по счастью, небольшую: гомосексуалисты, даже атлетического сложения, мягкотелы.

— Может, пригодится? — сказал я, бросив пистолет долговязому под ноги. Проявив завидную реакцию, он мгновенно наклонился за ним и тут же получил удар кулаком в ухо, отчего отлетел в сторону, безуспешно пытаясь дотянуться до пистолета рукой. Я подобрал пистолет и бросил его обратно на сиденье. А долговязый, стоя на четвереньках, пялился на меня выпученными глазами, кашлял и мотал головой.

— Ты же не хочешь драться, — сказал я ему. — Тебе фигуру надо

беречь.

Но драться он хотел и, точно снаряд из катапульты, рванулся вперед, пытаюсь ухватить меня за ногу. Я сделал шаг назад, дотянулся до его шеи и начал его душить. Он засеменял ногами и отступил, пытаюсь ударить меня в пах. Я развернул его, сцепил пальцы левой руки с запястьем правой и приподнял его на бедро. Со стороны, думаю, мы отлично смотрелись: какое-то диковинное двуглавое чудовище, которое застыло на ночной, залитой лунным светом улице, роет четырьмя ногами землю и хрипло дышит.

Я еще сильнее сдавил ему горло правой рукой, отчего он лихорадочно засучил ногами и перестал дышать. Его голова попала в железное кольцо. Левая нога поехала в сторону, правая подогнулась в колене. Еще через полминуты он всем своим громадным весом повис у меня на руке, и только тогда я его отпустил. Долговязый рухнул к моим ногам без малейших признаков жизни, а я вернулся к машине, достал из перчаточного отделения наручники, завел ему за спину руки и защелкнул наручники на запястьях, после чего, схватив долговязого под мышки, с трудом оттащил его за изгородь, подальше от улицы. А потом сел в машину, отъехал футов на сто вперед, вышел и пешком вернулся обратно к дому.

Долговязый по-прежнему был без сознания. Я отпер входную дверь, втащил его в дом, а дверь захлопнул. Только теперь он начал дышать. Я включил торшер. Долговязый широко раскрыл глаза и тупо уставился на меня.

Внимательно следя, чтобы он не ударил меня ногой, я наклонился к нему и сказал:

— Лежи тихо, а не то опять больно будет. Или даже больнее. Лежи тихо и старайся не дышать. Задержи дыхание, а потом, когда станет невмоготу, представь себе, что ты весь почернел, что у тебя вываливаются глаза из орбит, но что сейчас ты начнешь дышать и все будет хорошо. Представь, что тебя привели в маленькую, чистенькую газовую камеру в Сан-Квентине, привязали к стулу, и если ты не выдержишь и вдохнешь полной грудью, то тебе в легкие попадет не свежий воздух, а выхлопные газы. Да, нечего сказать, гуманную казнь придумали в нашем штате!

— Пошел ты... — выговорил он с тихим прерывистым вздохом.

— Ты сам во всем признаешься, дружок, будь спокоен. И ты скажешь именно то, что мы захотим, только это и ничего больше, учти.

— Пошел ты...

— Повторишь еще раз, и я уложу тебя поудобнее.

Он скорчил гримасу и остался лежать на полу с заведенными назад

руками, прижимаясь щекой к ковру и злобно косясь на меня горящим звериным глазом, а я вышел в прихожую. Заглянув в спальню Гейгера, где все вроде бы оставалось без изменений, я дернул за ручку комнаты напротив. На этот раз она оказалась не заперта. В полумраке мерцал слабый, призрачный свет, пахло сандаловым деревом. На секретере, на маленьком медном подносе, стояли рядом два конусообразных сосуда с ладаном, а по обеим сторонам от кровати, на стульях с прямыми спинками, — две длинные черные свечи в высоких подсвечниках. Свечи горели.

На кровати лежал Гейгер. Поверх залитой кровью домашней куртки были крест-накрест положены китайские вышивки, те самые, что раньше висели на стене в гостиной. Из-под них торчали застывшие ноги в черных пижамных брюках. На ногах были домашние туфли на толстой войлочной подошве. Скрещенные в запястьях руки лежали на плечах, ладонями вниз, пальцы аккуратно расправлены в суставах и сжаты. Рот закрыт, а вздернутые чаплинские усики казались наклеенными. Широкий заострившийся белый кос. Глаза полузакрыты. Отблеск свечи упал ему на лицо, и мне показалось, что покойник подмигнул мне своим искусственным глазом.

Я не дотронулся до трупа. И даже не подошел близко к кровати. Холодный, должно быть, как лед. Холодный и деревянный.

Черные свечи оплывали на сквозняке, поднявшемся от открытой двери. На стулья стекали капли черного воска. Воздух в комнате был тяжелый и какой-то необычный. Я вышел, опять закрыл за собой дверь и вернулся в гостиную. Долговязый лежал в том же положении. Я прислушался: не слышно ли полицейской сирены? Все зависело от того, когда Агнес заговорит и что она скажет. Если она сообщила им про Гейгера, полицию надо ждать в любую минуту. Но возможно, блондинка еще несколько часов будет молчать; не исключено также, что она сбежала.

Я взглянул на долговязого:

— Сесть не хочешь, сынок?

Долговязый закрыл глаза и притворился спящим. Я подошел к письменному столу, придвинул к себе темно-красный телефонный аппарат и позвонил в прокуратуру Берни Олсу. Мне ответили, что он ушел домой в шесть вечера. Я набрал его домашний номер и услышал в трубке его голос.

— Говорит Марло. Скажи, твои ребята сегодня утром нашли у Оуэна Тейлора револьвер?

Олс прокашлялся и, сделав вид, что мой вопрос ничуть его не удивил, ответил:

- Завтра сам прочтешь в полицейской хронике.
- Если нашли, в нем должны быть три пустых патрона.
- Ты-то откуда знаешь? — тихим голосом спросил Олс.
- Приезжай по адресу Лаверн-террас, 7244, и я покажу тебе, в кого эти пули угодили.
- Так прямо и покажешь?
- Так прямо и покажу.
- Тогда смотри в окно — я скоро приеду. По-моему, на этот раз ты немного переиграл.
- Не без того, — сказал я.

XVIII

Олс стоял и смотрел на долговязого, который сидел на диване, привалившись боком к стене. Смотрел молча, подняв свои светлые, дугообразные кустистые брови, похожие на пучки ботвы, которой прорастает старая, идущая за бесценнок морковь.

— Ты признаешь, что застрелил Броди? — спросил Олс долговязого.

Парень хриплым голосом сказал ему два своих любимых слова. Олс вздохнул и перевел взгляд на меня.

— Ты слишком многого от него хочешь, — сказал я. — Его же пистолет у меня.

— Приплати — не поверю, — сказал Олс.

— Не хочешь — не верь, дело твое.

— Ладно, уговорил. — Олс отвернулся: — Я уже звонил Уайлду. Сейчас поедem к нему и этого педика с собой прихватим. Парень может сесть ко мне в машину, а ты поедешь следом — на тот случай, если ему взбрeдет в голову ударить меня ногой по физиономии.

— Как тебе спальня со свечами?

— Производит впечатление. По правде говоря, я даже рад, что Тейлор сиганул в воду с причала. Жаль было бы отправлять парня в газовую камору за убийство этого одноглазого подонка.

Я опять пошел в спальню и задул длинные черные свечи. Когда я вернулся, Олс уже поднял долговязого на ноги, и парень пялился на него своими колючими черными глазами. Лицо белое, застывшее — точно мороженый бараний жир.

— Поехали, — сказал Олс долговязому, поддерживая его за локти, как будто ему не хотелось касаться его рук. Я потушил свет и тоже вышел из дома. Мы сели по машинам, Олс поехал вперед, а я — следом, не спуская глаз с задних габаритов его двухместного автомобиля и думая о том, что это, должно быть, мой последний визит на Лаверн-террас.

Окружной прокурор Таггарт Уайлд жил на углу Форт-стрит и Лафайетт-парк, в белом одноэтажном, похожем на большой гараж доме, отделенном с одной стороны красными воротами из песчаника. Это был один из тех старых домов, которые в свое время, по мере того как разрастался город, было принято целиком, не разбирая, перевозить в новые районы. Уайлд был родом из потомственной лос-анджелесской семьи и, возможно, родился в этом самом доме, когда он еще находился на Уэст-

Адамс, или на Фигуэроа, или в Сент-Джеймском парке.

У дома на лужайке уже стояли два автомобиля: большой седан и полицейская малолитражка, возле которой, облокотившись на заднее крыло и любуясь на луну, застыл шофер в форме. Олс подошел к нему, что-то сказал, и шофер заглянул в машину Олса, где сидел долговязый.

Мы поднялись на крыльцо и позвонили в звонок. Блондин с прилизанными волосами открыл нам дверь, провел по длинному коридору, потом через просторную гостиную с тяжелой черной мебелью, а потом опять по коридору, упиравшемуся в закрытую дверь. Блондин постучал, заглянул внутрь, после чего широко распахнул дверь, и мы вошли в большой, обшитый деревом кабинет. За приоткрытым окном чернел сад, причудливо изгибались ветки деревьев. По стенам кабинета между книжными полками висели темные картины. Пахло дорогими сигарами, влажной землей и цветами.

За письменным столом сидел толстяк средних лет, с ясными голубыми глазами, излучавшими, как могло на первый взгляд показаться, самое искреннее расположение. Перед ним на столе стояла чашка черного кофе, а в левой руке он сжимал длинную пятнистую сигару. Пальцы тонкие, ухоженные. У стола в синем кожаном кресле сидел еще один человек: худой как скелет, глаза ледяные, лицо длинное, скуластое; вид неприступный, как у директора банка. Выбрит — чище не бывает. Одет в тщательно отутюженный коричневый костюм, в галстук — черная жемчужина. Длинные, нервные пальцы выдают человека живого, сообразительного. Рвется в бой.

Олс подсел к столу.

— Добрый вечер, Кронджейгер, — сказал он. — Познакомься: это Филип Марло, частный сыщик, которому последнее время здорово не везет. — Олс хмыкнул.

Кронджейгер внимательно разглядел меня, как разглядывают фотографию, и едва заметно кивнул головой.

— Садитесь, Марло, — сказал Уайлд. — Капитана Кронджейгера я постараюсь взять на себя, но вы же сами понимаете: уголовная полиция есть уголовная полиция.

Я сел и закурил. Олс посмотрел на Кронджейгера и спросил:

— Что там на Рэнделл-плейс?

Скелет хрустнул суставами и, не подымая головы, заговорил:

— Найден труп, убит двумя пулями. На столе — два пистолета, из них не стреляли. На улице, при попытке завести чужую машину, поймана блондинка. Ее машина, точно такая же, стояла рядом. Несла какую-то

ахинею, но ребята привели ее в чувство, и она раскололась. Когда Броди пристрелили, она, оказывается, была у него на квартире. При этом девица утверждает, что самого убийцы она не видела.

— И это все? — спросил Олс.

Кронджейгер слегка приподнял брови:

— Да ведь это произошло всего час назад. Ты что ж думал, я уже фильм об убийстве успел снять?

— Хотя бы приметы убийцы установлены?

— Высокий парень в кожаной куртке — если это можно назвать приметами.

— Он у меня в тачке сидит, — улыбнулся Олс. — В наручниках. Скажите спасибо Марло. Вот его пистолет. — И Олс, вынув из кармана автоматический пистолет долговязого, положил его на угол письменного стола. Кронджейгер на пистолет покосился, но брать его не стал.

Уайлд хмыкнул. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и дымил своей длинной пятнистой сигарой. Потом наклонился вперед, отхлебнул кофе, вытащил из нагрудного кармана шелковый носовой платок, вытер им губы и снова убрал его в карман.

— С этим убийством, похоже, связано еще два, — сказал Олс, теребя пальцами подбородок.

Кронджейгер замер. В его ледяных глазах появился стальной блеск.

— Ты слышал, что в Лидо сегодня утром из океана подняли автомобиль, в котором обнаружен труп?

— Нет, — отрезал Кронджейгер с тем же сумрачным видом.

— Личность покойного установлена, — продолжал Олс. — Он служил шофером в одной состоятельной семье. Глава семьи подвергся шантажу и обратился за помощью к Уайлду, а Уайлд по моему совету порекомендовал ему Марло. Марло же стал копать и докопался до убийства.

— Скажи лучше, нагрел на убийстве руки, — сказал Кронджейгер. — Что-что, а это частные сычи умеют. Уж не стесняйся, говори как есть.

— Что верно, то верно, — сказал Олс. — С уголовной полицией лучше не стесняться, а то вы таких дел наделаете — потом не расхлебашь.

Хищный нос Кронджейгера заострился еще больше, щеки побелели, в тишине слышно было, как воздух со свистом вырывается у него из легких.

— Не тебе учить нас работать, — еле слышно проговорил он.

— Ладно, это мы потом разберемся, кому кого учить, — сказал Олс. — Так вот, этот шофер накануне вечером на твоей территории пристрелил одного типа, Гейгера, промышлявшего в своем магазине на Голливуд-бульвар порнографией. Этот Гейгер жил с парнем, который сейчас сидит у

меня в машине. В каком смысле «жил», ты, надеюсь, понимаешь?

Кронджейгер взял себя в руки и теперь спокойно смотрел на Олса.

— История, похоже, получается грязная, — сказал он.

— Насколько мне известно, за чистые истории полиция не берется, — огрызнулся Олс и повернулся ко мне, вскинув свои кустистые брови: — А ты что помалкиваешь, Марло? Расскажи ему, как обстояло дело.

И я рассказал.

Рассказал все, как было, скрыв — сам не знаю почему — лишь две вещи: приход Кармен в квартиру Броди и визит Эдди Марса в дом Гейгера.

Кронджейгер слушал, не сводя с меня глаз, в которых абсолютно ничего не выражалось. Когда я кончил, он погрузился в долгое молчание. Молчал и Уайлд, он маленькими глотками пил кофе и как ни в чем не бывало попыхивал своей длинной пятнистой сигарой. Олс же не отрываясь смотрел на свой большой палец.

Наконец Кронджейгер медленно откинулся на спинку кресла, положил ногу на ногу, почесал своей худой нервной рукой лодыжку и, насупившись, с убийственной вежливостью произнес:

— Стало быть, все ваше достижение, Марло, сводится к тому, что вчера вечером вы не заявили о первом убийстве, а весь сегодняшний день проболтались по городу, дав тем самым возможность дружку Гейгера совершить второе убийство.

— Совершенно верно, но ведь я оказался в безвыходном положении. Может, я и совершил ошибку, но мне хотелось защитить своего клиента, а кроме того, откуда я мог знать, что дружок Гейгера станет охотиться за Броди?

— Ваше дело было заблаговременно сообщить обо всем в полицию, Марло. Если бы вчера вечером мы знали об убийстве Гейгера, книги из магазина никогда бы не попали в квартиру Броди, да и сам Броди остался бы жив. Вы ведь его, можно сказать, подставили. Верно, такие, как Броди, всегда ходят по лезвию ножа, но человеческая жизнь есть человеческая жизнь.

— Напомните это своим людям, когда они в очередной раз подстрелят какого-нибудь мелкого воришку, который пускается от них наутек с украденной запаской в руках.

Тут Уайлд хлопнул по столу обеими руками.

— Хватит! — отрезал он. — Скажите-ка лучше, Марло, почему вы так уверены, что Гейгера убил Тейлор? Даже если пистолет, из которого стреляли в Гейгера, был найден в кармане Тейлора или у него в машине, это еще вовсе не означает, что убийца обязательно он. Ведь пистолет могли

в машину подбросить. И сделать это мог, к примеру, сам Броди — настоящий убийца.

— Теоретически это возможно, но в данном случае, мне кажется, исключается. На Броди и его подружку это очень непохоже, и потом, убийство вообще в планы Броди не входило. Я ведь с ним долго разговаривал. Он аферист, но не убийца. У него было два пистолета, но с собой он не носил ни одного. Про подпольный бизнес Гейгера он знал от своей девицы и явно хотел войти в долю. Броди сам рассказал мне, что время от времени он следил за домом Гейгера — чтобы не нарваться на его покровителей, и я ему верю. Что-то не верится, чтобы Броди сначала из-за порнографических альбомов пристрелил Гейгера, потом скрылся с фотографией обнаженной Кармен Стернвуд, потом подбросил пистолет в машину Оуэну Тейлору, а самого Тейлора вместе с машиной столкнул с причала в море. Многовато для одного человека! А вот Тейлор мог убить Гейгера из ревности. Не спросив разрешения, он взял машину своих хозяев, приехал к Гейгеру и застрелил его на глазах у девушки, чего Броди, будь он убийцей, никогда бы не сделал. Ведь его интересовал не сам Гейгер, а его махинации. А Тейлор бы сделал: ведь это Гейгер втянул его в порнобизнес.

Уайлд улыбнулся и перевел взгляд на Кронджейгера. Кронджейгер фыркнул.

— А почему надо было прятать тело? — спросил меня Уайлд. — Какой в этом смысл?

— Об этом следует спросить у дружка Гейгера. Думаю, это его рук дело. Если бы Гейгера убил Броди, он бы в дом возвращаться не стал. По всей вероятности, сожитель Гейгера явился домой, когда я отвозил Кармен, увидел на ковре труп, испугался, что явится полиция — такие, как он, стараются держаться от блюстителей закона подальше, — и счел за лучшее вынести из дома все свои вещи, а тело — спрятать. Судя по следу, оставшемуся на ковре, он выволок труп из дому и, скорее всего, припрятал его в гараже. Потом собрал все свои вещи, увез их, а поздно ночью, устыдившись того, как он обошелся со своим возлюбленным, вернулся в дом еще раз и переложил еще не окончательно застывший труп из гаража на кровать. Все это, впрочем, лишь догадки.

Уайлд кивнул.

— А сегодня утром, — продолжал я, — парень, как ни в чем не бывало, пошел в книжный магазин и, увидев, что Броди вывозит книжки, выяснил, по какому адресу эти книги следуют. «Кто их себе присвоил, — вероятно, рассудил он, — тот и убил Гейгера». Возможно даже, он знал о

Броди и его девице гораздо больше, чем те подозревали. Что скажешь, Олс?

— Это все мы со временем выясним, — сказал Олс, — но Кронджейгеру от этого не легче. Больше всего он расстроился, что убийство произошло вчера вечером, а его об этом поставили в известность только сейчас.

— Ничего, это я как-нибудь переживу, — с мрачной улыбкой заметил Кронджейгер, злобно покосился на меня к тут же вновь отвернулся.

— Покажите нам вещественные доказательства, Марло, — сказал Уайлд, махнув сигарой.

Я сунул руку в карман и выложил на стол всю свою добычу: три долговые расписки, визитную карточку Гейгера, которую тот послал генералу Стернвуду, фотографии обнаженной Кармен и синюю записную книжку с зашифрованным списком фамилий и адресов. Ключи от дома Гейгера я вручил Олсу раньше.

Уайлд дымил сигарой и молча разглядывал лежавшие на столе вещи. Олс тоже закурил и с невозмутимым видом выпустил дым в потолок. Кронджейгер же, наклонившись вперед, медленно переводил глаза с одного предмета на другой.

Уайлд постучал пальцем по долговым распискам и сказал:

— По-моему, это всего лишь приманка. Если генерал Стернвуд заплатил по этим счетам, значит, он боялся еще чего-то. Не заплати он, Гейгер взял бы его за горло. Вы случайно не знаете, Марло, чего боялся генерал? — Уайлд не отрываясь смотрел мне прямо в глаза.

Я отрицательно покачал головой.

— Вы все нам рассказали? Ничего не утаили?

— Ничего, если не считать кое-каких обстоятельств сугубо личного характера. Я и в дальнейшем не хотел бы касаться этих обстоятельств, мистер Уайлд.

— Ха! — презрительно фыркнул Кронджейгер.

— Почему? — не повышая голоса, спросил Уайлд.

— Потому что мой клиент, пока он не попал под суд, вправе рассчитывать на мою защиту. У меня есть патент частного детектива, обратите внимание — частного. Оба убийства расследованы, личность убийц установлена, мотивы — тоже. Скрыть придется лишь историю с шантажом и соответственно имена шантажистов и шантажируемых.

— Но почему? — снова спросил Уайлд.

— С частным сыщиком такого класса не спорят, — съязвил Кронджейгер.

— Сейчас я вам кое-что покажу, — сказал я, встал, вышел на улицу,

подошел к своей машине и достал оттуда сверток с книгой из гейгеровского магазина. Шофер в полицейской форме дежурил возле машины Олса, где, откинувшись на сиденье, полулежал долговязый.

— Он что-нибудь говорил? — спросил я у шофера.

— Послал меня куда подальше, — ответил шофер и сплюнул. — Чего с него взять.

Я вернулся в дом, положил сверток перед Уайлдом на стол и развернул бумагу. Кронджейгер стоял у стола и говорил по телефону. Когда я вошел, он положил трубку и сел.

Уайлд с совершенно невозмутимым видом полистал книгу, закрыл ее и передал Кронджейгеру. Кронджейгер открыл ее, перевернул пару страниц и поспешно закрыл. На его щеках вспыхнули красные пятна — величиной в полдоллара каждое.

— Посмотрите на даты выдачи, — посоветовал я.

Кронджейгер снова открыл книгу и взглянул на проставленный на форзаце штамп:

— Ну и что?

— Если понадобится, я засвидетельствую под присягой, что эта книга из магазина Гейгера. А эта блондинка, Агнес, подтвердит, какой товар продавался в магазине. Стоит в этот магазин заглянуть, чтобы понять, что книги — это лишь вывеска. Но голливудская полиция, по каким-то соображениям, в подпольный бизнес Гейгера не вмешивалась. Так вот, на суде могут поинтересоваться, чем же при этом полиция руководствовалась.

— Действительно, — улыбнувшись, сказал Уайлд, — иногда в суде задают щекотливые вопросы — они там все никак не могут взять в толк, что собой представляет жизнь современного города.

Тут Кронджейгер вскочил и надел шляпу:

— С вами, я вижу, каши не сварить. Я занимаюсь особо тяжкими преступлениями, и, если этот ваш Гейгер промышлял порнографией, меня это не касается. Хочу, однако, предупредить: в широкой огласке мы не заинтересованы. Что-нибудь еще вам от меня нужно?

Уайлд переглянулся с Олсом, и тот спокойно ответил:

— Передать тебе арестованного. Пошли.

Олс встал, Кронджейгер бросил на него свирепый взгляд и вылетел из комнаты. Олс последовал за ним. Дверь кабинета закрылась. Некоторое время Уайлд молча смотрел на меня своими ясными синими глазами и барабанил пальцами по столу, а потом сказал:

— Его можно понять. Полиция не любит, когда от нее что-то скрывают. Вам все равно придется давать показания — хотя бы для

протокола. Может быть, удастся представить эти убийства как два самостоятельных дела, не упоминая имени генерала Стернвуда. Догадываетесь, почему я не оторвал вам голову?

— Нет, я уже приготовился к мучительной смерти.

— Сколько вам платят за работу?

— Двадцать пять долларов в день плюс расходы.

— То есть пока что вы заработали пятьдесят долларов и еще немного на бензин.

— Около того.

Уайлд склонил голову набок и почесал подбородок мизинцем левой руки:

— И за эти гроши вы готовы восстановить против себя всю полицию штата?

— Ничего не поделаешь, — сказал я. — Меня наняли вести дело. Это моя работа, мой хлеб. Весь свой опыт, все свое умение я обязан употребить на то, чтобы отстаивать интересы своего клиента... Я и так сегодня вечером рассказал вам много лишнего. Не заручившись согласием генерала, делать этого не следовало. Что же касается моей скрытности, то я сам, как вам известно, служил в полиции и знаю, чего стоит их прямота. Если кто-то посторонний пытается от них что-то скрыть, они изображают благородное негодование, бьют себя в грудь — сами же по многу раз в день выгораживают своих дружков или нужных людей. А ведь моя работа еще не закончена, я продолжаю вести дело, за которое взялся, и, если понадобится, поступлю точно так же снова.

— Если только Кронджейгер не отберет у вас патент, — усмехнулся Уайлд. — Вы сказали, что не будете распространяться о некоторых обстоятельствах личного характера. Эти обстоятельства существенны?

— Моя работа еще не закончена, — повторил я, глядя ему прямо в глаза.

Уайлд улыбнулся широкой, дерзкой улыбкой ирландца:

— Вот что я тебе скажу, сынок. Мой отец был близким другом старого Стернвуда, и я всегда делал все, что в моих силах, и даже больше, чтобы избавить генерала от неприятностей. Но бесконечно это продолжаться не может. Его дочери, в особенности блондиночка, рано или поздно влипнут в такую ситуацию, которую при всем желании не скроешь. Обе они распущенны до последней степени, и виноват в этом старый Стернвуд — видимо, он просто не понимает, что такое современная жизнь. И еще одно — раз уж мы с тобой разговорились по душам, и я на тебя не ворчу: ставлю американский доллар против канадского цента, что генерал боится, как бы

его зять, бывший бутлегер, не оказался замешанным во всю эту историю. Думаю, старик и нанял-то тебя только для того, чтобы убедиться, что Риган к шантажу отношения не имеет. Что скажешь?

— На шантажиста он, насколько я понимаю, похож мало. Как видно, он почувствовал себя в доме генерала не у дел и решил сбежать.

Уайлд хмыкнул:

— Не скажи, такие, как Риган, всегда найдут себе дело. Генерал говорил тебе, что он разыскивает Рыжего?

— Он сказал, что, к сожалению, не знает, где Риган и жив ли он. Стернвуду он нравился, и старик обиделся, что Риган уехал, не попрощавшись.

Уайлд откинулся на спинку стула и нахмурился.

— Понятно, — сказал он изменившимся голосом, после чего провел рукой по столу, синюю записную книжку Гейгера отложил, а все остальные вещественные доказательства придвинул ко мне: — Можешь все это забрать, мне эти вещи больше не нужны.

XIX

Было почти одиннадцать часов, когда я, поставив машину на стоянку, подошел к подъезду «Хобарт-Армс». Стеклопанная дверь запиралась в десять, поэтому пришлось воспользоваться ключом. Когда а вошел, поджидавший меня в холле мужчина отложил вечернюю газету, воткнул окурок в кадку с пальмой, встал, приподнял шляпу и сказал:

— Босс хочет поговорить с тобой. Нехорошо заставляешь друзей ждать.

Я остановился в дверях, глядя на его расплющенный нос и похожее на разжеванный бифштекс ухо.

— О чем?

— Какая разница? Главное, не зарывайся, и все будет о'кей. — Его пальцы скользнули к верхней пуговице расстегнутого пиджака.

— От меня еще пахнет легавыми, — сказал я. — Кроме того, я чертовски устал, у меня нет сил ни говорить, ни есть, ни думать. Но если ты считаешь, что у меня есть силы выполнять приказы Эдди Марса, — поскорей вынимай из кармана свою пушку, а не то я отстрелю тебе ухо.

— Брось ты, нет у тебя никакой пушки. — Бывший боксер в упор посмотрел на меня. Темные колючие брови сдвинулись, челюсть отвисла.

— В тот раз не было, — поправил его я. — Не всегда же мне безоружным ходить.

Он махнул рукой:

— Ладно, дело твое. У меня стрелять приказа не было. Эдди сам с тобой свяжется.

— Чем позже, тем лучше, — сказал я и медленно повернулся, следя глазами за своим гостем. Он подошел к двери, открыл ее и, не оглядываясь, вышел. Я усмехнулся собственной глупости, подошел к лифту и поднялся к себе в квартиру, после чего вынул из кармана маленький револьвер Кармен и, взглянув на него, громко расхохотался. Потом тщательно прочистил его, смазал, завернул во фланелевую тряпку и запер револьвер в стол. Покончив с этим, я смешал себе коктейль и только сделал глоток, как на столе зазвонил телефон. Я сел за стол и снял трубку.

— Тебя, я смотрю, голыми руками не возьмешь, — раздался голос Эдди Марса.

— И в перчатках тоже. Чем обязан?

— Там сейчас легавые — сам знаешь где. Ты мое имя не назвал?

— С какой стати?

— Имей в виду, приятель, как ты со мной, так и я с тобой.

— Слышишь, как у меня зубы стучат?

Марс сухо засмеялся:

— Так назвал или нет?

— Нет. Сам даже не знаю почему. Не до тебя было.

— Спасибо, приятель. Кто его прихлопнул?

— Завтра в газетах прочтешь. Хотя не гарантирую.

— Я хочу знать сейчас.

— Мало ли что ты хочешь.

— Ответишь или нет?

— Его пристрелил человек, которого ты знать не знаешь. Доволен?

— Еще бы! Если не врешь, конечно. Теперь, значит, я твой должник.

— Слушай, отпустил бы ты меня поспать, а?

Он снова засмеялся:

— Ты, кажется, ищешь Рыжего Ригана?

— Нет, хотя все почему-то в этом убеждены.

— А жаль, я мог бы тебе помочь. Заходи как-нибудь ко мне в клуб.

Буду рад.

— Может, зайду.

— Тогда до встречи. — Трубка щелкнула и замолчала, но я еще некоторое время судорожно прижимал ее к уху. А потом набрал номер Стернвудов и вскоре услышал учтивый голос дворецкого:

— Дом генерала Стернвуда.

— Говорит Марло. Помните меня? Друг детства.

— Да, мистер Марло. Конечно, помню.

— Миссис Риган дома?

— Как будто бы да. Вы не могли бы...

— ...Нет, — перебил я его, неожиданно передумав, — не мог бы.

Передайте ей, что фотографии у меня, все до одной, и что все в порядке.

— Да... да... — Мне показалось, что голос дворецкого слегка дрожит. — ...Фотографии у вас... все до одной... все в порядке... Да, сэр, обязательно передам... Большое спасибо, сэр.

Через пять минут телефон зазвонил снова. К этому времени я уже допил коктейль, у меня появился аппетит, и я, вспомнив, что не обедал, ушел в закусочную. Телефон проводил меня звонками и встретил тоже звонками. Звонил он с небольшими интервалами до половины первого ночи, пока я не выключил свет, не открыл окна, не приглушил телефонный звонок, обернув его листом бумаги, и не отправился спать. Стернвуды сидели у меня в печенках.

Наутро за яичницей с беконом я изучил все три утренние газеты. Уголовная хроника, как всегда, отличалась «достоверностью»: отчеты об убийствах были так же далеки от истины, как Земля от Сатурна. Ни одна из трех газет не связывала «самоубийство Оуэна Тейлора, водителя «бьюика», сорвавшегося с причала в районе Лидо», с «убийством в экзотическом коттедже на Лорел-кэньон». Ни в одной из газет не говорилось ни слова о Стернвудах, Берни Олсе или обо мне. Про Оуэна Тейлора сказано было, что он «работал шофером в одной богатой семье». Раскрыл оба преступления капитан голливудской полиции Кронджейгер, которому удалось установить, что некий Гейгер, владелец книжного магазина на Голливуд-бульвар, не поделил выручку с неким Броди, в результате чего Броди застрелил Гейгера, а Кэрол Ландгрэн — из мести — Броди. Задержанный полицией Кэрол Ландгрэн во всем признался. Он уже давно — возможно, со школы — находился на заметке у полиции. В качестве основного свидетеля задержана также секретарша Гейгера, Агнес Лозелл.

Отличная статейка. Создавалось впечатление, что Гейгер был убит накануне вечером, Броди — часом позже, а капитан Кронджейгер раскрыл эти преступления, не вынимая изо рта сигареты. Самоубийству Тейлора была посвящена первая страница второго раздела криминальной хроники, Сверху помещалась фотография, на которой был изображен стоящий на барже «бьюик» с затемненным номерным знаком, а у его подножки, на палубе, лежало накрытое простыней тело. В заметке говорилось, что Оуэн Тейлор последнее время жаловался на здоровье и страдал депрессией. Родители его жили в Дабеке, и тело поэтому будет отправлено туда. Дознание решено не проводить.

XX

Капитан Грегори, ответственный за розыск пропавших без вести, положил мою визитную карточку на свой широкий письменный стол, выровнял ее, после чего, слегка склонив голову набок, внимательно изучил мою визитку, что-то проворчал, развернулся в своем вращающемся кресле и посмотрел на улицу, откуда видны были зарешеченные окна верхнего этажа городского полицейского управления. Капитан был дородным мужчиной с усталыми глазами и медленными, выверенными движениями ночного сторожа.

— Частный сыщик, говоришь? — переспросил он монотонным, невыразительным голосом, по-прежнему глядя в окно и попыхивая маленькой, зажатой в зубах трубкой. — Чем могу быть полезен?

— Я работаю на генерала Стернвуда, 3765, Алта-Бриа-Креснт, Уэст-Голливуд.

Капитан Грегори, не вынимая трубки, выпустил изо рта дым:

— Что вы для него делаете?

— Не совсем то, чем занимается ваш отдел. И все же, думаю, в чем-то наши задачи совпадают.

— То есть?

— Видите ли, генерал Стернвуд — богатый человек. Он старый друг отца окружного прокурора, и, если ему вздумалось нанять мальчика на побегушках, это вовсе не значит, что он не доверяет полиции. Частный сыщик — это та роскошь, которую он может себе позволить.

— А с чего вы взяли, что генерал обратился в полицию?

На этот вопрос я не ответил. Капитан Грегори медленно, тяжело повернулся во вращающемся кресле, вытянул свои большие ноги и без всякого выражения уставился на меня. Запах в комнате стоял затхлый, какой бывает в кабинете службиста с многолетним стажем.

— В таком случае простите, что зря побеспокоил, капитан, — сказал я, слегка, всего дюйма на четыре, отодвигаясь от стола. Ножки стула, как на льду, скользили по линолеуму, которым был покрыт пол его кабинета.

Капитан Грегори даже не пошевелился. Он по-прежнему пристально смотрел на меня своими водянистыми усталыми глазами.

— Вы знаете окружного прокурора?

— Да, мы знакомы. Когда-то я у него работал. Еще я неплохо знаю Берни Олса, старшего следователя прокуратуры.

Капитан Грегори потянулся к телефону, снял трубку и пробурчал:

— Свяжите меня с Олсом из окружной прокуратуры.

Телефонная трубка опустилась на рычаг, рука капитана застыла на трубке. Он задумчиво выпускал кольцами дым в потолок. Взгляд под стать руке — тяжелый и неподвижный. Наконец спустя несколько минут раздался звонок, и капитан снял трубку, взяв в левую руку мою визитную карточку.

— Олс? Это Эл Грегори из розыска пропавших без вести. У меня тут сидит Филип Марло. В его визитке написано, что он частный сыщик. У него есть ко мне вопросы... Да? Как он выглядит?.. О'кей, благодарю.

Капитан вынул трубку изо рта и медным наконечником толстого карандаша стал уминать табак. Делал он это тщательно, со вкусом, как будто на свете не было ничего важнее. Покончив с трубкой, он удовлетворенно откинулся в кресле и опять уставился на меня:

— Что вы хотели?

— Узнать, как подвигается дело.

— С Риганом? — спросил он, помолчав.

— Так точно.

— А вы его знаете?

— Лично — нет. Я слышал, что он ирландец, хорош собой, что ему под сорок и в свое время он был бутлегером, потом женился на старшей дочке генерала Стернвуда, но они не поладили. Говорят, он исчез с месяц назад.

— Старику бы радоваться, а он частного сыщика нанимает. Тут не один сыщик нужен, а сто.

— Генерал к Ригану очень привязался. Такое ведь тоже бывает. Старик прикован к постели, одинок, а Риган подолгу сидел с ним, развлекал его разговорами.

— Вам что-то про него известно?

— Про Ригана? Нет, абсолютно ничего. Но генерала кто-то шантажирует, и мне хотелось выяснить, не замешан ли здесь Риган. Если бы знать, где он сейчас... Для этого мне и нужна ваша помощь.

— Я был бы рад помочь, приятель, но я понятия не имею, где он. Как сквозь землю провалился.

— А ведь от вашей службы укрыться не так-то просто, верно, капитан?

— Да, но иногда удается — на время. — С этими словами Грегори нажал на кнопку, и в комнату заглянула секретарша средних лет. — Абби, принесите мне досье на Теренса Ригана.

Дверь закрылась. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга,

затем дверь снова открылась, и секретарша положила на письменный стол толстую зеленую папку. Капитан Грегори отпустил женщину кивком головы, водрузил на красный нос очки в толстой роговой оправе, открыл папку и стал медленно листать бумаги. А я размял сигарету и приготовился слушать.

— Смылся он шестнадцатого сентября, — начал капитан. — В тот день, что существенно, у шофера Стернвудов был выходной, и поэтому никто не видел, как Риган вывел машину из гаража. Но было это уже под вечер. Машину мы нашли спустя четыре дня в частном гараже в Сансет-Тауэрз. Сторож обнаружил неизвестный автомобиль и сообщил в полицию. Местечко это называется Каса-де-Оро — сейчас скажу, почему это важно. Человека, который поставил в гараж машину Ригана, мы так и не нашли. Осмотр самой машины тоже ничего не дал: известных нам отпечатков пальцев обнаружить не удалось. Машина в чужом гараже — сами понимаете, еще не преступление, хотя что-то подозрительное в этом есть. Вся эта история привлекла наше внимание по совсем другой причине, сейчас объясню, по какой...

— В связи с исчезновением жены Эдди Марса, — подсказал я.

— Да, — без особого удовольствия согласился капитан. — Мы опросили владельцев коттеджей в Каса-де-Оро, и выяснилось, что она жила там. Оказалось, что пропала жена Марса примерно в то же время, что и Риган, может на пару дней позже. Человека, смахивающего на Ригана, видели вместе с ней, но проверенных сведений у нас нет. Бывает ведь, что полуслепая старуха с первого взгляда опознает парня, которого мельком видела из окна полгода назад, а покажешь увеличенную фотографию коридорному в отеле — и он тебе ничего путного не скажет.

— На то он и коридорный, — заметил я.

— Именно. Работай в полиции после этого! Так вот, Эдди Марс с женой не жил, но, по его словам, они оставались в хороших отношениях. Риган мог увести у него жену и сбежать — это первое, что приходит на ум. Кроме того, у Ригана было при себе пятнадцать тысяч, с этими деньгами он никогда не расставался. Пятнадцать тысяч наличными. Не фальшивые купюры, не «кукла», а настоящие доллары. Сумма немалая, и кто-то мог увидеть у него в руках эти деньги. Вообще деньгами Риган, судя по всему, мало интересовался: по словам его жены, за все время, что он прожил у Стернвудов, он не взял у генерала ни цента; жил, правда, за его счет и ездил в «паккарде» — подарок жены. А ведь он — бывший бутлегер, привык к сытой жизни.

— То-то и странно.

— Короче, мы имеем дело с человеком, который удрал с пятнадцатью тысячами в кармане и не скрывал этого. Деньги хорошие. Будь у меня столько, я бы и сам, может, тоже смылся, ведь у меня два парня на шее сидят. Что ж получается? Кто-то, выходит, мог Ригана выследить, обобрать, самого его прикончить, а труп вывезти куда-нибудь подальше, в пустыню, и закопать под кактусом. Но мне, честно говоря, эта гипотеза не нравится. Ведь Риган был вооружен и за себя постоять умел: стрелять ему приходилось не только по пьяницам в салунах, но и во время ирландских беспорядков в 1922 году[6], когда под его началом, говорят, целый полк был. Такого, как он, голыми руками не возьмешь. С другой стороны, тот, кто Ригана обобрал, наверняка видел его машину в Каса-де-Оро и знал, что он равнодушен к жене Марса. А раз знал, значит, был посвящен в его секреты, поэтому это дело рук не какого-то случайного проходимца.

— Фотографии у вас есть? — спросил я.

— Его — есть, а ее — нет, что, кстати, тоже странно. История вообще какая-то странная. Вот. — И капитан Грегори положил на стол глянцевую фотографию, с которой на меня смотрело типично ирландское лицо — скорее грустное, чем веселое, скорее скромное, чем наглое. На уголовника не похож, но не похож и на человека, который даст себя в обиду. Прямые брови, выпуклый, довольно низкий лоб, спутанные рыжие волосы, тонкий короткий нос, большой рот. Подбородок волевой, но по сравнению со ртом слишком маленький. Лицо напряженное, решительное — такой мелочиться не станет, пойдет ва-банк. Я вернул фотографию капитану. Теперь уж Рыжего Ригана я узнаю, обязательно узнаю — если увижу, конечно.

Тем временем капитан Грегори почистил трубку, набил ее снова и примял табак большим пальцем. Прикурил, выпустил дым и заговорил опять:

— Кто-то же должен был знать про интрижку Ригана с супругой Эдди. Не говоря уж о самом Эдди. Он-то наверняка знал. Знал, но виду не подавал. Мы ведь тогда глаз с него не спускали. Впрочем, Эдди никогда не стал бы убивать Ригана из ревности. Не такой он дурак. Ведь подозрение сразу же пало бы на него.

— Боюсь, вы его недооцениваете, — возразил я. — Именно поэтому он и мог пойти на преступление. Двойная игра.

Капитан Грегори покачал головой:

— Нет, если Марс действительно хитер, он бы сообразил, что это не в его интересах. Я вашу мысль понял: Эдди идет на преступление потому, что мы от него этого не ожидаем. Определенная логика тут есть, но вы не учитываете, что бизнесмену лучше не портить отношений с полицией. Это

мы с вами можем водить полицию за нос. А он — нет. Ведь полиция ему, в случае чего, этого не простит. Нет, этот вариант я исключаю. Докажите мне, что я не прав, и я у вас на глазах съем подушку, на которой сижу. Пока же Эдди у меня вне подозрений. Ревность для такого, как он, — не повод для преступления. Он — рэкетир высокого полета, а рэкетеры — люди деловые. Они не дают воли чувствам и во вред себе не действуют. Так что Марс отпадает.

— Кто ж тогда остается?

— Сам Риган и его дамочка. Раньше она была блондинкой, а теперь, надо думать, перекрасилась. Ее машину мы не нашли — вероятно, в ней они и смылись. Они нас здорово опередили — на целых две недели. Если бы не отыскалась машина Ригана, мы вообще не смогли бы начать расследование. Разумеется, я уже привык к подобному повороту событий — в богатых семьях такое сплошь и рядом бывает. И разумеется, мне все приходилось делать тайком.

Капитан откинулся в кресле и обхватил подлокотники своими здоровенными ручищами.

— Надо набраться терпения, другого выхода нет, — подытожил он. — Мы уже разослали объявления о розыске, но ждать результатов еще рано. У Ригана было с собой пятнадцать тысяч, это мы знаем точно, у его девицы тоже, видимо, какая-то сумма имелась, были и драгоценности. Но и деньги и драгоценности со временем кончатся, правда ведь? Рано или поздно Риган себя обнаружит: получит деньги по чеку либо напишет письмо. Они живут в другом городе, под другими именами, но аппетиты-то у них прежние. Попадутся, никуда не денутся.

— А чем занималась жена Марса до замужества?

— Была эстрадной певичкой.

— И вы не смогли раздобыть ее старых фотографий?

— Нет. У Эдди-то они наверняка есть, но он не дает. Хочет, чтобы ее оставили в покое. Я ничего не могу с ним поделаться. У него в городе влиятельные друзья, иначе бы он так себя не вел. — Капитан Грегори хмыкнул. — Ну что, моя информация вам пригодилась?

— Вы их никогда не найдете, — сказал я. — Тихий океан — рукой подать.

— Говорю же, если я не прав, я готов у вас на глазах съесть подушку, на которой сижу. Мы обязательно найдем его. Но на это потребуется время. Год или даже два.

— Генерал Стернвуд может не дожить, — сказал я.

— Мы сделали все, что в наших силах, приятель. Если генерал готов

потратиться и предложить вознаграждение, мы сможем быстрее добиться результатов. Что ж поделаешь, муниципалитет не отпускает на розыск пропавших без вести достаточно средств. — И капитан, сдвинув густые брови, уставился на меня своими большими усталыми глазами: — Вы что же, всерьез считаете, что Эдди мог прикончить их обоих?

Я рассмеялся:

— Нет, конечно. Я пошутил. Я с вами целиком согласен, капитан. Риган сбежал с любимой женщиной от своей богатой, но нелюбимой жены. Кстати, в права наследства его жена еще не вступала.

— Вы, наверное, с ней знакомы?

— Да. Раз в неделю эта красотка позволяет себе красиво пожить, но в принципе она сидит на голодном пайке.

Капитан Грегори только хмыкнул, а я поблагодарил его и ушел. Когда я отъезжал от главного полицейского управления, за мной пристроился серый «плимут» Свернув на тихую улочку, я притормозил, дав ему возможность догнать меня, но «плимут» этим не воспользовался, и я, оторвавшись от него, поехал по своим делам.

XXI

Вместо того чтобы ехать к Стернвудам, я вернулся к себе в контору, плюхнулся во вращающееся кресло и стал болтать ногами. Поднялся сквозняк, и сажа от форсунок находившегося по соседству отеля носилась по комнате, словно перекасти-поле на ветру. Я сидел, болтал ногами и думал о том, что надо бы пойти пообедать, что жизнь скучна, что, даже если выпить, веселей не станет и что пить одному, да еще в такое время дня, — неинтересно. От этих грустных размышлений меня оторвал звонок Норриса. Своим непроницаемым, вкрадчивым голосом он сообщал, что сегодня генерал Стернвуд неважно себя чувствует, но ему вслух прочли кое-что из напечатанного в газетах, и он сделал вывод, что я свою задачу выполнил.

— Да, с Гейгером вопрос решился сам собой, — согласился я. — Но я его не убивал.

— Генерал вовсе не считает, что Гейгера убили вы, мистер Марло.

— А генералу что-нибудь известно о тех фотографиях, из-за которых беспокоилась миссис Риган?

— Нет, сэр. Решительно ничего не известно.

— Вы знаете, что вручил мне при встрече генерал?

— Да, сэр. Я полагаю, он передал вам три долговые расписки и визитную карточку.

— Совершенно верно. Я их верну. А фотографии, вероятно, лучше всего уничтожить.

— Вы абсолютно правы, сэр. Миссис Риган вчера вечером звонила вам...

— ...Меня не было. Решил с горя напиться.

— Понимаю, разрядка иногда совершенно необходима. Кстати, генерал распорядился послать вам чек на пятьсот долларов. Эта сумма вас устраивает?

— Более чем.

— Таким образом, дело можно считать закрытым?

— Разумеется. Запертым на замок.

— Спасибо, сэр, мы все вам чрезвычайно благодарны. Генерал просил передать вам, что, если завтра ему станет немного лучше, он хотел бы поблагодарить вас лично.

— Прекрасно, — сказал я. — Надеюсь, генерал опять угостит меня

бренди с шампанским?

— Можете не сомневаться, сэр, — сказал старый хрен с наглой ухмылкой в голосе. — А уж я позабочусь о том, чтобы шампанское было холодным как лед.

Говорить больше было не о чем. Мы попрощались, и я положил трубку. Теперь в комнате пахло не только сажей, но и крепким кофе из соседнего бара, однако запах кофе аппетита не вызывал. Я достал из ящика письменного стола свою заветную бутылку, отхлебнул из нее и решил подвести некоторые итоги.

Итак, Рыжий Риган сбежал от миллионов и красавицы жены с таинственной блондинкой, женой (какой-никакой) рэкетира Эдди Марса. Сбежал совершенно неожиданно, как в воду канул — и наверняка неспроста. Генерал — то ли из гордости, то ли из осторожности — умолчал во время нашей беседы, что поисками его зятя занимается полиция. Как выяснилось, капитан Грегори из отдела по розыску кропавших без вести Риганом действительно занимался, но как-то вяло, считая, по всей видимости, что игра не стоит свеч. В конце концов, рассудили в полиции, это личное дело Ригана, и раз он так поступил, значит, у него были основания. Капитан Грегори прав: маловероятно, чтобы Эдди Марс прикончил их обоих; с какой стати он будет ревновать женщину, с которой даже не живет? Разумеется, вся эта история удовольствия ему не доставила, но бизнес дороже всего; или делать деньги, или гоняться за похищенными блондинками — одно из двух. Ради крупной суммы Эдди Марс мог бы пойти на убийство, но из-за каких-то там пятнадцати тысяч он мараться не станет — он же не мелкий аферист типа Броди!

Теперь, когда Гейгер отправился на тот свет, Кармен придется искать себе другого собутыльника и наркомана. Для этого, впрочем, ей достаточно с застенчивым видом постоять минут пять на перекрестке. Не исключено, правда, что на этот раз она станет жертвой более матерого жулика, который присосется к ней всерьез и надолго.

Раз миссис Риган одалживала деньги у Эдди Марса, значит, она хорошо с ним знакома. А впрочем, в этом нет ничего удивительного, она же играет в рулетку у него в клубе и регулярно проигрывает. Любой содержатель игорного дома всегда готов дать займы своему постоянному клиенту. Кроме того, у них общий враг — Риган, он бросил Вивьен и увел жену у Эдди Марса.

Теперь Кэрол Ландгрэн, этот юный мститель с ограниченным запасом слов. Даже если парня и не отправят в газовую камеру, на свободу он выйдет очень нескоро. Впрочем, «вышка» ему вряд ли грозит, ведь он

подаст прошение о помиловании, сэкономив тем самым муниципальные денежки. Так поступают все, у кого не хватает средств на хорошего адвоката. Агнес Лозелл задержана в качестве главного свидетеля. Если Кэрол подаст прошение о помиловании, ее свидетельские показания не понадобятся, а если он признает себя виновным в предумышленном убийстве, ее и вовсе отпустят. О подпольном бизнесе. Гейгера на суде речь едва ли зайдет, а раз так — Агнес перед законом чиста.

Что же касается меня, то я скрыл убийство и в течение двадцати четырех часов утаивал улики от полиции, что, впрочем, не мешает мне в данный момент разгуливать на свободе, да еще с чеком на пятьсот долларов в кармане. Поэтому самое разумное сейчас — еще выпить и поскорей забыть обо всем, что произошло за эти дни.

Последовав собственному совету, я выпил, а затем, перехитрив самого себя, позвонил Эдди Марсу в Лас-Олиндас и напросился к нему в гости.

В Лас-Олиндас я попал, когда было уже девять вечера, и сквозь сгустившийся над побережьем туман пробивался яркий свет высокой октябрьской луны. Клуб «Кипарис», массивный особняк, бывший в свое время летней резиденцией миллионера Де Казенса, а потом отелем, находился на окраине города. За гнущимися на ветру стволами монтерейских кипарисов — отсюда и название клуба — вырисовывалось громоздкое, заброшенное на вид здание с громадными балконами, всевозможными башенками, витражами на высоких окнах и вместительными, но пустующими конюшнями на заднем дворе. Заброшенный особняк, который Эдди Марс оставил без изменений, хотя при желании мог бы переделать в роскошный павильон типа «Метро-Голдвин-Майер», казался издали необитаемым, полуразвалившимся замком. Оставив машину на освещенной потрескивающими дуговыми фонарями улице, я вошел в рошу и по влажной гравиевой дорожке направился к главному входу. Привратник в двубортном гвардейском мундире ввел меня в просторный полутемный и совершенно пустой холл, из которого навстречу, плавно изгибаясь, вела широкая белая дубовая лестница. Сдав шляпу и пальто, я стал ждать, прислушиваясь к музыке и приглушенным голосам, раздававшимся за тяжелыми двойными дверями. Казалось, голоса эти звучат откуда-то очень издалека, совсем не из этого старого, допотопного здания. Тут дверь под лестницей приоткрылась, и я увидел худого блондина с одутловатым лицом, того самого, который вместе с Эдди Марсом и бывшим боксером приходил в дом Гейгера. Блондин кисло улыбнулся и повел меня по устланному ковром коридору в кабинет босса.

Мы вошли в квадратную комнату с высоченными потолками, эркером и массивным камином, в котором лениво потрескивали можжевельные сучья. Камин был обшит деревом, а стена над ним затянута выцветшей камчатной тканью. Пахло холодным морем.

Темный неполированный современный письменный стол Эдди Марса в комнату с эркером и камином не вписывался — как, впрочем, и все предметы, изготовленные после 1900 года: шоколадного цвета ковер, радиоприемник, а также севрский чайный сервиз и самовар на медном подносе. Интересно, кто здесь пьет чай из самовара? В углу была дверь с часовым механизмом.

Эдди Марс встретил меня широкой улыбкой, крепко пожал мне руку и мотнул головой в сторону двери:

— Если бы не сейф, меня бы уже давно обобрали. Легавые каждое утро заваливаются сюда поглазеть, как он открывается. С моего согласия, разумеется.

— Ты намекнул, что у тебя есть ко мне дело, — сказал я.

— Ты что, торопишься? Садись, выпей.

— Нет, не тороплюсь, но ведь я по делу пришел, а не разговоры разговаривать.

— Выпей, тебе понравится, — сказал Марс, смешал два коктейля, один взял себе, а второй поставил на край стола, рядом с красным кожаным креслом. Присев на стол, он скрестил ноги, в одну руку взял стакан, а другую опустил в боковой карман темно-синего смокинга, выставив наружу большой палец с блестящим ногтем. В смокинге вид у него был более солидный, чем в сером фланелевом костюме, но сходство с жокеем сохранялось. Мы выпили, кивнув друг другу головой в знак приветствия.

— Первый раз в Лас-Олиндасе? — спросил он.

— Нет, бывал здесь как-то во время сухого закона. Я ведь азартными играми особенно не увлекаюсь.

— Ты просто никогда не играл на деньги. — Марс улыбнулся. — Советую посмотреть, как это делается. Кстати, сегодня здесь одна твоя знакомая в рулетку играет, и ей, я слышал, везет. Вивьен Риган.

Я сделал еще один глоток и взял со стола сигарету с монограммой Эдди.

— А ты вчера удачно выступил, — сказал он после паузы. — Сначала я на тебя разозлился. А потом сообразил, что ты был прав. Мы с тобой поладим. Сколько я тебе должен?

— За что?

— Все осторожничаешь? Не думай, у меня в полиции свои люди, а то

бы меня здесь не было. Поэтому-то я все и узнаю из первых рук. — И он широко улыбнулся. Зубы крупные, белые.

— И что ты с этого имеешь?

— Ты о чем? О деньгах?

— Да нет, я так понял, что у тебя есть секретные источники информации.

— А тебя что интересует?

— Уже забыл? Риган.

— А, Риган... — Мягкий свет от висевшей под потолком бронзовой люстры упал на его блестящие ногти. — Ты, я вижу, в курсе. А я хотел с тобой расплатиться. За хорошее отношение я привык платить.

— Я сюда не за тем приехал. Я работаю не бесплатно, не беспокойся. По твоим понятиям, я получаю немного, но мне хватает. И потом, у меня правило: никогда не работать одновременно на двух клиентов. Ты случаем Ригана не убивал?

— Нет. А ты что, на меня подумал?

— Был грех. С тебя ведь станется.

— Шутишь? — Он засмеялся.

— Конечно, шучу. — Я тоже засмеялся. — С Риганом я не знаком, но фотографию его видел. Твои люди с ним бы не справились. Кстати, раз уж мы заговорили о твоих людях, пожалуйста, не посылай больше ко мне своих подручных. А то я могу обидеться, распахуюсь и отправлю кого-нибудь из них на тот свет.

Марс молча посмотрел сквозь стекло на огонь в камине, поставил стакан на край стола и вытер губы дорогим батистовым платком.

— Красиво говоришь, — сказал он. — Не много ли только ты на себя берешь? Тебя Риган действительно интересует?

— Нет, мне его искать не поручали. Но есть человек, который хотел бы знать, где он.

— Ей-то наплевать, — отозвался Эдди.

— Ей — да, а вот отец ее думает по-другому.

Марс снова вытер губы и посмотрел на батистовый платок с таким видом, словно ожидал увидеть на нем кровь. А затем сдвинул густые серые брови и провел пальцем по обветренному красному носу.

— Гейгер пытался шантажировать генерала, — пояснил я. — Генерал мне ничего не сказал, но, насколько я понял, он очень боится, что в историю с шантажом замешан Риган.

Эдди Марс рассмеялся:

— Да, у Гейгера это был коронный прием. Он сам все придумал и

действовал в одиночку: брал с людей долговые расписки, самые настоящие долговые расписки, хотя возбудить по ним иск никогда бы не рискнул. А потом рассылал эти расписки и терпеливо ждал. Если добыча клевала, он брался за дело, если нет — отступал.

— Неглупо, — признал я. — Профессиональный вымогатель. Довымогался. А откуда ты все это знаешь?

Марс с раздражением повел плечами:

— Чего я только не знаю! Голова уже от этих знаний трещит! Нет ничего хуже, чем копаться в чужих делах. Значит, если тебя наняли разыскать Гейгера, то с этим покончено, верно?

— Покончено и уплачено.

— Очень тебе сочувствую. Старому Стернвуду не мешало бы взять такого лба, как ты, на зарплату, чтобы было кому присмотреть за его дочками, а то ведь они ни одного вечера дома не сидят.

— А зачем надо за ними присматривать?

Эдди Марс презрительно поджал губы:

— Затем, что они обе совсем от рук отбились. Взять хотя бы старшую. Она ведь здесь днюет и ночует. Если проигрывает, впадает в азарт, спускает все до последнего цента и удаляется, оставив мне расписку на клочке бумаги, которую ни один банк не примет. Своих денег у нее нет, на карманные расходы ей дает генерал, а кому он завещал свое состояние — неизвестно. Если же она выигрывает, то с собой увозит наличные.

— Которые, впрочем, просаживает на следующий же день.

— Верно, кое-что отыграть иногда удается, но последнее время я в проигрыше.

Эдди Марс серьезно посмотрел на меня, как будто рассказывал что-то очень важное. Интересно все-таки, почему он счел нужным сообщать мне все эти подробности?

— Пойду посмотрю, как играют, — сказал я, зевнув и допив коктейль.

— Пожалуйста. — Эдди указал мне на дверь рядом с сейфом: — Отсюда прямо в игровой зал попадешь, только сзади.

— Я бы предпочел войти в зал, как все, через главный вход.

— О'кей. Дело твое. Итак, будем друзьями, а, приятель?

— Будем. — Я встал, и мы пожали друг другу руки.

— Может, когда-нибудь я смогу тебя по-настоящему отблагодарить, — сказал Эдди Марс. — О Ригане ты узнал от Грегори?

— Он что, тоже твой человек?

— Да нет, мы просто друзья.

Я пристально посмотрел на него, а затем направился к двери, к той, в

которую вошел. Открыл ее и, повернувшись, напоследок спросил:

— Сегодня мне на хвост сел какой-то тип в сером «плимуте». Не ты его подослал?

— Я?! — Марс посмотрел на меня вытаращенными от удивления глазами. — Ты что, спятил?! Зачем мне за тобой следить?

— Вот и я тоже думаю — зачем? — сказал я, выходя из кабинета. Уж очень он искренне удивился. И вроде бы даже забеспокоился. С чего бы это?

XXII

В половине одиннадцатого маленькому мексиканскому оркестру надоело играть заунывную мелодичную румбу, под которую все равно никто не танцевал. Трубочник потер кончики пальцев, как будто они у него болели, и почти тут же вставил в рот сигарету. Остальные музыканты с желтыми лентами через плечо, как по команде, нагнулись, взяли стоявшие на полу под их стульями стаканы и стали пить мелкими глотками, причмокивая и тараща глаза. Пили они, скорее всего, минеральную воду, хотя делали вид, что это водка. Впрочем, что они пьют, какую мелодию играют, никого, кроме них самих, не интересовало.

Эта комната когда-то была танцевальным залом, и Эдди Марс оставил в ней почти все, как было, внося лишь самые незначительные изменения. Не было здесь ни блестящей металлической мебели, ни полумрака, ни картин из плавленого кварцевого стекла, ни кожаных кресел кричащего цвета — словом, всего того псевдомодернистского стиля, каким славятся голливудские ночные притоны. С потолка, как и пятьдесят лет назад, свисали тяжелые хрустальные люстры, стены были по-прежнему обтянуты выцветшей от времени и потемневшей от пыли тканью, а пол выложен старинным, в тон стен, до блеска начищенным паркетом. Паркет, впрочем, виден был лишь на маленькой площадке перед сценой, где играл мексиканский оркестр, большая же часть комнаты была покрыта тяжелым малиновым, и по всей вероятности очень дорогим, ковром. Искусно, со знанием дела выложенный из доброй дюжины различных сортов древесины — бирманского тика, нескольких сортов дуба, красного дерева и лиловой дикой сирени, что растет в Калифорнии, — паркет переливался всеми цветами радуги.

Комната по-прежнему была очень красива, только теперь сюда приводили не танцевать размеренные, старомодные танцы, а играть в рулетку. У стены за низкой бронзовой перегородкой стояли рядом три стола; игра шла на всех трех, но народ почему-то толпился в основном у среднего. Мелькала там и черная головка Вивьен Риган, за которой я следил с другого конца комнаты, облокотившись на стойку бара и вертя в пальцах стаканчик бакарди.

Рядом со мной, наблюдая за богато одетыми игроками, собравшимися у среднего стола, пристроился и бармен.

— Сегодня она дает им жару, — сказал он. — Вон та, высокая, с

черными волосами.

— Кто такая?

— Как зовут, не знаю, но бывает она здесь чуть ли не каждый день.

— Имена постоянных клиентов надо знать.

— Мне-то зачем? Я ведь здесь не хозяин, — миролюбиво возразил бармен. — Сегодня она сюда с кавалером прикатила, но он напился, и его в машину отнесли.

— Я отвезу ее домой, — сказал я.

— Так она с вами и поехала. А впрочем, желаю успеха. Вам разбавить бакарди, мистер, или так пить будете?

— Если уж пить это пойло, так неразбавленным.

— А вот я пью, только когда горло болит.

Толпа расступилась, из нее вышли двое в смокингах, и в образовавшемся просвете я увидел затылок и голые плечи Вивьен Риган. Одета она была в довольно рискованное для игорного клуба бархатное платье бутылочного цвета с глубоким вырезом. Толпа снова сдвинулась, и теперь опять видна была только ее черная головка. Двое в смокингах пересекли комнату, подошли к бару и, облокотившись на стойку, заказали виски с содовой. Один из них был очень возбужден и вытирал покрасневшее лицо большим носовым платком с черными уголками. Двойные атласные полосы на его брюках были шириной с автостраду.

— Вот это да! — воскликнул он дрожащим от волнения голосом. — Восемь раз подряд поставить на красное и ни разу не проиграть! Такое только в рулетке бывает!

— Надо же! — подхватил второй. — Меньше тысячи она на кон не ставит! Везет же людям!

И они, уткнувшись носами в стаканы, с жадностью опорожнили их и ушли.

— Много они понимают, — сказал бармен. — Подумаешь, тысячу поставила... Однажды я собственными глазами видел, как один хмырь в Гаване...

Тут возле среднего стола поднялся шум и послышался громкий, чеканный голос с акцентом:

— Простите, мадам, но вам придется подождать. Мы не в состоянии принять вашу ставку. Сейчас придет мистер Марс.

Не допив бакарди, я двинулся к рулетке. Ноги утопали в мягком ковре. Оркестрик заиграл было танго, причем довольно громко, но никто не танцевал и танцевать, судя по всему, не собирался. Протискиваясь между людьми в смокингах, фраках, тройках и спортивных пиджаках, я подошел к

самой дальней от бара рулетке. Вокруг было пусто. За столом, скосив глаза налево, стояли рядом два крупье. Один из них машинально водил лопаткой по голому зеленому сукну. Оба не сводили глаз с Вивьен Риган.

Она стояла у среднего стола, прямо напротив рулетки. Длинные ресницы вздрагивали, лицо было белое, как бумага. Перед ней на столе в беспорядке валялись деньги и фишки. Много денег. С крупье она говорила ледяным, наглым, недовольным голосом:

— А я-то думала, что «Кипарис» — солидное заведение. Ну, что стоишь без дела, давай крути колесо, длинноногий. Я играю последний раз, ставлю все. Интересное дело: когда выигрыш за вами, то норовите денежки побыстрее припрятать, а когда приходится расплачиваться — скулить начинаете.

На лице крупье играла холодная, вежливая улыбочка человека, который повидал на своем веку тысячи хамов и миллионы придурков. Высокий, смуглый, корректный, держится безупречно.

— Мы не в состоянии принять вашу ставку, мадам, — твердо повторил он. — У вас здесь больше шестнадцати тысяч долларов.

— Это же ваши деньги, — раздраженно произнесла Вивьен. — Неужели вам не хочется отыгратсья?

Стоявший рядом мужчина пустился было в объяснения, но она, повернувшись, что-то резко сказала ему, и он, покраснев, скрылся в толпе. За огороженными бронзовым заборчиком столами в дверях с равнодушной улыбкой на лице появился Эдди Марс. Руки, как всегда, в карманах пиджака, большие пальцы — наружу. Излюбленная поза Эдди. Остановившись у среднего стола, за спиной у крупье, он лениво, с легким раздражением в голосе спросил:

— Вы чем-то недовольны, миссис Риган?

Вивьен порывисто повернулась в его сторону. Скулы напряглись. Чувствовалось, что она очень волнуется.

— Если вы не хотите больше играть, — спокойно сказал Эдди Марс, не дождавшись ответа на свой вопрос, — позвольте мне отправить вас домой с провожатым.

Вивьен вспыхнула. На сведенных судорогой щеках проступили белые пятна.

— Сегодня играю последний раз, Эдди, — резко сказала она с деланным смехом. — Все, что выиграла, ставлю на красное. Люблю красный цвет, цвет крови.

Едва заметно улыбнувшись, Эдди Марс сунул руку во внутренний карман пиджака, достал оттуда большой, искусственной кожи бумажник с

золотым тиснением и небрежно бросил его через стол.

— Поставьте эти деньги на банк, — приказал он крупье. — Если никто не возражает, господа, ставки в этой игре делает только мадам Риган.

Никто не возражал, и Вивьен, решительно подавшись вперед, обеими руками передвинула весь свой выигрыш на огромный красный ромб.

Крупье неторопливо наклонился над столом, пересчитал ее деньги и фишки, несколько фишек и банкнот сдвинул лопаткой на угол стола, а остальные сложил аккуратной стопкой, после чего открыл бумажник Эдди Марса, вынул оттуда две пачки тысячедолларовых банкнот, распечатал одну из них, отсчитал шесть кредиток, положил на нераспечатанную пачку, четыре оставшихся спрятал обратно в бумажных и отбросил его в сторону так небрежно, словно это был коробок спичек. Эдди Марс к бумажнику даже не прикоснулся. Все замерли.левой рукой крупье запустил рулетку, а неуловимым поворотом запястья правой бросил шарик из слоновой кости по кругу, а затем отошел от стола и сложил на груди руки.

Вивьен слегка приоткрыла рот, и зубы ее при свете люстры хищно сверкнули. Между тем шарик лениво катился по кругу, подпрыгивая на хромированных выступках, над цифрами, а потом вдруг сухо щелкнул и замер. Колесо вращалось все медленнее, таща за собой неподвижный теперь шарик. Только когда рулетка остановилась, крупье подошел к столу и безразличным голосом произнес:

— Выиграл красный.

Маленький шарик из слоновой кости замер на номере 25, в трех номерах от «двойного зера». Вивьен откинула назад голову и торжествующе засмеялась.

Крупье поднял лопатку, сгреб тысячедолларовые банкноты, придвинул их к банкнотам и фишкам, лежавшим на красном ромбе, и медленно сдвинул всю сумму на угол стола.

Эдди Марс улыбнулся, убрал бумажник обратно в нагрудный карман, повернулся на каблуках и скрылся за дверью.

Толпа издала вздох облегчения и устремилась к бару. Я тоже. Я уже был у стойки, когда Вивьен только еще собрала выигрыш и отошла от стола. Спустившись в просторный, пустой холл, я взял шляпу и пальто, бросил гардеробщице на поднос монетку в четверть доллара и вышел на крыльцо. Передо мной выросла огромная фигура швейцара.

— Прикажете подогнать машину, сэр?

— Нет, я хочу пройтись.

Орнамент на крыше был влажным от тумана. Влажными были и кроны растворившихся во мраке монтерейских кипарисов. Впереди за кипарисами

шумел океан. Видно было, как в разные стороны расходятся десятки ног. Я спустился по ступенькам и пошел по едва различимой тропинке, пока не услышал внизу шум волн, лизавших подножие влажной от тумана скалы. Темень кромешная. Ближайший ряд деревьев виден был хорошо, следующий уже хуже, дальше все тонуло в густом тумане. Я повернул налево и на ощупь вернулся к гравиевой дорожке, ведущей к конюшне, которая теперь использовалась в качестве гаража. Когда впереди возникла смутные очертания стены дома, я остановился. Невдалеке послышался мужской кашель.

На мягком, влажном дерне мои шаги едва ли можно было услышать. Мужчина кашлянул снова, а затем приглушил кашель носовым платком или рукавом пиджака. Я сделал несколько шагов в его сторону и вскоре разобрал в темноте маячившую рядом с тропинкой тень. Совершенно инстинктивно я встал за дерево и пригнулся. И очень вовремя: мужчина повернулся в мою сторону. В темноте его лицо должно было казаться белым пятном. Но белого пятна не было, лицо оставалось темным. Мужчина был в маске.

Прижавшись плечом к дереву, я стал ждать.

XXIII

На невидимой тропинке послышались легкие шаги. Явно женские. Стоявший передо мной мужчина пошевелился. Туман был такой густой, что казалось, мужчина на него опирается. Женщины я сначала не видел вообще, а потом разглядел лишь неясные очертания ее высокой фигуры. Что-то в высокомерной посадке головы показалось мне знакомым. Мужчина сделал шаг ей навстречу. Их фигуры, казавшиеся призрачными в тумане, соединились. Несколько секунд стояла мертвая тишина. Затем раздался мужской голос:

— У меня в руке пистолет, детка. Тихо. Туман заглушает звук. Давай сумку.

Женщина застыла на месте. Я выглянул из-за деревьев, и первое, что бросилось мне в глаза, было белое облачко тумана, повисшее над шляпой мужчины. Женщина стояла совершенно неподвижно. До меня донеслось ее хриплое, прерывистое дыхание — как будто кто-то водил напильником по мягкому дереву.

— Только пикни, — пригрозил мужчина, — я тебе мозги вышибу.

Она не издала ни звука. И не сдвинулась с места.

— Не бойся, у меня твои бабки не залежатся. — Послышался сухой смешок.

Затем щелкнул замок, и я услышал, как мужчина роется в сумочке. Он повернулся и направился к дереву, за которым стоял я. Находясь от меня буквально в двух шагах, он снова засмеялся. Знакомый смех. Я достал из кармана трубку и выставил ее длинным концом вперед, на манер пистолета. А потом прошептал:

— Привет, Ленни.

Мужчина остановился как вкопанный и поднял руку.

— Не вздумай, Ленни, — сказал я. — Сколько раз тебе повторять. Ты попался.

Все замерли — и женщина на тропинке, и Ленни, и я.

— Положи сумку на землю, дружок, — приказал я. — И не дергайся.

Он нагнулся, а я вышел из-за дерева и подошел к нему вплотную. Поставив сумку на землю, он выпрямился. Дышит тяжело, в руках пусто.

— То-то же, — похвалил я, вытаскивая у него из кармана пальто пистолет. — Последнее время все почему-то отдают мне свое оружие. Теперь у меня пистолетов столько, что еле ноги таскаю — такая тяжесть. А

теперь проваливай.

Хрипло дыша, мы тарасились друг на друга, словно два кота, не поделивших добычу. Я сделал шаг назад:

— Ступай, Ленни. И не обижайся. Будем считать, что ничего не было. Договорились?

— Договорились, — буркнул он и растаял в тумане. Шаги удалились, и вновь наступила тишина. Я поднял сумочку, пошарил в ней рукой и двинулся к тропинке. Женщина по-прежнему стояла неподвижно. Серая шубка, на воротнике рука без перчатки, слабо сверкающее в темноте кольцо. Темные волосы с пробором посередине сливаются с ночным мраком. Глаза — тоже.

— Bravo, Марло. Вы теперь мой телохранитель? — Голос хриплый, неестественный.

— Похоже на то. Вот ваша сумочка.

Она взяла ее и сунула под мышку.

— Вы на машине? — спросил я.

Она рассмеялась:

— Я здесь с мужчиной. А вы что тут делаете?

— Навестил Эдди Марса. Он хотел со мной поговорить.

— А я и не знала, что вы знакомы. Что он от вас хотел?

— Могу сказать, если вам так интересно. Он, видите ли, думал, что я ищу одного человека, который, по слухам, сбежал с его женой.

— И вы действительно его ищете?

— Нет.

— Зачем же тогда приехали?

— Чтобы выяснить, почему он решил, что я ищу человека, который, по слухам, убежал с его женой.

— И что же вы выяснили?

— Ничего.

— Вы — как радио: говорите много, а толку мало. Впрочем, меня все это не касается — даже если человек этот мой муж. А я-то думала, вас эта история не интересует.

— Поневоле заинтересуешься, если кругом только об этом и говорят.

Она раздраженно застонала. Похоже, что грабителя в маске она уже успела забыть.

— Проводите меня в гараж, — сказала она. — Надо посмотреть, как там мой кавалер поживает.

Мы пошли по тропинке, завернули за угол здания, увидели впереди свет, еще раз повернули и попали на ярко освещенный двумя

прожекторами, вымощенный кирпичом конюшенный двор со стоком посередине. Двор был заставлен переливавшимися на свету машинами. В углу на табурете сидел сторож в коричневом халате, который тут же вскочил и подошел к нам.

— Мой кавалер еще в себя не пришел? — небрежно спросила его Вивьен.

— Боюсь, что нет, мисс. Я укрыл его и поднял окна. Ничего, проспится.

Мы подошли к огромному «кадиллаку», и сторож открыл заднюю дверцу. На широком сиденье, укрытый до подбородка пледом, громко храпел здоровенный блондин, от которого разлило виски.

— Познакомьтесь, мой друг Ларри Кобб, — сказала Вивьен. — Ларри, это мистер Марло. Марло, это мистер Кобб.

Я хмыкнул.

— Мистер Кобб вызвался меня сопровождать, — продолжала она. — Мистер Кобб — мой кавалер. Трогательнейший, доложу я вам, господин. Такой внимательный, такой обходительный. Обидно, что вы не видели его трезвым. Впрочем, и я тоже. Его еще никто трезвым не видел. А жаль. Если бы кто-то хотя бы один раз, хотя бы одну минутку видел Ларри Кобба трезвым, он сохранил бы это яркое и, увы, мимолетное впечатление на всю оставшуюся жизнь.

— Угу, — буркнул я.

— Я даже, знаете ли, собиралась за него замуж, — сказала Вивьен высоким, срывающимся голосом, как будто шок от нападения только сейчас дал себя знать. — Да, когда на душе тоскливо, и не такое в голову прийти может. Что ж, у всех у нас бывают заскоки. И потом, он же купается в деньгах. Деньги, яхта, дом в Лонг-Айленде, дом в Ньюпорте, дом на Бермудах, дома по всему свету. А в кармане — бутылка шотландского виски. Уж с ней-то мистер Кобб никогда не расстается.

— Угу, — повторил я. — Есть кому отвезти его домой?

— Не говорите «угу», это пошло. — Вивьен взглянула на меня, подняв брови. Сторож в халате старательно жевал нижнюю губу. — И он еще спрашивает, кто может отвезти его домой?! Да у него целый полк шоферов! Каждое утро, чуть свет, они наверняка маршируют перед гаражом. Пуговицы сверкают, мундиры вычищены, белые перчатки — безукоризненны. Чем не Уэст-Пойнт!^[7]

— Так где же тогда, черт побери, его шофер? — не выдержал я.

— Мистер Кобб сегодня вечером сам сел за руль, — пояснил извиняющимся тоном сторож в коричневом халате. — Если угодно, я

позвоню и вызову шофера.

Вивьен повернулась к сторожу и улыбнулась ему такой обворожительной улыбкой, будто он только что преподнес ей диадему с бриллиантами:

— В самом деле? Это было бы очень мило с вашей стороны. Не могу же я допустить, чтобы мистер Кобб скончался вот так, с открытым ртом. А то еще, не дай бог, подумают, что он умер от жажды.

— Принюхаются — не подумают, — резонно возразил коричневый халат.

Вивьен открыла сумочку, вытащила оттуда несколько измятых банкнот и протянула их сторожу:

— Надеюсь, вы о нем позаботитесь?

— Господи! — воскликнул сторож, не веря своим глазам. — Все сделаю в лучшем виде, не беспокойтесь, мисс.

— Меня зовут Риган, миссис Риган, — ласково сказала она. — Может быть, еще увидимся. Вы здесь давно работаете?

— Н... нет, мэм, — промямлил сторож, неловко перебирая пальцами пачку денег.

— Вам здесь понравится, вот увидите, — заверила сторожа Вивьен и, взяв меня под руку, объявила:

— Марло, я еду в вашей машине.

— Но я оставил ее на улице.

— Это не имеет значения. Пройдемся. Что может быть лучше прогулки в предрассветном тумане? Такие интересные люди попадают на пути!

— О боже! — вырвалось у меня.

Она повисла на моей руке и начала дрожать. Всю дорогу через рощу она крепко держалась за меня, дрожа всем телом, и, только сев в машину, немного успокоилась. Объехав «Кипарис» сзади по тенистой кривой улочке, я попал на бульвар Де-Казенс, главную улицу Лас-Олиндаса. Промчавшись под старомодными потрескивающими дуговыми фонарями, мы через некоторое время въехали в город. Мелькали здания с темными окнами, мертвые магазины, бензоколонка с зажженной над звонком дежурной лампочкой и, наконец, аптека. Еще открыта.

— Вам надо выпить, — сказал я.

Она молча сидела, забившись в угол. Лицо бледное, перекошенное. Я развернулся и притормозил у входа в аптеку.

— Чашка черного кофе и капля виски вам не повредит, — сказал я.

— С удовольствием напилась бы сейчас до потери сознания, —

откликнулась она.

Я вышел, открыл ей дверцу, и она вылезла из машины, скользнув волосами по моей щеке. Мы вошли в аптеку, я купил в винном отделе пинту виски, принес бутылку в бар и поставил ее перед Вивьен на треснувшую мраморную стойку.

— Два кофе, — сказал я аптекарю. — Черного, крепкого и по возможности не прошлогоднего.

— У нас распивать спиртное не разрешается, — отрезал аптекарь в застиранном голубом халате, с жидкими волосами на макушке и честными подслеповатыми глазами.

Вивьен Риган, порывшись в сумочке, достала пачку сигарет, ловко, по-мужски вытряхнула из пачки две штуки и протянула их мне.

— Распивать здесь спиртное запрещается, — повторил аптекарь.

Не обращая на его слова никакого внимания, я раскурил обе сигареты. Аптекарь подставил чашки под тусклый никелированный кофейный автомат, разлил кофе и подал его нам. Потом покосился на бутылку виски, что-то пробормотал себе под нос и, вздохнув, сказал:

— Ладно, разливайте, а я послежу за улицей.

Он вышел из-за стойки, подошел к окну и, став к нам спиной, наострил уши.

— У меня от страха зуб на зуб не попадает, — сказал я, отворачивая пробку и наливая виски в кофе. — Полиция ведь здесь свирепствует. Во времена сухого закона заведение Эдди Марса было ночным клубом и каждый вечер он ставил у входа двух молодчиков в форме, чтобы посетители не проносили выпивку, а заказывали ее в баре.

Тут аптекарь неожиданно повернулся к нам лицом, зашел за стойку и молча скрылся за стеклянной дверью провизорской.

Мы сидели на высоких табуретах и маленькими глотками пили обжигающую смесь кофе с виски. Я взглянул на Вивьен в зеркало, висевшее на кофейном автомате. Лицо напряженное, бледное, красивое. Взгляд безумный, ярко-красные губы презрительно сжаты.

— У вас злые глаза, — сказал я. — Чем вы не угодили Эдди Марсу?

Она посмотрела на меня — тоже в зеркало:

— Раздела его в рулетку. Он ведь проиграл кучу денег, в том числе и те пять тысяч, что сам же одолжил мне вчера вечером.

— Да, это могло вывести его из себя. Думаете, поэтому он натравил на вас этого головореза?

— Какого еще головореза?

— Ну, того в маске, с пистолетом.

— Вы, получается, тоже головорез?

— Конечно. — Я засмеялся. — Но обычно «головорезом» называют врага, а не друга.

— Иногда мне кажется, что враги — все.

— Мы отвлеклись. Так что же имеет против вас Эдди Марс?

— Вы, вероятно, хотите спросить, имеет ли он надо мной власть?

— Именно.

На ее губах заиграла презрительная улыбочка.

— Придумайте что-нибудь поостроумнее, Марло.

Я сделал паузу и спросил:

— Как генерал? На этот раз я серьезно спрашиваю.

— Неважно. Сегодня он весь день пролежал в постели. Может, хватит меня допрашивать?

— Вы же меня тоже допрашивали. Что генералу известно?

— Возможно, все.

— От Норриса?

— Нет, к нему приезжал Уайлд, окружной прокурор. Надеюсь, вы сожгли фотографии?

— Естественно. Вы, я вижу, иногда за сестренку все-таки беспокоитесь.

— Только за нее я и беспокоюсь. И еще — за отца. Чтобы он чего не узнал.

— Думаю, что особых иллюзий он уже не питает, — сказал я. — Но чувство собственного достоинства у него сохранилось.

— Мы — его кровь. В том-то и беда, — проговорила она и пристально, тяжелым взглядом, как бы издали посмотрела на меня в зеркало. — И я не хочу, чтобы он умер, возненавидев своих собственных детей, свою кровь. В нашем роду всегда хватало безумцев. Безумцев, но не развратников.

— А сейчас?

— Вы-то наверняка считаете нас аморальной семейкой.

— Вас — нет. Вы лишь строите из себя светскую львицу.

Она потупилась. Я пригубил кофе и снова закурил две сигареты, одну — себе, другую — ей.

— А вы, оказывается, в людей стреляете, — тихо проговорила она. — Вы убийца?

— Я? С чего вы взяли?

— В газете прочла. Впрочем, я газетам не особенно доверяю.

— Значит, вы решили, что на моей совести убийство Гейгера? Или Броди? Или обоих?

Она промолчала.

— Мне их убивать было незачем, — продолжал я. — Хотя я вполне мог бы их пристрелить, и это убийство сошло бы мне с рук. Ведь и тот и другой, дай им только волю, не колеблясь отправили бы меня на тот свет.

— Значит, в душе вы убийца, как, впрочем, и все легавые.

— О господи!

— Один из тех абсолютно хладнокровных, безжалостных молодчиков, которые испытывают не больше чувств к своей жертве, чем забивающий скотину мясник. Я это сразу поняла. Как только вас увидела.

— Вокруг вас ошивается достаточно темных личностей. Неужели я похож на них?

— Вы хуже. Они — дети по сравнению с вами.

— Спасибо на добром слове. Но и вы тоже не подарок.

— Давайте уедем из этого мерзкого городка.

Я расплатился, сунул недопитую бутылку виски в карман, и мы уехали. Выходя, я поймал на себе неодобрительный взгляд аптекаря.

Выехав из Лас-Олиндаса, мы поехали вдоль моря через маленькие, утопающие в зелени городки. У самой воды на песке стояли крошечные, похожие на хижины домики, а дома побольше прятались в дюнах. Изредка попадались одно-два освещенных окна, большинство же зданий было погружено во мрак. В густом, поднимающемся над морем тумане пахло водорослями. Шины мерно шуршали по влажному бетону. Было сыро и пусто.

Первый раз она заговорила, когда мы въезжали в Дель-Рей. Голос ее звучал глухо, как будто пробиваясь через какую-то преграду.

— Возле курортного клуба сверните к берегу. Хочется посмотреть на воду. Следующая улица налево.

На перекрестке мигал желтый свет. Я повернул налево и поехал вниз, к морю. Слева тянулся высокий обрыв, справа — железнодорожное полотно, за насыпью внизу мерцали огоньки, а еще дальше, над городом, в дымке тумана сверкали огни причала. У моря, однако, туман уже поднялся. Улица пересекала скрывающееся за обрывом железнодорожное полотно и упиралась в асфальтированную дорогу, идущую вдоль пустынного пляжа. На обочине выстроились припаркованные на ночь машины. В ярдах трехстах играл огнями пляжный клуб.

Я притормозил у тротуара, выключил фары и замер, не снимая рук с руля. В поднимающемся тумане еле слышно, словно чей-то далекий шепот, набегала на берег, пенясь и играя, морская волна.

— Сядь ближе, — внезапно сказала она низким, с хрипотцой голосом.

Я отодвинулся от руля на середину сиденья, а она, повернувшись в пол-оборота к окну, словно собираясь выглянуть наружу, молча, не издав ни звука и чуть было не ударившись головой о руль, упала навзничь мне в объятия и закрыла глаза. Потом опять их открыла, и я заметил, что они лихорадочно горели в темноте.

— Обними меня покрепче, головорез.

Сначала я обнял ее не сильно, но затем крепко обхватил за талию и, приподняв, посадил себе на колени. После чего бережно притянул ее к себе. Ее ресницы трепетали, словно крылышки у мотылька, а жесткие волосы щекотали мне щеки.

Я стал целовать ее — сначала быстро, жадно, потом медленно, подолгу. Губы ее раскрылись, по телу пробежала дрожь.

— Убийца, — выдохнула она изо рта в рот.

Прижав ее к себе с такой силой, что ее дрожь передалась и мне, я продолжал целовать ее, пока наконец она не высвободила голову и не спросила:

— Где ты живешь?

— Хобарт-Армс, Франклин, возле Кенмора.

— Никогда там не была.

— Хочешь поехать?

— Да.

— Что имеет против тебя Эдди Марс?

Я почувствовал, как она вся напряглась, издала горлом какой-то гортанный звук, отпрянула и широко раскрытыми глазами уставилась на меня. Видно было, как сверкают в темноте белки.

— А ты все свое, — произнесла она тихим, поникшим голосом.

— А я все свое. Целоваться — дело хорошее, но твой отец не для того мне деньги платит, чтобы я с тобой спал.

— Подонок, — спокойно сказала она, даже не пошевелившись.

Я рассмеялся ей в лицо:

— Не подумай только, что я — равнодушный сухарь. Я не слепой и не бесчувственный. И кровь у меня такая же горячая, как у любого другого. А ты, я смотрю, покладистая, долго уговаривать тебя не надо. Так что же имеет против тебя Эдди Марс?

— Еще раз повторишь — закричу.

— Давай. И погромче.

Она вырвалась из моих объятий, пересела на свое сиденье и забилась в угол.

— За те слова, что ты мне сказал, убивают, учти это, Марло.

— Ни за что тоже убивают. Я же сразу тебя предупредил: я — детектив. Заруби это на своем хорошеньком носике. Это моя работа, красавица. Работа, а не игра.

Отвернувшись, она порылась в сумочке, вынула оттуда носовой платок, сунула его в рот и стала медленно, методично рвать его зубами на части.

— С чего ты взял, что он что-то против меня имеет? — прошептала она приглушенным из-за платка голосом.

— Могу ответить. Сначала он дает тебе выиграть кучу денег, а потом подсылает грабителя с пистолетом их у тебя отобрать. И тебя это нисколько не удивляет. Ты ведь даже не поблагодарила меня за то, что я тебе эти денежки сохранил. Создается впечатление, что все это было разыграно, причем, льщу себя надеждой, лично для меня.

— Что значит «дает выиграть»? Ты что же, считаешь, он может выигрывать и проигрывать по своему усмотрению?

— Конечно. Четыре раза из пяти — если ставит ту же сумму, что и ты.

— Знали бы вы, мистер Детектив, как я вас ненавижу.

— На здоровье. Ты же мне денег не платишь.

Она выбросила разорванный платок из окна:

— Хорошо же вы обращаетесь с женщинами.

— А ты хорошо целуешься.

— И держитесь прекрасно. Одна посадка головы чего стоит. Не знаю только, кого мне благодарить за доставленное удовольствие — вас или моего отца?

— Мне с тобой целоваться понравилось.

— Пожалуйста, увезите меня отсюда, — сказала она медленным, срывающимся от гнева голосом. — Я хочу домой.

— Ко мне домой, детка?

— Будь у меня бритва, я полоснула бы ею тебя по горлу. Просто из любопытства: что из тебя потечет.

— Змеиный яд, — сказал я, включил мотор, развернулся и той же дорогой, через железнодорожный переезд, потом по шоссе, вернулся в Лас-Олиндас, а оттуда — в Уэст-Голливуд. Вивьен со мной не разговаривала. Она сидела молча и совершенно неподвижно. Наконец я свернул в ворота стернвудовской усадьбы и подъехал к особняку. Машина еще не остановилась, а Вивьен уже распахнула дверцу и, даже не попрощавшись, выскочила на ходу. Я видел, как она взбежала на крыльцо и позвонила в звонок. Дверь открылась, выглянул Норрис, Вивьен его оттолкнула, вошла и скрылась из виду. Дверь захлопнулась, а я еще долго сидел и смотрел в

одну точку. Потом я развернулся, выехал из ворот и отправился домой.

XXIV

На этот раз в холле было пусто. Никто не ждал меня у кадки с пальмой с пистолетом в кармане. Никто не отдавал мне приказаний. Поднявшись на лифте на свой этаж, я быстро зашагал по коридору. За чьей-то дверью тихонько мурлыкало радио. Я торопился: ужасно хотелось выпить. Так торопился, что, войдя в квартиру, не стал включать свет, а бросился прямо на кухню. И тут только почувствовал какой-то странный запах. Сквозь задернутые шторы в комнату с улицы пробивался слабый свет. Я остановился и принюхался. Пахло духами — сильными, терпкими духами.

Тихо, ни звука. Вскоре, однако, глаза мои привыкли к темноте, и я увидел, что на полу, посередине комнаты, что-то лежит. Я попятился, нащупал большим пальцем выключатель и включил свет.

Кресло-кровать было разложено, и из него доносилось хихиканье. На моей подушке покоилась светлая головка, а под ней чьи-то согнутые в локтях руки. В моей постели устроилась Кармен Стернвуд. Лежала как у себя дома и хихикала. По подушке струился водопад золотистых волос, словно специально для этой цели расчесанных. На меня — как всегда, пристально, будто целясь, — внимательно смотрели серо-голубые глаза. Кармен улыбнулась, показав свои маленькие хищные зубки:

— Здорово я придумала, а?

— Не то слово, — буркнул я, подошел к торшеру, включил его, вернулся к двери потушить верхний свет и снова возвратился через всю комнату к торшеру, под которым на низком столике стояла разложенная шахматная доска. На доске были расставлены фигуры. Мат в шесть ходов. Решить эту задачу, как, впрочем, и многие другие, я не мог. Я окинул глазами позицию и сделал ход слоном, а потом только скинул шляпу и пальто. Все это время до меня доносилось тихое хихиканье, похожее на мышиную возню за стенкой.

— Держу пари, ты никогда не догадаешься, как я здесь очутилась.

Я вынул сигарету и тупо уставился на нее:

— Держу пари, что догадаюсь. Ты проникла через замочную скважину — как Питер Пен[8].

— Кто это такой?

— Один мой знакомый. Когда-то вместе в бильярд играли.

— Ну, ты даешь, — сказала она, захихикав.

— А где ж большой... — начал было я, но Кармен меня опередила.

Напоминать ей про большой палец было излишне; она вынула правую руку из-под головы и принялась сосать палец, поглядывая на меня своими очень круглыми и очень лукавыми глазами.

— А я голая, — сообщила она, когда я, покурив, смерил ее долгим взглядом.

— Господи, я ведь так и думал, — откликнулся я. — Мне уже давно не дает покоя эта мысль. Ты просто меня опередила. Не скажи об этом ты, я бы и сам через минуту сказал: «Держу пари, что ты совершенно голая». А вот я всегда сплю в калошах, чтобы можно было поскорей вскочить и убежать, если ночью дурные мысли преследуют.

— Ну, ты даешь! — Она опять прыснула и, по-кошачьи потершись щекой о подушку, вынула из-под головы левую руку, взялась за кончик одеяла, а затем, выдержав паузу, откинула его.

Действительно, лежит в чем мать родила. При свете торшера ее гладкая кожа отливала жемчугом. Да, сегодня ночью генеральские дочки взялись за меня всерьез.

— Смотришься ты неплохо, ничего не скажешь, — признал я, снимая с нижней губы крошку табака. — Только я все это уже видел. Я ведь не первый раз застаю тебя голой. Помнишь?

Она захихикала и укрылась одеялом.

— Так как же все-таки ты сюда попала? — спросил я.

— Меня управляющий впустил. Я предъявила ему твою визитную карточку. Я ее у Вивьен украла. Управляющему я соврала, что ты мне назначил встречу и велел, если тебя не будет, подождать. Здорово я его одурачила, да? — Очень собой довольна.

— Здорово, — согласился я. — Все управляющие одинаковы. А теперь, когда я знаю, как ты сюда попала, расскажи мне, сделай милость, как ты намереваешься отсюда уйти.

Она опять захихикала:

— Уйти? А я никуда уходить не собираюсь... Мне и здесь хорошо. С тобой.

— Послушай. — Я вынул изо рта сигарету. — Не заставляй меня снова тебя одевать. Надоело. Я очень ценю твой благородный жест, но воспользоваться им, увы, не могу. Джек Потрошитель никогда не подводит друзей, а ведь я — твой друг и не желаю тебе зла. Если же я приму твое предложение, мы не сможем оставаться друзьями. Пожалуйста, очень тебя прошу, оденься.

Она отрицательно покачала головой.

— Слушай, — не сдавался я. — Ты совершенно не думаешь обо мне. Я

понимаю, тебе хочется продемонстрировать, какая ты испорченная, но ведь я это и так знаю. Ведь это я обнаружил...

— Выключи свет, — перебила она, хихикая.

В сердцах я швырнул сигарету на пол и растер ее ногой, потом достал носовой платок и вытер потные ладони. Попробую еще раз:

— Дело не в соседях, не думай. Им ведь наплевать. В любом многоквартирном доме заезжих шлюх всегда хватает, и, если их будет на одну больше, здание не рухнет. Дело тут в профессиональной этике. Понимаешь — в моей профессиональной этике. Я же работаю на твоего отца. Он — больной человек, слабый, беспомощный. Он ведь мне доверяет — а я возьми и выкини такой номер! На что это похоже? Пожалуйста, Кармен, оденься.

— Тебя зовут не Джек Потрошитель, а Филип Марло. Меня не проведешь.

Я посмотрел на шахматную доску. Слоном я пошел зря. Я вернул слона обратно. Слоны в этом окончании решающего значения не имеют. Не их это партия.

Оторвавшись от доски, я снова взглянул на Кармен. Она лежала, прижавшись бледной щекой к подушке, и смотрела перед собой большими, ввалившимися и пустыми, словно колодец во время засухи, глазами. Маленькая ручка с совершенно одинаковыми, узкими пальчиками беспокойно теребила одеяло. Где-то в глубине души она, вероятно, усомнилась в неотразимости своих чар, хотя сама еще об этом не знала. Женщинам, даже хорошеньким, очень нелегко свыкнуться с тем, что их тело лишено притягательности.

— Я иду на кухню сделать себе коктейль, — сказал я. — Хочешь выпить?

— Угу. — На меня внимательно смотрели спокойные, немного озадаченные глаза. В них зародилось сомнение, и вкрадывалось оно так же незаметно, как крадется в высокой траве выследивший дрозда кот.

— Если оденешься — получишь коктейль, договорились?

Она опять приоткрыла рот и, не ответив, тихонько зашипела, а я пошел на кухню, достал бутылку виски и шипучку и смешал два коктейля. С удовольствием дал бы ей что-нибудь покрепче, глицерин или дистиллированную серную кислоту. Когда я со стаканами вернулся в комнату, она даже не пошевелилась, но шипение прекратилось. Глаза были снова пустые, на губах заиграла прежняя лукавая улыбочка. Внезапно она села на кровати, откинула одеяло и потянулась за стаканом:

— Дай.

— Оденешься — дам.

Я поставил коктейли на шахматный столик и закурил:

— Одевайся, я не смотрю.

Я отвернулся, но тут до меня вновь донеслось шипение, на этот раз громкое, зловещее, и я покосился в ее сторону. По-прежнему голая, она стояла на четвереньках на кровати. Рот приоткрыт, лицо точно обглоданная кость. Шипение со свистом, словно бы против ее желания, вырывалось у нее изо рта. В пустых глазах Кармен что-то таилось. Что-то такое, чего я никогда не видел в глазах женщин.

И тут ее губы, словно у куклы, которую дергают за веревочку, очень медленно, очень осторожно раздвинулись, и Кармен смачно грубо выругалась.

Я не обиделся. В конце концов такое слово в свой адрес я слышал не впервые. Мне не понравилось другое. Мне не понравилось, что меня обругали в моей же собственной квартире. Ведь в этой комнате я жил. Другого дома у меня не было. Здесь хранилось то, что есть у каждого, что связывает с прошлым, заменяет семью: книги, фотографии, радио, шахматы, старые письма, что-то еще в этом же роде. Вещей этих было мало, совсем мало, но они принадлежали мне, моей памяти.

Больше переносить этот спектакль я был не в силах, и ее брань лишь напомнила мне об этом.

— Если через три минуты, — тихим, внятным голосом проговорил я, — ты не оденешься и не уберешься отсюда, я выкину тебя в коридор пинком под зад. Нагишом, как есть. Сначала — тебя, а следом — твои тряпки. Поторопись.

Лязгнув зубами и угрожающе, по-змеиному зашипев, она спустила ноги на пол, сняла со стоявшего рядом стула одежду и стала одеваться. Я не спускал с нее глаз. Руки ее не слушались, но оделась она, хоть и не ловко, не по-женски, но быстро, всего за две минуты с небольшим — по часам.

С минуту она постояла возле постели в отороченном мехом пальто и в лихой зеленой шляпке с загнутыми полями, крепко прижимая к груди зеленую сумочку и угрожающе шипя. Лицо — по-прежнему как обглоданная кость, глаза — такие же пустые, во взгляде — та же затаенная злоба. Постояла, пошипела, а потом быстрым шагом направилась к двери, открыла ее и, не поворачиваясь, молча вышла. Слышно было, как загудел в шахте лифт.

Я подошел к окну, раздвинул шторы и распахнул окна. В ночном воздухе еще стоял застоявшийся, сладковатый привкус, напоминавший об автомобильных выхлопах и оживленных улицах. Я пригубил коктейль.

Внизу хлопнула дверь. По пустому тротуару застучали каблучки. Неподалеку взревел мотор, и машина, набирая скорость, скрылась в ночи. Я подошел к разложенной постели. Подушка еще хранила отпечаток ее золотистой головки, а помятая простыня пахла ее маленьким надушенным развратным телом.

Я поставил стакан на стол и стал с остервенением лупить по кровати ногами.

XXV

Утром опять шел дождь — косой, серый, похожий на криво висящую занавеску из стеклянных бус. Разбитый, невыспавшийся, я нехотя встал и подошел к окну. Во рту до сих пор оставался гадкий привкус от генеральских дочек. На душе было пусто, как в кармане у нищего. Я пошел на кухню и выпил две чашки черного кофе. Похмелье бывает не только от спиртного. У меня, например, было похмелье от женщин. Меня выворачивало от них наизнанку.

Я побрился, принял душ, оделся, снял с вешалки плащ, спустился вниз и вышел из подъезда. Напротив дома, футах в ста вверх по улице, стоял серый «плимут». Тот самый, который увязался за мной накануне и о котором я спрашивал Эдди Марса. За рулем мог быть полицейский — если только у полицейского выдалась вдруг масса свободного времени и он решил за мной погоняться. Или какой-нибудь незадачливый юный детектив, из тех, что пытаются за неимением своих совать нос в чужие дела. Или же епископ Кентерберийский, которому претил мой образ жизни.

Я вернулся в подъезд, вышел через заднюю дверь, выгнал свою машину из гаража и проехал по улице мимо серого «плимута». В «плимуте», в полном одиночестве, сидел низкорослый, хилый человечек. Увидев меня, он тут же включил мотор и двинулся следом. Дождь явно пошел ему на пользу: на этот раз он держался достаточно близко, чтобы я не смог улизнуть в какой-нибудь проулок, и в то же время достаточно далеко, чтобы спрятаться за идущими между нами машинами. Я выехал на бульвар, остановился на стоянке перед соседним с моей конторой домом и вышел из машины, подняв воротник плаща и нахлобучив на нос шляпу, что, впрочем, от дождя не спасало: по лицу нескончаемым потоком стекали ледяные капли. «Плимут» остановился на противоположной стороне улицы, у пожарного крана. Я дошел до перехода, дождался зеленого света, перешел на другую сторону и вернулся назад, держась поближе к краю тротуара. «Плимут» не сдвинулся с места. Никто из него не вышел. Я подошел и рывком открыл дверцу.

За рулем, откинувшись на сиденье, сидел светлоглазый низкорослый человечек. Я нагнулся и заглянул в машину. По спине глухо стучал дождь. Хлюпик щурился от табачного дыма и нервно теребил пальцами тонкий обод руля.

— Ну что, никак не решишься? — спросил я его.

Хлюпик проглотил слюну, чуть было не проглотив заодно и сигарету.

— По-моему, вы меня с кем-то спутали, — буркнул он тихим, глухим голосом.

— Меня зовут Марло, — представился я. — Ты меня уже два дня пасешь.

— Никого я не пасу.

— Нет? Значит, твоя тачка руля не слушается и сама ездит, куда ей вздумается. Пора, по-моему, ее приручить. Итак, сейчас я иду завтракать в кафе напротив. Завтрак будет состоять из стакана апельсинового сока, яичницы с беконом, жареного хлеба, порции меда, трех или четырех чашек черного кофе и — на сладкое — зубочистки. Из кафе я пойду к себе в контору, находится она на седьмом этаже вон того здания. Если тебя что-то очень волнует, заходи, потолкуем. Надо будет только перед твоим приходом как следует пулемет смазать.

С этими словами я захлопнул дверцу и ушел, а хлюпик остался сидеть, часто моргая глазами от удивления. Спустя двадцать минут я уже проветривал свой кабинет от «Soirée d'Amour»^[9] уборщицы и вскрывал толстый грубый конверт, надписанный косым, по-стариковски четким почерком. В конверт вместе с официальным извещением был вложен большой розовый чек на пятьсот долларов. Имя предъявителя — Филип Марло, личная подпись — Гай Стернвуд, отправитель — Винсент Норрис. День начинался неплохо. Я сел было заполнять платежное поручение, но тут зазвонил звонок, возвещавший о том, что в мою приемную кто-то вошел. Это был хлюпик из «плимута».

— То-то же, — сказал я. — Заходи и выкладывай все начистоту.

Он проскользнул мимо меня с такой прытью, словно боялся, что я ударю его ногой под зад. Мы оба сели и внимательно посмотрели друг на друга через стол. Он был крохотного роста, никак не больше пяти футов трех дюймов, да и весил, как перышко. Глазки точно бусинки. Смотрит волком, а сам — овца овцой. Двубортный, с большим количеством лацканов серый костюм висит, как на вешалке. Поверх костюма — изрядно поношенное твидовое пальто нараспашку. Наружу выбился влажный от дождя шейный платок.

— Может, вы меня и знаете, — начал он. — Я — Гарри Джонс.

Я отрицательно покачал головой и подвинул ему плоскую металлическую коробку с сигаретами. Его маленькие, тонкие пальчики выхватили сигарету из коробки с проворством форели, клюнувшей на искусственную мушку. Закурив от настольной зажигалки, он махнул рукой:

— Я в этих краях не первый день. Знаю тут кой-кого. В свое время

работал в питейном заведении неподалеку от Хьюним-Пойнт. Работа — врагу не пожелаешь. Представь: удираешь на тачке, руки на руле, на коленях — пушка, а по карманам рассовано денег столько, что ими все шоссе обклеить можно. Иной раз, пока до Биверли-Хиллз доедешь, четырех легавых в перестрелке уложишь. Весело, нечего сказать.

— Кошмар, — поддакнул я.

Он откинулся на стуле и выпустил тоненькую струйку дыма из своего маленького, крепко сжатого ротика.

— Может, ты мне не веришь? — засомневался он.

— Может, и не верю, — откликнулся я. — А может, и верю. А возможно, еще не решил, верить тебе или нет. К чему ты мне все это рассказываешь?

— Просто так, — процедил он.

— Ты уже два дня неотступно следуешь за мной по пятам. Как парень, который хочет подцепить девчонку, а все никак духу не хватает. Может, ты страховой агент? А может, знакомый Джо Броди? Вариантов тут много, но я привык — работа такая.

От удивления его глаза чуть не выкатились из орбит, а нижняя губа отвисла до колен.

— Господи, откуда ты все это знаешь?

— Я — ясновидящий. Давай выкладывай, что у тебя, не тяни. Время — деньги.

Он прищурился, и глаза-бусинки, погаснув, скрылись за плотно сжатыми веками. Последовала долгая пауза. Дождь хлестал по плоской крыше многоэтажного отеля напротив. Наконец глаза-бусинки вновь победоносно сверкнули, и хлюпик с важным видом заметил:

— Да, я действительно хотел с тобой познакомиться. Думал продать тебе кое-что — дешево, всего за пару сотен, не больше. Как ты установил, что я был знаком с Джо?

Я открыл лежавшее на столе письмо и пробежал его глазами. Какой-то безумец предлагал мне приобрести — со скидкой, разумеется, — шестимесячный курс по снятию отпечатков пальцев. Я бросил письмо в корзину и посмотрел на хлюпика:

— Догадался. Методом исключения. Ты ведь не легавый, верно? И не человек Эдди Марса, я его вчера вечером о тебе расспрашивал. Вот и получается, что ты был знаком с Джо Броди, иначе бы мной не заинтересовался.

— Господи, — сказал он и облизнул нижнюю губу. Когда я упомянул имя Эдди Марса, лицо его побелело, челюсть отвисла, а окуроч повис в

углу рта, словно врос в него.

— Кончай заливать, — сказал он наконец с улыбкой висельника.

— Хорошо, не буду, — спокойно сказал я и развернул второе письмо. Его автор вызвался регулярно посылать мне информационный бюллетень из Вашингтона с самыми сенсационными новостями, да еще из первых рук. — Надеюсь, Агнес выпустили? — с прохладцей спросил я.

— Да. Она меня к тебе и послала. Заинтересовался?

— Еще бы, такая блондинка.

— Кончай ты. В тот вечер... ну, когда Джо пристрелили, ты намекнул, что, не знай Броди что-то про Стернвудов, он не стал бы посылать им эту фотографию.

— И что же он про них знал?

— Вот за это я и хочу получить с тебя пару сотен.

Я побросал еще несколько не менее идиотских писем в корзину и закурил очередную сигарету.

— Нам с Агнес надо рвать отсюда когти, — пояснил хлюпик. — Она хорошая, ей здесь не место. В наше время женщинам вообще нелегко.

— Она для тебя слишком велика, — хмыкнул я. — Если окажется сверху — задавит.

— Оставь свои похабные шуточки, приятель, — обиделся Джонс, и в его голосе прозвучало нечто, отдаленно напоминающее чувство собственного достоинства.

— Ты прав, — сказал я, с некоторым удивлением взглянув на него. — Последнее время я общаюсь со всякой мразью, вот и распустился. Ладно, хватит трепаться, перейдем к делу. За что ты хочешь две сотни?

— А ты заплатишь?

— Не факт.

— А если я помогу найти тебе Рыжего Ригана?

— Рыжего Ригана я не ищу.

— Рассказывай. Так хочешь слушать или нет?

— Валяй. Если будет что-то любопытное — заплачу. За двести долларов в наше время можно приобрести кучу ценных сведений.

— Ригана убили люди Эдди Марса, — с невозмутимым видом сообщил он, откинувшись на стуле с таким видом, будто только что стал вице-президентом США.

Я махнул рукой в сторону двери:

— Даже спорить с тобой лень. Жаль на тебя кислород тратить. Вали отсюда, коротышка.

Джонс облокотился на стол, весь напрягся и стал тщательно разминать

сигарету, уставившись прямо перед собой, За дверью застучала пишущая машинка: стук, звоночек, треск переводимой каретки; стук, звоночек, треск каретки...

— Я не шучу, — сказал он.

— Проваливай. У меня и без тебя дел полно.

— А это, по-твоему, не дело? — взвился он. — Ты меня не торопи. Пока все не расскажу — не уйду. Я ведь сам был с Риганом знаком. Не скажу, чтобы мы были закадычные друзья, но знал я его неплохо. Бывало, встретишь его и спросишь: «Как жизнь молодая?», а он либо ответит, либо нет — в зависимости от настроения. Но парень он неплохой, мне он всегда нравился. Ну вот, крутил он любовь с певичкой Моной Грант, а она возьми да выйди замуж за Марса. Тогда Риган с горя женился на богатой дамочке, которая все ночи напролет по кабакам шаталась — как будто у нее по ночам бессонница. Да ты ее знаешь: высокая такая, черненькая — в общем, девица что надо, хотя и с норовом. Такая жена, сам понимаешь, — не подарок. Тонкая штучка. Риган с ней и не сошелся. Ты, конечно, скажешь: подумаешь, не сошелся, главное, что у ее отца деньжата водились. Мол, женился на деньгах, так терпи. Но Рыжий рассуждал иначе. Он был себе на уме, далеко идущие планы строил. Своей жизнью жил, и на деньги тестя, думаю, ему было наплевать. И я его, честно тебе скажу, понимаю.

Хлюпик оказался не таким уж дураком. Мелкому жулику его склада такое бы и в голову не пришло. А если б и пришло, он бы не смог подыскать нужных слов.

— Стало быть, он сбежал, — сказал я.

— Собирался сбежать. С Моной. Она ведь с Эдди Марсом тогда уже не жила, ей его бизнес очень уж не нравился, а больше всего всякие там темные делишки: шантаж, ворованные машины, засады на искателей приключений из восточных штатов и так далее. Говорят, как-то Риган при всех сказал Эдди, что если тот хотя бы раз использует Мону в своих махинациях, то ему не поздоровится.

— Все это известно, Гарри, — перебил я его. — Такая информация денег не стоит.

— погоди, сейчас я расскажу тебе такое, чего ты наверняка не знаешь. Когда Риган сбежал от жены, я его поначалу каждый день в кабаке у Варди видел: сидит себе, уставившись в стену, и хлещет ирландское виски. Раньше-то он любил поболтать, а теперь — молчит, как воды в рот набрал. Иногда он заключал пари с Малышом Уолгрином и передавал мне для него деньги.

— А я думал, Малыш в страховой компании работает.

— Страховая компания — это только ширма, табличка на дверях. Впрочем, если надо, он тебя и застрахует тоже. Ну вот, а примерно с середины сентября Риган куда-то запропастился. Сразу я этого, положим, не заметил. Ну ходил, ну перестал — подумаешь. Но потом один парень рассказал, что супруга Эдди Марса смылась будто бы с Рыжим Риганом, а Марс не только не злится, но ведет себя, точно шафер на свадьбе. Все это я передал Джо Броди, он ведь был парень не промах.

— Еще какой промах, — буркнул я.

— Не скажи, в сыщики он, может, и не годится, но малый смысленый. В тот момент он как раз без денег сидел, и ему пришло в голову, что если найти этих голубков, Рыжего с Моной, то за них заплатят и Эдди Марс, и жена Ригана. Джо немного эту семейку знал.

— Много не много, а пятьсот долларов он из них к тому времени уже вытянул.

— Правда? — Гарри Джонс немного удивился. — Странно, Агнес мне ничего об этом не говорила. Вот и верь им после этого. Она вообще все время от меня что-то скрывает. Ну ладно, стали мы с Джо газеты просматривать, но про эту парочку нигде ни слова — значит, думаем, старый Стернвуд этой истории хода не дал. Затем как-то раз попадаетея мне у Варди Забияка Канино. Знаешь его?

Я отрицательно покачал головой.

— Лихой парень, из самых отчаянных. Иногда он на Эдди Марса работает — тот к нему обращается, ест и кого подстрелить надо. Забияке ведь человека убить ничего не стоит. А когда он Марсу не нужен, то держится в стороне, свои делишки обдeldывает. Обычно Забияка просто так в Лос-Анджелесе никогда не появляется. Это-то меня и насторожило. Может, думаю, они на след Ригана напали, ведь Марс делал вид, что ему на всю эту историю наплевать, а сам только и ждал случая с Рыжим расквитаться. А может, Забияка совсем по другому поводу в городе оказался, не знаю, но на всякий случай я все же Джо обо всем рассказал, и тот сел Забияке на хвост. Это он умел. Не то что я. Это я тебе все бесплатно рассказываю. Садится, значит, Джо ему на хвост и видит, что Канино подъезжает к воротам усадьбы Стернвудов, а рядом останавливается другая машина, с девицей за рулем. Канино с этой девицей о чем-то долго разговаривает, и она что-то ему передает, вроде как деньги. Передала и уехала. Это была жена Ригана, она знает Канино, а Канино знает Марса — вот Джо и решил, что Забияка что-то про Ригана разнюхал и пытается втихаря продать эти сведения его супруге. Потом Канино смывается, и Джо теряет его след. Конец первого действия.

— Как этот Канино выглядит?

— Невысокий, широкоплечий, глаза карие, волосы каштановые, ходит во всем коричневом: коричневый костюм, коричневая шляпа. Даже плащ и тот коричневый. Ездит в двухместной коричневой машине. Это вообще его любимый цвет.

— Послушаем второе действие.

— Деньги вперед.

— Видишь ли, пока, честно говоря, платить особенно не за что. Посуди сам: миссис Риган вышла замуж за бывшего бутлегера. Познакомилась она с ним в кабаке или в игорном доме и наверняка с людьми такого типа встречалась не раз. Эдди Марса она хорошо знает, и, если бы с Риганом что-то случилось, она наверняка обратилась бы за помощью именно к нему. Что же касается Канино, то Марс мог по просьбе миссис Риган поручить ему поиски Рыжего. За что же, спрашивается, давать тебе двести долларов?

— А если я скажу, где сейчас жена Эдди, — заплатишь? — спокойно спросил хлюпик.

Это уже становилось интересно. Я подался вперед, вцепившись пальцами в подлокотники кресла.

— Даже если она одна? — добавил Гарри Джонс тихим, каким-то даже зловещим голосом. — Даже если она никуда с Риганом не убежала и ее все это время продержали в укрытии, милях в сорока от Лос-Анджелеса, чтобы полиция думала, будто она смылась с Рыжим? Заплатишь двести монет, сыч?

Я облизнул губы. Они были сухими и солеными.

— Да, заплачу, — пробормотал я. — Где она?

— Ее нашла Агнес, — угрюмо сказал Джонс. — По чистой случайности. Увидела в машине и выследила. Агнес тебе сама расскажет, где ее прячут, — но не раньше, чем у нее в руках будет двести долларов.

Я окинул его суровым взглядом:

— В полиции ты все это расскажешь бесплатно. Сейчас у них в центральной тюрьме есть несколько первоклассных костоломов. На совесть работают. С ними шутки плохи. А если ты после допроса отдашь концы, они за Агнес возьмутся.

— Пусть допрашивают, — отозвался хлюпик. — Меня не так-то легко расколоть.

— А Агнес, я смотрю, не так проста, как кажется.

— Она аферистка, сыч. И я аферист. Мы все аферисты. Но это не значит, что мы продаем друг друга за пять центов. Если не веришь, можешь

попробовать на мне. — С этими словами он взял из моей коробки очередную сигарету, аккуратно вставил ее в рот и закурил моим любимым способом: сначала дважды попытался зажечь спичку об ноготь большого пальца, а потом чиркнул ею о подошву ботинка. Выпустив дым, он хладнокровно уставился на меня. Этого смешного коротышку, строившего из себя матерого преступника, я мог спустить с лестницы одним щелчком. Маленький человечек в большом и опасном мире. Что-то в нем было симпатичное.

— Я ведь у тебя ничего не украл, — ровным голосом проговорил он. — Я пришел продать тебе одну историю. За двести долларов. Меньше она не стоит, да и больше — тоже. Я пришел в расчете на то, что либо получу эти деньги, либо нет. Одно из двух. А ты меня пугаешь полицией. Постыдился бы.

— Ты получишь две сотни, — обнадежил его я. — Твоя история того стоит. Только при себе у меня такой суммы нет.

Он встал и, кивнув, запахнул свое старенькое твидовое пальтишко:

— Ладно, встретимся вечером, когда стемнеет. Это даже лучше. Ведь с такими, как Эдди Марс, всегда необходимо быть начеку. С ним вообще лучше не связываться. А что поделаешь? Жить-то надо. Последнее время я сижу на мели. Наверно, Малыша Уолгринна из его бывшей конторы уже выставили. Там давай и встретимся. Фулуайдер-билдинг, Уэстерн, Санта-Моника, 428. Вход со двора. Ты приносишь деньги, а я везу тебя к Агнес.

— А сам ты не сможешь мне все рассказать? Зачем мне Агнес? Я ее уже видел. И не раз.

— Я же ей обещал, — искренне удивился моей несговорчивости хлюпик и, застегнув пальто и напялив немного набекрень шляпу, еще раз кивнул, направился к двери и вышел. Шаги в коридоре затихли.

Я спустился в банк, положил на свой счет чек на пятьсот долларов и взял из них наличными двести. А потом снова поднялся к себе в контору и, сев за стол, задумался. Я размышлял о Гарри Джонсе и о рассказанной им истории. Уж очень все складно получалось. Такое бывает только в романах, в жизни же все сложнее, запутаннее. Если Мона Марс действительно находилась недалеко от Лос-Анджелеса, под боком у полиции, то Грегори обязан был бы ее найти. Если, разумеется, искал.

Весь день я просидел в конторе наедине со своими мыслями. Никто не приходил. Никто не звонил. Дождь продолжался.

XXVI

В семь часов вечера дождь наконец прекратился, однако по сточным канавам стремительно бежали ручьи. В Санта-Монике вода стояла вровень с тротуаром и выплескивалась через край. Из-под промокшего брезентового тента вышел, хлюпая по лужам, регулировщик в длинном блестящем черном плаще. Скользя по мокрому тротуару, я завернул в узкий, полутемный вестибюль Фулуайдер-билдинг. Где-то за открытой кабиной лифта, выкрашенного в золотистую, потемневшую от времени краску, тускло светилась одинокая лампочка. На потрепанном резиновом коврик стояла никелированная, давно не мытая плевательница. На горчичного цвета стене висела издали похожая на электропробки искусственная челюсть. Я снял мокрую шляпу, стряхнул ее и пробежал глазами список жильцов, висевший рядом с искусственной челюстью. Под одними номерами квартир были подписаны фамилии, под другими — нет: возможно, некоторые квартиры пустовали или же квартиросъемщики предпочитали оставаться неизвестными. Кого тут только не было: и дантисты, гарантирующие обезболивающие средства, и частные детективы, расследующие темные делишки, и мелкие, дышащие на ладан заведения сомнительного свойства, и какая-то школа почтовых работников, где, впрочем, можно было приобрести навыки железнодорожного клерка, радиотехника или киносценариста — если, разумеется, раньше не нагрнут почтовые инспектора. Жутковатое здание. В таких воняет отнюдь не только намокшими окурками.

В лифте, подложив под спину рваную подушку, дремал, сидя на шатком табурете, старик лифтер. Рот полуоткрыт, в полумраке видны вздувшиеся вены на запавших висках. Одет в синий форменный пиджак, который болтается на нем, как на вешалке, и серые брюки с обтрепавшимися отворотами. На ногах белые бумажные носки и черные лаковые туфли с глубокой царапиной на носке. Вид у старика был очень несчастный: не дождался клиента и заснул, бедолага. Я тихонько проскользнул мимо него и, задыхаясь от спертого воздуха, нащупал дверь, ведущую на пожарную лестницу. Лестницу не подметали больше месяца. По ночам здесь, должно быть, ютились бродяги: спали, ели, бросали на ступеньки объедки, обрывки сальных газет, спички, попалась под ноги даже разорванная записная книжка из искусственной кожи. В углу, возле изрисованной стены, лежала нераспечатанная пачка светлевших в темноте

презервативов. Да, миленький домик, нечего сказать.

Я поднялся на четвертый этаж и, ловя губами воздух, вбежал в коридор. Такая же грязная плевательница, такой же потрепанный коврик, стены горчичного цвета исписаны такими же горькими и неразборчивыми воспоминаниями. Я дошел до угла и повернул. На трех дверях подряд по матовому стеклу было выбито: «Л. Д. Уолгрин. Страхование». За первыми двумя дверьми было темно, за третьей горел свет. На одной из темных дверей значилось: «Вход».

Фрамуга над освещенной дверью была приспущена, и до меня донесся гортанный, птичий голос Гарри Джонса:

— Канино?.. Да, где-то я тебя видел. Точно, видел.

Я похолодел.

— Я так и думал, — ответил низкий, мурлыкающий голос; казалось, за кирпичной стеной заработала маленькая динамо-машина. Было в этом голосе что-то зловещее.

По линолеуму царапнула ножка стула, раздались шаги, взвизгнув, захлопнулась над дверью фрамуга, за матовым стеклом скользнула чья-то тень.

Я вернулся к первой из трех дверей и осторожно подергал ее. Заперта. По счастью, дверь от старости разохлась и просела. Я достал бумажник и вытащил из него толстую целлулоидную прокладку с острыми краями, за которой у меня хранились водительские права. Находка для взломщика. Я надел перчатки, всем телом, словно к любимой женщине, приник к двери и, рванув на себя ручку, вставил в образовавшееся отверстие целлулоидную прокладку, которой и поддел собачку замка. Раздался сухой, похожий по звуку на разбившуюся сосульку щелчок. Я замер, точно сонная рыба в воде, а затем, выждав несколько секунд, повернул ручку и, приоткрыв дверь, скользнул в темноту.

Осторожно закрыв дверь, я увидел прямо перед собой освещенный с улицы прямоугольник голого окна, срезанного углом письменного стола. На столе возвышалась пишущая машинка в чехле, а рядом блестела в темноте металлическая ручка двери. Эта дверь, в отличие от входной, оказалась не заперта. Я открыл ее, вошел в смежную комнату трехкомнатной страховой конторы и, воспользовавшись тем, что по оконному стеклу вновь сильно забарабанил дождь, на цыпочках пересек комнату. Из-под двери, ведущей в третье, освещенное помещение, пробивалась тонкая полоска света. Все складывалось удачно. По-кошачьи подкравшись к двери, я прижался лицом к щели и заглянул в соседнюю комнату, однако ничего, кроме дверного косяка, не увидел.

— Болтать языком — дело нехитрое. Для этого большого ума не надо, — вкрадчиво промурлыкал Канино. — Напрасно ты пошел к этому сыщику. Очень напрасно. Эдди недоволен. Ведь сыщик сказал, что какой-то тип в сером «плимуте» сел ему на хвост. Вот Эдди и хочет выяснить, кто этот тип и что ему надо. Понятно?

Гарри Джонс беззаботно рассмеялся:

— А Эдди-то какое дело?

— Все тебе расскажи.

— Ты же прекрасно знаешь, зачем я ходил к сыщику. Я ведь тебе говорил. Из-за подружки Джо Броди. Ей надо рвать отсюда когти, а не на что. Вот она и подумала, что сыщик ей денег даст. Я-то на нуле.

— За что? — нежно промурлыкал голос. — За красивые глазки сыщички нынче денег не дают.

— Ты за него не бойся, ему есть где деньжат раздобыть. С его-то связями. — И Гарри Джонс вызывающе громко рассмеялся.

— Не зли меня, малыш. — В мурлыкающем голосе послышалась угроза.

— Ладно, ладно. Ты же знаешь про убийство Броди. Пристрелил-то его этот псих, но Марло при этом присутствовал.

— Слыхали. Марло сообщил об этом в своих показаниях.

— Верно. Но кой о чем он умолчал. Броди попытался всучить Стернвудам фотографию младшей дочки генерала, где она нагишом позирует. За этим, собственно, Марло к Броди и приходил. Пока они торговались, явилась и сама дочка. Причем с пушкой. Выстрелила в Броди, но промахнулась — в окно угодила. Обо всем этом сыщик легавым рассказывать не стал. И Агнес, кстати, тоже. Она прикинула, что больше заработает, если будет помалкивать. Думала, сыщик ей за это железнодорожный билет купит.

— К Эдди эта история отношения не имеет?

— Никакого.

— Где сейчас Агнес?

— Не скажу.

— Скажешь, малыш, никуда не денешься. Не скажешь здесь — заговоришь в задней комнате, где ребята в расшибалочку играют.

— Она теперь моя подружка, Канино. А я своих подружек не продаю, так и знай.

Наступила тишина. В окно хлестал дождь. Из-под двери потянуло табачным дымом, и я чуть было не закашлялся, но вовремя сунул в рот носовой платок.

— Насколько мне известно, — опять так же благодушно замурлыкал Канино, — эта блондиночка работала на Гейгера. Клиентов зазывала. Надо будет это с Эдди обсудить. Сколько ты хотел получить с сыщика?

— Пару сотен.

— Получил?

Гарри Джонс опять беззаботно рассмеялся:

— Мы договорились встретиться завтра. Надеюсь, все будет в порядке.

— Где Агнес?

— Послушай...

— Где Агнес?

Молчание.

— Глянь-ка сюда, малыш.

Я замер, совершенно отчетливо представив себе, как Канино вынул из кармана пистолет и целится в хлюпика. Едва ли Канино будет стрелять; скорее всего, он просто хочет припугнуть Джонса, подумал я и стал ждать, что будет дальше, ведь сам я был невооружен.

— Нашел чем испугать, — через силу, не разжимая зубов, процедил Джонс. — Можно подумать, я никогда пушки не видал. Будет на нервах-то играть!

— Сыграешь ты — в ящик!

Молчание.

— Где Агнес?!

Гарри Джонс вздохнул.

— О'кей, — усталым голосом проговорил он. — Она снимает квартиру: Банкер-Хилл, Корт-стрит, 28, 301. Надо же, сдрейфил я все-таки. А с другой стороны, кто она такая, чтоб ее прикрывать?

— Вот именно. Ты правильно поступил. Съездим к ней с тобой вдвоем и поговорим. Я ведь хочу одно себе уяснить: не морочит ли она тебе голову, малыш. Но по тому, что ты мне рассказал, вроде бы все путем. А раз так, возьмешь у сыщика деньги и отправишься на все четыре стороны. Ты на меня не в обиде?

— Нет, — ответил Гарри Джонс. — Не в обиде, Канино.

— Вот и отлично. Давай по этому поводу выпьем. Стакан есть? — Мурлыкающий голос сделался фальшивым, как ресницы у манекенщицы, и скользким, как арбузная косточка. Раздался стук выдвигаемого ящика. Что-то звякнуло по дереву. Скрипнул стул. Шаги.

— Отличный напиток. Пальчики оближешь, — сказал мурлыкающий голос.

Послышался булькающий звук.

— Ну-с, будем живы — не помрем, так, кажется, говорят?

— Твое здоровье, — еле слышно отозвался Гарри Джонс.

В следующий момент раздался громкий, истошный кашель, кого-то выворачивало наизнанку, а потом — глухой звук, как будто на пол упал стакан из толстого стекла. Я судорожно вцепился пальцами в отворот плаща.

— Что ж ты от одного стакана блюешь, дружище? — слышался вкрадчивый, мурлыкающий голос.

Гарри Джонс ничего не ответил. До меня донеслось тяжелое, прерывистое дыхание, а потом все смолкло. Скрипнул стул.

— Прощай, малыш, — промурлыкал мистер Канино.

Раздались шаги, щелкнул замок, полоска света под дверью исчезла, дверь хлопнула, и шаги — легкие, решительные — удалились.

Я взялся за ручку двери, рывком распахнул ее и стал всматриваться в темноту. Напротив, с улицы, слабо светилось окно, отсвечивала полированная крышка письменного стола. На стуле кто-то сидел. В комнате стоял тяжелый, терпкий, похожий на духи запах. Я подошел к выходящей в коридор двери и прислушался. Внизу звякнула дверца лифта.

Я нащупал выключатель и зажег пыльную стеклянную люстру, свисавшую с потолка на трех медных цепях. Из-за стола на меня не отрываясь смотрел Гарри Джонс. Глаза выпучены, посиневшее лицо, сведенные судорогой скулы. Маленькая темная головка была повернута набок, однако сам Джонс сидел совершенно прямо, откинувшись на спинку стула.

Откуда-то очень издалека до меня донесся приглушенный множеством стен звонок трамвая. На письменном столе стояла бутылка виски с отвинченной пробкой. Стакан Гарри Джонса поблескивал на зеленом бобрике стола. Второй стакан куда-то исчез.

Ткнувшись носом в горлышко бутылки, я несильно втянул в себя воздух и уловил запах горького миндаля. Перед смертью Гарри Джонса вырвало. Стало быть — цианистый калий.

Обойдя стул, на котором сидел труп, я снял подвешенную к оконной раме телефонную книгу, полистал ее, повесил обратно, дотянулся через голову хлюпика до телефона и позвонил в справочную:

— Вы не могли бы дать мне номер телефона квартиры в Банкер-Хилл? Адрес: Корт-стрит, 28, 301.

— Одну минутку, — недовольным голосом проговорила телефонистка. Казалось, запах горького миндаля преследует и ее. — Записываете? Вентворт, 2528.

Я поблагодарил и набрал номер 2528. Длинные гудки.

Затем, после третьего гудка, в трубку ворвались громкие звуки радио, и грубый мужской голос, приглушив радиоприемник, рявкнул:

— Слушаю!

— Можно Агнес?

— Агнес? Здесь таких нет, приятель. Какой ты набираешь номер?

— Вентворт, 2528.

— Номер правильный, а вот с Агнес у тебя промашка вышла. Обидно, правда? — И мужчина загоготал.

Я положил трубку, опять открыл телефонную книгу и позвонил управляющему казенного дома «Вентворт-апартментс». Мистер Канино, вероятно, уже несется под дождем в Банкер-Хилл привести в исполнение еще один смертный приговор.

— Управляющий «Вентворт-апартментс» мистер Скифф слушает.

— Говорит Уоллес из уголовной полиции. В вашем доме проживает девушка по имени Агнес Лозелл?

— Кто говорит, простите?

Я повторил.

— Если вы назовете мне ваш номер телефона, то я...

— Перестань ломать комедию! — перебил я его. — У меня нет времени. Так проживает или нет?

— Нет, не проживает. — Голос кислый, как прошлогоднее молоко.

— Живет у тебя в ночлежке высокая зеленоглазая блондинка? Говори!

— Послушайте, это никакая не ночлежка...

— Спорить со мной будешь! — грубо, на полицейский манер, оборвал я его. — К тебе что, полиция нравов давно не наведывалась? Могу устроить. Что такое доходный дом в Банкер-Хилл, да еще с телефонами в каждой квартире, можешь мне не рассказывать.

— Ладно, не сердись. Я же не отказываюсь помочь. Есть у нас несколько блондинок. А где их нет? Насчет зеленых глазок, правда, не поручусь. Твоя блондиночка тут одна живет или с кем-то?

— Одна либо с сожителем: коротышка, пять футов три дюйма, не больше, тощий, весит всего фунтов сто десять, глаза темные, живые, носит двубортный темно-серый костюм, твидовое пальто, серую шляпу. По моим сведениям, она занимает квартиру 301, я туда звонил, но без толку — какой-то тип мне голову морочит.

— Нет, нет, в 301-й ее точно нет — там два торговца машинами живут.

— Спасибо, я тогда попозже заеду.

— Давай, только шума не устраивай, ладно? Если что — прямо ко мне.

— Благодарю, мистер Скифф.

Я вытер вспотевший лоб, пересек комнату и, уткнувшись лицом в стену, стал поглаживать ее рукой. Потом медленно повернулся и взглянул на окоченевшее лицо малыша Гарри Джонса. Сидит себе и гримасничает.

«Значит, ты все-таки обманул его, Гарри, — вслух проговорил я каким-то чужим голосом. — Ты солгал ему и выпил цианистый калий, поступив как настоящий джентльмен. Настоящий маленький джентльмен. Ты умер, как отравленная крыса, Гарри, но повел себя по-человечески».

Пришлось его обыскать. Не хотелось, но пришлось. В карманах убитого адреса Агнес, как я и предполагал, не было. И все-таки я должен был в этом удостовериться, ведь мистер Канино мог вернуться. Такие, как Забияка, не суеверны: если надо, возвратится на место преступления без малейших колебаний.

Я включил свет и только взялся за ручку двери, как грянул телефонный звонок. Я застыл было на месте с отвисшей челюстью, но через мгновение снова закрыл дверь, зажег свет и снял трубку:

— Да?

— Можно Гарри? — Женский голос. Ее голос.

— Он вышел, Агнес.

— Кто говорит? — с расстановкой спросила она после длинной паузы.

— Марло. Тот самый, который уже давно сидит у тебя в печенках.

— Где он?! — Перешла на крик.

— Я приехал сюда, чтобы заплатить ему двести долларов за кое-какие сведения. Деньги у меня с собой. А ты где?

— А он тебе разве не сказал?

— Нет.

— Спроси лучше у него. Где он?

— Я не могу у него спросить. Ты знаешь человека по имени Канино?

Молчание. Вероятно, блондинка задохнулась от ужаса.

— Тебе нужны две сотни или нет?

— Нужны... и даже очень.

— Тогда говори, куда их тебе привезти.

— Я... я... — Агнес осеклась, а потом опять, со страхом и настойчивостью, спросила: — Где Гарри?

— Струсил и смылся. Давай где-нибудь встретимся... все равно где... деньги у меня с собой.

— Я тебе не верю. Ты мне соврал — насчет Гарри. Это ловушка.

— Не дури. Если б я хотел, давно бы уже посадил твоего Гарри за решетку. Зачем мне загонять тебя в ловушку, сама посуди? Канино каким-то

образом связался с Гарри, и тот дал деру. Давай-ка все сделаем без лишнего шума. Все же мы хотим спокойной жизни — я, ты, Гарри... — Гарри, впрочем, уже успокоился. И лишить его покоя не может никто. — Неужели ты думаешь, детка, что я работаю на Эдди Марса?

— Н... нет, не думаю, нет. Вряд ли. Встретимся через полчаса. Возле Буллокс-Уилшир, у входа на стоянку.

— Договорились.

Я опустил трубку на рычаг. Меня мутило от прокисшего запаха рвоты и терпкого запаха цианистого калия. Хлюпик неподвижно сидел на стуле. Бояться ему теперь было нечего. Все страхи и волнения остались позади.

Я вышел из комнаты. В сумрачном, захлавленном коридоре стояла мертвая тишина. За матовыми стеклами дверей было темно. Я спустился по пожарной лестнице на второй этаж, посмотрел, перегнувшись через перила, на освещенную крышу кабины лифта и нажал на кнопку. Лифт медленно пополз наверх, а я сбежал вниз. Когда я выходил из подъезда, кабина находилась у меня над головой.

Дождь припустил опять. По лицу стекали крупные, тяжелые капли. Когда же одна из них упала мне на язык, я вдруг сообразил, что иду с открытым ртом. Причем, судя по боли в челюсти, — с широко разинутым ртом и запрокинутой назад головой, подражая гримасе, застывшей на мертвом лице Гарри Джонса.

XXVII

— Давай деньги.

Ее голос глухнул в рокоте мотора и шуме дождя. Высоко над темным, промокшим городом, на отливающей медью башне Буллокса горел яркий фиолетовый свет. В приспущенном окне машины появилась рука в черной перчатке, и я вложил в нее деньги. Агнес нагнулась к слабо освещенной приборной доске, пересчитала банкноты, затем щелкнула замочком сумки, облегченно вздохнула и повернулась ко мне:

— Уезжаю, сыч. Эти деньги мне на дорогу, без них я бы не смогла смыться. Что случилось с Гарри?

— Говорю же сбежал. Канино, видать, здорово его припугнул. Забудь о Гарри и рассказывай — я же тебе заплатил.

— Значит, так. В позапрошлом воскресенье едем мы с Джо по Футхилл-бульвар. Вечереет, огни зажигаются, полно машин — все как всегда. Обгоняем бежевый двухместный автомобиль, смотрю: за рулем блондинка, а рядом — смуглый коренастый тип. Я их обоих сразу узнала: это была жена Эдди Марса, а с ней — Канино. Как-то раз я их уже видела и запомнила. На всю жизнь. Джо поехал впереди и стал следить за ними в заднее стекло, это он умел. Как потом выяснилось, Канино, сторожевой пес, вывез жену Марса на прогулку, проветриться. В миле от Реалито дорога сворачивает в сторону гор, на юг тянутся апельсиновые плантации, а на севере — места глухие, пусто, ничего не растет, только у подножия горы прилепился завод ядохимикатов; еще дальше, прямо у дороги, находится небольшой гараж, принадлежит он Арту Хаку; в таких гаражах обычно ворованными машинами торгуют. За гаражом — дом, за домом опять тянется голая равнина, а в нескольких милях от дома — этот самый химический завод. Вот в этом-то доме жену Марса и прячут. Едем дальше и видим: они на эту дорогу сворачивают. Джо оторвался от них, развернулся, поехал назад, и мы заметили, как бежевая машина подъехала к дому за гаражом. Мы остановились и с полчаса за этим домом наблюдали — никто не вышел. Когда совсем стемнело, Джо вылез из машины и отправился на разведку. Видит: окна в доме освещены, работает радио, а перед домом стоит двухместный бежевый автомобиль, тот самый. Мы развернулись и уехали обратно в город.

Агнес замолчала. Мимо, шурша шинами, катились машины.

— За это время они, конечно, могли в другое место перебраться, —

проговорил я, — но это уж не твоя забота. Ты ее точно узнала? Не ошиблась?

— Ошибиться тут невозможно, такие лица не забываются. Прости, сыч, мне пора. И пожелай мне удачи, а то мне последнее время здорово не везет.

Это тебе-то не везет? — возмутился я и, перейдя улицу, направился к своей машине.

Серый «плимут» тронулся с места, набрал скорость, скрылся за поворотом, и Агнес исчезла навсегда — из моей жизни, по крайней мере. Итак, трое мужчин — Гейгер, Броди и Гарри Джонс — отправились на тот свет, а одна женщина, целая и невредимая, мчится сейчас в машине под дождем, да еще увозит в своей сумочке мои кровные двести долларов. Я развернулся и поехал в центр обедать: до Реалито было как-никак сорок миль — расстояние, особенно в дождь, немалое, а ведь предстоит — если удача будет на моей стороне — еще и обратный путь.

Я взял курс на север, переехал через реку, оставил позади Пасадену, и почти сразу же по обеим сторонам дороги потянулись бесконечные апельсиновые плантации. Дождь, казавшийся в свете фар тяжелым белым покрывалом, припустил с такой силой, что «дворники» с ним едва справлялись. И все-таки, несмотря на ливень и темноту, видны были выстроившиеся по обочине апельсиновые деревья.

Мимо со свирепым свистом, в облаке грязных брызг проносились машины. Миновав городок, состоящий в основном из ангаров и складов, которые были опутаны паутиной железнодорожных путей, я опять поехал равниной. Апельсиновые плантации поредели, ушли куда-то на юг, дорога начала подыматься в гору, стало холоднее, впереди выросли черные отроги скал, подул резкий северный ветер. А затем в темноте, где-то высоко в воздухе, обозначились два желтых противотуманных фонаря, а между ними неоновая вывеска: «Добро пожаловать в Реалито».

Широкая главная улица, в глубине — небольшие каркасные дома, за матовыми стеклами аптеки горит свет, перед кинотеатром — вереница машин, на углу — погруженное во тьму здание банка с большими, выдающимися над тротуаром часами, у входа собралась под дождем небольшая толпа, люди глазеют на темные окна с таким видом, будто внутри что-то происходит. Вскоре город остался позади. И опять потянулись голые поля.

Не зря все-таки говорят, что от судьбы не уйдешь. Не успел я выехать из Реалито, как, примерно в миле от городка, меня занесло на повороте и я съехал правыми колесами на обочину. Сначала со злобным шипением

спустило переднее правое колесо, а следом за ним — и заднее. Я резко затормозил и, прихватив фонарь, вылез из машины. Стояла она левыми колесами на дороге, а правыми, спущенными, — на обочине. Два пробитых баллона и только одна запаска. Посветив фонарем на переднее колесо, я увидел, что из протектора торчит шляпка здорового оцинкованного гвоздя. На краю асфальта их было полно. С дороги их смели, но недалеко.

Я выпрямился, выключил фонарь и, глубоко вдохнув влажный воздух, увидел, что направо от шоссе уходит грунтовая дорога. В конце этой дороги был свет. Свет этот мог гореть в гараже, гараж мог принадлежать человеку по имени Арт Хак, а за гаражом мог быть дом. Тот самый. Я поднял воротник плаща, уткнулся в него подбородком и направился было в сторону гаража, но потом, передумав, вернулся, забрал из кабины регистрационный талон и спрятал его в карман, после чего, нагнувшись под руль, сунул руку в находившийся под педалью газа тайник, где лежали два пистолета — мой собственный и пистолет Ленни, того самого, которого Эдди Марс подослал ограбить Вивьен Риган. Взяв пистолет Ленни, поскольку он наверняка чаще бывал в употреблении, я положил его дулом вниз во внутренний карман пиджака и только тогда снова зашагал к дому.

Гараж находился от шоссе всего ярдах в ста и стоял к нему боком. Я направил фонарь на стену, прочел: «Арт Хак. Ремонт и покраска автомобилей» — и радостно хохотнул, но тут у меня перед глазами возникло обезображенное судорогой лицо Гарри Джонса, и смеяться расхотелось. Двери гаража были заперты, но из-под них виднелась тонкая полоска света. Пробивался свет и между дверными створками. Я обошел гараж и увидел дом. Окна освещены, шторы спущены. Стоит в стороне от дороги, за деревьями. Перед домом, на гравиевой дорожке — машина. В темноте цвет ее разобрать было трудно, но сомнений не оставалось: перед узким деревянным крыльцом стоял двухместный бежевый автомобиль, который принадлежал мистеру Канино.

Время от времени мистер Канино позволял некой блондиночке съездить на машине в город, однако сам всегда садился рядом — быть может даже, с заряженным пистолетом в руке. Рядом с той самой блондиночкой, на которой должен был жениться Рыжий Риган. Той, которая ушла от Эдди Марса, но никуда с Риганом не убежала. Той самой, которую стережет теперь мистер Канино. Славный, покладистый мистер Канино.

Я поплелся обратно к гаражу и постучал фонарем в деревянную дверь. Внутри — ни звука. Тишина такая, что громче самого громкого выстрела. Внутри погас свет. Я усмехнулся, слизнул с губы дождевую каплю, зажег

фонарь и направил его на дверь. По дереву заплясал белый круг. Я смотрел на дверь и улыбался. Я был у цели.

Наконец за дверью послышался грубый голос:

— Чего надо?

— Открой. У меня спустило два колеса, а запаска всего одна. Помоги.

— Извини, приятель, но у нас уже закрыто. Реалито всего в миле отсюда. Там и перебортуешь.

Этот ответ мне не понравился, и я стал изо всех сил колотить в дверь. И тут послышался другой, сладкий, мурлыкающий голос. Казалось, за стеной заработала маленькая динамо-машина. Этот голос мне понравился.

— Гляди, какой настырный. Открой ему, Арт.

Загремела задвижка, и одна половинка двери со скрипом приоткрылась внутрь. Передо мной возникло выхваченное светом из темноты худое лицо, но тут что-то блеснуло, фонарь был выбит у меня из рук, и на меня уставилось дуло пистолета.

Я нагнулся, увидел на мокрой земле зажженный фонарь и быстро подобрал его.

— Убери свет, приятель, — раздался грубый голос. — А то ведь так и ослепить недолго.

Я выключил фонарь и выпрямился. В гараже зажегся свет, и я увидел стоящего в дверях высокого тощего мужчину в комбинезоне. Он отступил внутрь, продолжая в меня целиться.

— Входи, приятель, и закрывай за собой дверь. Поглядим, чем мы можем тебе помочь.

Я вошел в гараж, прикрыл дверь и взглянул на тощего в комбинезоне, стараясь не смотреть на другого человека, который молча отошел в тень верстака. В гараже стоял сладковатый запах горячей пироксилиновой краски. Мерзкий запах.

— Что ж ты в дверь-то ломишься? Совсем, что ли, спятил? — проворчал тощий. — Сегодня ведь днем в Реалито банк ограбили.

— Виноват, не знал, — сказал я, вспомнив собравшуюся перед банком толпу. — Я банк не грабил. Я вообще в ваших местах впервые.

— Такая вот история, — угрюмо проговорил тощий. — Говорят, взломщики — совсем еще сосунки. Вроде бы они здесь неподалеку в горах прячутся.

— В такую погоду прятаться в горах — одно удовольствие, — сказал я. — Наверно, это они, убегая, гвозди по шоссе разбросали. А я на них напоролся. Ну и решил дать тебе подзаработать.

— Тебе что, никогда зубы не пересчитывали? — поинтересовался

тощий.

— Такие, как ты, — нет.

— Чего ты к нему привязался, Арт? — послышался из угла сладкий, мурлыкающий голос. — Не видишь, человек в беду попал. Зачем же тогда было гараж открывать?

— Ну, ладно, — буркнул мужчина в комбинезоне, спрятал пистолет в карман и, сунув кулак в рот, угрюмо уставился на меня. От пироксилиновой краски ело глаза, как от эфира. В углу гаража, под лампой, стоял большой свежeweккрашенный автомобиль с пульверизатором на капоте.

Только теперь я взглянул на стоявшего за верстаком человека. Невысокий, плотный, широкоплечий. Лицо спокойное, невозмутимое, ленивый взгляд темных глаз. Коричневое, замшевое, потемневшее от дождя пальто. Коричневая шляпа набекрень. Присев на верстак, он оглядел меня неторопливо, без всякого интереса, словно я был не человеком, а куском вяленого мяса. Возможно, впрочем, все люди были для него кусками вяленого мяса.

Коричневый медленно ощупал меня ленивыми темными глазами, а затем, подняв руку к свету и сложив пальцы, небрежно, по-голливудски, осмотрел свои ухоженные ногти, после чего, не вынимая сигареты изо рта, процедил:

— Говоришь, сразу два колеса проколол? Сурово. А я-то думал, асфальт подметают.

— Да я на обочину съехал — меня на повороте занесло.

— В Реалито, значит, впервые?

— Да, ехал мимо. В Лос-Анджелес. Отсюда далеко?

— Сорок миль. А по такой погоде, считай, все сто. Сам-то откуда будешь?

— Из Санта-Розы.

— Весь день, значит, в пути. Как ты ехал? Через Тахо и Лоун-Пайн?

— Нет, через Рино и Карсон-Сити.

— Все равно далеко. — Его губы скривились в едва заметной улыбке.

— Имеешь что-нибудь против?

— Я? Да нет. Ты небось думаешь, что мы лезем не в свое дело. Если б не ограбление банка, мы бы тебя так не выспрашивали. Бери домкрат, Арт, и перебортуй ему колеса.

— Занят я, не видишь, что ли? — буркнул тощий. — У меня сегодня дел по горло. Кто машину красить будет? И потом — ты не заметил? Там дождь.

— Верно, дождь. Сейчас сыро, — вкрадчивым голосом сказал

коричневый. — В такую погоду все равно как следует не покрасишь. Давай, Арт, помоги человеку.

— Спустило два колеса справа, — сказал я. — Если тебе некогда оба менять, можешь назад поставить запаску.

— Возьми два домкрата, Арт, — сказал коричневый.

— Слушай... — не выдержал Арт.

Тогда коричневый молча поднял на механика свои невозмутимые темные глаза, окинул его ленивым взглядом и как-то очень уж скромно потупился, после чего Арта из гаража как ветром сдуло. Он метнулся в угол, надел поверх комбинезона прорезиненный плащ, нахлобучил на голову клеенчатую шапку, схватил гаечный ключ, ручной домкрат и молча вышел, волоча за собой второй домкрат, на колесах, и даже не прикрыв дверь.

В гараж ворвался шум дождя. Коричневый ленивой походкой подошел к двери, закрыл ее, вернулся к верстаку и неторопливо сел на то же самое место. Мы остались одни, он не знал, кто я, — уже легче. Усевшись поудобнее, он спокойно посмотрел на меня, бросил сигарету на цементный пол и, не глядя, придавил ее ногой.

— Могу поручиться, что ты не откажешься пропустить стаканчик, — сказал он. — Промочить горло на дорожку. — С этими словами коричневый достал из-за верстака бутылку, разлил по стаканам какой-то густой жидкости и один стакан протянул мне.

На негнущихся ногах я подошел к верстаку и взял стакан. От вонючей горячей краски меня мутило, ужасно хотелось на воздух, под дождь.

— Все механики одинаковы, — заговорил коричневый. — Вот и Арт тоже: сначала целую неделю баклуши бьет, а потом работы, говорит, по горло. В Лос-Анджелес по делу едешь?

Я незаметно понюхал выпивку, которую он мне калил. Пахнет вроде бы нормально. Подождав, пока он первым пригубит свой стакан, я отпил глоток, задержал жидкость во рту и, окончательно убедившись, что это не цианистый калий, опорожнил стакан, поставил его на верстак и отошел к двери.

— И по делу тоже, — ответил я и направился к наполовину выкрашенной машине. На капоте лежал большой металлический распылитель. Дождь изо всех сил стучал по плоской крыше. Представляю, как, должно быть, ругается сейчас Арт.

— Тут покрасить-то надо было только одно крыло, — как бы между прочим сказал коричневый. От спиртного его сладкий, мурлыкающий голос стал еще слаще. — Но у владельца деньжата водятся, да и шофер его был

не прочь заработать несколько долларов — вот и все дела.

— Старо как мир, — бросил я. Губы у меня пересохли. Говорить не хотелось. Я закурил. Поскорей бы вернулся механик. Время тянулось мучительно медленно. Мы с коричневым равнодушно смотрели друг на друга, как смотрят два совершенно незнакомых, случайно встретившихся человека, а между нами, откинувшись на спинку стула, неподвижно сидел маленький Гарри Джонс. Коричневый, правда, еще не знал об этом.

Снаружи послышались шаги, дверь распахнулась. Дождь при электрическом свете казался серебряным. Ввалившись в гараж, Арт с угрюмым видом вкатил два испачканных колеса, захлопнул ногой дверь, одно колесо уронил и, свирепо посмотрев на меня, процедил:

— Хорошенькое же ты место выбрал. Песок — домкрат ни черта не держит!

Коричневый рассмеялся, достал из кармана завернутый в бумагу столбик медных монет и стал подбрасывать их на ладони.

— Не ворчи, — сухо заметил он. — Замени-ка лучше камеру.

— А я что, по-твоему, делаю?

— И поменьше на жизнь жалуйся.

— Как же, — пробурчал Арт, стянул с себя прорезиненный плащ, скинул клеенчатую шапку, побросал все это на пол, поставил колесо на круг и с остервенением стал сдирать монтировкой покрышку. Потом вынул сдувшуюся камеру и, по-прежнему ругаясь, подошел к стене, где стоял я, вставил в камеру шланг компрессора, накачал ее, а шланг отпустил, и тот с шипением ткнулся в побеленную стену гаража.

Я стоял и смотрел, как подпрыгивает у Канино на ладони завернутый в бумагу столбик медных монет. Напряжение спало, я немного расслабился и, повернув голову, увидел, что тощий механик, стоя рядом со мной, подбрасывает в воздух туго накачанную камеру и ловит ее широко расставленными руками. Поймал, с мрачным видом осмотрел и, покосившись на стоявшую в углу здоровенную бочку с грязной водой, что-то пробормотал себе под нос.

Сработались они, как видно, неплохо, — я, во всяком случае, не заметил, чтобы один дал другому какой-то сигнал или они обменялись многозначительными взглядами, жестами. Тощий поднял камеру высоко над головой, с минуту пристально смотрел на нее, а затем, повернувшись ко мне вполоборота, быстро шагнул в мою сторону и надел камеру мне на шею.

После чего, зайдя сзади и всем своим весом навалившись на меня, спустил камеру мне на плечи. Руками я кое-как шевелить мог, но вот

дотянуться до лежавшего во внутреннем кармане пистолета был уже не в состоянии.

Коричневый вразвалочку пересек гараж, медленно сжал в кулак ладонь, в которой лежали медяки, и бесшумно, с отсутствующим видом подошел ко мне. Я подался вперед и попытался сбить Арта с ног.

В этот момент между моими разведенными в сторону руками со скоростью камня, летящего с огромной высоты, мелькнул тяжелый кулак, из глаз посыпались искры, комната перевернулась. За первым ударом последовал второй. Боли в голове я не почувствовал, только огни, замелькавшие перед глазами, сделались как-то ярче. Теперь в глаза бил режущий, ослепительный свет, и ничего, кроме этого света, не было. Потом свет померк, и наступила темнота, в которой маячило, словно микроб под микроскопом, какое-то красное пятнышко. А потом пропало и пятнышко. Наступил глухой, непроницаемый мрак, со свистом завыл ветер, и что-то тяжело рухнуло — словно упало огромное, поваленное ураганом дерево.

XXVIII

Под лампой кто-то сидел — кажется, женщина. Другой свет, очень сильный, по-прежнему бил в глаза, и я зажмурился. Ее платиновые, почти белые волосы отливали серебром. На ней было зеленое вязаное платье с широким белым отложным воротником, в ногах лежала блестящая черная сумка с металлическими уголками. Женщина курила, а у ее локтя стоял высокий стакан матового стекла с янтарной жидкостью.

Я осторожно повел головой. Болит, но не сильнее, чем я ожидал. Связали меня по рукам и ногам — точно индейку, перед тем как засунуть ее в духовку. На заведенных назад руках были надеты наручники, а сам я был крест-накрест привязан веревкой к коричневому дивану, на котором лежал. Конец веревки был переброшен за спинку дивана, и, безуспешно попробовав пошевелиться, я убедился, что привязан накрепко.

Перестав вертеться, я снова открыл глаза и произнес:

— Привет.

Услыхав мой голос, женщина отвела взгляд от далекой горной вершины и медленно повернулась в мою сторону. Маленький точеный подбородок. Ярко-синие, цвета горного озера, глаза. По крыше по-прежнему барабанил дождь, но как-то глухо, словно шел очень далеко отсюда.

— Как вы себя чувствуете?

«Голос звенит, точно маленькие серебряные — в тон волосам — колокольчики в кукольном доме», — подумал я и, устыдившись собственной глупости, ответил:

— Превосходно. Кто-то поставил мне под глазом не фонарь, а целую люстру.

— А вы чего ожидали, мистер Марло? Что вас на руках носить будут?

— Да, на руках, в скромном сосновом гробу. О бронзовых украшениях и позолоченных ручках можете не беспокоиться. И пожалуйста, не рассеивайте мой прах над безбрежными просторами Тихого океана. Морской пучине я предпочитаю компанию червей. Кстати, вы слышали, что черви разнополы и влюбляются, как люди?

— По-моему, вы еще немного не в себе, — сказала блондинка, пристально глядя на меня.

— Вы не могли бы убрать этот свет?

Она встала, зашла за диван, и бывший в глаза свет погас. Блаженство.

— Не такой уж вы опасный, — сказала блондинка, возвращаясь к своему стулу. Она была не высокая и не маленькая, не худая и не толстая, словом, то, что надо.

— Я вижу, вы знаете мое имя.

— Вы долго не подавали никаких признаков жизни и дали им возможность вволю порыться в ваших карманах. При желании вас можно было бы забальзамировать. Итак, вы сыщик.

— Это все, чем я провинился?

Она не ответила. Дым от сигареты подымался к потолку, и она, разгоняя его, помахала рукой. Рука маленькая, породистая — не то что клешни современных женщин.

— Который час? — спросил я.

Слегка повернув голову, она поглядела на запястье, освещенное тусклым желтым светом лампы.

— Семнадцать минут одиннадцатого. У вас что, свидание?

— Как видите. Скажите, я нахожусь в доме возле гаража Арта Хака?

— Да.

— А чем занимаются мальчишки? Могилу копают?

— Куда-то уехали.

— Не хотите же вы сказать, что они оставили вас без присмотра?

Ее голова опять медленно повернулась, а на губах заиграла улыбка.

— Говорю же, вы не опасны.

— А я думал, они вас стерегут.

Мои слова не только ее не смущили, но даже позабавили.

— Почему вы решили?

— Я знаю, кто вы.

Ее ярко-синие глаза сверкнули так, как не сверкает клинок на солнце. Уголки рта опустились, но голос не изменился.

— В таком случае, боюсь, вам придется худо. Ненавижу, когда убивают.

— И это говорите вы, жена Эдди Марса? Стыдитесь.

Это ей не понравилось. Она бросила на меня недовольный взгляд. Я улыбнулся:

— Раз вы не можете расстегнуть элегантные браслеты у меня на запястьях — а лучше и не пытаться, — дайте мне хотя бы сделать глоток из вашего стакана. Вы же все равно не пьете.

Блондинка встала и поднесла мне стакан. С треском лопались, словно благие порывы, пузырьки. Нагнулась. Дыхание нежное, как глаза олененка. Я сделал глоток, и она, выпрямившись, оторвала стакан от моих губ,

наблюдая, как у меня по подбородку потекла тонкая струйка.

А потом снова нагнулась. Кровь опять побежала по моим жилам, как бегают по дому, внимательно осматривая его, новый жилец.

— На лице у вас живого места нет, — сказала она.

— Довольствуйтесь тем, что есть. Скоро ведь и этого не будет.

Вдруг блондинка повела головой и прислушалась. На мгновение лицо ее побледнело. Но это дождь барабанил по стенам. Она опять пересекла комнату и, остановившись возле дивана, боком ко мне, тихо сказала, глядя в пол:

— Зачем вы сюда приехали? Вам что, больше всех надо? Эдди ведь не причинил вам никакого вреда. Вы же сами прекрасно знаете, что, если бы я здесь не пряталась, полиция бы решила, что Рыжего Ригана убил Эдди.

— Тем более что так оно и было, — сказал я.

Она даже не шелохнулась. Дышит часто, хрипло. Я осмотрел глазами комнату. Две двери, обе на одной стене, одна из них приоткрыта. На полу ковер в красно-бурых квадратах, на окнах синие занавески, на обоях ярко-зеленые сосны. Такие комнаты рекламируются обычно на автобусных остановках. Дешево и сердито.

— Эдди тут ни при чем, — тихо сказала она. — Я не видела Рыжего уже несколько месяцев. Эдди не такой человек.

— Но вы же ушли от мужа. Жили отдельно. Вашим соседям показывали фотографию Ригана, и они его опознали.

— Это ложь, — холодно сказала она.

Я попробовал вспомнить, откуда я это знаю. От капитана Грегори? Не вспомнил. Голова работала плохо.

— И потом, это не ваше дело, — добавила она.

— Нет, мое. Вся история, от начала до конца, — мое дело. Я его расследую.

— Эдди не такой человек.

— Вы просто питаете слабость к содержателям игорных притонов.

— Что значит «питаю слабость»? Раз есть азартные игроки, значит, должны быть и игорные притоны.

— Не обманывайте себя. Нельзя один раз нарушить закон, а потом жить честно — так не бывает. Вы считаете, что Эдди — всего-навсего содержатель игорного клуба, а я думаю, что он вдобавок сутенер, шантажист, перекупщик краденого, головорез и взяточник, на которого работают профессиональные убийцы и подкупленные полицейские. Такие, как Эдди, не гнушаются ничем, ради наживы они способны на все. И не рассказывайте мне про благородных рэкетиров — я в эти сказки не верю.

— Он не убийца. — Блондинка нахмурилась.

— Верно, сам он не убивает, для этого у него есть Канино. Не далее как сегодня вечером Канино убил совершенно безобидного человека, который пытался кого-то выручить из беды. Я при этом убийстве присутствовал.

Она устало засмеялась.

— Ладно, — прорычал я. — Не хотите, не верьте. Если Эдди такой благородный, то я хотел бы поговорить с ним с глазу на глаз, без Канино. А то ведь, сами знаете, одно неосторожное слово с моей стороны — и Забияка выбьет мне все зубы, да еще, чего доброго, в пах ногой заедет.

Она откинула назад голову и застыла, задумавшись, вероятно, о чем-то своем.

— А я думал, блондинки нынче не в моде, — заметил я, просто так, чтобы что-то сказать. Все время вслушиваться в тишину было непереносимо.

— Что вы, это у меня парик. Я его ношу, пока свои волосы не отрастут. — Блондинка подняла руку и сняла парик. Пострижена она была совсем коротко, под мальчика. Продемонстрировав мне свою прическу, она надела парик снова.

— Кто это вас так?

Она удивилась:

— Как кто? Сама. Пошла в парикмахерскую и постриглась. А почему вы спрашиваете?

— Не догадываетесь?

— Да, я постриглась, чтобы Эдди знал, что я готова скрываться. Что меня не нужно сторожить. Я бы никогда его не подвела. Я люблю его.

— Господи! — простонал я. — Любите одного, а уединяетесь с другим.

Она подняла руку и, растопырив ладонь, уставилась на нее. А потом быстро вышла из комнаты и вскоре вернулась с кухонным ножом. Нагнулась над диваном и стала разрезать веревки.

— Ключ от наручников у Канино, — сказала она. — Тут я бессильна.

Тяжело дыша, она отошла в сторону. Все узлы были разрезаны.

— А вы — молодец, — похвалила она. — Острие — даже на краю могилы.

— Значит, Эдди Марс Ригана не убивал. Я так и думал.

Она порывисто повернулась ко мне спиной, села в кресло под лампой и закрыла лицо руками. А я спустил ноги на пол, встал и сделал пару шагов, разминая затекшие члены. Левая щека дергалась — был поврежден

лицевой нерв. Прошелся. Ходить, значит, я еще в состоянии. Надо будет — и побегу.

— Насколько я понимаю, вы предпочитаете, чтобы я ушел? — сказал я.

Она кивнула, не подымая головы.

— Советую вам пойти со мной. Если в живых хотите остаться.

— Не тратьте зря времени. Он может вернуться в любую минуту.

— Закурите мне сигарету.

Я стоял рядом с ней, касаясь ее коленей. Внезапно она вскочила. Теперь наши лица находились на расстоянии всего нескольких дюймов.

— Привет, Серебряный Паричок, — еле слышно произнес я.

Она отступила назад, зашла за кресло и схватила со стола пачку сигарет. Выдернула из пачки сигарету и резким движением буквально воткнула ее мне в рот. Руки ее дрожали. Щелкнула миниатюрной зажигалкой в кожаном зеленом чехле и поднесла к сигарете фитиль. Я затаился, заглядывая в ее ярко-синие, цвета горного озера, глаза. А потом, не успела она отойти, выпалил:

— На вас меня вывел Гарри Джонс. Мелкая пташка, из тех, что скачут из бара в бар, питаюсь вместо хлебных крошек тотализаторными билетами. А заодно — и слухами. Эта пташка что-то разнюхала про Канино; так или иначе, Джонс и его дружки выяснили, где вы скрываетесь. Тогда Джонс явился ко мне в контору и предложил — за деньги, разумеется, — рассказать всю историю, ведь ему было известно — откуда, значения не имеет, — что я работаю на генерала Стернвуда. В результате я напал на ваш след, а Канино — на маленькую бедную пташку, которой сейчас уже нет в живых. Отлеталась: крылышки взъерошены, шейка поникла, клювик в крови. Короче, Канино убил Джонса. А Эдди Марс, если верить вам, Серебряный Паричок, никогда бы этого не сделал, правильно я понимаю? Он ведь за всю свою жизнь ни разу никого не убил. Да и зачем? Если надо, убийцу всегда нанять можно.

— Уходите, — прохрипела она. — И поскорей.

В воздухе застыла ее рука, сжимавшая зеленую зажигалку. Суставы побелели от напряжения.

— Но Канино не знает, что мне все это известно, — сказал я. — Он знает только, что здесь я рыскаю не случайно.

И тут она вдруг громко расхохоталась. На нее было страшно смотреть. Ее трясло, точно деревце на ветру. В смехе этом чувствовалось не столько даже удивление, сколько замешательство. Казалось, она узнала что-то такое, что противоречило известному раньше. Вот какой это был сложный

смех.

— Боже, как смешно, — сказала она наконец, задыхаясь. — Ужасно смешно, потому что... понимаете... я все еще люблю его... Женщины... — И она засмеялась снова.

А я мучительно вслушивался в шум дождя. Стучало в висках.

— Пошли, — сказал я. — Скорее.

Она отступила на два шага и опять нахмурилась:

— Бегите! Бегите вы! До Реалито дойдете пешком, это не так уж далеко. И даже к лучшему, что пешком! По крайней мере два часа молчать будете. Мне кажется, я это заслужила.

— Пойдемте со мной, — повторил я. — У вас есть пистолет, Серебряный Паричок?

— Вы же сами прекрасно понимаете, что я никуда не пойду. А вы идите. И пожалуйста, скорее.

Я подошел к ней вплотную:

— И вы останетесь здесь после того, как отпустили меня? Будете сидеть и ждать, пока не вернется этот убийца? Прощения будете просить, да? Неужели вы не понимаете, что для него убить человека все равно, что муху прихлопнуть? Вы пойдете со мной?

— Нет.

— А что, если ваш муж все-таки убил Ригана? — не сдавался я. — Или это сделал без его ведома Канино? Что тогда? Сколько тогда вам осталось жить, после того как вы меня отпустили?

— Я Канино не боюсь. Я ведь все-таки жена его хозяина, не забудьте.

— Эдди ваш — пустое место, — огрызнулся я. — Канино съест его и не поперхнется. Заманит и прихлопнет — как кошка канарейку. Пустое место. Такие, как вы, вечно влюбляются в ничтожеств.

— Убирайтесь. — Она еле удержалась, чтобы не плюнуть мне в лицо.

— Хорошо. — Я повернулся к ней спиной и через приоткрытую дверь вышел в темный коридор. Но она бросилась за мной, подбежала, оттеснив меня, к входной двери и распахнула ее. Прислушалась и только тогда поманила меня пальцем.

— До свидания, — сказала она еле слышно. — Желаю удачи, но помните: Эдди не убивал Ригана. Вы найдете Рыжего живым и здоровым, но не раньше, чем он сам того захочет.

Я прижал ее к стене и, касаясь губами ее лица, горячо зашептал:

— Никакой спешки нет, слышишь? Все ведь было заранее продумано, тщательно отрепетировано, рассчитано по секундам. Абсолютно никакой спешки. Поцелуй меня, Серебряный Паричок.

Лицо ее было совершенно ледяным. Она подняла руки, обняла меня за голову и крепко поцеловала. Губы под стать лицу — холодные как лед.

Я вышел на крыльцо, дверь за мной бесшумно закрылась, а по ступенькам по-прежнему барабанил холодный дождь. Но губы были еще холодней.

XXIX

В гараже было темно. Пройдя по гравиевой дорожке и по сырой, хлюпающей под ногами траве, я вышел на дорогу, по которой неслись, стекая в канаву, полноводные ручьи. Шляпы не было. Должно быть, я обронил ее в гараже, а Канино не потрудился ее мне вернуть, полагая, как видно, что больше она мне не понадобится. Я подумал о Канино. Едет, наверное, сейчас со спокойной душой обратно: тощий угрюмый Арт вместе с перекрашенной и, возможно, угнанной машиной переправлен в безопасное место. Блондиночка любила Эдди Марса и согласилась скрыться, чтобы спасти его. Значит, она должна сидеть себе спокойно под лампой и ждать его, Канино, возвращения. А сыщик лежит связанный на диване. Коричневый перенесет ее вещи в машину, обойдет напоследок все комнаты — не оставить бы улики, а потом велит ей выйти из дому и подождать. Выстрела она не услышит. Впрочем, достаточно будет и удара дубинки в висок. А ей он скажет, что оставил меня связанным на диване, чтобы через какое-то время я смог развязать веревки и уйти. И она ему по глупости поверит. Ведь он считает ее дурой, этот славный, предусмотрительный мистер Канино.

Плащ расстегнулся, из-за наручников я не мог его застегнуть, и взмокшие полы били по ногам, словно крылья большой, выбившейся из сил птицы. Вот и шоссе. Мимо, в туче брызг, слепя фарами, свирепо шурша шинами, проносились автомобили. Моя машина стояла на том самом месте, где я ее оставил, колеса накачаны и перебортованы — чтобы в случае необходимости можно было воспользоваться ею в любой момент. Все предусмотрено. Я залез в машину, нагнулся под руль и, откинув кожаный фартук и пошарив в тайнике, извлек оттуда второй пистолет, спрятал его под плащ и пустился в обратный путь. Мир теперь сузился, замкнулся, и в мире этом нам с Канино было не разойтись.

Я уже свернул с шоссе, когда сзади блеснули фары. Едва я успел спрыгнуть в наполненную водой канаву, как мимо, не сбавляя хода, промчалась машина. Я высунул голову из канавы и услышал, как она, скрипнув шинами, съехала с дороги на гравий. Мотор заглох, фары погасли, хлопнула дверца. Как стукнула входная дверь, я не слышал, но деревья, за которыми стоял дом, осветились — то ли шторы на окне раздвинули, то ли зажгли в коридоре свет.

Я снова выбрался на дорогу и зашагал по лужайке к дому. Под ногами

чавкала мокрая трава. Я нащупал пистолет, он лежал у меня в заднем кармане, и я, хоть и с трудом, мог до него дотянуться, рискуя, правда, вырвать левую руку с корнем. Машина стояла перед домом. Темная, пустая, теплая. В радиаторе уютно булькала, остывающая, вода. Я заглянул за боковое стекло. Ключи торчат в замке зажигания. Мистер Канино вел себя крайне самоуверенно. Я обошел машину, осторожно, на цыпочках пересек гравиевую площадку, подошел к окну дома и прислушался. Голосов слышно не было, все звуки тонули в частой барабанной дробь дождя, колотившего по водосточной трубе.

Я напряг слух. Никто не кричит, все тихо и чинно. Он, вероятно, что-то мурлычет ей своим сладким голосом, а она оправдывается: я его отпустила, но взяла с него слово, что он даст нам сбежать. Но Канино мне не поверит, как, впрочем, и я бы не поверил ему. А значит, и на разговоры времени тратить не станет: прихватит блондинку с собой и попытается скрыться. Остается только ждать, когда он выйдет.

Но мне не терпелось. Я переложил пистолет в левую руку, нагнулся, набрал горсть гравия и, встав на цыпочки, потер гравием о стекло. Хотя почти весь гравий рассыпался, скрежет всего нескольких камешков произвел эффект разорвавшейся бомбы.

Я бросился к машине и вскочил на подножку с противоположной стороны. Дом снова погрузился во тьму. Погас свет — и все. Я присел на подножке и замер. Ни шума, ни выстрелов, ни беготни. Канино свое дело знает.

Я опять выпрямился, задом влез в машину, нащупал ключ зажигания и повернул его. Кнопка стартера по идее должна была находиться на приборной доске. Наконец я нащупал ее, нажал, и стартер застучал. Двигатель не успел еще остыть и тут же приглушенно, как-то даже с удовольствием заурчал. А я снова выскочил из машины и спрятался за задними колесами.

Меня била дрожь, но я знал, что такой поворот событий Канино никак не устраивает: машина была нужна ему позарез. Темное окно медленно, дюйм за дюймом поползло вниз, только по неясным бликам света на стекле можно было заметить, что оно вообще опускается. Затем из окна внезапно вырвалось пламя, и грянули три выстрела подряд. В машине посыпались стекла. Я издал истошный вопль. Затем вопль сменился жалобным стоном. Стон в свою очередь перешел на хрип захлебывающегося в крови. Предсмертный хрип стал постепенно стихать и наконец замер. Последний, судорожный вздох. Получилось неплохо. Даже мне самому понравилось. Остался доволен и Канино. Я услышал его смех. Громкий, раскатистый, не

имеющий ничего общего с его вкрадчивым, мурлыкающим голосом.

Опять на какое-то время наступила тишина, прерываемая лишь шумом дождя и тихим урчанием мотора. Затем дверь дома приоткрылась, и на пороге возникла человеческая фигура с каким-то белым пятном на шее. Я догадался, это пятно — белый отложной воротник женщины.

Откинув назад голову, на негнущихся ногах блондинка медленно, как деревянная, спустилась по ступенькам с крыльца. В темноте поблескивал ее серебряный парик. Канино, согнувшись, крался за ней, прячась за ее спину. Что-то в этой жуткой парочке было неувлимо смешное.

Она спустилась с крыльца. Теперь я видел ее лицо — белое, застывшее. Направилась к машине. Канино прятался за ней, как за мощным оградительным укреплением, — а вдруг я еще жив и кусаюсь? Сквозь шум дождя до меня донесся ее тихий, ровный голос:

— Я ни черта не вижу, Забияка. Окна запотели.

Канино что-то буркнул в ответ, и блондинка, вздрогнув всем телом, как будто ей ткнули пистолетом в спину, между лопаток, опять двинулась вперед. Когда она подошла почти вплотную к погруженной во тьму машине, я разглядел в темноте и его: шляпа, щека, плечо. Вдруг блондинка остановилась как вкопанная и завизжала. От этого прелестного пронзительного девичьего визга я отлетел в сторону, как будто получил сокрушительный удар в челюсть.

— Я вижу его! — закричала она. — Через стекло! Он за рулем, Забияка!

Канино клюнул на эту удочку, как целая стая изголодавшихся щук. Он грубо оттолкнул блондинку в сторону, рванулся к машине и выбросил вперед руку. В темноте снова трижды вспыхнуло пламя. Опять посыпалось разбитое стекло. Одна пуля, пробив стекло, попала в дерево, рядом со мной. Другая, чиркнув по другому дереву, пропела высоко над головой. А мотор продолжал работать.

Канино стоял согнувшись в три погибели, лицо, только что осветившееся от вспышек выстрелов, опять посерело и растаяло во мраке. Если он стрелял из револьвера, то патроны должны были кончиться. А может, и нет. В общей сложности он выстрелил шесть раз, но после первых трех выстрелов он мог, еще в доме, перезарядить револьвер. Надо надеяться, что так оно и было. Почему-то не хотелось, чтобы он оставался безоружным. Впрочем, у него мог быть и автоматический пистолет.

— У тебя все? — поинтересовался я.

Он бросился на голос. Наверно, надо было, как это водится у джентльменов старой школы, дать ему возможность выстрелить первым, но

он держал пистолет наготове, и надо было действовать как можно скорее. Поэтому, решив на этот раз пренебречь джентльменским кодексом, я выстрелил в него четыре раза подряд. Ручка кольца врезалась мне в ребро. Пистолет вылетел у него из рук, как будто его выбили ногой. Послышался хлопок — это Канино прижал обе руки к животу. В таком положении он и упал — лицом вперед, обхватив себя своими здоровенными ручищами. Рухнул ничком на мокрый гравий. И больше не издал ни звука.

Молчала и блондинка. Она стояла неподвижно, дождь хлестал ей по лицу. Я подошел к Канино и носком ботинка зачем-то отбросил в сторону пистолет. Потом присел на корточки и подобрал его. Теперь я находился совсем рядом с блондинкой. Она заговорила — задумчиво, словно сама с собой:

— Я... я боялась, что ты вернешься.

— У нас ведь было назначено свидание, — возразил я. — Говорю же, все было заранее продумано. — И я грубо, как деревенский увалень, заготовал.

Она присела на корточки рядом со мной, нащупала что-то у Канино на груди, встала, и я увидел, что в руке она держит ключик на тоненькой цепочке.

— Его обязательно надо было убивать? — с горечью спросила она.

Я перестал смеяться, так же внезапно, как и начал. Она подошла ко мне сзади и, щелкнув замком, расцепила наручники.

— Да, — еле слышно проговорила она, отвечая на свой же вопрос. — Обязательно.

XXX

На следующий день опять ярко светило солнце.

Капитан Грегори из розыска пропавших без вести лениво выглянул из окна своего кабинета и посмотрел на зарешеченные окна верхнего этажа белого, вымытого дождем здания Городского полицейского управления. Затем тяжело повернулся в своем вращающемся кресле, примял табак потрескавшимся от ожогов большим пальцем и тупо уставился на меня:

— Ну что, опять влип в историю?

— А вы в курсе?

— А ты что ж, думаешь, я зря здесь целыми днями стул просиживаю? Канино, конечно, пристрелить стоило, я ничего не говорю, но не думаю, чтобы ребята из уголовной полиции погладили тебя за это по головке.

— Просто мне обидно стало, — сказал я. — Все кругом убивают, а я что, хуже?

Капитан вяло улыбнулся:

— Откуда ты узнал, что девица, которую сторожил Канино, — жена Эдди Марса?

Я все ему подробно рассказал. Он внимательно слушал и зевал, прикрывая золотые зубы ладонью величиной с поднос.

— Ты, наверно, считаешь, что я обязан был найти ее, — сказал он, когда я кончил.

— Этот вывод напрашивается сам собой.

— Что ж, может, я и знал, где она прячется, — сказал Грегори. — Знал и играл с ними в кошки-мышки. Пусть, мол, считают, что это сойдет им с рук. Не так ведь глупо, а? И еще, ты ведь, наверно, думаешь, что я смотрел на все это сквозь пальцы по каким-то своим, сугубо, так сказать, меркантильным соображениям, да? — И он красноречиво потер большим пальцем об указательный и средний.

— Нет, — ответил я, — ничего такого я не думал. Даже когда оказалось, что Эдди почему-то в курсе нашей с вами беседы.

Грегори поднял брови с таким видом, будто это давалось ему с большим трудом, — старый трюк, к которому он в последнее время, как видно, прибегал довольно редко. Лоб капитана покрылся морщинами, а когда разгладился, на нем появилось множество белых линий, которые постепенно стали краснеть.

— Пойми, я — полицейский, — сказал наконец он. — Самый

обыкновенный полицейский. В меру честный. Честность ведь нынче у нас не в почете. Будь я жулик, я бы тебя сегодня к себе не вызвал. Уж можешь мне поверить. Как всякий полицейский, я люблю, когда торжествует закон. Я бы очень обрадовался, если б разодетые хлыщи вроде Эдди Марса ломали ухоженные ногти в Фолсомских каменоломнях рядом со своими подручными, громилами из трущоб, которых загребли по первому же делу и которые с тех пор больше времени проводят за решеткой, чем на воле. Мне бы очень хотелось на всех на них полюбоваться, но мы ведь с тобой не первый день на свете живем и понимаем — мечты все это. Такого, чтоб преступников сажали по справедливости, не бывает. Ни в нашем городе, ни в любом другом, будь он хоть вдвое меньше. А все потому, что в нашей с тобой огромной и распрекрасной Америке таких порядков нет.

Я промолчал, а Грегори, дернув головой, выпустил дым в потолок, посмотрел на свою трубку и продолжал:

— Только не подумай, что я подозреваю Эдди Марса в убийстве Ригана. Едва ли у него могли быть основания для убийства, а даже если и были, он, по-моему, не стал бы его убивать. Я просто решил, что Эдди, может быть, что-то знает и рано или поздно вся история выплывет на поверхность. Прятать жену в Реалито было, конечно, с его стороны наивно, но это та наивность, которой порой грешат даже самые матерые проходимцы. Сегодня ночью я вызывал Марса к себе после того, как он дал показания окружному прокурору. Он во всем признался. Сказал, что Канино он использовал только в качестве надежного телохранителя, а про его темные делишки знать ничего не знает. С Гарри Джонсом Марс был не знаком, с Джо Броди — тоже. Гейгера он, естественно, знал, но уверяет, что понятия не имел про его подпольный бизнес. Все это, впрочем, ты уже слышал.

— Да.

— Ты хорошо сделал, что сразу же заявил в полицию, приятель. Мы ведь все равно храним все неопознанные пули. В один прекрасный день ты бы снова воспользовался этим кольцом — и попался.

— Да, я все сделал хорошо, — сказал я, загадочно улыбаясь.

Грегори выбил табак из трубки и задумчиво уставился на нее.

— Что случилось с девицей? — спросил он, не подымая глаз.

— Не знаю. Ее почему-то не задержали. Мы с ней дали показания. Три раза говорили одно и то же: сначала Уайлду, потом шерифу, а потом — мальчикам из уголовной полиции. После этого ее отпустили, и больше я ее не видел. И вряд ли увижу снова.

— Хорошая, говорят, девчонка. Без фокусов.

— Да, неплохая.

Капитан Грегори вздохнул и взъерошил свои мышиного цвета волосы.

— И последнее, — почти ласково сказал он. — Парень ты, по всему видно, не промах, только очень уж боевой. Если действительно хочешь помочь Стернвудам — оставь эту семейку в покое.

— Думаю, вы правы, капитан.

— Как ты себя чувствуешь?

— Превосходно, — ответил я. — Всю ночь меня таскали по кабинетам и выбивали из меня показания. Перед этим я промок до нитки, а еще раньше был избит до потери пульса. Так что чувствую я себя просто великолепно.

— Но ведь ты же сам виноват, а?

— Сам. — Я встал, улыбнулся ему на прощанье и двинулся к выходу. Когда я подошел к дверям, он вдруг откашлялся и, повысив голос, сказал:

— Я что-то не понял, ты все еще надеешься найти Ригана?

Я повернулся и посмотрел ему прямо в глаза:

— Нет, не надеюсь. И искать его не собираюсь. Вы довольны?

Он задумчиво кивнул. А потом пожал плечами:

— Не знаю даже, зачем я об этом спросил тебя. Так, вырвалось. Желаю удачи, Марло. Заходи, если что. Всегда рад тебя видеть.

— Спасибо, капитан.

Я вышел из здания муниципалитета, сел в машину, выехал с полицейской стоянки и отправился домой, в «Хобарт-Армс». Приехал, скинул пиджак и, улегшись на диван, уставился в потолок, прислушиваясь к шуму улицы и поглядывая на ползущий по потолку солнечный луч. Я попытался было уснуть, но вскоре понял, что это мне не удастся, встал, выпил виски, хотя время для спиртного было самое неподходящее, и лег снова. Не спалось. Мозг работал, как часы. Я сел на кровати, набил трубку и вслух произнес:

— Этот старый болван явно что-то знает.

Табак почему-то показался мне горьким, как полынь. Я отложил трубку и снова лег. В голове у меня все перепуталось, и при воспоминаниях о событиях минувшей ночи мне начинало казаться, что я по многу раз делал одно и то же: ехал в одни и те же места, встречался с одними и теми же людьми, говорил одни и те же слова. И при этом ощущение было такое, будто каждый раз все происходит по-настоящему и впервые... Вот я несусь на машине по мокрому шоссе, а блондинка забила в угол, молчит; она промолчала всю дорогу, и когда мы приехали в Лос-Анджелес, то опять стали совершенно чужими людьми... А вот я стою в какой-то

круглосуточно работающей аптеке и говорю по телефону с Берни Олсом. Ему я сообщил, что убил в Реалито человека, а сейчас направляюсь к Уайлду вместе с женой Эдди Марса, которая при этом убийстве присутствовала... Я еду по пустынным, блестящим от дождя аллеям Лафайет-парка, подъезжаю к большому дому Уайлда, а на крыльце уже горит свет, меня ждут — это Олс перезвонил окружному прокурору и предупредил его, что я скоро буду... Я стою в кабинете Уайлда, а он сидит за своим письменным столом, закутавшись в пестрый халат. Взгляд суровый, на губах застыла кривая улыбочка, пальцы теребят пятнистую сигару. Кроме нас, в кабинете находятся Олс и какой-то тощий седой субъект, больше похожий на профессора экономики, чем на полицейского из управления шерифа. Я рассказываю всю историю от начала до конца, они молча слушают, а блондинка сидит в углу, сложив на коленях руки и опустив глаза. Потом все по очереди долго говорят по телефону. Потом возникают два типа из уголовной полиции, на меня они смотрят с таким видом, будто я какой-то диковинный зверь, сбежавший из бродячего цирка. Потом, в сопровождении одного из этих типов, я еду в Фулуайдер-билдинг. Мы входим в комнату, где все еще стоит кисло-сладкий запах, а на стуле в том же положении, с застывшей гримасой на мертвом лице сидит Гарри Джонс. Появляется врач, здоровенный парень с рыжей щетиной на шее; эксперт, который рыщет по комнате в поисках отпечатков пальцев, я советую осмотреть щеколду на фрамуге и оказываюсь прав: единственный отпечаток, который оставил, в подтверждение моей истории, мистер Канино, оказался именно там.

Потом я опять возвращаюсь к Уайлду и подписываю протокол допроса, который за это время перепечатала его секретарша. Потом открывается дверь, входит Эдди Марс и, увидев блондинку, с улыбкой говорит: «Привет, детка». Но она ему не отвечает и даже не смотрит в его сторону. Эдди Марс свеж и подтянут, как всегда, на нем темный костюм, а поверх твидового пальто накинут белый шарф с бахромой. А потом они ушли, вообще все ушли, я остался наедине с Уайлдом, и он ледяным, срывающимся от гнева голосом сказал: «Имейте в виду, Марло, еще одна такая история, и я вам не завидую. Тогда уж вас ничто не спасет».

Ночные события прокрутились в голове еще много раз. Погрузившись в воспоминания, я лежал на диване и следил за скользящим по краю стены солнечным зайчиком, как вдруг раздался телефонный звонок. Звонил Норрис, дворецкий Стернвудов.

— Мистер Марло? — Голос, как всегда, совершенно спокойный, — Я пытался дозвониться вам в контору, но безуспешно. Поэтому и позволил

себе побеспокоить вас дома.

— Почти всю ночь меня не было. Я даже не ложился.

— Понимаю. Генерал хотел бы сегодня встретиться с вами, сэр. Если, разумеется, это не нарушит ваших планов.

— Полчаса, думаю, я смогу ему уделить. Как он?

— Лежит, но чувствует себя неплохо.

— Посмотрим, что с ним будет, когда я уйду, — сказал я и положил трубку.

Побрившись и переодевшись, я направился было к двери, но вернулся и прихватил маленький револьвер Кармен с перламутровой ручкой. Солнце было таким ярким, что перед глазами все плясало. Через двадцать минут, ровно в одиннадцать пятнадцать, я уже въезжал в боковые ворота усадьбы. В восторге от того, что дождь наконец кончился, птицы как сумасшедшие прыгали по веткам и распевали песни, сбегавшая вниз лужайка была зеленее ирландского флага, а у особняка вид был такой, словно его построили всего десять минут назад. Я нажал на кнопку звонка. Еще недели не прошло, как я впервые позвонил в этот звонок, а казалось, что позади уже целый год.

Дверь открыла служанка, которая отвела меня в главный холл и ушла, сказав, что мистер Норрис сейчас спустится. В холле абсолютно ничего не изменилось. С висевшего над камином портрета на меня так же пристально смотрели черные как уголь горящие глаза офицера, а рыцарь на витраже, как и пять дней назад, тщетно пытался освободить привязанную к дереву голую девицу.

Через несколько минут появился Норрис; ничуть не изменился и он: равнодушный взгляд холодных голубых глаз, гладкая, здоровая сероватопрозрачная кожа, упругая походка молодого человека. Груз лет ощущал на себе я, а никак не он.

Мы поднялись по выложенной кафелем лестнице и пошли по коридору в противоположную от комнаты Вивьен сторону. Чем дальше мы шли, тем больше, таинственнее становился особняк. Наконец мы остановились у массивной, старинной, похожей на церковную двери. Норрис бесшумно приоткрыл ее и заглянул внутрь. Затем, отступив в сторону, пропустил меня, и я зашагал по казавшейся бесконечной ковровой дорожке к широченной кровати с пологом такой величины, что если бы под ним я увидел сейчас не парализованного генерала Стернвуда, а умирающего Генриха VIII, то ничуть бы не удивился.

Генерал сидел в постели, откинувшись на подушки. Желтые, безжизненные руки лежали поверх белоснежного одеяла, на пепельно-

сером, мертвенном лице выделялись живые черные глаза.

— Садитесь, мистер Марло. — Голос усталый, слегка напряженный.

Я придвинул стул вплотную к постели и сел. Все окна плотно закрыты. Шторы приспущены, в комнате царит полумрак. В спертom воздухе едва слышный, сладковатый запах старости.

С минуту, показавшуюся мне часами, генерал пристально смотрел на меня, потом приподнял руку, словно доказывая самому себе, что она еще подымается, опустил и с трудом выговорил:

— Я не просил вас разыскивать моего зятя, мистер Марло.

— Да, но ведь вы этого хотели.

— Я вам об этом ничего не говорил. Вы слишком многое на себя берете. Обычно я говорю, если мне чего-то хочется.

Я промолчал.

— Деньги вы получили, — холодно продолжал он. — Это, впрочем, несущественно. Просто у меня возникло ощущение, что вы — неумышленно, разумеется, — нарушили наш договор.

Генерал закрыл глаза.

— Вы для этого меня вызывали? — справился я.

Глаза очень медленно приоткрылись. Веки — как свинцовые.

— По-моему, вы сердитесь.

Я покачал головой:

— У вас есть передо мной одно преимущество, генерал. И я вовсе не хочу лишать вас его, ни в коем случае. Оно ведь очень невелико, учитывая, как нелегко вам приходится. Вы можете говорить мне все что угодно, а я обижаться на вас не вправе. Я хотел бы вернуть вам ваши деньги. Я понимаю, вам это безразлично, а вот мне — не совсем.

— Что это вам даст?

— Тем самым я откажусь от вознаграждения за работу, с которой не справился. Вот и все.

— И часто вы не справляетесь с работой?

— Иногда бывает. Все мы люди.

— Зачем вы ходили к капитану Грегори?

Я откинулся назад, забросил руку за спинку стула и внимательно посмотрел на старика. Лицо его ровным счетом ничего не выражало. Ответа на его вопрос — во всяком случае, удовлетворительного — у меня не было.

— Видите ли, — начал я, — у меня сложилось впечатление, что долговыми расписками Гейгера вы меня в основном лишь испытывали. Я подумал, что вы боитесь, как бы Риган не оказался замешанным в попытку

вас шантажировать. Тогда сам я еще ничего про Ригана не знал. И, только поговорив с капитаном Грегори, я окончательно убедился, что Риган не из тех людей, что идут на шантаж.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Я кивнул:

— Да, на ваш вопрос я действительно не ответил. Думаю, мне просто было стыдно признаться, что на этот раз интуиция меня подвела. В то утро, после нашего с вами разговора в оранжерее, меня пригласила к себе миссис Риган. По всей видимости, она решила, что вы наняли меня искать ее мужа, и осталась этим очень недовольна. Что не помешало ей, однако, намекнуть, что его машину обнаружили в каком-то гараже. «Обнаружили» воспринималось однозначно: машину нашла полиция. Раз полиция в курсе дела, рассудил я, Риганом занимается розыск пропавших без вести. Разумеется, я не знал, кто сообщил в полицию о пропаже Ригана: вы или кто-то еще, или же просто машину нашли в частном гараже по анонимному звонку. Всего этого я, повторяю, не знал, но, неплохо зная полицию, я сообразил, что раз они установили все это, то обязательно постараются разнюхать что-то еще, тем более что ваш шофер, как выяснилось, уже давно находился у них на заметке. В каком направлении они будут действовать, я понятия не имел, но к капитану Грегори решил, на всякий случай, сходить. Окончательное решение я принял после встречи с мистером Уайлдом в связи с убийством Гейгера. Когда мы с ним на минуту остались одни, он поинтересовался, говорили ли вы мне, что ищете Ригана. На это я ответил, что вы его не ищете, но в принципе хотели бы знать, где он и что с ним. Уайлд только хмыкнул, но я сразу же понял, что поисками Ригана занимается полиция Лос-Анджелеса. Верно, к капитану Грегори я пошел, но вел себя с ним осмотрительно, стараясь говорить только то, что он знает и без меня.

— Однако же, вы дали ему понять, что я нанял вас на поиски Рыжего?

— Да, но только убедившись, что капитану поручено это дело.

Генерал закрыл глаза и, не открывая их, произнес:

— И по-вашему, это порядочно?

— Да, порядочно.

Глаза открылись опять. Черные пытливые глаза на мертвом лице.

— Может быть, я чего-то не понимаю? — сказал он.

— Может быть. Ответственный за розыск пропавших без вести не из болтливых — в противном случае он бы такими делами не занимался. Грегори — хитрая бестия, тертый тип, любит прикинуться эдаким увальнем, сытым своей работой по горло. А ведь игру я вел нешуточную.

Без блефа тут было не обойтись. Обычно, когда говоришь с полицейским, он относится к вашим словам недоверчиво. А Грегори вел себя со мной так, будто ему все безразлично. Это мойщику окон вы можете сказать: «Вот восемь окон. Вымой их и можешь быть свободен». С частным сыщиком так нельзя. Ведь никогда не известно, на что ему придется пойти, чтобы выполнить ваше поручение. Я берусь его выполнить, а уж как — это мое дело. Главное ведь — это защитить вас, а если я нарушаю при этом некоторые правила, то нарушаю их в ваших же интересах. Интересы клиента для частного сыщика превыше всего — если, разумеется, клиент этот сам не преступник. Но и тогда я лишь откажусь вести дело, которое он мне предложил, и буду держать язык за зубами. В конце концов, вы же не запрещали мне обращаться к капитану Грегори.

— Согласитесь, предусмотреть это было бы довольно сложно. — Старик кисло улыбнулся.

— Итак, в чем же я провинился? Ваш дворецкий Норрис счел, что, раз Гейгер убит, мои функции исчерпаны. Я же смотрю на дело иначе. Поведение Гейгера показалось мне весьма подозрительным. Я не Шерлок Холмс и не Фило Вэнс[10]. В мою задачу не входит следовать за полицией по пятам, подбирать неопознанные вещественные доказательства и на их основании строить глубокомысленные гипотезы. Если вы полагаете, что этим занимаются в наше время частные сыщики, то вы глубоко заблуждаетесь. С вещественными доказательствами у полиции как раз все в порядке. Если, конечно, им дают честно работать. Из виду полиция, как правило, упускает вещи менее очевидные, в глаза не бросающиеся. Например, они не задались вопросом: с какой стати такой скользкий тип, как Гейгер, который промышляет темными делишками, чувствует себя очень неуверенно, прячется за спиной у рэкетира и пользуется сомнительной протекцией кой-кого из блюстителей порядка — посылает вам долговые расписки и просит вас оплатить их, как подобает джентльмену? Почему он это сделал? А потому, что ему хотелось выяснить, можно ли на вас оказывать давление. Если вы уязвимы, то заплатите... Если нет — на его письмо вы не отреагируете и будете терпеливо ждать, как он поведет себя дальше. Оказалось, вы уязвимы. Вашим слабым местом был Риган. Вы боялись, что он не тот человек, каким вы себе его представляли, что он пожил у вас в доме, осмотрелся, втерся к вам в доверие с единственной целью — прикарманить ваши сбережения.

Генерал открыл было рот, чтобы что-то сказать, но я его перебил:

— Впрочем, беспокоились вы ведь не из-за денег. И не из-за дочерей. На них-то вы, по-моему, уже давно махнули рукой. Просто как человек,

сохранивший чувство собственного достоинства, вы не хотели, чтобы из вас делали дурака. А главное, самое главное, — Риган вам самому нравился.

— Что-то вы очень уж разговорились, Марло, — тихим голосом проговорил генерал после паузы. — Как вас прикажете понимать: вы все еще собираетесь разгадать загадку Ригана?

— Нет, с меня хватит. Да и в полиции мне намекнули, чтобы я закруглялся. Грубо, говорят, работаешь. Поэтому я и решил вернуть вам деньги — задание ведь я до конца не выполнил.

Старик улыбнулся.

— Продолжайте расследование, — сказал он. — Если найдете Рыжего, получите еще тысячу. И имейте в виду, возвращаться назад он вовсе не обязан. Мне не важно, где он. Каждый человек имеет право жить так, как он хочет. За то, что он бросил мою дочь, да еще так внезапно, я на него не в претензии. Чего сгоряча не сделаешь! Мне важно знать, что у него все в порядке, а где он, мне безразлично. Мне только хочется, чтобы он связался со мной напрямую. Если же окажется, что он испытывает материальные затруднения, я хочу ему помочь. Вам все ясно?

— Да, генерал.

Старик перевел дух, а затем голова его поникла, темные веки смежились, бескровные губы плотно сжались. Силы покинули его. Живой труп. Но вот глаза снова приоткрылись, а на губах заиграла улыбка.

— Совсем я раскис, — сказал он. — Баба, а не солдат. Что ж поделаешь, нравится мне этот парень. Что-то в нем есть... чистое. Не знаю, может, я плохо разбираюсь в людях... Найдите мне его, Марло. Найдите...

— Попытаюсь. А сейчас вам надо отдохнуть. А то я совсем вас заговорил.

Я быстро встал и направился к двери. А он опять закрыл глаза. Руки безжизненно упали на одеяло. Вот уж действительно, краше в гроб кладут. Я осторожно прикрыл за собой дверь, прошел по коридору и спустился по лестнице в центральный холл.

XXXI

Появился дворецкий с моей шляпой в руке.

— Что вы думаете о его состоянии? — спросил я Норриса, надевая шляпу.

— Он не так слаб, как кажется, сэра.

— В противном случае его давно бы уже следовало предать земле. Скажите, чем этот Риган так ему полюбился?

Дворецкий окинул меня пристальным и в то же время абсолютно непроницаемым взглядом.

— Молодостью, сэра, — ответил он. — И твердой рукой.

— Твердая рука — это по вашей части.

— Да и по вашей тоже, сэра.

— Благодарю. Как поживают юные леди?

Норрис вежливо пожал плечами.

— Я так и думал, — сказал я и вышел.

Выйдя на крыльцо, я взглянул на сбегавший вниз, к высокой металлической ограде газон, на подстриженные деревья и клумбы с цветами и увидел Кармен, которая с потеряннм видом одиноко сидела на каменной скамейке, обхватив голову руками.

Она не заметила, как я, сбежав по ступенькам из красного кирпича, подошел к ней, и, увидев меня, подпрыгнула и оцетинилась, точно кошка. Голубые брюки, те самые, в которых я видел ее в первый раз; копна растрепанных светлых волос, лицо бледное, на щеках красные пятна, серовато-синие, цвета сланца, глаза.

— Скучаешь? — спросил я.

Она медленно, довольно робко улыбнулась, а потом быстро кивнула. И шепнула:

— Ты на меня не злишься?

— А ты на меня?

Она подняла большой палец ко рту и захихикала:

— Я — нет.

Я насторожился и огляделся по сторонам. На дереве, футах в тридцати от того места, где она сидела, висела утыканная стрелами мишень. Еще три-четыре стрелы лежали рядом с ней, на скамейке.

— С вашими деньгами вы с сестрой могли бы жить и повеселее, — сказал я.

Она смерила меня долгим, задумчивым взглядом из-под длинных ресниц. Тем самым, от которого мужчины по идее должны, схватившись за сердце, падать на колени.

— Любишь стрелы метать?

— Угу.

— Да, чуть не забыл, — сказал я, покосившись на дом, шагнув за дерево, и достал из кармана маленький револьвер с перламутровой ручкой. — Я принес тебе твое именное оружие. Револьвер смазан и заряжен, но стрелять из него в людей — по крайней мере, пока не научишься, — не советую. Помнишь?

Она побледнела еще больше и вынула изо рта большой палец. А затем, с неожиданным блеском в глазах, взглянула сначала на меня, а потом на револьвер, который я держал в руке.

— Да, помню, — сказала она и кивнула. И вдруг, ни с того ни с сего, бросила:

— Научи меня стрелять. Мне очень хочется.

— Здесь? Запрещено законом.

Она встала со скамейки, подошла ко мне вплотную и, взяв у меня револьвер, обхватила рукой перламутровую рукоятку, после чего быстро, как-то даже воровато спрятала револьвер в карман брюк и осмотрелась по сторонам.

— Я знаю одно место, — сказала она таинственным шепотом, — возле старых нефтяных скважин. — И она показала рукой вниз, в сторону гор. — Научишь?

Я заглянул ей в глаза. С таким же успехом можно было заглянуть в пустой колодец.

— Ладно, только сейчас верни мне револьвер. Сначала я должен убедиться, подходит ли это место для стрельбы.

Она улыбнулась, скорчила гримасу, а затем вернула мне револьвер, причем с таким таинственным и в то же время лукавым видом, будто это было не оружие, а ключ от ее спальни. Мы поднялись по ступенькам к дому и подошли к моей машине. В саду стояла тишина, а солнце было таким же ослепительным, как улыбка метрдотеля. Мы сели в машину и, спустившись по петляющей аллее, выехали за ворота усадьбы.

— Где Вивьен? — спросил я.

— Еще спит. — Кармен хихикнула.

Я поехал под гору, по тихим, богатым, сверкающим после дождя улицам, объехал Ла-Бриа с востока и повернул на юг. Через десять минут мы были на месте.

— Вон там, — сказала она, высунувшись из машины и ткнув вперед пальцем.

Мы остановились на узкой, грязной, разбитой грузовиками дороге, больше похожей на въезд в какое-то горное ранчо, перед широко распахнутыми воротами. Казалось, ворота эти не закрывались годами. Вдоль дороги росли высокие эвкалипты. Было пусто, солнечно, но еще не пыльно: дождь шел всю ночь и прекратился совсем недавно. Я въехал в ворота, и городской шум почему-то вдруг стих, как будто мы находились не в городе, а где-то в далекой волшебной стране. Впереди, словно из-под земли, выросла испачканная нефтью, покосившаяся деревянная буровая вышка, соединенная с полдюжиной других, таких же, старым, ржавым стальным кабелем. Вышки бездействовали уже давно, не меньше года. Скважины не бурились. В кучу были свалены ржавая труба, прогнувшийся с одного конца погрузочный помост и полдюжины пустых нефтяных цилиндров. В выгребной яме стояла вонючая вода, покрытая жирными пятнами переливающейся на солнце нефти.

— И здесь тоже со временем будет парк? — спросил я.

Кармен утвердительно кивнула головой, глаза ее сверкнули.

— Что ж, дело хорошее. А то от одного запаха этой лужи может сдохнуть целое стадо коз. Ты это место имела в виду?

— Ага. Нравится?

— Райское местечко.

Я остановил машину возле загрузочного помоста, и мы вышли. Я прислушался. Шум машин доносился откуда-то издалека и был теперь больше похож на гудение пчел. Тишина — как на кладбище. Даже после дождя высокие эвкалипты были покрыты густым слоем пыли. Впрочем, у эвкалиптов всегда грязный вид. Возле отстойника лежала сломанная ветром ветка, и по воде полоскались плоские мясистые листья.

Я обошел отстойник и заглянул в окно насосной станции. На полу валялся какой-то хлам. Никаких признаков жизни. К стене было прислонено большое деревянное колесо для поворота мачты деррика. Да, место действительно подходящее.

Я вернулся к машине. Девушка стояла возле и расчесывала свои светлые, переливающиеся на солнце волосы.

— Дай, — сказала она, протянув руку.

Вынув револьвер из кармана, я положил его ей на ладонь, а сам нагнулся и подобрал с земли ржавую банку.

— Теперь смотри, — сказал я. — Револьвер заряжен всеми пятью патронами. Сейчас я пойду и вставлю эту банку вон в то большое

деревянное колесо. Видишь? — Я показал. Она с готовностью кивнула головой. — Отсюда до колеса примерно тридцать футов. Только не стреляй, пока я не вернусь. О'кей?

— О'кей. — Она опять захихикала.

Я снова обошел яму и вставил банку в прислоненное к насосной станции колесо. Отличная цель. Если она промахнется — а, скорее всего, так оно и будет, — пуля по крайней мере попадет в колесо, где наверняка застрянет. Впрочем, и в колесо Кармен тоже попадет едва ли.

Установив мишень, я пошел назад, однако, когда я находился от девушки футов в десяти, она вдруг обнажила свои мелкие хищные зубки, подняла револьвер и зашипела.

Я остановился как вкопанный, чуть не упав в яму с вонючей водой.

— Стой где стоишь, ублюдок, — сказала она.

Дуло револьвера смотрело мне прямо в грудь. Рука не дрожала. Шипение с каждой секундой становилось все громче, а лицо — все более похожим на обглоданную кость. Старый, выродившийся маленький зверек. Причем не самый добрый зверек.

Я засмеялся ей в лицо и двинулся на нее. Видно было, как ее тоненькие пальчики, побелев, вцепились в «собачку». Когда я находился на расстоянии примерно шести футов, она спустила курок. Выстрел сухо щелкнул, разорвав тишину. Дыма не было. Я опять остановился и улыбнулся.

Она выстрелила еще дважды, очень быстро. С такого расстояния даже она бы не промахнулась. В револьвере было пять патронов. Она израсходовала четыре. Очень спешила.

Оставался последний патрон, пятый. Я пригнулся. Стреляла она почти в упор, тщательно целясь мне в голову. В лицо полыхнуло, в ноздри ударил запах пороха. Я выпрямился.

— Ну, ты даешь! — вырвалось у меня.

Рука, в которой был зажат разряженный пистолет, начала сильно дрожать. Пистолет упал на землю. Вслед за рукой задрожали и губы. Ходуном ходило все лицо. Кармен закинула голову назад, и в уголках рта у нее появилась пена. Воздух со стоном вырывался из груди. Она начала раскачиваться на месте и повалилась на бок.

Когда я подхватил ее, она была уже без сознания. Я раздвинул ей обеими руками зубы и с трудом, используя всю свою силу, запихнул ей в рот скомканный носовой платок, после чего взял ее на руки, отнес в машину, вернулся, подобрал револьвер и спрятал его в карман. Потом сел за руль, развернулся, выехал за ворота, по грязной, узкой, разбитой дороге

добрался до шоссе и покатыл в Лос-Анджелес.

Всю дорогу Кармен неподвижно пролежала на заднем сиденье. Первый раз она пошевелилась, когда я уже подъезжал к особняку. Затем широко раскрыла глаза, метнула в мою сторону безумный взгляд и села.

— Что случилось?! — с придыханием спросила она.

— Ничего. А что?

— Нет, случилось. — Она захихикала. — Я мокрая.

— Бывает, — буркнул я.

Кармен посмотрела на меня затравленным взглядом и громко застонала.

XXXII

Служанка с влажными глазами и лошадиным лицом проводила меня в большую узкую гостиную на втором этаже с бело-серыми обоями, длинными, до полу, гардинами цвета слоновой кости и белым ковром во всю ширину комнаты. Веет роскошью и развратом. Будуар кинозвезды — искусственный, как деревянный протез. Пусто. Дверь за мной закрылась бесшумно, как в больнице. Перед шезлонгом стоял сервировочный столик на колесах. Сверкало столовое серебро. В кофейной чашке плавал пепел от сигареты. Я сел и стал ждать.

Через некоторое время дверь отворилась, и в комнату вошла Вивьен. Она была в белоснежной пижаме, отороченной белым мехом, издали похожим на пенистую волну, что вяло накатывается на песчаный пляж к ногам загорающих миллионеров.

Пройдя мимо меня плавной походкой, она села на край шезлонга. Во рту сигарета. Ногти на этот раз покрыты ярко-красным лаком.

— А ты все-таки зверь, — тихо сказала она, глядя мне прямо в глаза. — Жестокий, беспощадный зверь. Вчера вечером ты, оказывается, человека убил. Я все уже знаю, откуда — неважно. А сегодня утром ты явился сюда и до смерти напугал сестру.

Я не произнес ни слова. Вивьен заерзала на месте, потом вскочила, пересела в кресло, откинула голову на белую подушечку, после чего выпустила изо рта прозрачный голубой дым и стала следить за тем, как он подымается к потолку, постепенно растворяясь в воздухе. Потом медленно опустила глаза и посмотрела на меня.

— Не понимаю я тебя, — сказала она. — Слава богу, что позавчера один из нас сумел справиться со своими чувствами. Хватит с меня бутлегера. Господи, почему ты молчишь? Скажи хоть слово!

— Как она?

— Все в порядке. Крепко спит. После обморока она всегда засыпает. Что ты с ней сделал?

— Я? Абсолютно ничего. Сегодня утром, после разговора с твоим отцом, я вышел из дому и увидел Кармен. Она метала стрелы в мишень. Я к ней подошел, мне надо было кое-что ей отдать. Дело в том, что у меня остался ее револьвер, подарок Оуэна Тейлора. С этим револьвером она явилась к Броди в тот вечер, когда тот был убит, и мне пришлось отобрать его у нее. Тебе, по-моему, я обо всем этом не рассказывал?

Черные, жгучие стернвудовские глаза неподвижно смотрели на меня. Теперь была ее очередь слушать.

— Кармен очень обрадовалась, что я отдал ей оружие, и стала просить, чтобы я научил ее стрелять. Для этого мы поехали к нефтяным скважинам — источнику благосостояния вашей семьи. Место это заброшенное: ржавый металл, сгнившее дерево, пустые скважины, полный вонючей водой отстойник. Возможно, вид всего этого и вывел ее из себя. Ты ведь и сама, кажется, там бывала. Местечко жуткое, согласишься?

— Д... да. — Теперь она говорила еле слышным голосом.

— Приехали мы туда, я вставил в колесо для подъема деррика консервную банку, чтобы ей было куда стрелять. Возвращаюсь к машине, смотрю... а она упала и бьется в судорогах. Такое впечатление, что у нее был несильный эпилептический припадок.

— Да... — Голос тот же, тихий, дрожащий. — Такие припадки у нее иногда бывают. Ты по этому поводу хотел со мной поговорить?

— Да, а еще задать тебе традиционный вопрос, который, боюсь, опять останется без ответа: что имеет против тебя Эдди Марс?

— Ничего. Признаться, этот вопрос мне немного надоел, — холодно добавила она.

— Ты знаешь человека по имени Канино?

Она задумалась, сдвинув свои красивые черные брови.

— Имя вроде бы знакомое.

— Это телохранитель Эдди Марса. Отпетый, говорят, негодяй. Скорее всего, так оно и есть. Если бы мне не помогла одна сердобольная особа, в морге вместо него сейчас бы лежал я.

— Я вижу, с сердобольными особами у тебя... — Вивьен осеклась и побледнела. — Нет, тут не до шуток.

— Уж это точно. Извини, я отвлекся, но понимаешь, в этой истории все между собой связаны. Абсолютно все. Шантажист Гейгер с его долговыми расписками, Броди с фотографиями, Эдди Марс с рулеткой, Канино и блондинка, которая никуда с Рыжим Риганом не убегала.

— Я что-то не совсем понимаю...

— Сейчас попробую объяснить. Кармен попала в лапы к Гейгеру, и тот, воспользовавшись ее долговыми расписками, попытался шантажировать твоего отца. Сам же Гейгер был послушным орудием в руках Эдди Марса, который оказывал ему протекцию — не безвозмездно, разумеется. Твой отец, однако, не испугался, платить Гейгеру не стал, а вместо этого обратился ко мне. Это заинтересовало Эдди Марса, который располагал о тебе какими-то компрометирующими сведениями и был тоже не прочь

заняться вымогательством. Если бы шантаж генерала удался, Марс смог бы быстро и без всякого труда заработать вполне приличную сумму. Если нет, ему пришлось бы подождать, пока ты получишь свою долю наследства, а пока довольствоваться теми тысячами, которые ты регулярно проигрываешь ему в рулетку. Гейгера убил Оуэн Тейлор, который любил твою глупую сестру и не хотел, чтобы Гейгер играл с ней в свои игры. Но Эдди к убийству Гейгера отнесся спокойно, ведь сам он вел гораздо более серьезную игру, о которой понятия не имели ни Гейгер, ни Броди — вообще никто, кроме тебя и Канино, его доверенного лица и телохранителя. Муж твой исчез, и Эдди, зная, что про его плохие отношения с Риганом известно всем, спрятал свою жену в Реалито, а Канино велел ее охранять — чтобы все подумали, будто она и в самом деле убежала с бутлегером. С этой же целью Эдди загнал машину Ригана в гараж того дома, где до замужества жила Мона Марс. Но делалось все это вовсе не для того, чтобы отвлечь внимание от себя, чтобы полиция не заподозрила его в убийстве твоего мужа. Марс руководствовался совсем другими соображениями. Он намеревался добыть как минимум миллион долларов, ведь он-то знал, что стряслось с Риганом, и не хотел, чтобы об этом догадались другие. Он решил направить полицию по ложному следу и добился этого. Я еще тебе не надоел?

— Надоел, и еще как! — сказала она совершенно мертвым, измученным голосом. — Боже, если б ты знал, как я от тебя устала!

— Прости. Но разговор этот я завел вовсе не для того, чтобы блеснуть своей сообразительностью. Сегодня утром твой отец предложил мне, если я найду Ригана, тысячу долларов. Для меня это очень большая сумма, но его поручение я выполнить не смогу.

Она застыла. Дыхание сделалось хриплым и стесненным.

— Дай мне сигарету, — чужим голосом проговорила она. — Почему? Почему не сможешь? — На шее билась вена.

Я дал ей сигарету и поднес зажженную спичку. Она глубоко затянулась, со свистом выпустила из легких дым и про сигарету тут же забыла.

— Видишь ли, его не может найти даже уголовная полиция. Значит, дело совсем не такое простое. То, что не по силам им, едва ли по силам мне.

— А... — В ее голосе послышалось облегчение.

— Это во-первых... Во-вторых, в полиции убеждены, что Риган скрылся нарочно, как они выражаются, «залег на дно». Они не верят, что его убил Эдди Марс.

— А кто сказал, что Рыжий убит?

— Сейчас, дойдем и до этого.

На какую-то долю секунды Вивьен перестала собой владеть: рот приоткрылся, губы скривились и дрожали; казалось, она вот-вот разрыдается. Но уже через мгновение она взяла себя в руки — не зря же все-таки в ее жилах текла стернвудовская кровь.

Я встал, вынул у нее из пальцев догоревший почти до самого фильтра окурок и бросил его в пепельницу. А потом достал из кармана револьвер с перламутровой ручкой и осторожно положил его на обтянутое белым шелком колено Вивьен. После чего сделал шаг назад и, склонив голову набок, посмотрел на девушку тем оценивающим взглядом, каким оформитель витрин смотрит на манекен, завязав на нем модный шарф.

И опять сел. Вивьен не шевелилась. Ее глаза медленно, миллиметр за миллиметром, опускались вниз и остановились наконец на револьвере.

— Не бойся, — сказал я. — Он разряжен. Она выпустила все пять пуль. И все пять — в меня.

На шее опять лихорадочно забились вены. Вивьен хотела что-то сказать, но не могла. Проглотила слюну.

— При чем стреляла почти в упор, — продолжал я. — Представляешь? Она же не знала, что револьвер заряжен холостыми патронами. — Я ехидно усмехнулся. — Ведь я догадывался, что она может учинить, — если представится возможность, разумеется.

— Ты страшный человек, — с трудом, словно откуда-то из-под земли, выговорила она. — Страшный.

— Да. А ведь ты ее старшая сестра. Что делать будешь?

— Все равно ты ничего доказать не сможешь.

— Что именно?

— Что она в тебя стреляла. Ты же сам сказал, что ездил с ней на заброшенные нефтяные промыслы и что там никого не было. У тебя нет никаких доказательств.

— А, ты об этом... Да я и не собираюсь ничего доказывать. Я-то думал, ты говоришь совсем о другом случае — когда пистолет был заряжен не холостыми патронами...

Глаза у Вивьен в этот момент были черней черного. Черные, как бездонная пропасть.

— ...Я думал, ты говоришь о том дне, когда исчез Риган. Во второй половине дня, ближе к вечеру, он поехал с Кармен к нефтяным скважинам, чтобы научить ее стрелять, нашел, как и я, консервную банку, велел ей в эту банку целиться, а сам встал рядом. И она выстрелила. Только не в

банку, а в него. Так же как сегодня — в меня. И по той же самой причине.

Вивьен вздрогнула, и револьвер, съехав с ее коленей, с оглушительным — как мне показалось — грохотом упал на пол. Она внимательно посмотрела на меня и тихим, срывающимся от волнения голосом проговорила:

— Кармен... Боже милостивый, Кармен... Но почему она это сделала?

— Почему? Рассказать, почему она стреляла в меня?

— Да... расскажи... — Глаза по-прежнему полны ужаса.

— Позавчера, вернувшись вечером домой, я обнаружил у себя Кармен. Ей удалось перехитрить управляющего и проникнуть в квартиру. Она лежала в моей постели — голая. Я выставил ее за дверь. Очень может быть, Риган в свое время поступил с ней точно так же. А Кармен таких вещей не прощает.

Вивьен слегка приоткрыла рот и попыталась облизнуть губы, отчего на мгновение стала похожа на перепуганного ребенка. Щеки у нее запали, рука медленно, рывками, точно у куклы, которую дергают за веревочку, потянулась вверх, пальцы судорожно обхватили меховую оторочку пижамы и прижали мех к горлу. После этого она опять замерла на месте.

— Деньги... — прохрипела она. — Ты хочешь денег?

— Сколько дашь? — спросил я, изо всех сил стараясь сдержать презрительную улыбку.

— Пятнадцать тысяч.

Я кивнул:

— Все правильно. Стандартная цена. Именно эта сумма была у него в кармане, когда Кармен его застрелила. Должно быть, эту же сумму мистер Канино потребовал за то, чтобы спрятать тело, когда ты обратилась за помощью к Эдди Марсу. Сам же Эдди за сохранение тайны рассчитывает получить с тебя совсем другие деньги. Пятнадцатью тысячами тут не отделаешься!

— Ублюдох!

— Угу. А еще скажи — прохвост, одержимый жадной наживы. Бесчувственная свинья, которую интересуют одни только деньги. Я так люблю деньги, что за двадцать пять долларов в день плюс расходы, которые в основном уходят на бензин и виски, ломаю себе голову, рискую жизнью, вызываю ненависть полиции и Эдди Марса с его друзьями, уворачиваюсь от пуль и ударов дубинкой, а когда задание выполнено, расшаркиваюсь, благодарю и оставляю свою визитную карточку — а вдруг еще пригожусь? И все это я делаю ради двадцати пяти долларов в день, а еще, быть может, ради того, чтобы спасти честь больного старика, который

хочет умереть в надежде, что в его жилах течет не такая уж черная кровь и что его прелестные крошки, хоть и страдают многими современными пороками, на извращения и убийства все же не способны. И я же еще ублюдок! Прекрасно. Ублюдок так ублюдок. Кто только не обзывал меня ублюдком, в том числе и твоя очаровательная сестренка. Слышала бы ты, каким словом она обругала меня за то, что я отказался с ней переспать. От твоего отца я получил пятьсот долларов. Я у него их не просил, но ведь пятьсот долларов для него не деньги. Еще тысячу он пообещал мне, если я найду Ригана. Теперь пятнадцать тысяч предлагаешь мне ты. Кругленькая сумма! Имея пятнадцать тысяч в кармане, можно купить дом, новую машину, несколько костюмов. Можно в любой момент отправиться отдыхать, не боясь упустить очередное дельце. Словом, мне здорово повезло. Непонятно только, с какой целью ты предлагаешь мне эти деньги? Смогу ли я остаться таким же ублюдком, каким был всегда, или же мне придется стать истинным джентльменом вроде того пьянчуги, который позапрошлой ночью отрубился у себя в «кадиллаке»?

Она застыла, словно каменное изваяние.

— Ладно, не бойся, — еле ворочая языком, проговорил я. — Только увези ее отсюда. Куда-нибудь подальше, где с такими, как она, умеют обращаться и где ей не будут давать ни пистолетов, ни ножей, ни спиртного с опиумом. В конце концов, может, ее и вылечат? И не таких ведь ставили на ноги.

Вивьен встала и медленно подошла к окну. Шторы цвета слоновой кости тяжелыми складками лежали у ее ног. Она прижалась к стеклу и посмотрела в окно, туда, где вдали маячили темные очертания гор. Стоит неподвижно, почти сливаясь со шторами. Руки безжизненно повисли. Постояв так с минуту, она повернулась и прошла мимо меня, уставившись в одну точку. Остановилась, глубоко вздохнула и заговорила, стоя ко мне спиной:

— Труп на дне нефтяной скважины. Страшный, обезображенный труп. Ты был прав, я пошла к Эдди Марсу. Сестра вернулась домой и все мне рассказала — она ведь как ребенок. Я понимала, что на допросе Кармен признается во всем. А со временем начнет даже хвастаться. Если бы отец узнал, он немедленно бы вызвал полицию и рассказал всю правду. А потом бы умер. Я боялась даже не его смерти, а того, с какими мыслями он умрет. Рыжий был неплохим парнем. Я его не любила, но человек он, кажется, был хороший. Просто для меня он не существовал. Мне было все равно, жив он или мертв. Я думала только об одном: любой ценой скрыть от отца убийство.

— Значит, это ты ее спасла. Сохранила для новых «подвигов».

— Я хотела только одного: выиграть время. В конечном счете это ничего не дало. Я надеялась, что Кармен сама обо всем забудет. Говорят, припадочные часто забывают, что с ними было. Может, она и забыла, не знаю. Я предполагала, что Эдди Марс присосется ко мне, как пиявка, но другого выхода у меня не было. Мне нужна была помощь, а помочь мне мог только кто-то вроде него... Бывали минуты, когда я сама не верила в то, что произошло. А иногда мне хотелось поскорей напиться — даже утром. Напиться и забыть...

— Ты ее увезешь, — сказал я. — И как можно скорее.

Вивьен по-прежнему стояла ко мне спиной.

— А ты? Как поступишь ты? — мягко спросила она.

— Я? Никак. Сейчас я ухожу. Даю тебе три дня. Если через три дня ты ее не увезешь, я пойду в полицию. Имей в виду, я не шучу.

Вивьен резко повернулась ко мне:

— Не знаю даже, что и сказать.... С чего начать...

— Перестань. Увези ее отсюда и не оставляй без присмотра. Обещаешь?

— Обещаю. Эдди...

— Забудь про Эдди. Я сам с ним переговорю через некоторое время — когда немного переведу дух. С Эдди я разберусь.

— Он может убить тебя.

— Может. Впрочем, его штатному убийце это не удалось. Не удастся, надеюсь, и другим. Норрис в курсе дела?

— Да, но он будет молчать.

— Я подозревал, что он все знает.

Я быстро вышел из комнаты и сбежал по лестнице в холл. На этот раз никто меня не провожал. Шляпу пришлось снимать с вешалки самому. Я вышел на улицу. Казалось, сад был населен привидениями; мне почудилось, будто из-за кустов за мной следят чьи-то маленькие безумные глазки, даже солнце на этот раз светило как-то таинственно... Я сел в машину и поехал вниз, к воротам.

Если человек умер, не все ли равно, где ему лежать? На дне вонючей нефтяной скважины или в мраморной башне на вершине высокой горы? Мертвец спит вечным сном, ему безразлично, что с ним. Нефть и вода, ветер и воздух — ему все едино. Он спит вечным сном, не мучаясь мыслью о том, как он умер, куда упал. Тяжко на душе у меня, а не у Рыжего. Но пусть уж лучше у меня, чем у старого генерала. Пускай лежит себе спокойно под своим огромным пологом, сложив безжизненные желтые

руки на одеяле. Пускай лежит и ждет. Сердце его бьется еле слышно; мысли — бесцветны, точно пепел. Скоро, очень скоро и он тоже вслед за Рыжим Риганом заснет вечным сном.

По дороге в центр я остановился возле бара и пропустил пару стаканчиков двойного шотландского виски. Не помогло. Стало даже хуже: вспомнилась блондинка в серебряном парике, которая исчезла из моей жизни бесследно.

ФЕНОМЕН РЕЙМОНДА ЧАНДЛЕРА

Биография известного американского писателя Реймонда Чандлер: признанного ныне классика англоязычного детектива XX века, полна фактов, необычных для автора детективных произведений: Чандлер пришел в этот жанр довольно поздно, когда ему было за сорок, написал он по принятым у авторов-детективистов меркам очень мало — всего семь романов, десятка два с небольшим рассказов, несколько статей и сценариев для Голливуда; по своим привычкам Чандлер был человек далеко не светский, последовательно избегавший всех тягот, сопряженных с популярностью, и годами ведший замкнутый и уединенный образ жизни...

Эта необычность Чандлера особенно рельефно выступает в сравнении с его коллегой и приятелем, другим знаменитым американским детективистом Эрлом Стенли Гарднером, у которого на его огромном ранчо бывало много гостей, дела которого вели три секретарши и который, работая с диктофонов, писал новую книгу за неделю-полторы.

Такие темпы были непонятны и неприемлемы для Чандлера. Он всегда писал медленно и трудно, мучительно выбирая слова, тщательно выверяя ритм и интонацию фразы, по несколько раз переписывая отдельные эпизоды.

Творческая судьба Чандлера складывалась негладко, и, хотя занятие литературой всегда представлялось ему самым серьезным делом, полностью посвятить себя писательству он смог лишь в последние двадцать лет жизни.

Реймонд Торнтон Чандлер родился 23 июля 1888 года в Чикаго. Когда ему исполнилось семь лет, родители расстались, к мать Чандлера, родственники которой жили в Англии, решила перебраться туда.

Юноша получил образование, типичное для лишенного собственных средств представителя «среднего класса»: вполне приличный, хотя и не первоклассный колледж. О продолжении учебы в университете не приходилось и думать: слишком долго Реймонд был на иждивении родственников. Молодой человек поступает вольнонаемным клерком в один из отделов Адмиралтейства — работа в правительственном учреждении вынудила его принять британское гражданство.

Возникновение в ранней юности подобной двойственности — американец по рождению, англичанин по воспитанию (а на какое-то время и по паспорту) — определило на всю жизнь своеобразие натуры, характера,

вкусов, привязанностей Чандлера. Хотя большую — и наиболее плодотворную — часть жизни Чандлер прожил в США, он с какой-то романтической любовью относился к Англии, в глубине души считая себя настоящим британским джентльменом, опоздавшим родиться лет эдак на сто!

Быть может, всю жизнь терзавшее Чандлера чувство, что он — «человек без корней» — существует словно бы между двух стран, двух народов, двух культур, и подарило ему своеобразное «отстранение» — его взгляд на американскую действительность был ясен, непредвзят и критичен...

Ровно шесть месяцев прослужил Чандлер в Адмиралтействе. То была далеко не последняя и не самая успешная попытка обмануть судьбу... Но душа жаждала творчества. Он начинает писать стихи, впрочем ничем не примечательные. Оставив, несмотря на бурные протесты родственников, чиновничью службу, Чандлер поступил репортером в газету «Дейли экспресс». Стеснительному и замкнутому юноше нелегко было добиться успеха на этом поприще, но он не гнушался самой черной и неблагодарной работой при условии, что связана эта работа с литературой. Такая работа нашлась для него в «Вестминстер газетт», вечерней лондонской газете либерального направления, где он на основе публикаций зарубежной печати компоновал колонку по вопросам европейской политики. Публиковал без подписи, так что даже неизвестно, сколько таких колонок им в общей сложности было написано. В этом же издании печатались сценки, зарисовки и стихи Чандлера. Желание стать писателем не оставляло его, но он никак не мог найти свою тему, свой голос. Не прибавляла уверенности в завтрашнем дне постоянная нужда. Так продолжалось несколько лет — никакой определенности или перспективы так и не появилось, и вот в 1912 году Чандлер решает возвратиться в США. Ему пришлось занять на дорогу у дядюшки Эрнеста 500 фунтов, вернуть же — на шесть процентов больше: английские родственники не любили чистой благотворительности. Тут уж никаких оснований для идеализации «доброй старой Англии» при всем желании найти не удалось.

На родине Чандлер оказался совсем без средств к существованию. Ему пришлось попробовать себя в самых разных сферах. Был он сельскохозяйственным рабочим, по 10 часов в день собирал абрикосы за 20 центов в час; на фабрике спортивного инвентаря натягивал струны на теннисные ракетки...

В эти годы и увидел Чандлер пропасть между богатыми и бедными. Несомненно, отсюда и пошло его критическое отношение к миру богатых,

впоследствии столь ярко проявившееся в его произведениях.

В конце концов Чандлеру удалось получить место бухгалтера, что в принципе ничем не отличалось от того, чем занимался он в британском Адмиралтействе. В 1917 году он пошел добровольцем в канадскую армию, несколько месяцев прослужил в частях, находившихся в Англии и Франции, однако участия в сражениях первой мировой войны так и не принял.

После войны его вновь ожидали чиновничьи будни. И Чандлер снова, как будто безропотно, согласился с подобной судьбой. Но постоянный заработок был необходим — в том числе и потому, что в 1924 году он женился по большой любви на женщине, которая была на восемнадцать лет его старше. Нежное чувство к Сисси он пронес через всю жизнь — они прожили вместе 30 лет.

В нефтяной компании, где он начал службу в качестве обычного клерка, Чандлер довольно быстро и, казалось бы, совсем неожиданно сделал карьеру — стал вице-президентом. Его ценили за быстрый ум, за способность оперативно решать сложные деловые вопросы. Но, судя по всему, нагрузка на хрупкую психику Чандлера очень скоро стала непосильной. Огромная ответственность, постоянное общение с бесконечным количеством людей оказались для его замкнутой натуры тяжким испытанием, которое вело к переутомлению, к стрессу. Целый ряд причин: экономический кризис начала 30-х годов, непростые отношения с руководством фирмы, пристрастие Чандлера к алкоголю — все вместе привело к закономерному финалу. Он был вынужден уйти и вновь остался без средств к существованию.

Работа, в ходе которой приходилось сталкиваться с большим количеством людей, не привлекала Чандлера, да и характер был у него не из легких. При внешней скромности и застенчивости он был нетерпим, вспыльчив, крайне раним, раздражался от любого пустяка. Однако все знавшие его в один голос отмечали его доброжелательность, готовность помочь тому, кто в этом нуждается.

Чандлер был стеснителен, но не робок и более всего дорожил своей независимостью. Его биограф Макшейн приводит любопытный случай. Однажды в ресторане Чандлера заметил всемогущий шеф ФБР Гувер и велел официанту пригласить писателя к своему столику. Чандлер же попросил официанта передать Гуверу, чтобы тот катился ко всем чертям. Но случилось это много позже, когда к Чандлеру пришла известность, а в начале 30-х годов положение его было просто катастрофическим.

Сегодня, конечно, можно только гадать, занялся Чандлер сочинением

детективных историй заработка ради или же он наконец понял, что нашел свое призвание, — во всяком случае, как признавался позже сам автор, «внезапно меня осенило, что я вполне мог бы заняться сочинением подобного рода историй и немного подзаработать, пока набью руку»^[11].

В 20 — 30-е годы в США издавалось великое множество журналов и журнальчиков, так называемых «pulp fiction», печатавшихся на дешевой бумаге и публиковавших сенсационные материалы и развлекательные рассказы. Наиболее высоким уровнем среди них выделялся журнал «Черная маска», в котором сотрудничали Э. С. Гарднер и Д. Хэммет. Первый рассказ Чандлера «Шантажисты не стреляют» был опубликован в «Черной маске» за декабрь 1933 года. Тогда дебютанту было сорок пять лет. Его первый роман «Вечный сон» вышел в 1939 году. Собственно, из двадцати шести лет литературной карьеры Чандлера наиболее продуктивными стали пять лет с 1939 по 1943 год, когда увидели свет романы, принесшие ему заслуженную славу. С 1933 по 1939 год продолжался своеобразный период ученичества. Писатель настойчиво искал своего героя, стиль, интонацию. После 1953 года, когда выходит роман «Долгое прощание», Чандлер практически замолкает.

В критических работах, посвященных жанру детектива, имя Чандлера обычно упоминается рядом с именем его коллеги и современника Д. Хэммета, с которым Чандлер, по собственному признанию, ощущал безусловную духовную и творческую близость. Произведения обоих писателей относят к школе так называемого «крутого» (hard-boiled) детектива. Писатели, по существу, не были знакомы друг с другом, так что о какой-то общей идейно-эстетической позиции речи быть не могло. Известен случай, когда они встретились на одном обеде, но пресловутая застенчивость помешала Чандлеру подойти и поговорить с тем, чьими книгами он искренне восхищался.

Что же объединяло Чандлера и Хэммета? Оба они оказались смелыми реформаторами жанра, резко порвавшими с традиционным детективным каноном, в котором повествование строилось вокруг разгадки тайны того или иного преступления, совершавшегося в своеобразном вакууме, в отрыве от реальной жизни с ее конфликтами и проблемами. Первоэлементом канонического детектива (у Конан Дойля, А. Кристи и др.) считалось действие, напряженное развитие интриги, нередко в ущерб полнокровности характеров и психологической убедительности поступков персонажей.

У Чандлера на первый план выходит быт, повседневность. В его книгах нет, по сути дела, тайны как таковой, а есть некие невыясненные

обстоятельства. Силой, сцепляющей произведение воедино, становится не ход расследования, не стремительное развитие фабулы, а совсем иной, необычный, можно даже сказать — новаторский, художественный прием: «Моя теория такова: читатель только думает, что в романе его волнует действие, ход событий; на самом же деле именно развитие событий волнует меньше всего, хотя об этом никто и не догадывается. В действительности читателя — да и меня — заботит эмоциональный фон, который создается диалогами и описаниями событий. Запоминается... прежде всего не тот факт, что человек убит, а то, что в момент смерти он пытался подхватить с полированной поверхности бюро канцелярскую скрепку, которая постоянно ускользала у него из-под рук, а потому на лице убитого застыло напряженное выражение, а рот приоткрылся как бы в гримасе отчаяния. О смерти в тот момент у персонажа и мысли не было. Он даже не догадывается о ее приближении: все дело в том, что эта проклятая скрепка никак ему не поддавалась!» Подобное внимание писателя к детали, не являющейся «ключом» для установления истины (или «псевдоключом», на время эту истину затемняющим), а просто создающей атмосферу, считалось в каноническом детективе художественным излишеством. В детективе Хэммета и Чандлера «излишество» приобретает важные художественные функции.

Определение «крутого» детектива родилось из чисто внешних, технических приемов, и, верно схватывая один аспект произведений Хэммета и Чандлера, оно вовсе не объясняет их сути. В «крутом» детективе сыщику действительно не так уж часто приходится работать головой, раскрывая преступление с помощью логики и анализа, как это делали, скажем, Шерлок Холмс и Эркюль Пуаро. В «крутом» детективе герой регулярно пускает в ход кулаки, хорошо владеет оружием, хотя и не любит пускать его в ход первым. Все это так.

Но Чандлер вовсе не считал себя поставщиком развлекательного чтения. Свою задачу — правдиво отобразить американскую действительность — он недвусмысленно сформулировал в своем известном эссе «Простое искусство убивать»: «Реалист, взявшийся за детектив, пишет о мире, где гангстеры правят нациями и почти правят городами, где отели, многоквартирные дома, роскошные рестораны принадлежат людям, которые сколотили свой капитал на содержании публичных домов, где звезда киноэкрана может быть наводчиком бандитской шайки, где ваш очаровательный сосед может оказаться главой подпольного игорного синдиката, где судья, у которого подвал ломится от запрещенного сухим законом спиртного, может отправить в тюрьму беднягу, у которого в

кармане обнаружили полпинты виски, где мэр вашего города может относиться к убийству как к орудию наживы, где никто не может спокойно, без опаски за свою жизнь пройти по улице, потому что закон и порядок — это нечто, что мы обожаем на словах, но редко практикуем в жизни...»[\[12\]](#)

Написаны эти строки в 1944 году. Но как справедливо и злободневно звучат они спустя почти сорок лет, и не только для США! Коррупция во всех эшелонах власти, проникновение организованной преступности в легальный бизнес, неуклонный рост правонарушений, произвол полицейских и судей, боязнь рядовых американцев оказаться на улице после наступления темноты — все это выросло и укрупнилось в десятки и сотни раз.

В последнее время стало очевидно, что многие социальные пороки, запечатленные Чандлером, в немалой степени присущи и нашему обществу.

И как тут не согласиться с биографом Чандлера, который характеризует произведения писателя как своего рода «энциклопедию жизни» Лос-Анджелеса. Чандлер действительно запечатлел этот город, как ни один американский писатель. Его можно было бы, наверное, назвать поэтом или певцом Лос-Анджелеса, если бы он не был столь критичен к городу, ставшему местом действия большинства его рассказов и романов «о преступлении».

Есть еще одна черта, отличающая Чандлера от великого множества его коллег-детективистов. В определенном смысле он был лишен фантазии (реальность не отпускала?) — ему с трудом приходили в голову сюжеты. Наверное, поэтому большинство его рассказов в той или иной форме напомнит о себе в его романах. Он будет использовать их как своего рода составные части больших вещей — знакомые образы, ситуаций, типажи, фразы. Так, «Вечный сон» включил в себя два рассказа: «Убийца в дождь» и «Занавес». «Прощай, любимая» — рассказы «Человек, любивший собак», «Ищи девицу» и «Нефрит мандарина». Роман «Блондинка в озере» основан на одноименном рассказе, а также на рассказах «Блюзы Бей-Сити» и «В горах не бывает преступлений».

Подобный «самоплагиат», думается, вполне допустим. Однако в 1945 году он прочел опубликованный неким Реймондом Маршаллом роман «Реквием по блондинке» и обнаружил там прямые заимствования из своих книг и из книг Хэммета. Выяснилось, что Реймонд Маршалл, он же Рене Реймонд, в настоящее время более известный знатокам детективного жанра как Джеймс Хэдли Чейз, плодовитый английский беллетрист, автор многих кровавых детективных историй, действие которых происходит в США, изучал жизнь этой страны по энциклопедиям, картам, словарям сленга и...

книгам американских писателей. Плагиятору пришлось принести свои извинения в печати и выплатить соответствующую сумму...

«Прощай, любимая» (1940) — второй роман Чандлера, и его действие происходит, естественно, в Лос-Анджелесе. То, что в романе называется Бей-Сити, на самом деле — Санта-Моника, один из районов Лос-Анджелеса, где в свое время жил писатель.

Рассказывая в своих книгах о «преступном» Лос-Анджелесе, Чандлер выступил в роли своеобразного пророка. В наши дни, по свидетельству английского журнала «Экономист», Лос-Анджелес оставил по числу убийств далеко позади такой классический центр преступности, как Нью-Йорк.

Одновременно с романом «Прощай, любимая» Чандлер писал и «Блондинку в озере». Окончив первую вещь, но не дописав вторую, он принялся за «Высокое окно», которое завершил в 1942 году, а годом позже увидела свет и «Блондинка в озере». Высокая требовательность к себе сочеталась у Чандлера с какой-то неуверенностью в своих силах — даже в пору его высшего творческого расцвета.

Быть может, из-за этой неуверенности в себе и в своей способности обеспечивать постоянный заработок чисто литературным трудом Чандлер согласился подписать контракт с одной из голливудских студий и стал штатным сценаристом на фиксированном окладе. Его наняли на тринадцать недель — каждый день с девяти до пяти он должен был проводить на студии. В Голливуде его ценили как большого мастера диалога. В самом деле, мгновенный, как уколы рапир, обмен острыми репликами — важнейшая черта манеры Чандлера-романиста. Он, кстати, не возражал против того, чтобы по его романам ставились фильмы (многие его романы экранизировались, и некоторые дважды), но сам он никогда не выступал как автор сценария (одним из авторов экранизации «Вечного сна» в 1944 году был Уильям Фолкнер) и в целом относился к Голливуду критически и иронически. Наблюдая однажды возвращение с обеда группы руководителей студии, он заметил: «Они напоминали верхушку чикагских гангстеров, прибывших на зачитание смертного приговора поверженному сопернику. Внезапно меня озарило, что существует какое-то странное — психологическое и духовное — родство между операциями большого бизнеса и рэкетом. Одинаковые лица, с точно таким же выражением, те же манеры. Одинаковый стиль одежды и те же подчеркнута медлительные ленивые движения»[\[13\]](#).

Чандлеру, человеку живого творческого ума, был органически чужд тот дух коммерции, что царил в Голливуде, где искусство приносилось в

жертву конвейеру, изготавливавшему сверхприбыльный товар. По этому поводу Чандлер писал: «Главная трудность работы состоит в том, что те люди, с кем вы имеете дело на студии, в свою очередь подчинены нью-йоркской иерархии, которая не имеет ни малейшего отношения к созданию фильмов, но занимается их рекламой и демонстрацией. Для них фильм — такой же продукт производства, как банка консервов».

Чандлер отразил Голливуд в своих произведениях. В романе «Сестренка» есть ряд эпизодов, в которых Марло по ходу сюжета оказывается в мире кино. Остро гротескны и образ главы рекламного агентства, торгующего актерами, как товаром, и владельца студии, не интересующегося ничем, кроме своих доходов и собак.

Детективный роман в XX веке, особенно после второй мировой войны, превратился в такой же товар, производимый серийным способом, что и голливудские ленты. Способствовало этому превращению немало причин — в том числе и традиционное отношение к детективу как жанру «низкому», «второсортному» по сравнению с «настоящей литературой». В самом деле, детектив строится на определенной модели-формуле, далеко отходить от которой не смеют даже реформаторы жанра. Трудно себе представить детектив или «триллер» без преступника и преступления, без того, кто хочет добраться до истины и восстановить справедливость: будь то полицейский, частный детектив или же сыщик-любитель. Конкретных воплощений триады «преступник — преступление — расследователь» великое множество. Обобщенную схему того типа детектива, что определяется как «крутой», дает американский критик Жак Барзен: «Рассмотрим грубую схему: частный детектив, как правило безденежный, мало кому известный, принимается в одиночку и часто даже без гонорара расследовать убийство какой-то несчастной жертвы — мужчины или женщины, не имеющих близких друзей. Эта попытка приводит героя к столкновению с безжалостным преступным синдикатом или с коррумпированной группировкой городских заправил, а то и с тем и другим одновременно. Пока он ищет доказательства преступления, ему грозят, мешают, опаивают наркотиками, в него стреляют, пытаются, но усмирить героя так и не удается. В различных вариациях этого типа детектив потребляет немалое количество виски и одновременно оказывается готовым и к схватке, и к мимолетному роману. На его делах это не сказывается: он гарантированно непобедим. Пули противников минуют его, его же собственные — особенно в последних кровавых сценах — обязательно достигают цели. И несмотря на эту изнурительную физическую гонку, герой находит все же время и ему достает ума — не

пользуясь, кстати, записями или логическими умозаключениями — найти несоответствия, понять мотивы преступления и разоблачить преступника»[\[14\]](#). Остроумная и точная модель Барзена вполне применима к произведениям Чандлера. Любопытно, что обычное состояние Марло — ожидание. В романе «Прощай, любимая» ожидания, может быть, меньше, чем в «Сестренке» или «Долгом прощании», но эта ситуация снова и снова возникает на страницах романов: герой-расследователь сидит в своей неказистой обшарпанной конторе, набивает трубку или гасит сигарету в пепельнице, где уже и так полно окурков, прихлебывает виски и ждет телефонного звонка...

«Формализация», проведенная Барзеном, конечно, помогает понять структуру книг Чандлера и его последователей. Но подобный анализ, сводящий произведение к броским схемам, опасен своей категоричностью. Ведь в приведенную схему будут уложены тогда не только книги Чандлера или далеко ушедшего от него по пути смакования насилия и жестокости Д. Х. Чейза, но и знаменитые опусы Флеминга, которые, без сомнения, принадлежат по качеству к иному классу. Замените в формуле Барзена частного детектива на агента 007, защиту одинокого и несчастного на защиту «свободного» мира и т. д.

Ясно, что формальная принадлежность книг Чандлера к школе «крутого» детектива вовсе не исчерпывает их содержания и не объясняет их стабильной популярности среди самых разных категорий читателей. Его произведения вовсе не отличаются хитро сплетенной интригой. Элемент разгадывания у него ослаблен (в отличие от А. Кристи). Например, в романе «Прощай, любимая» преступник известен Марло с самого начала: он стал свидетелем преступления, совершенного Маллом. То, что он обнаруживает еще одну преступницу, Велму, чистая случайность, до определенного момента в ходе расследования он ничего подобного не предполагает. Так что собственно «сыскная», детективная в узком смысле слова сторона особого интереса в себе и не включает. Традиционно (как и положено в детективе) одномерны многие действующие лица его произведений — девицы-злодейки, леди-вамп условны и как две капли воды похожи друг на друга. Нетрадиционен зато самый привлекательный персонаж романов Чандлера — частный детектив Филип Марло.

Внешне у героя и его создателя нет, пожалуй, ничего общего. С фотографий писателя смотрит человек среднего роста, скорее хрупкого телосложения, в очках, с тонкими чертами лица. Взгляд у него несколько отсутствующий, чувствуется, что человек этот сосредоточен на каких-то своих проблемах... Известно, что Чандлер был человеком болезненным,

страдал от недугов, о которых Марло, наверное, и не слышал: постоянно мучился бронхитом, болезнями горла, экзема на руках была настолько острой, что нередко вынуждала его носить перчатки.

Марло высок ростом, физически крепок, очков не носит, умеет в случае необходимости пустить в ход кулаки. Не глуп, хотя до интеллектуала Шерлока Холмса ему далеко.

Но при очевидном внешнем различии есть существенная внутренняя близость. Марло эмоционален, человечен, готов прийти на помощь любому, кто в ней нуждается. В этом он похож на своего создателя. Однако еще больше он похож на героя фронтира, на одинокого стойка, каких немало в американской литературной традиции. В характере Марло странным образом сочетаются фатализм и некоторый авантюризм. Он вовсе не гениальный сыщик, которому по плечу любая загадка. Он ошибается, притом регулярно, не слишком здорово разбирается в людях. Но есть в нем упорство, настойчивость и даже упрямство. Есть какой-то спокойный стоицизм. Нельзя сказать, что все происходящее вокруг и с ним самим он приемлет равнодушно, но, во всяком случае, ничто не вызывает его удивления. Он всегда и во всем идет до конца, пока не потеряет сознание в буквальном смысле слова. Не сдается, а борется. Он верен своему слову и делу. Ему присущи ироничная мужественность и легкое презрение к слабому полу, особенно когда он оказывается объектом внимания со стороны очередной его представительницы.

Но есть в характере Марло своеобразный инфантилизм, хотя ему за тридцать. Проявляется этот инфантилизм в том, что он сам устанавливает правила игры, не признавая никаких других законов. Кстати, именно за неподчинение он и был уволен из прокуратуры, где когда-то работал. Марло несет в себе типично американскую идею-мечту о возможности установления частной, личной справедливости в обществе, глубоко несправедливом в целом. Вот как формулирует он свое профессиональное кредо в романе «Вечный сон»: «...Никогда не известно, на что... придется пойти, чтобы выполнить ваше поручение. Я берусь его выполнить, а уж как — это мое дело. Главное ведь — это защитить вас, а если я нарушаю при этом некоторые правила, то нарушаю их в ваших же интересах. Интересы клиента для частного сыщика превыше всего — если, разумеется, клиент этот сам не преступник. Но и тогда я лишь откажусь вести дело, которое он мне предложил, и буду держать язык за зубами».

Кажется, будто интересы клиента для Марло и в самом деле превыше всего. Но это не так. Главное для него — его собственное понимание истины, причем весьма и весьма порой субъективное. Подобная позиция —

инфантильный индивидуализм (при этом весьма бескорыстного и благородного толка) — влечет за собой неминуемое одиночество. Ему обычно достается и от преступников, и от полиции, и это закономерно. Марло против преступников, чаще всего богатых и могущественных, имеющих не одного крепкого и вымуштрованного телохранителя. Марло против полиции — и не только потому, что многие ее представители тесно связаны с гангстерами, а еще и потому, что полицейские и он — конкуренты.

При том что частный расследователь в англоязычном детективе сплошь и рядом выступал рыцарем без страха и упрека, в объективной же реальности его прототип-аналог нередко способствовал как раз затемнению истины. Чандлер не закрывает глаза на это, что и придаст его романам дополнительное измерение, а его герою — противоречивость и сложность, при всем том, разумеется, что в качестве персонажа детективного жанра он остается фигурой весьма условной.

В чем же условность Марло? А хотя бы в том, что он практически всегда работает бесплатно, а иногда прямо-таки навязывает собственные услуги. Ведь в романе «Прощай, любимая» он пускается в расследование исключительно по своей доброй воле. То, что он убежденный и сознательный неудачник, не стремящийся ни к карьере, ни к богатству, естественно, вызывает читательские симпатии. Однако никакой психологической мотивировки эти черты его природы не получают, они, так сказать, заданы от автора. И вместе с тем здесь действуют мотивировки, определяемые некоторыми социально-культурными особенностями «американской ситуации». Их-то и учел Чандлер, создавая образ Марло.

Чтобы ответить на вопрос, в чем же феномен жизнестойкости книг Чандлера, вот уже свыше сорока лет неизменно привлекающих читательское внимание, следует отдавать отчет в том, что очень часто успех того или иного литературного произведения — и даже целого жанра — зависит от того, насколько успешно читатель может отождествлять себя с литературными персонажами. В случае с Марло попадание оказалось точным. В Филипе Марло многие американские читатели увидели романтически-идеализированный образ каждого из них. Это средний американец, страдающий от трудной неблагодарной работы (высокомерные работодатели, враждебно настроенные полицейские и пр.); воспитанный в духе уважения к личности в теории и снова и снова сталкивающийся с попранием ее элементарных прав в реальной жизни; страдающий от одиночества и отсутствия подлинного тепла и любви. Романы Чандлера — это не только романы «о преступлении», но и романы о человеке,

постоянно оказывающемся свидетелем преступлений, способном противопоставить открывшемуся ему неблагополучию личную порядочность и стремление бороться со злом, пока хватит сил.

Есть и вторая причина притягательности Чандлера. Его несколько условные персонажи действуют в мире, реальность которого ни у кого сомнений не вызывает. Не будет преувеличением сказать, что настоящий герой романов Чандлера — американское общество, изображенное с беспощадной объективностью, свойственной большим писателям-реалистам.

Голливуд и Лос-Анджелес, райский уголок, где, согласно обывательским представлениям, живут богатые и счастливые, находят в Чандлере непримиримого критика. В его книгах Калифорния (в частности, Лос-Анджелес) становится символом великого американского надувательства, пытающегося скрыть за ярким фасадом унылую усредненность, безжизненность и пустоту: «Калифорния, штат универсальных магазинов. Есть почти все, но наихудшего качества».

Отчужденность человека в капиталистическом обществе, однообразная серость будней, потребительство и бездуховность существования — темы, ставшие в западной литературе XX века ключевыми, — видны и в произведениях Чандлера.

Тенденции американской жизни, подмеченные в книгах Чандлера, сегодня носят в США доминирующий характер. Сквозной мотив в «Прощай, любимая» — злоупотребление алкоголем, наркотиками, врач-шарлатаны, тесно связанные с торговцами наркотиками, — в той или иной мере присутствует едва ли не во всех романах писателя. Можно сказать, что внимание, уделяемое Чандлером этим вопросам, носило, по сути дела, провидческий характер. Известно, что в последние годы алкоголизм и наркомания стали в США национальной проблемой, как и разнообразные злоупотребления врачей и фармацевтов.

Однако нагляднее всего нездоровье американского общества проявляется в том, что богатство и преступность всегда идут рука об руку. Это одна из основных тем Чандлера. Богачи в его романах окружены почетом, обладают огромной властью, но в основе их состояний — преступление. Таковы миссис Мердок («Высокое окно»), убившая своего мужа, чтобы завладеть его капиталами, владелец ночных клубов Стилгрейв («Сестренка»), Лэрд Брюнет («Прощай, любимая»). Обнаружить преступное прошлое Стилгрейва помогает простая случайность: добытые преступлением деньги давным-давно «отмыты» и вложены в легальный бизнес — клубы, игорные дома и т. д. Того же поля ягода, что и Стилгрейв,

Лэрд Брюнет, но в этом персонаже Чандлер видит немалые способности, талант, изуродованные социальной системой. Ему досталась определенная роль в обществе, и он ведет себя соответственно. В основе своей он бизнесмен, только вот бизнес его не совсем укладывается в законные рамки. Потому-то и охраняют его гориллообразные телохранители, готовые по первому знаку шефа разрядить в любого полную обойму 45-го или иного калибра. Потому-то и потратил он 30 000 долларов, чтобы избрать мэром Бей-Сити своего человека — этого требуют интересы дела.

И снова писатель как будто заглядывает в будущее. За сорок с лишним лет изменились только цены. Сегодня избирательные кампании мэров даже маленьких городов обходятся много дороже, а чуть не каждые выборы — неважно, на уровне города, штата или конгресса США, — влекут за собой взяточничество, коррупцию, скандальные разоблачения.

В Америке предметом купли-продажи оказываются не только выборные должности. Покупаются и продаются и представители закона. Действие может происходить где угодно — в Бей-Сити, Лос-Анджелесе, в любом другом городе США. Для больших денег закон не писан.

Неэффективность американского правосудия рождает еще один сквозной мотив произведений Чандлера. Поскольку надежды на справедливое воздаяние преступнику нет, Чандлер осуществляет возмездие сам «в присутствии читателей». Гибнет Велма, кончает с собой полицейский-преступник Дегармо («Блондинка в озере»), гибнут Оррин Квест и Стилгрейв («Сестренка»).

В том, что большинство полицейских в изображении Чандлера мало чем отличаются от своих «оппонентов» из преступного мира, нет особого преувеличения. Полиция Лос-Анджелеса всегда славилась презрением к узаконенным методам следствия.

Особо следует сказать о стиле Чандлера, который в его романах приобретает ту самую отточенность и завершенность, за которую писателя ценят даже те, кого оставляет равнодушным классическое детективное «кто убил?». В романах Чандлера повествование ведется от первого лица — это своеобразный внутренний монолог Марло, полный иронических, а нередко и ядовитых характеристик, емких и лапидарных определений.

Весомость вклада Чандлера в развитие англоязычной прозы была оценена Дж. Б. Пристли, написавшим ряд положительных рецензий на его книги. О произведениях Чандлера с уважением отзывался С. Моэм.

Даже такой последовательный противник детективной литературы, как известный американский критик Эдмунд Уилсон, долгие годы бывший законодателем литературных вкусов по обе стороны Атлантики,

признавался в том, что романы Чандлера — едва ли не единственная литература этого жанра, которую можно читать.

Всю свою жизнь Чандлер хотел, чтобы его числили не по «детективному ведомству», а по ведомству серьезной литературы. Он считал себя — и не без оснований — писателем, пишущим правду о стране, в которой ему привелось родиться и провести много лет. Но справедливым, наверное, будет следующее заключение: детективные романы Чандлера принадлежат к большой литературе США XX века — и не только из-за своей утонченной стилистики, а потому, что разоблачают пороки капиталистического общества, защищают попорченную в этом обществе человечность — и делают это в высшей степени талантливо и убедительно.

Г. Анджапаридзе
ББК 84.7 США
4-18

Предисловие Г. А. Анджапаридзе
Художник Ю. А. Ноздрин
Редактор А. Н. Панкова

Чандлер Р.

Ч-18

Вечный сон. Высокое окно. Блондинка в озере: Пер. с англ./Авт. предисл. Г. А. Анджапаридзе. М.: Прогресс, 1991. — 568 с.
ISBN 5-01-002655-4

Реймонд Чандлер (1888–1959) — один из самых известных американских писателей, работавших в жанре детектива.

В настоящий сборник включены наиболее остросюжетные, захватывающие, динамичные романы. Как обычно, главный герой Чандлера частный сыщик Марло ищет справедливости, постоянно сталкивается с алчностью, беспринципностью, преступлениями сильных мира сего, а заодно и тех «стражей порядка», которые, казалось бы, должны с этим бороться.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

Ч

4703040100—23
006(01)—91
94—91
ББК 84.7 США

ISBN 5-01-002655-4
2

Реймонд Чандлер
ВЕЧНЫЙ СОН. ВЫСОКОЕ ОКНО. БЛОНДИНКА В ОЗЕРЕ.

Редактор *А. Н. Панкова*
Художник *Ю. А. Ноздрин*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технический редактор *В. А. Юрченко*
Корректоры *Г. А. Локшина, Н. И. Шарганова, В. В. Евтюхина*

ИБ № 18337

Сдано в набор 03.01.91. Подписано в печать 21. 05. 91. Формат 84x108
1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л.
29,4. Усл. кр. — отт. 29, 4. Уч. — изд. л. 33,15. Тираж 300000 экз. Заказ 3.
Цена 15 р. Изд. № 47905.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по печати. 119847. Москва, Зубовский
бульвар, 17.

Типография № 2 Министерства печати и массовой информации
РСФСР. 152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Реймонд Чандлер

Высокое окно

Пасадена, Дрезден-авеню, район Оук-Нолл. Большое, солидное, неприветливое здание из красного кирпича с белой каменной отделкой и терракотовой черепичной крышей. Нижние окна со свинцовыми переплетами, верхние — как в коттеджах — отделаны многочисленными аляповатыми каменными украшениями.

От обсаженной цветущим кустарником передней стены плавно сбегает к улице симпатичная зеленая лужайка в целых пол-акра. Словно прохладная зеленая волна на скалу, она накатывается на громадный кедр, стоящий у нее на пути. И пешеходная дорожка, и аллея очень широкие, а вдоль аллеи расположились три весьма живописные акации. Жаркое, ароматное летнее утро. Все живое совершенно замерло в том пекле, которое, по здешним понятиям, считается славным прохладным днем.

Я знал только, что здесь живет некая миссис Элизабет Брайт Мердок с семьей и что она хотела бы нанять приличного, скромного частного детектива, который не стряхивал бы пепел на ковер и никогда не носил бы больше одного пистолета. Еще я знал, что она вдова усатого олуха по имени Джаспер Мердок, который неплохо заработал, служа обществу верой и правдой, — теперь ежегодно, в его день рождения, пасаденская газета помещает его фотографию с датами жизни и подписью: «Он жил ради людей».

Я оставил машину на улице и, ступая по неровным каменным ступеням, проложенным через лужайку, поднялся на кирпичное крыльцо под остроконечной крышей. Позвонил в дверь. От крыльца к аллее вдоль фасада протянулась короткая низкая стена из красного кирпича. В конце дорожки на бетонной тумбе застыла фигурка негритенка в белых бриджах, зеленой куртке и красном картузе. В руке хлыст, а под ногами вделанное в тумбу железное кольцо. Вид у него был довольно грустный, как будто он уже давно ждет чего-то и приуныл. Дожидаясь, пока мне откроют, я подошел и потрепал его по голове.

Через некоторое время гримза средних лет в форме горничной приоткрыла входную дверь и подозрительно уставилась на меня.

— Филип Марло, — сказал я. — К миссис Мердок. Назначено.

Гримза заскрипела зубами, захлопнула глаза, распахнула их и сварливым, грубым голосом американских пионеров буркнула:

— К какой именно?

— Что вы?

— Вам к какой миссис Мердок? — чуть было не завизжала она.

— К миссис Элизабет Брайт Мердок. Я не знал, что у вас их тут много.

— Теперь будете знать, — отрезала гримза. — Визитная карточка при вас?

Просунула в щелку кончик носа и тощую мускулистую руку. Я вынул бумажник, вложил ей в пальцы свою визитную карточку. Рука и нос исчезли, дверь захлопнулась.

Надо было, видно, идти с черного хода. Опять подошел к негритенку и потрепал его по голове.

— Не везет нам с тобой, брат, — сказал я ему.

Придется ждать. Я сунул в рот сигарету, но не закурил. Из проехавшего мимо бело-голубого фургончика мороженщика до меня донеслась знакомая мелодия. Большая, черная в золоте бабочка спланировала на куст гортензии прямо у моего локтя, несколько раз медленно повела крылышками вверх-вниз, потом тяжело поднялась и поплыла в неподвижном, раскаленном воздухе.

Входная дверь опять приоткрылась.

— Ступайте за мной, — приказала гримза.

Я вошел. Гостиная большая, квадратная, сумрачная и прохладная. Тишина, как в склепе, — и примерно такой же запах. Затянутые тканью грубо оштукатуренные стены; за высокими окнами — декоративные металлические решетки; тяжелые резные стулья с плюшевыми сиденьями, с болтающимися золотыми кистями и обтянутыми материей спинками. В глубине — витраж величиной с теннисный корт. Под витражом, за занавеской — застекленные двери. Старая, затхлая, сырая, надутая, прилизанная, мрачная комната. В такой гостиной не погостишь. Стол с мраморной столешницей и кривыми ножками, позолоченные часы, несколько разноцветных мраморных статуэток. Куча хлама, который и за неделю не выметешь. Куча денег — и все на ветер. Лет тридцать назад, когда Пасадена еще была богатым, степенным провинциальным городом, эта комната, по-видимому, выглядела совсем неплохо.

Мы вышли из нее, двинулись по коридору, и вскоре гримза открыла дверь, сделав мне знак войти.

— Мистер Марло, — прорычала она с порога и удалилась, скрипя зубами.

Небольшая комната с окнами на задний двор. На полу уродливый красно-бурый ковер, обстановка — как в конторе. За письменным столом сидит худая, хрупкая на вид блондинка в роговых очках, на откидной доске слева от нее — пишущая машинка. Руки держит на клавишах, но бумага в машинку не вложена. Уставилась на меня с выражением напряженного недоумения, какое бывает у застенчивого человека, когда его фотографируют. Ясным тихим голосом предложила мне сесть.

— Я мисс Дэвис. Секретарша миссис Мердок. Она поручила мне выяснить, кто может дать вам рекомендации.

— Рекомендации?

— Именно. Это вас удивляет?

Я положил шляпу на стол, а на шляпу — незажженную сигарету:

— Выходит, она пригласила меня, ничего обо мне не зная?

Губа задрожала, и она прикусила ее. Не знаю, испугалась она или возмутилась, или просто ей никак не удавался сухой, деловитый тон. Во всяком случае, вид у нее был не самый счастливый.

— Ей сказал о вас директор филиала калифорнийского коммерческого банка. Но она хотела бы узнать о вас побольше.

— Приготовьте карандаш, — сказал я.

Подняла его со стола и показала. Давно готов, остро очинен.

— Во-первых, — начал я, — один из вице-президентов этого же банка. Джордж С. Лик. Работает в главном здании. Затем сенатор Хьюстон Оглторп. Он бывает в Сакраменто, а бывает и у себя, в Лос-Анджелесе. Затем Сидни Дрейфус-младший из юридической конторы «Дрейфус, Тернер и Свейн», в Отделении правового страхования. Записали?

Писала она легко и быстро. Кивнула, не подымая головы. В ее светлых волосах плясали солнечные зайчики.

— Оливер Фрай из корпорации бурильных установок «Фрай-Кранц». Их фирма находится на Восточной Девятой улице в промышленном районе. Ну а если хотите кого-нибудь из полиции, так это Бернارد Олс из прокуратуры округа и лейтенант уголовной полиции Карл Ренделл из Главного управления, — он занимается расследованием особо опасных преступлений. Может, хватит или еще добавить?

— Не смейтесь надо мной. Я выполняю распоряжение.

— Если не знаете, зачем меня вызвали, двум последним звонить лучше

не стоит, — предупредил я. — Я не смею над вами. Жарко сегодня.

— Для Пасадены не очень, — ответила она и, взгромоздив перед собой на стол телефонную книгу, принялась за работу.

Пока она искала номера телефонов и звонила, я как следует ее рассмотрел. Бледная, но бледность естественная и вид вполне здоровый. Волосы жесткие, светлые, с медным отливом. Сами по себе не уродливые, но так туго затянуты на узком черепе, что кажется, это и не волосы вовсе. Брови редкие и необычайно прямые, темнее волос, почти каштанового цвета. Ноздри бледные, как бывает при малокровии. Подбородок маленький, острый, нервный. Никакой косметики, только губы слегка подкрашены светлой помадой. Глаза за очками очень большие, ярко-синие, с огромными зрачками и отсутствующим взглядом. Немного сужены по-восточному — то ли из-за тяжелых век, то ли из-за гладкой от природы кожи, подтягивающей углы глаз. Во всем лице какое-то загадочное нервное обаяние, которому очень не хватает хорошей косметики.

Полотняное платье с короткими рукавами, никаких украшений. На руках пушок и веснушки.

Я не прислушивался к вопросам, которые она задавала по телефону. Все, что ей говорили, она стенографировала ловкими, непринужденными движениями карандаша. Закончив работу, повесила телефонную книгу обратно на стену, встала, оправила полотняное платье и сказала:

— Я сейчас... — И направилась к двери.

С полдороги вернулась и задвинула верхний ящик письменного стола. Потом вышла из комнаты. Дверь закрылась. Наступила тишина. За окном гудели пчелы. Откуда-то издали доносился вой пылесоса. Я взял незажженную сигарету, вставил ее в рот, встал. Подошел к письменному столу и выдвинул тот ящик, из-за которого она вернулась.

Казалось бы, какое мне дело? Чистое любопытство. Какое мне дело, что у нее в столе лежал маленький автоматический кольт? Я задвинул ящик и опять сел.

Через четыре минуты дверь открылась, и она сказала с порога:

— Миссис Мердок ждет вас.

Мы опять прошли по коридору, она открыла одну створку двустворчатой стеклянной двери и пропустила меня внутрь. Я вошел, дверь за мной закрылась.

Внутри было так темно, что сначала я ничего не видел, кроме дневного света, проникавшего сквозь густую зелень и жалюзи. Потом я понял, что комната была чем-то вроде солярия, совершенно заросшего снаружи. Обстановка состояла из циновки и плетеной мебели. У окна шезлонг с

гнутой спинкой и таким количеством соломенных подушек, что хватило бы на чучело слона. В шезлонге, откинувшись на спинку, с бокалом в руке сидит женщина. Я еще не успел как следует разглядеть ее, а уже почувствовал терпкий запах винных паров. Наконец глаза привыкли к темноте, и я ее рассмотрел.

Крупные черты лица, челюсть боксера. Оловянного цвета волосы, тугой перманент, хищный клюв и большие водянистые глаза, приветливые, как булыжники. На шее кружевная косынка, хотя такой шее больше подошел бы футбольный свитер. Серое шелковое платье. Толстые руки, голые и шершавые. В ушах черный янтарь. Перед ней низкий столик со стеклянной крышкой, а на нем бутылка портвейна. Потягивает из бокала, который держит в руке, смотрит вверх него на меня и молчит.

Я стоял у двери. Ждал, пока она допьет портвейн, поставит бокал на столик и опять наполнит его. Приложила к губам носовой платок. И заговорила. Твердым низким голосом человека, с которым шутки плохи.

— Садитесь, мистер Марло. Пожалуйста, не закуривайте. У меня астма.

Я сел в плетеное кресло-качалку и спрятал сигарету, которую так и не успел зажечь, в нагрудный карман, за носовой платок.

— Я никогда не имела дело с частными детективами, мистер Марло. И ничего о них не знаю. Ваши поручители меня устраивают. Сколько вы берете?

— За что, миссис Мердок?

— Дело, разумеется, сугубо конфиденциальное. Полиция не должна иметь к нему никакого отношения. В противном случае я вызвала бы полицию, а не вас.

— Я беру двадцать пять долларов в день, миссис Мердок. Плюс расходы, естественно.

— Немало. Вы, наверное, много зарабатываете? — она отпила из бокала. — Не люблю портвейн в жару. Правда, никто мне его и не предлагал.

— Нет, — сказал я. — Не много. Впрочем, вы можете найти детектива за любую цену, как и адвоката. Или дантиста. Я ведь не организация. Я работаю один и несколько дел одновременно не веду. Я рискую, иногда сильно рискую, а иногда сижу без работы. Нет, по-моему, двадцать пять долларов в день не так уж много.

— Понятно. А что вы называете расходами?

— Набираются всякие мелочи. Никогда не знаешь заранее.

— Хотелось бы все-таки знать, — ядовито сказала она.

— Узнаете. Все вам распишу черным по белому. Если мой счет вас не устроит, у вас будет возможность его опротестовать.

— А на какой аванс вы рассчитываете?

— Ста долларов будет достаточно.

— Еще бы, — сказала она, допила бокал и тут же, даже не вытирая рот, опять наполнила его до краев.

С людьми вашего положения, миссис Мердок, я вполне могу обойтись и без аванса.

— Мистер Марло, — сказала она, — я женщина решительная, но не советую идти у меня на поводу. Какой мне от вас тогда прок?

Я спорить не стал.

Она вдруг засмеялась и рыгнула. Очаровательная, легкая отрывка, совершенно естественная и непринужденная.

— Астма, — небрежно пояснила она. — Портвейн для меня лекарство. Потому и вам не предлагаю.

Я закинул ногу на ногу. Ее астме, надо полагать, такая поза не повредит.

— Деньги, — сказала она, — не самое главное. Женщина в моем положении всегда переплачивает, и я уже давно смирилась с этим. Остается надеяться, что вы заслужите свой гонорар. Так вот. У меня украли одну вещь, которая представляет значительную ценность. Я хочу вернуть эту вещь, и более того, я не хочу никаких арестов. Дело в том, что вор является членом моей семьи.

Покрутила бокал в толстых пальцах и загадочно улыбнулась в тусклом свете темной комнаты.

— Моя невестка, — пояснила она. — Прелестное создание, но палец ей в рот не клади.

Взглянула на меня с неожиданным блеском в глазах:

— Сын у меня совершенный болван, но я к нему очень привязана. Примерно год назад он, как последний идиот, женился без моего согласия. С его стороны это было глупо, потому что он абсолютно не в состоянии содержать семью и у него нет денег, кроме тех, что даю ему я, а я человек неширокий. Девушка, которую он выбрал, вернее, которая выбрала его, — певичка из ночного клуба. Зовут ее Линда Конквест. Они жили здесь, в этом доме. Мы не ссорились, потому что я не допускаю, чтобы со мной ссорились в моем собственном доме, но отношения у нас не сложились. Я оплачивала их расходы, подарила каждому по машине, давала невестке кое-какие деньги на тряпки и прочее. Ей явно надоела такая жизнь. Ей явно надоел мой сын. Он и мне надоел. Так или иначе, с неделю назад она ни с

того ни с сего уехала, не оставив адреса и не попрощавшись.

Закашлялась, пошарила в поисках платка и высморкалась.

— Пропала монета, — продолжала она. — Редкая золотая монета, называется дублон Брешера. Гордость коллекции моего мужа. Я-то к монетам совершенно равнодушна, а он был на них помешан. С тех пор как он умер четыре года назад, я храню его коллекцию в полной неприкосновенности. Она находится наверху, в запертой комнате, в нескольких несгораемых шкафах. Коллекция застрахована, но я еще не заявила о пропаже. Мне бы очень не хотелось предавать дело огласке. Монету взяла Линда, я в этом совершенно уверена. Говорят, она стоит больше десяти тысяч долларов. Редкий экземпляр.

— Но ее непросто продать, — вставил я.

— Возможно. Не знаю. Я только вчера обнаружила пропажу. Я и вчера бы не хватилась, так как никогда даже близко не подхожу к той комнате, если бы из Лос-Анджелеса не позвонил человек по имени Морнингстар, который назвался перекупщиком старинных монет и спросил, действительно ли продается, как он выразился, «Брешер» Мердока. С ним говорил мой сын. Он сказал ему, что монета никогда не продавалась и вряд ли продается теперь, но, если мистер Морнингстар позвонит в другое время, он сможет все выяснить у меня. В тот момент я отдыхала и к телефону не подходила. Морнингстар обещал перезвонить. Сын передал этот разговор мисс Дэвис, а та — мне. Я велела ей позвонить перекупщику. Просто так, из любопытства.

Она отпила из бокала, пошарила в поисках носового платка и хрюкнула.

— Почему вам было любопытно, миссис Мердок? — спросил я, просто чтобы что-то спросить.

— Будь Морнингстар настоящим специалистом, он бы знал, что эта монета не продается. В завещании моего мужа, Джаспера Мердока, особо оговорено, что, пока я жива, ни одну монету из его коллекции нельзя продавать, давать займы или закладывать. А также выносить из дому — за исключением тех случаев, когда опасность, угрожающая дому, требует выноса коллекции, да и то в присутствии доверенных лиц. Мой муж, — она мрачно улыбнулась, — судя по всему, считал, что при его жизни я недостаточно интересовалась его металлическими кружочками.

За окном светило солнце, цвели цветы, пели птицы. Слышно, как по улице проносятся машины. В темной комнате, где сидела женщина с боксерской челюстью и пахло портвейном, все казалось каким-то ненастоящим. Я качал закинутой на колено ногой и ждал.

— Я говорила с мистером Морнингстаром. Полное имя Элиша Морнингстар, его контора находится в Белфонт-билдинг на Девятой улице, в центре Лос-Анджелеса. Объяснила, что коллекция Мердока не продается, никогда не продавалась и — пока я жива — продаваться не будет. Я удивилась, что он этого не знает. В ответ он что-то промямлил, а потом спросил, можно ли посмотреть монету. Я сказала: конечно, нет. Он довольно сухо извинился и повесил трубку. Судя по голосу, он немолод. Тогда я пошла наверх посмотреть монету сама, чего я за последний год не делала ни разу. Но в запертом несгораемом шкафу монеты не оказалось.

Я промолчал. Она опять наполнила бокал и забарабанила толстыми пальцами по ручке шезлонга:

— Можете себе представить, что мне пришло на ум в тот момент.

— Очевидно, звонок мистера Морнингстара. Кто-то предложил ему купить монету, а он знал либо догадывался, откуда она. Ведь монета как-никак антикварная.

— Такая монета — большая редкость. Да, вы правы. Именно это я и подумала.

— Кто ее мог украсть? — спросил я.

— Любой из живущих в доме, причем без особого труда. Ключи у меня в сумке, а сумка валяется где попало. Ничего не стоило забрать ключи, открыть комнату и шкаф, а потом подложить их обратно. Постороннему сделать это нелегко, а из домашних монету мог украсть кто угодно.

— Понятно. Скажите, пожалуйста, миссис Мердок, как вы установили, что монету взяла именно невестка?

— Видите ли... вообще-то улик у меня нет. Но я в этом не сомневаюсь. Три женщины из прислуги в доме уже очень давно, гораздо раньше, чем я вышла замуж за мистера Мердока, а это случилось семь лет назад. Садовник никогда в дом не заходит. Шофера я не держу: меня возит либо сын, либо секретарша. Сын монету не брал, во-первых, потому, что он все-таки не настолько глуп, чтобы красть у собственной матери, а во-вторых, возьми он ее, ему ничего не стоило бы помешать моему разговору с Морнингстаром. Мисс Дэвис? Исключено! Не тот человек. Тихоня. Стало быть, Линда. Такие, как она, могут сделать это просто назло, я уже не говорю обо всем остальном. Сами знаете, что за народ в ночных клубах.

— Разный народ — как и везде, — отозвался я. — Значит, следов взлома не обнаружено. Это понятно: профессионал, решивший выкрасть одну и очень ценную монету, будет работать аккуратно. И все же, может быть, есть смысл осмотреть комнату?

Она выставила челюсть, жилы на шее вздулись как канаты:

— Я же сказала вам, мистер Марло, что дублон Брешера взяла моя невестка, миссис Лесли Мердок.

Я уставился на нее, а она — на меня. Взгляд у нее был тяжелый, как кирпичи на дорожке ее сада. Я отвел глаза и сказал:

— Предположим, так оно и есть, но что вы тогда хотите?

— Во-первых, монету. Во-вторых, развод для сына. И платить я ей не собираюсь. Полагаю, вы знаете, как это устроить.

Допила очередную порцию портвейна и грубо рассмеялась.

— Слышал краем уха, — сказал я. — Говорите, ваша невестка не оставила своего нового адреса? И вы понятия не имеете, куда она делась?

— Именно так.

— Бесследно исчезла? Может, ваш сын что-то знает и не говорит вам? Надо будет повидать его.

Грубые черты ее большого серого лица стали еще грубее.

— Мой сын ничего не знает. Не знает даже, что украден дублон. И хорошо, что не знает. Со временем дойдет очередь и до него. А пока оставим его в покое. Он сделает ровно то, что я захочу.

— Он не всегда был таким покладистым.

— Его брак, — с раздражением сказала она, — был результатом минутного увлечения. В дальнейшем он старался вести себя как джентльмен. На этот счет у меня нет сомнений.

— В Калифорнии, миссис Мердок, как известно, не бывает минутных увлечений.

— Молодой человек, вы хотите работать на меня или нет?

— Хочу, если от меня не будут ничего скрывать и дадут вести дело так, как я сочту нужным. И не хочу, если вы будете придумывать бесконечные правила и оговорки, которые только мешают и сбивают с толку.

— Это деликатное семейное дело, мистер Марло, — хрипло рассмеялась она, — и его надо вести с тактом.

— Если вы меня нанимаете, то можете рассчитывать на мой такт. Если же вы считаете, что я недостаточно тактичен, то, может, лучше вообще меня не нанимать. Вы, например, как я понимаю, не хотите засадить вашу невестку за решетку. На это у меня, по-вашему, не хватило бы такта, верно?

Она побагровела и разинула пасть, собираясь завопить. Потом передумала, подняла бокал с портвейном и приняла очередную дозу целебного напитка.

— Вы мне подходите, — сухо сказала она. — Жаль, что мы не встретились два года назад, до того, как он на ней женился.

Я не вполне понял, что она хотела этим сказать, но вникать не стал. Она наклонилась вбок, нащарила кнопку селектора и что-то прорычала в трубку.

Послышались шаги, и, опустив подбородок, словно опасаясь удара в челюсть, в комнату вбежала маленькая блондинка.

— Выпишите этому человеку чек на двести пятьдесят долларов, — рявкнула старая ведьма. — И помалкивайте об этом.

Девушка покраснела до корней волос.

— Вы же знаете, миссис Мердок, я никогда не говорю о ваших делах, — проблеяла она. — Никогда. Чтобы я когда-нибудь...

Опустила голову, повернулась и выбежала из комнаты. Когда она закрывала дверь, я посмотрел на нее. Губы дрожат, а в глазах безумие.

— Мне понадобится фотография вашей невестки и кое-какие сведения о ней, — сказал я, когда дверь опять закрылась.

— Посмотрите в ящике стола, — она повела рукой, и на ее толстом сером указательном пальце в полумраке вспыхнули кольца.

Я подошел к плетенному письменному столу, выдвинул единственный ящик и достал фотографию, которая в гордом одиночестве лежала на дне и смотрела на меня холодными темными глазами. Держа фотографию в руках, я опять сел и принялся ее разглядывать. Над крупным лбом темные распущенные волосы с нечетким пробором посередине. Широкий невозмутимый наглый рот с вполне аппетитными губками. Правильной формы нос — не большой и не маленький. Довольно красивые черты лица. Чего-то этому лицу не хватало. Раньше бы сказали — породы, а теперь — даже не знаю, чего именно. Для своего возраста лицо это казалось чересчур разумным и осмотрительным. Слишком многие зарились на это лицо, вот оно и стало таким настороженным. Но за настороженностью проглядывало простодушие маленькой девочки, которая до сих пор верит в Деда Мороза.

Я покачал головой и сунул карточку в карман, решив, что она не стоит таких умственных усилий с моей стороны, да еще при столь слабом освещении.

Дверь открылась, снова вошла маленькая блондинка в полотняном платье с объемистой чековой книжкой и авторучкой и, подложив руку под книжку, дала миссис Мердок подписать чек. Потом, напряженно улыбаясь, выпрямилась, миссис Мердок резким движением указала ей на меня, и девушка, оторвав чек, вручила его мне. Порхнула к двери и выжидательно застыла. Поскольку дальнейших указаний не последовало, она опять бесшумно вышла и прикрыла дверь.

Я помахал чеком, чтобы высохли чернила, сложил его и сжал в руке.

— Что вы можете рассказать мне про Линду?

— Пожалуй, ничего. Прежде чем выйти замуж за сына, она снимала квартиру вместе с одной актриской, Лоис Мэджик. Они работали в ночном клубе «Веселая долина», по шоссе за бульваром Вентура. Мой сын Лесли отлично знает это местечко. О семье Линды и ее происхождении мне ничего не известно. Как-то она обмолвилась, что родилась в Суксфоллсе. Надо думать, у нее были родители. Я не выясняла: не все ли мне равно?

Как же, не выясняла она! Я представил себе, как старуха с остервенением копается в родословной невестки, словно ищет глубоко зарытый клад.

— Вы не знаете адреса мисс Мэджик?

— Нет. И никогда не знала.

— Может, ваш сын знает? Или мисс Дэвис?

— Спрошу сына, когда он зайдет. Но только вряд ли он в курсе. Мисс Дэвис можете спросить сами. Она-то и по давню не знает.

— Ясно. Вы не знаете каких-нибудь друзей Линды?

— Нет.

— Миссис Мердок, может быть, все-таки ваш сын поддерживает с ней связь, а от вас скрывает?

Опять побагровела. Я поднял руку и изобразил на лице кроткую улыбку:

— В конце концов, они прожили вместе целый год. Что-то же о ней он должен знать.

— Вы моего сына сюда не путайте, — рявкнула она.

Я пожал плечами и разочарованно хмыкнул:

— Очень хорошо. Она, вероятно, уехала на машине. На той самой, которую вы ей подарили? Что это за машина?

— Двухместный «меркьюри» мышинового цвета, модель 1940 года. Если нужно, мисс Дэвис даст вам номер машины. Не знаю, забрала она ее или нет.

— Вы случайно не знаете, сколько у нее могло быть с собой денег, какая одежда, драгоценности?

— Денег немного. Самое большее несколько сот долларов. — Ее нос и рот скривились в сальной ухмылке: — Если, конечно, у нее не завелся новый дружок.

— Очень может быть, — сказал я. — А драгоценности?

— Не слишком ценное кольцо с изумрудом и бриллиантом, платиновые часы «Лонжин» с рубинами, очень красивое янтарное дымчатое ожерелье, которое я по глупости ей подарила. У него алмазный

фермуар с двадцатью шестью мелкими камнями в форме бубновой масти. Есть, конечно, и другие вещи. Меня они никогда особенно не интересовали. Она любила тряпки, но одевалась неброско. И на том спасибо!

Наполнила бокал, отпила из него и опять непринужденно рыгнула.

— Вам больше нечего рассказать мне, миссис Мердок?

— Вам мало?

— Маловато. Что ж, придется пока довольствоваться тем, что есть. Если окажется, что она не украла монету, то на этом моя миссия заканчивается, верно?

— Там видно будет, — отрезала она. — Монету украла она, больше никому. И мириться я с этим не собираюсь... Зарубите это себе на носу, молодой человек. Надеюсь, на деле вы окажетесь таким же лихим, как и на словах: у этих девиц из ночных клубов бывают очень бойкие друзья.

Сложенный чек я по-прежнему держал за уголок в опущенной руке. Достал бумажник, убрал чек и встал, подобрав с пола шляпу.

— Ну и что, — сказал я. — Чем бойчее, тем глупее. Дам вам знать, если будет о чем, миссис Мердок. Думаю для начала заняться перекупщиком. Похоже, он того стоит.

Когда я был уже в дверях, она прорычала мне в спину:

— Я вам не очень понравилась, да?

Взявшись за ручку двери, я ухмыльнулся через плечо:

— Странно, правда?

Она откинула голову, широко разинула рот и захохотала. Под ее хохот я открыл дверь, вышел и прихлопнул дверью грубые мужеподобные раскаты. Затем вернулся по коридору, постучал в приоткрытую дверь, распахнул ее и заглянул в комнатку секретарши.

Сидит у себя за столом, опустил голову на сложенные руки, и рыдает. Покрутила головой, подняла на меня воспаленные от слез глаза. Я закрыл дверь, подошел к ней и положил руку на ее худенькие плечи.

— Не расстраивайтесь, — сказал я. — Ее ведь тоже надо понять. Возомнила себя хозяйкой жизни и изо всех сил старается не выйти из роли.

Девушка резко выпрямилась, высвободилась из-под моей руки.

— Не прикасайтесь ко мне, — задыхаясь, сказала она. — Очень вас прошу. Я не разрешаю мужчинам к себе прикасаться. И не говорите гадости про миссис Мердок.

Лицо розовое и мокрое от слез. Очень красивые глаза — без очков.

Я сунул в рот давно заждавшуюся сигарету и закурил.

— Я... я не хотела грубить, — всхлипнула девушка, — но она меня так унижает. Я же хочу, как лучше. — Еще что-то пробормотала, потом достала

из ящика стола мужской носовой платок, встряхнула его и вытерла слезы. На свисающем уголке платка я увидел вышитые красными нитками инициалы Л. М. Уставился на них и выпустил дым в сторону, подальше от ее волос. — Вы что-то хотели узнать? — спросила она.

— Номер машины миссис Лесли Мердок.

— 2X1111, серого цвета «меркьюри» с откидным верхом, модель 1940 года.

— Но она говорила про какой-то другой, двухместный.

— Это машина мистера Лесли. Они одной марки, года и цвета. Ее Линда не брала.

— Ясно. Что вы знаете о мисс Лоис Мэджик?

— Я видела ее всего один раз. В свое время они вместе с Линдой снимали квартиру. Она приходила сюда с мистером... мистером Венниером.

— Кто это?

Она уставилась в стол:

— Я... он приходил с ней. Я его не знаю.

— Допустим, а как выглядит мисс Лоис Мэджик?

— Высокая красивая блондинка. Очень... очень интересная.

— Сексуальная, что ли?

— Да... — Она ужасно покраснела. — Но вполне приличная, хорошо держится, понимаете?

— Понимаю, но от этого мне не легче.

— Охотно верю, — съязвила она.

— Где живет мисс Мэджик, знаете?

Отрицательно покачала головой. Тщательно сложила носовой платок и убрала его в ящик стола, тот самый, где был пистолет.

— Можете стащить другой, когда этот испачкается, — сказал я.

Откинулась на стуле, сложила маленькие изящные ручки на столе и пристально посмотрела на меня:

— Советовала бы вам, мистер Марло, держать при себе свое хамство. Со мной, по крайней мере.

— Спасибо за совет.

— Пожалуйста. И я не стану больше отвечать на ваши вопросы без специальных указаний. Мне это категорически запрещено.

— Я не хам. Просто сильный мужчина.

Она взяла карандаш и черкнула им в блокноте. Потом, успокоившись, слабо мне улыбнулась.

— Будем считать, что я не люблю сильных мужчин, — сказала она.

— Первый раз вижу такую зануду. До свидания.

Я вышел, плотно закрыл дверь и пошел назад пустыми коридорами, через большую, безмолвную, мрачную комнату-склеп на улицу.

Солнце резвилось на разогретой лужайке. Я надел темные очки, подошел к негритенку и снова потрепал его по голове.

— Хуже некуда, брат, — доверительно сообщил я ему.

Каменные ступеньки жгли ноги через подошвы. Я сел в машину, включил мотор и отъехал от тротуара.

Стоявший за мной небольшой двухместный автомобиль песочного цвета тоже отъехал. Я не придал этому никакого значения. Водитель был в темной соломенной шляпе с загнутыми полями и пестрой ситцевой лентой. В темных очках, как и я.

Я поехал назад, в город. Проехав несколько кварталов и остановившись у светофора, увидел, что двухместный автомобиль песочного цвета по-прежнему следовал за мной. Пожал плечами и решил — смеха ради — покружить между домами. Двухместный не отставал. Тогда я свернул на улицу, обсаженную огромными пальмами, резко развернулся и встал у тротуара.

Двухместный медленно проехал мимо. Светловолосая голова под соломенной шляпой цвета какао с яркой ситцевой лентой даже не повернулась в мою сторону. Машина проплыла, а я поехал в Арройо-Секо и дальше, в Голливуд. Несколько раз внимательно смотрел назад, но двухместного больше не было.

3

Моя контора размещалась в двух небольших комнатах окнами во двор, на седьмом этаже Кахуэнга-билдинг. Первую я держал незапертой для своих «пациентов», если, конечно, таковые были. На двери висел звонок, который я мог включать и отключать, дабы не отвлекаться от гениальных размышлений.

Заглянул в приемную. Ничего, кроме пыли. Открыл окно, отпер вторую дверь и вошел в заднюю комнату. Три жестких стула и вращающееся кресло, узкий письменный стол под стеклом, пять зеленых ящичков для картотеки, из них три пустых; на стене календарь и лицензия частного детектива в рамке; телефон, умывальник в крашеном деревянном стенном шкафу, вешалка, ковер — надо же чем-то прикрыть пол, — два открытых окна с тюлевыми занавесками, которые собирались в складки и расправлялись, точно губы беззубого старика во сне.

Та же самая обстановка, что и в прошлом году, и в позапрошлом. Некрасиво, уныло, но все лучше, чем навес на пляже.

Повесил шляпу и пальто на вешалку, вымыл лицо и руки холодной водой, закурил, потом взгромоздил на стол телефонную книгу. Элиша Морнингстар значился по адресу: Белфонт-билдинг 824, Западная Девятая улица 422. Я переписал адрес вместе с телефоном и уже хотел было набрать номер, как вспомнил, что не включил звонок в приемной. Потянулся на край стола, включил и очень во время. Кто-то только что открыл дверь в первую комнату.

Я перевернул блокнот обложкой вверх и пошел взглянуть, кто там.

Это был стройный, высокий, самодовольный на вид субъект в летнем шерстяном серо-голубом костюме, в черно-белых туфлях, в светлой матовой рубашке с галстуком и с темно-красным носовым платком в нагрудном кармане. В руке, обтянутой белой перчаткой из свиной кожи, держит длинный черный мундштук и, морщась, смотрит на старые журналы, валявшиеся на столе и стульях, на стертый пол — на все, что деньгами и не пахло.

Когда я открыл дверь в кабинет, он повернулся в полоборота и устремил на меня взгляд довольно задумчивых, близко посаженных светлых глаз. Нос тонкий, лицо загорелое, на узком черепе зачесанные назад рыжеватые волосы. Узкая полоска усов, гораздо более рыжих, чем волосы.

Оглядел меня без спешки и без особого удовольствия. Выпустил изо рта тонкую струйку дыма и сказал с едва заметной усмешкой:

— Вы Марло?

Я кивнул.

— Я, признаться, несколько разочарован, — сказал он. — Ожидал увидеть что-нибудь эдакое, с грязными ногтями.

— Заходите, — сказал я. — Остричь можете и сидя.

Я придержал дверь, он прошел мимо меня, стряхивая пепел на пол ногтем среднего пальца свободной руки. Подсел к столу, стянул с правой руки перчатку и положил ее на стол вместе с другой, уже снятой. Выбил окурок из длинного черного мундштука, потыкал его спичкой, пока не погасил, вставил в мундштук другую сигарету и прикурил ее от толстой темно-красной спички. Откинулся на спинку стула с улыбкой утомленного аристократа.

— Все в порядке? — осведомился я. — Пульс и дыхание нормальные? Влажное полотенце на голову не желаете?

Он не скривил губы только потому, что скривил их раньше, когда еще только вошел.

— Частный детектив, — процедил он. — Первый раз вижу.хлопотное, надо полагать, дело: в замочную скважину подглядывать, грязное белье ворошить и все прочее.

— Вы ко мне по делу пришли? — спросил я. — Или приятно провести время?

Он состроил кислую мину, словно графиня на балу пожарников:

— Меня зовут Мердок. Надеюсь, мое имя вам что-нибудь говорит?

— Не заставили себя ждать, — заметил я и принялся набивать трубку. Мердок внимательно следил за мной.

— Насколько я понимаю, — медленно проговорил он, — вас наняла моя мать. Она дала вам чек.

Я набил трубку, зажег ее, раскурил и, откинувшись назад, выпустил дым через правое плечо в открытое окно. И ничего не ответил.

Он еще сильнее подался вперед и серьезно сказал:

— Я понимаю, скрытность ваша профессиональная черта, но я не гадаю. Сорока на хвосте принесла. Видавшая виды сорока — вроде меня. Так что я знаю не меньше вашего. Теперь ясно?

— Допустим. И что дальше?

— Вас наняли найти мою жену, верно?

Я фыркнул и усмехнулся.

— Марло, — сказал он еще серьезнее, — мне очень жаль, но боюсь,

мы не поладим.

— Я этого не перенесу.

— Простите, но вы ведете себя как последний хам.

— Печально, но ничего не поделаешь.

Он опять откинулся назад, не спуская с меня бесцветных глаз. Поерзал, пытаясь сесть поудобнее. Сколько народу пыталось устроиться на этом стуле. Надо будет как-нибудь самому попробовать. Может быть, я теряю из-за него клиентов?

— Не понимаю, зачем матери искать Линду? — медленно спросил он. — Она ее на дух не переносит. Мать — Линду, я имею в виду. Как раз Линда к матери относилась нормально. Что вы о ней скажете?

— О вашей матери?

— О ком же еще? Ведь с Линдой вы незнакомы, не так ли?

— Секретарша вашей матери сильно рискует потерять работу. Болтает лишнее.

— Мать ничего не узнает, — возразил он, покачав головой. — Ей все равно без Мерл не обойтись. Надо же на ком-то срывать зло. Она может накричать на нее, даже дать ей пощечину, но обойтись без нее не в состоянии. Что вы о ней думаете?

— На любителя.

Он нахмурился:

— Я про мать спрашиваю. При чем тут Мерл — девушка как девушка.

— Вы на редкость наблюдательны.

Он так удивился, что чуть не забыл стряхнуть ногтем пепел. Но не настолько, чтобы попасть в пепельницу.

— Так что мать? — терпеливо спросил он.

— Отличная старая полковая лошадь. Сердце из чистого золота, настоящее сокровище, вот только до него не докопаться.

— Но зачем ей искать Линду? Не могу понять. Да еще нанимать детектива? Мать ненавидит тратить деньги. Это у нее в крови. Зачем ей понадобилась Линда?

— Понятия не имею. А с чего вы взяли?

— Я вас так понял. И Мерл...

— Мерл — романтическая особа. Это ей померещилось. Черт побери, она сморкается в мужской носовой платок. Уж не в ваш ли?

Он покраснел:

— Глупости. Послушайте, Марло, пожалуйста, не упрямитесь, расскажите, как обстоит дело. Много я вам дать, к сожалению, не могу, но пару сотен...

— Не злите меня. И вообще, я не имею права говорить с вами. Приказ.

— Но почему же?

— Не задавайте вопросов, на которые у меня нет ответов. И не задавайте вопросов, на которые у меня есть ответы. Я все равно ничего не скажу. Вы что, с луны свалились? Неужели вы думаете, что человек моей профессии станет говорить о своей работе с первым встречным?

— Если человек вашей профессии, — злобно сказал он, — отказывается от двух сотен долларов, значит, творится что-то неладное.

Я и это пропустил мимо ушей. Взял из пепельницы толстую красную спичку и поднес к глазам. Тонкие желтые грани, белая этикетка с надписью: «Розмонт. Х. Ричардс З...» — остальное обгорело. Я переломил спичку пополам, соединил концы и швырнул ее в мусорную корзину.

— Я люблю свою жену, — неожиданно сказал он, обнажив белые крепкие зубы. — Звучит пошло, но это так.

— Они жили счастливо и умерли в один день...

— Зато она меня не любит, — процедил он сквозь зубы. — И неудивительно. Последнее время мы не ладили. Она привыкла к веселой жизни. А у нас... у нас ей было скучно. Мы не ссорились. Линда умеет держать себя в руках. Но от такого мужа, как я, радости мало.

— Скромность украшает человека.

Его глаза заблестели, но он сдержался:

— Хватит вам иронизировать. Послушайте, Марло, вы как будто человек приличный. Я знаю, мать не станет просто так выбрасывать на ветер двести пятьдесят долларов. Может, дело не в Линде. Может, тут что-то еще. Может... — он запнулся, а потом, смотря мне прямо в глаза, медленно произнес: — Может быть, дело в Морни?

— Очень может быть, — оживился я.

Он поднял перчатки, ударил ими по столу и положил их опять.

— Тут я действительно сваял дурака, — сказал он. — Но я не мог предположить, что она узнает об этом. Очевидно, Морни звонил ей. А ведь обещал не говорить.

Все ясно.

— И сколько же вы ему должны? — спросил я.

Ясно, да не совсем. Он опять заподозрил что-то неладное:

— Если он звонил ей, то рассказал бы. А она — вам, — неуверенно произнес он.

— Тогда, может быть, дело не в Морни? — Мне вдруг очень захотелось выпить. — Мало ли. Но если все-таки дело в Морни, сколько вы ему должны?

— Двенадцать тысяч, — ответил он, опустив глаза и покраснев.

— Угрожает?

Он кивнул.

— Пусть получает деньги по фиктивным вексям, — сказал я. — Что он собой представляет? Опасен?

Он опять поднял голову. И с решительным видом сказал:

— Думаю, да. Все они такие. В свое время играл злодеев в кино. Смазливый. Из породы соблазнительей. Но не подумайте ничего такого. Просто Линда работала у него в клубе, как работают официанты или оркестр. Если вы ищете Линду, найти ее будет непросто.

Я вежливо поинтересовался:

— Можно узнать почему? Надеюсь, ее не закопали в саду?

Он встал, бесцветные глаза вспыхнули гневом. Облокотившись на стол, он довольно плавно взмахнул правой рукой и извлек небольшой автоматический пистолет примерно 25-го калибра с рукояткой из орехового дерева. Родной брат того, который я обнаружил в столе у Мерл. Его дуло грозно уставилось на меня. Я не пошевелился.

— Тот, кто обидит Линду, будет иметь дело со мной, — пригрозил он.

— Нашли чем испугать. Вы бы лучше настоящим пистолетом обзавелись, а то из этой игрушки только по мухам стрелять.

Он спрятал свой пистолетик во внутренний карман, пристально посмотрел на меня, взял со стола перчатки и направился к двери.

— Бесплезно с вами говорить, — сказал он. — Только и знаете, что острите.

— Минуточку, — сказал я, встал и обошел вокруг стола. — Вам, пожалуй, не стоит рассказывать матери о нашей встрече — хотя бы ради маленькой секретарши.

Он кивнул:

— Было бы что рассказывать.

— Разве что о двенадцати тысячах, которые вы должны Морни?

Он опустил глаза, поднял их, опять опустил:

— Неужели вы поверили, что я должен Алексу? Он бы мне в жизни не дал.

Я подошел к нему вплотную.

— Между прочим, — заметил я, — что-то непохоже, чтоб вы очень волновались за свою жену. По-моему, вы знаете, где она. Линда убежала вовсе не от вас. Она убежала от вашей матери.

Он поднял на меня глаза и натянул одну перчатку. Молча.

— Возможно, она найдет работу, — продолжал я, — и будет вас

содержать.

Он опять устался в пол, немного подался вправо, и кулак в перчатке описал в воздухе резкую дугу снизу вверх. Я увернулся, схватил его за запястье и, надавив, медленно отвел кулак к груди. Нога его поехала назад, и он тяжело засопел. Запястье тонкое, как у девушки. Мои пальцы обхватили его и сомкнулись.

Так мы и стояли, уставившись друг на друга. Дышит, как пьяный, раскрыв рот и растянув губы. На щеках красные пятна. Попытался вырваться, но я так давил на него, что ему пришлось, чтобы не упасть, сделать шаг назад. Теперь наши лица почти соприкасались.

— Что ж твой папаша не оставил тебе ни гроша? — улыбнулся я. — Или ты все спустил?

Он заговорил сквозь зубы, все еще пытаюсь вырваться:

— Если уж вы суетесь не в свое дело и если имеете в виду Джаспера Мердока, так это не мой отец. Он меня терпеть не мог и не оставил мне ни цента. Мой отец, Хорас Брайт, разорился и выбросился из окна.

— Слов много, а толку мало, — сказал я. — Простите. Я просто хотел позлить вас, когда говорил, что вас будет содержать жена.

Отпустил его запястье и сделал шаг назад. По-прежнему тяжело, напряженно дышит. В глазах злоба, но голос ровный:

— Ну вот, теперь вы все знаете. Если вы удовлетворены, я пойду.

— Скажите спасибо, что так легко отделались. Если носите оружие, научитесь держать себя в руках. А лучше вообще не носите.

— Это мое дело. Простите, что хотел вас ударить. Впрочем, если бы и ударил, было бы, вероятно, не очень больно.

— Кто старое помянет...

Он открыл дверь и вышел. Шаги удалялись по коридору. Еще один зануда. В такт его шагам я постукивал по зубам костяшками пальцев. Потом вернулся к столу, заглянул в блокнот и поднял телефонную трубку.

Только на третий гудок сквозь шум и треск в трубке послышался тоненький женский голосок:

— Доброе утро. Контора мистера Морнингстара.

— Мистер Морнингстар у себя?

— А кто говорит, простите?

— Марло.

— Мистер Морнингстар знает вас, мистер Марло?

— Спросите, не интересуют ли его старые американские золотые монеты?

— Одну минуту.

Последовала пауза, достаточная, чтобы сообщить сидящему в кабинете пожилому джентльмену, что его вызывают к телефону. Затем в трубке раздался щелчок, и я услышал сухой мужской голос. Чтобы не сказать засушенный.

— Морнингстар слушает.

— Мистер Морнингстар, насколько мне известно, вы звонили миссис Мердок в Пасадену. По поводу одной монеты.

— По поводу одной монеты, — повторил он. — Вот как? И что же?

— Как я понял, вы хотели приобрести монету из коллекции Мердока.

— Вот как? А с кем я, простите, говорю?

— Филип Марло. Частный детектив. Работаю на миссис Мердок.

— Вот как? — сказал он в третий раз. Тщательно прочистил горло. —

А о чем, собственно, вы хотите поговорить со мной, мистер Марло?

— Об этой монете.

— Но мне дали понять, что она не продается.

— И все же я хотел бы поговорить о ней с вами. Лично.

— Вы хотите сказать, что она передумала?

— Нет.

— В таком случае я не совсем понимаю, что вам угодно, мистер Марло? О чем нам говорить? — сейчас он явно хитрил.

— Дело в том, мистер Морнингстар, — сказал я, небрежно выложив свой главный козырь, — что когда вы звонили, то уже знали, что монета не продается.

— Любопытно, — медленно проговорил он. — Каким же образом?

— Вы этим занимаетесь и не могли не знать. Существует

официальный документ, согласно которому коллекция Мердока не может быть продана при жизни миссис Мердок.

— А-а, — сказал он. — А-а. — Последовала пауза. — В три часа, — поспешно проговорил он. — Жду вас у себя. Вероятно, вам известен мой адрес. Время вас устраивает?

— Вполне.

Я опять закурил трубку и уставился на стену. Не знаю, задумался я или нет, но скулы у меня свело. Вынул из кармана фотографию Линды Мердок, некоторое время изучал ее, решил, что лицо в общем-то самое заурядное. Запер фотографию в стол. Извлек из пепельницы еще одну спичку Мердока и осмотрел ее. На этой значилось: «Верхний ряд У. Д. Райт'36».

Бросил ее обратно в пепельницу, пытаюсь сообразить, что же меня так заинтересовало. Может, это и было бы ключом к разгадке?

Вынул из бумажника чек миссис Мердок, перевел его на себя, выписал кредитную квитанцию и чек на оплату, достал из ящика стола банковскую книжку, все это перетянул резинкой и сунул в карман.

В телефонной книге имени Лоис Мэджик не было.

Выписал по тематическому указателю номера нескольких самых крупных, судя по шрифту, театральных объединений и позвонил туда. Со мной беседовали громкими, веселыми голосами, засыпали вопросами, но про эстрадную актрису по имени Лоис Мэджик либо ничего не знали, либо не желали говорить.

Швырнул список в корзину и позвонил Кенни Хейсту, репортеру из уголовного отдела «Кроникл».

— Что ты знаешь про Алекса Морни? — спросил я его, когда мы вдоволь нашутились.

— Содержит шикарный ночной клуб и игорный дом в Веселой долине, милях в двух от шоссе, в сторону гор. Когда-то снимался в кино. Актер никудышный. Вроде бы с большими связями. Никогда не слышал, чтобы он пристрелил кого-нибудь на городской площади среди бела дня. Или в любое другое время суток. Но ручаться не берусь.

— Опасен?

— Не исключено. Все эти ребята из кино отлично знают, как должны вести себя заправила ночных притонов. Есть у него телохранитель — весьма живописный персонаж. Зовут его Эдди Прю, огромного роста, тощий, как кошелек честного человека. Крив на один глаз — с войны.

— А для женщин Морни представляет опасность?

— Не будь ханжой, старина. Женщины относятся к этому иначе.

— Ты знаешь девушку по имени Лоис Мэджик? Я слышал, она

эстрадная актриса. Высокая роскошная блондинка.

— Не знаю. А жаль.

— Не валяй дурака. А имя Венниер тебе что-нибудь говорит? Его тоже нет в телефонной книге.

— Первый раз слышу. Но если перезвонишь попозже, могу справиться у Герти Эрбогаста. Он знает всю эту публику. Как свои пять пальцев.

— Спасибо, Кенни. Так и сделаем. Позвоню через полчаса, договорились?

Кенни это вполне устраивало, и я положил трубку. Запер контору и вышел.

В конце коридора, прислонясь к стене и читая вечернюю газету, стоял довольно молодой блондин в коричневом костюме и соломенной шляпе цвета какао с желто-коричневой ситцевой лентой. Когда я поравнялся с ним, он зевнул, сунул газету под мышку и выпрямился.

Вошел вместе со мной в лифт. Глаза полузакрыты — так он устал. Я вышел на улицу, прошел квартал до банка, чтобы депонировать чек и взять немного наличных денег на расходы. Оттуда отправился в бар «Тигровый хвост» и, сев за низкой загородкой, заказал бокал мартини и сандвич. Коричневый костюм расположился у входа. Вид утомленный, пьет кока-колу и столбиком складывает на столе монетки, тщательно выравнивая края. На глазах опять темные очки. Человек-невидимка — не иначе.

Я не торопясь доел сандвич и пошел в глубь бара к телефонной будке. Коричневый костюм быстро повернул голову, а потом, спохватившись, поднял стакан. Я опять набрал номер редакции «Кроникл».

— Значит, так, — сказал Кенни Хейст. — Герти Эрбогаст говорит, что не так давно Морни женился на этой твоей роскошной блондинке. На Лоис Мэджик. Венниера он не знает. Говорит, что Морни купил себе дом под Бел-Эр, белый дом на Стилвуд-Кресент-драйв, в пяти кварталах от Сансета. По словам Герти, раньше этот дом занимал некий разорившийся проходимец Артур Блейк Попэм, которого недавно посадили за махинации. Его инициалы до сих пор красуются на воротах. А возможно, как сказал Герти, и на туалетной бумаге. Такой уж он был человек. Больше ничего узнать не удалось.

— Куда уж больше. Огромное спасибо, Кенни.

Я повесил трубку, вышел из телефонной будки и поймал на себе взгляд блондина в темных очках и в коричневом костюме. Блондин тут же отвернулся.

Через вращающуюся дверь я прошел на кухню, а оттуда в переулок, переулком вышел сзади к стоянке, где была моя машина.

Блондин остался сидеть в баре, а я выехал со стоянки и взял курс на Бел-Эр.

Шоссе Стилвуд-Кресент-драйв плавно поворачивало на север, оставляя далеко в стороне спортивные площадки Белэрского загородного клуба. Вдоль дороги тянулись частные владения. Одни были обнесены высокими стенами, другие — низкими, третьи — декоративной железной оградой, четвертые по старинке, обходились высокой живой изгородью. Тротуара не было. Здесь никто не ходит пешком, даже почтальон.

Было жарко, но не так, как в Пасадене. Усыпляюще пахло цветами и солнцем, за стенами и живой изгородью нежно шуршали поливальные машины, с ухоженных, солидных газонов доносился громкий треск газонокосилок.

Я медленно ехал в гору, высматривая монограммы на воротах. Итак, его звали Артур Блейк Попэм. Значит, инициалы А. Б. П. Вот они — выбиты золотыми буквами на черном щитке почти на самом верху раздвинутых ворот.

Дом ослепительно белый, на вид совершенно новый, но со старым, разросшимся садом. По здешним понятиям, довольно скромный: не больше четырнадцати комнат и, вероятно, всего один бассейн. Низкие кирпичные стены, между кирпичами проступает застывший и подкрашенный белой краской бетонный раствор. Поверху — низкая железная балюстрада, выкрашенная в черный цвет. На большом серебристом почтовом ящике, висевшем у служебного входа, красуется надпись: А. П. Морни.

Я оставил машину на улице и по асфальтовой аллее подошел к свежeverкрашенной белой боковой двери, по которой разбегались цветные блики от витражного навеса. Сзади, сбоку от дома шофер мыл «кадиллак».

Дверь открылась, и на меня, презрительно скривившись, уставился мрачный филиппинец в белом пиджаке. Я протянул ему визитную карточку. — К миссис Морни, — сказал я.

Он закрыл дверь. Придется ждать — дело привычное. От воды, струившейся по «кадиллаку», веяло прохладой. Шофер был коротышкой в бриджах, гетрах и пропотевшей рубашке. Похож на растолстевшего жокея и так же насвистывал за работой, как конюх, когда тот чистит лошадь.

Колибри с красной шейкой нырнула в красные же кусты возле двери, слегка всколыхнула длинные трубчатые цветы и растаяла в воздухе, как будто ее и не было.

Дверь открылась, филиппинец протянул мне мою визитную карточку.

Я не взял ее.

— Что вы хотите?

Жесткий, потрескивающий, как яичная скорлупа, голос.

— Миссис Морни.

— Она нет дома.

— Вы что, не знали этого, когда брали карточку?

Он разжал пальцы, и карточка порхнула к моим ногам. Ухмыльнулся, продемонстрировав дешевую работу зубного техника:

— Я знать, когда она мне говорить.

И захлопнул дверь у меня перед носом.

Я подобрал карточку и, обогнув дом, подошел к шоферу, который обдавал «кадиллак» водой из шланга и смывал с него грязь большой губкой. Красные разводы вокруг глаз, челка соломенных волос. К углу нижней губы прилепился потухший окурочок.

Искоса глянул на меня, как человек, который всегда готов вступить в разговор, лишь бы не работать. Я спросил:

— Где хозяин?

Сигарета подпрыгнула во рту. Вода по-прежнему тихо струилась по «кадиллаку».

— Спроси в доме, приятель.

— Спрашивал. Захлопнули перед носом дверь.

— Очень сочувствую, приятель.

— Как насчет миссис Морни?

— Никак. Я у них работаю. Что-нибудь продаешь?

Я показал ему карточку — другую, с моей профессией. Он положил губку на капот, а шланг — на цемент. Переступил через струйку воды, чтобы вытереть руки об полотенце, висевшее на двери гаража. Выудил из кармана штанов спичку, чиркнул ею и, откинув назад голову, прикурил потухший окурочок.

Лисьи глазки беспокойно бегают. Зашел за машину и кивнул мне головой. Я последовал за ним.

— Как у нас дела с деньжатами? — спросил он тихим, вкрадчивым голоском.

— Куры не клюют.

— За пятерку я готов начать думать.

— Боюсь, это будет тебе не по силам.

— А за десятку спою, как четыре канарейки под гитару.

— Не люблю хорового пения.

— Кончай хохмить, — он исподлобья взглянул на меня.

— Не хочу, чтобы ты потерял работу, сынок. Меня интересует только одно: миссис Морни дома? Это стоит больше доллара?

— За меня не беспокойся, приятель. Я — на хорошем счету.

— У Морни или у кого-нибудь еще?

— Так я тебе и ответил всего за один доллар.

— За два.

— А ты случаем не на него работаешь? — он подозрительно осмотрел меня.

— Вот именно.

— Врешь.

— Вот именно.

— Давай два доллара, — выпалил он.

Я дал.

— Она в саду за домом, с дружкой, — сказал он. — Дружок что надо. Главное, чтобы муж работал, а хахаль — нет, — и тогда полный порядок, верно?

Он подмигнул.

— Смотри, как бы тебя в сточной канаве не утопили.

— Это меня-то? Нет, я не такой дурак. Знаю их как облупленных. Всю жизнь за нос водил.

Потер две долларовые бумажки между ладонями, подул на них, сложил в длину и в ширину и спрятал в кармашек от часов.

— Но это еще цветочки, — сказал он. — Если накинешь пятерку...

Довольно крупный светлый кокер-спаниель бросился к «кадиллаку», слегка поскользнулся на мокром цементе, легко взмыл в воздух, ткнулся мне в живот всеми четырьмя лапами, облизал лицо, рухнул на землю, обежал вокруг, уселся у меня под ногами, высунул язык, и тяжело задышал.

Я переступил через него, облокотился на машину и вынул носовой платок.

— Хитклиф! Хитклиф! — позвал мужской голос. На бетонной дорожке послышались шаги.

— Хитклиф здесь, — угрюмо отозвался шофер.

— Хитклиф?

— Ну да, собаку зовут Хитклиф, неужели непонятно?

— «Грозовой перевал»? — спросил я.

— Опять околесицу несешь, — хмыкнул он. — Тихо! Идет!

Взял губку и шланг и снова стал мыть машину. Я отошел в сторону. Проклятый пес тут же опять сунулся мне под ноги, так что я чуть не упал.

— Эй! Хитклиф! — еще громче позвал мужской голос, и в проходе

между отгороженными решеткой кустами роз появился человек.

Высокий, смуглый, с гладкой оливковой кожей, блестящими черными глазами, ослепительно белыми зубами. Баки. Узкие черные усики. Баки очень длинные, слишком длинные. Белая рубашка с вышитыми на кармане инициалами, широкие белые брюки, белые туфли. На худом загорелом запястье наручные часы с золотой цепочкой. Вокруг тонкой бронзовой шеи желтый шейный платок.

Увидел, что собака сидит у меня в ногах, и это ему не понравилось. Щелкнул длинными пальцами и четким, резким голосом бросил:

— Ко мне, Хитклиф!

Собака тяжело дышала и не шевелилась, только еще тесней прижалась к моей правой ноге.

— Кто такой? — спросил он, пристально посмотрев на меня.

Я протянул ему визитную карточку. Оливковые пальцы взяли ее. Собака потихоньку выбралась у меня из-под ног, обогнула машину спереди и скрылась.

— Марло, — сказал он. — Марло, да? Детектив? Что вам надо?

— Повидать миссис Морни.

Он оглядел меня с ног до головы, блестящие черные глаза из-под пушистых длинных ресниц медленно скользили по мне:

— Разве вам не сказали, что ее нет?

— Сказали, но я не поверил. Вы мистер Морни?

— Нет.

— Это мистер Венниер, — процедил у меня за спиной шофер, вызывающе растягивая слова. — Мистер Венниер — друг дома. Частенько у нас бывает.

Венниер посмотрел мимо меня, глаза у него злобно вспыхнули. Шофер вышел из-за машины и с презрительной миной небрежно выплюнул изо рта окурок:

— Я сказал сыщику, что хозяина нет, мистер Венниер.

— Понятно.

— Сказал, что дома только миссис Морни и вы. Не надо было?

— Нечего лезть не в свое дело, — сказал Венниер.

— Черт, как же это я не сообразил, — сказал шофер.

— Убирайся, пока я не свернул тебе шею, мерзавец, — сказал Венниер.

Шофер спокойно посмотрел на него, скрылся в гараже и опять начал насвистывать. Венниер перевел злобный взгляд на меня и бросил:

— Вам, кажется, было ясно сказано, что миссис Морни нет дома, но

этого недостаточно, не так ли? Иными словами, такая информация вас не устраивает.

— Если иными словами, то не устраивает.

— Ясно. Так вот, не могли бы вы потрудиться сказать, что именно вы хотели обсудить с миссис Морни?

— Я бы предпочел объяснить это самой миссис Морни.

— А вам не приходит в голову, что она не желает вас видеть?

— Смотри в оба, приятель, — раздался из-за машины голос шофера. — У него может быть нож в правой руке.

Оливковая кожа Венниера приобрела оттенок сухих водорослей. Он повернулся на каблуках и сдавленным голосом уронил:

— Идите за мной.

Прошел кирпичной дорожкой между кустами роз к белой калитке. За ней находился обнесенный стеной внутренний сад: густо засаженные яркими однолетними цветами клумбы, площадка для бадминтона — уютная, выложенная дерном лужайка, и маленький, отделанный кафелем бассейн, злобно сверкавший на солнце. Перед бассейном, на выложенной плитняком полянке, бело-голубая садовая мебель: низкие столы с пластмассовыми крышками, шезлонги с откидными спинками, подставками для ног и громадными подушками, а над ними бело-голубой зонт размером с шатер.

В одном из шезлонгов, закинув длинные ноги на подставку, нежилась роскошная блондинка. У ее локтя стояли высокий запотевший стакан, серебряное ведерко со льдом и бутылка шотландского виски. Шагов с десяти от нее нельзя было оторвать глаз, а с трех уже можно: рот слишком широкий, глаза слишком голубые, косметика чересчур яркая, тонкие дуги бровей, довольно нелепых по кривизне и размаху, а ресницы покрыты таким густым слоем туши, что напоминали миниатюрную чугунную ограду.

Белые широкие брюки, бело-голубые открытые сандалии на босу ногу, малиновый педикюр, белая шелковая блузка и бусы из зеленых камней — никак не изумрудов. Прическа роскошная — как обстановка ночного клуба.

На стуле рядом белая соломенная шляпа с белой атласной лентой и полями величиной с запасное колесо. На шляпе зеленые солнечные очки со стеклами, словно олады.

— Давно пора выгнать этого твоего паршивого красноглазого шофера! — крикнул, подходя к ней, Венниер. — А то смотри, я сверну ему шею. Хамит на каждом шагу.

Блондинка кашлянула, встряхнула носовым платком — просто так — и

сказала:

— Сядь и остуди свой сексуальный пыл. Кто это с тобой?

Венниер стал искать мою карточку, обнаружил, что держит ее в руке, и бросил карточку ей на колени. Блондинка лениво подняла ее, пробежала по ней глазами, потом — по мне, вздохнула и постучала длинным ногтем по зубам:

— Что, испугался?! Один, я вижу, справиться не можешь.

Венниер злобно посмотрел на меня:

— Ладно, сама с ним разбирайся.

— Можно мне сказать? — спросил я. — Или будем разговаривать через переводчика?

Блондинка рассмеялась. Нежный, серебристый смешок, сильно смахивающий на грохот морского прибора.

Венниер сел и закурил сигарету с золотым фильтром. Я стоял и смотрел на них.

— Ищу вашу знакомую, миссис Морни, — начал я. — Насколько мне известно, около года назад вы вместе снимали квартиру. Ее зовут Линда Конквест.

Ресницы Венниера вздрагивали: вверх-вниз, вверх-вниз. Он повернул голову к бассейну. У воды сидел кокер-спаниель Хитклиф и косился на нас одним глазом.

Венниер щелкнул пальцами:

— Хитклиф! Хитклиф! Ко мне, дружок!

— Замолчи, — сказала блондинка. — Собака тебя не переносит. Ради бога, угомонись ты наконец.

— Смени тон, — огрызнулся Венниер.

Блондинка хихикнула и окинула его томным взглядом.

— Я ищу девушку по имени Линда Конквест, миссис Морни, — повторил я.

— Слышала, — сказала блондинка, взглянув на меня. — Просто пытаюсь вспомнить, когда мы с ней последний раз виделись. По-моему, не менее полугода назад. Она вышла замуж.

— Вы не встречались полгода?

— Говорю же, нет, шеф. А зачем она вам?

— Веду одно дело.

— Какое?

— Частное.

— Видали? — оживилась блондинка. — Он ведет частное дело! Слышишь, Лу? Выходит, раз ведешь частное дело, можно сваливаться на

голову совершенно незнакомым людям, которые знать тебя не желают.

— Так вам не известно, где она, миссис Морни?

— Конечно, нет! — она слегка повысила голос.

— Но вы говорили, что не видели ее с полгода. Это не совсем одно и то же.

— Кто вам сказал, что мы с ней снимали квартиру? — резко спросила блондинка.

— Я никогда не выдаю источника информации.

— Из такого зануды, как вы, получился бы отличный продюсер. Я ему все расскажи, а он мне — ничего.

— В отличие от продюсера я выполняю указания своего клиента. Ведь у Линды Конквест нет оснований скрываться?

— А кто ее разыскивает?

— Родители.

— Так я и поверила. Нет у нее никаких родителей.

— Вот видите, об этом вы знаете.

— Может, раньше и знала. Это не значит, что знаю теперь.

— Ясно, — сказал я. — Ваш ответ: знаю, но не скажу.

— Убирайтесь отсюда, — неожиданно вмешался Венниер, — и чем скорей, тем лучше. Вот наш ответ.

Я продолжал смотреть на миссис Морни. Она подмигнула мне и сказала Венниеру:

— Не кипятись, дорогой. С шармом у тебя все в порядке, а вот силенок не хватает. На грубую работу ты не годишься. Верно я говорю, шеф?

— Об этом я не подумал, миссис Морни, — ответил я. — Как вы считаете, мистер Морни мог бы помочь мне? И стал бы?

— Откуда я знаю? — она покачала головой. — Попробуйте. Если вы ему не понравитесь, его ребята быстро с вами разберутся.

— По-моему, вы могли бы сами мне рассказать, если бы хотели.

— А что мне за это будет? — она кокетливо взглянула на меня.

— Боюсь, ничего: слишком много народу кругом.

— И то правда, — согласилась она и, отхлебнув виски, посмотрела на меня поверх стакана.

Венниер медленно встал. Его лицо побелело. Сунул руку под рубашку и процедил сквозь зубы:

— Убирайся отсюда. Пока жив.

Я сделал большие глаза.

— А еще воспитанный человек, — сказал я. — Только не рассказывайте мне, что у вас под рубашкой пистолет.

Блондинка рассмеялась, показав ровные, крепкие зубы. Венниер запустил руку за пазуху и сжал губы. Взгляд черных глаз злобный и одновременно пустой — как у змеи.

— Я ведь повторять не буду, — сказал он почти ласково. — Со мной шутки плохи. Пристрелю — не заметишь как. Никто не узнает.

Я взглянул на блондинку. Она смотрела на нас блестящими глазами, жадно приоткрыв чувственный рот.

Я повернулся и пошел прочь. На полпути остановился и посмотрел на них. Венниер стоит в том же положении, спрятав руку за ворот рубашки. Блондинка по-прежнему сидит с широко раскрытыми глазами и застывшей улыбкой на губах, но тень от зонта скрывает выражение ее лица — то ли испуганного, то ли предвкушающего удовольствие.

Я прошел по лужайке, через белую калитку, по кирпичной дорожке, обсаженной розами. Дойдя до конца дорожки, повернулся и тихо пошел назад к калитке. Потом еще раз взглянул на них. Сам не знаю зачем.

Буквально оседлав блондинку, Венниер целовал ее.

Я покачал головой и вернулся к дому.

Красноглазый шофер все еще занимался «кадиллаком». Теперь, помыв его, он протирал большой замшевой тряпкой стекла и молдинги. Я подошел к нему.

— Ну как, досталось? — спросил он углом рта.

— Не говори. Еле ноги унес, — ответил я.

Он кивнул, продолжая насвистывать, как конюх, который чистит лошадь.

— Ты с ним поосторожнее, — сказал я. — Он вооружен. Или делает вид.

— Пистолет под рубашкой? — шофер хмыкнул. — Брось заливать.

— А кто этот Венниер? Чем он занимается?

Шофер выпрямился, повесил замшевую тряпку на дверцу и вытер руки полотенцем, которое теперь торчало у него из-за пояса.

— Женщинами, чем же еще, — сказал он.

— А с этой — не рискованно?

— Возможно, — согласился он. — Кому как. Я бы не стал.

— Где он живет?

— Шермен-Окс. Она туда к нему ездит. Доездится.

— Тебе когда-нибудь встречалась девушка по имени Линда Конквест? Высокая, темноволосая, красивая, раньше была эстрадной певицей?

— Ты, я смотрю, за два доллара многого хочешь, приятель.

— Где два, там и пять.

Он покачал головой:

— Не знаю такой. Не слышал этого имени. Сюда много девиц ездит, в основном фифы всякие. Меня с ними не знакомят, — он ухмыльнулся.

Я вынул из бумажника трешку и вложил в его маленькую потную лапку. И свою визитную карточку.

— Люблю невысоких крепко сбитых ребят, — сказал я. — Таким море по колено. Заходи как-нибудь.

— Можно. Спасибо. Линда Конквест, говоришь? Буду иметь в виду.

— Счастливо, — сказал я. — Как тебя зовут?

— Называют Плутом. Сам не знаю почему.

— Пока, Плут.

— Пока. Говоришь, он под рубашкой пушку носит? Никогда не поверю.

— Не знаю. Во всяком случае, руку под мышку сунул. Меня не за тем нанимали, чтобы с первым встречным перестреливаться.

— Да у него на рубашке еще две пуговицы сверху. Сам видел. Неделя пройдет, пока он свою пушку вынет. — Но в голосе звучала тревога.

— Значит, блефовал, — отозвался я. — Если что-нибудь услышишь про Линду Конквест, дай знать — за мной не пропадет.

— Договорились, приятель.

Я пошел к воротам по черной асфальтовой аллее. А он стоял и скреб подбородок.

Я медленно ехал по улице, выискивая, где бы поставить машину. Решил на минуту подняться к себе в контору, а потом уже двигаться дальше в центр.

Шагах в десяти от моего дома, перед табачным магазином, от тротуара отъехал «паккард». Я скользнул на его место, запер машину и вышел. И тут только заметил, что рядом стоит мой старый знакомый — двухместный автомобиль песочного цвета. Впрочем, вовсе не обязательно тот самый. Таких тысячи. Человека в соломенной шляпе цвета какао с желто-коричневой лентой ни в нем, ни рядом не было.

Обошел машину спереди и заглянул внутрь. Пусто. На всякий случай записал на конверте номер машины и вошел к себе в подъезд. Ни в вестибюле, ни в коридоре наверху его не было.

Зашел в контору, поискал под дверью на полу почту, не нашел, промочил горло из «служебной» бутылки и вышел. Времени до трех часов оставалось в обрез.

Двухместный автомобиль песочного цвета по-прежнему торчал на стоянке против дома и по-прежнему пустовал. Я сел в свою машину, включил мотор и влился в поток транспорта.

Он догнал меня только под Сансет-он-Вайн. Я ехал, улыбался и размышлял, где же он так ловко спрятался. Может, в соседней машине? Это не пришло мне в голову.

Я свернул на Третью улицу и поехал по ней в центр города. Двухместный все время держался от меня в трехстах футах. Я миновал Севент-энд-Грэнд, остановился возле Севент-энд-Олив, вышел купить совершенно ненужные мне сигареты и, не оборачиваясь, пошел по Седьмой улице на восток. В Спринге я вошел в отель «Метрополь», купил спичек в табачном киоске, напоминавшем по форме огромную подкову, и сел на старый, обитый кожей стул в холле.

В гостиную вошел блондин в коричневом костюме, темных очках и знакомой уже шляпе и, мелькая между пальмами в кадках и лепными сводами, как ни в чем не бывало двинулся к табачному киоску. Купил пачку сигарет и, открывая ее, как бы невзначай повернулся к стойке спиной, чтобы окинуть холл своим орлиным взором.

Взял сдачу, отошел от стойки и сел у колонны. Надвинул шляпу на темные очки и, казалось, уснул с незажженной сигаретой во рту.

Я встал, подошел и сел на стул рядом. Покосился на него. Он не шевелился. С близкого расстояния лицо еще совсем юное, полное, розовое, на плохо выбритом подбородке светлая щетина. За темными очками быстро вздрагивают ресницы. Рука на колене сжалась и смяла брючину. На щеке, под правым веком — бородавка.

Я зажег спичку и поднес к его сигарете:

— Огня?

— О, благодарю, — очень удивившись, сказал он. Втянул в себя воздух и долго прикуривал. Я потушил спичку, бросил ее в урну и стал ждать. Прежде чем заговорить, он несколько раз искоса взглянул на меня.

— Я вас уже где-то видел?

— В Пасадене, на Дрезден-авеню. Сегодня утром.

Щеки еще больше порозовели. Он вздохнул.

— Олух я, — сказал он.

— Еще какой, — согласился я.

— А все из-за этой шляпы, — сказал он.

— Пожалуй, — сказал я. — Но и без шляпы тоже хорош.

— В этом городе трудно работать, — с грустью сказал он. — Пешком нельзя, на такси никаких денег не хватит, а собственной машины, когда надо, никогда нет под рукой. Вот и попадаешься на глаза.

— Вы бы у меня в кармане спрятались, — сказал я. — Вам что-то от меня надо или просто тренируетесь?

— Это будет зависеть от вашей сообразительности. Посмотрим, стоит с вами иметь дело или нет.

— Очень даже стоит, — заверил его я. — Сообразительней меня не найдете.

Он внимательно осмотрелся по сторонам — разве что под наши стулья не заглянул, — и только тогда достал небольшой бумажник из свиной кожи. Извлек оттуда совершенно новенькую визитную карточку и вручил мне. Я прочел: «Джордж Энсон Филлипс. Частный детектив. Сенегер-билдинг 212, Норт-Уилкокс-авеню 1924, Голливуд». Ниже — номер телефона. В верхнем левом углу изображен открытый глаз с очень длинными ресницами и вздернутой от удивления бровью.

— Не годится, — сказал я, указывая на глаз. — Это эмблема Пинкертона. Они подадут на вас в суд.

— Господи! — воскликнул он. — Разве я могу составить им конкуренцию?!

Я поковырял карточку ногтем, попробовал ее на зуб и сунул в карман.

— Дать вам свою или вы уже собрали на меня досье?

— Я все про вас знаю, — сказал он. — Я был помощником шерифа в Вентуре, когда вы занимались делом Грегсона.

Грегсон был мошенником из Оклахома-Сити, за ним в течение двух лет по всем Соединенным Штатам охотилась одна из его жертв, пока наконец он со страху не пристрелил рабочего на заправочной станции, который принял его за своего знакомого. Давно это было.

— Что вы еще обо мне знаете?

— Я вспомнил ваше имя, когда увидел его сегодня утром под стеклом на водительском талоне. Поэтому, потеряв вас из виду по дороге в город, я без труда узнал ваш адрес. Хотел зайти поговорить, но решил, что не имею права выдавать своего клиента. Ну а сейчас просто не удержался.

Еще один зануда. Третий за сегодняшний день, не считая миссис Линду Мердок, которая тоже вполне может оказаться занудой.

Он снял очки, протер их, снова надел и опять осмотрелся по сторонам. А потом сказал:

— Вот я и подумал, почему бы нам не договориться. Объединить, так сказать, наши усилия. Я видел человека, который входил к вам в контору, и решил, что он ваш клиент.

— Вы знаете его?

— Я за ним слежу, — сказал он упавшим голосом. — И пока совершенно безуспешно.

— Что он вам сделал?

— Понимаете, я работаю на его жену.

— Развод?

Он внимательно огляделся и сказал вполголоса:

— Так она говорит. Но я не уверен.

— Они оба хотят развода, — сказал я. — И стараются уличить друг друга. Забавно, правда?

— Моя роль в этом деле меня не очень устраивает. Время от времени за мной следит один человек. Очень высокий, с каким-то странным глазом. Я ухожу от него, но через некоторое время он возникает снова. Огромного роста. Как каланча.

Очень высокий, со странным глазом. Я задумчиво курил.

— Это что-нибудь вам говорит? — озабоченно спросил блондин.

— Нет, ничего, — я покачал головой и бросил сигарету в урну. Посмотрел на часы. — Надо бы встретиться и спокойно все обсудить, но сейчас мне некогда. У меня свидание.

— Я бы с радостью, — сказал он. — Честное слово.

— Так давайте. Можно у меня — в конторе или дома, можно у вас. Как

хотите.

Он поскреб плохо выбритый подбородок обкусанным ногтем большого пальца.

— У меня дома, — сказал он наконец. — В телефонной книге нет моего домашнего адреса. Дайте на минутку мою карточку.

Он положил визитную карточку на ладонь обратной стороной кверху, достал металлический карандаш и начал медленно писать, высунув кончик языка. Молодеет прямо на глазах. Казалось, сейчас ему немногим более двадцати, хотя не могло не быть больше, ведь со времен дела Грегсона прошло уже шесть лет.

Спрятал карандаш и вернул мне карточку. На ней написано: Корт-стрит 128, Флоренс-апартаментс, комната 204.

— Корт-стрит в Банкер-Хилле? — я с удивлением посмотрел на него.

Он кивнул, и его светлая кожа залилась краской.

— Место неважное, — быстро проговорил он. — Но в последнее время я, как назло, сижу без денег. Вы не хотите у меня встретаться?

— Да нет, почему же — мне все равно.

Я встал и протянул ему руку. Он пожал ее, я опустил руку в карман пиджака и вытер ладонь об носовой платок. Присмотревшись внимательнее, я увидел, что над верхней губой и на носу у него выступили капли пота. А ведь было не так уж жарко.

Я отошел, но потом вернулся и, подойдя к нему вплотную, спросил:

— Если честно, она — высокая блондинка с легкомысленным взглядом?

— Я бы не назвал ее взгляд легкомысленным, — сказал он.

— Между нами говоря, — я придвинулся еще ближе, — вся эта история с разводом абсолютная чушь. Не в разводе дело.

— По-моему, тоже, — тихо сказал он. — И чем больше я думаю об этой истории, тем меньше она мне нравится. Держите.

Он что-то вытащил из кармана и сунул мне в руку. Плоский ключ.

— Чтобы не ждать в холле, если меня почему-то не будет дома. У меня их два. Когда вы придете?

— Теперь уже не раньше половины пятого. Вы не раздумали давать мне ключ?

— Конечно, нет, ведь мы теперь заодно, — сказал он, бесхитростно посмотрев на меня, во всяком случае, так мне показалось, хотя, конечно, за темными очками глаз его видно не было.

У самого выхода я обернулся. Мирно сидит на том же месте с погасшим окурком во рту и в шляпе с нелепой желто-коричневой лентой.

Своим спокойным видом напоминает в этот момент рекламу сигарет на последней странице журнала «Сатердей ивнинг пост».

Выходит, мы теперь заодно. И он уверен, что я его не надую. У меня ключ от его квартиры. Могу зайти, как к себе домой. Могу надеть его домашние туфли, выпить его виски, поднять его ковер и пересчитать спрятанные под ним тысячи. Ведь мы теперь заодно.

Белфонт-билдинг — ничем не примечательное восьмизэтажное здание, затесавшееся между большим, выкрашенным в серо-зеленую краску универмагом уцененных товаров и трехэтажным гаражом, в котором ревели машины, словно львы во время кормления. В небольшом, узком, мрачном вестибюле грязно, как в хлеву. На доске со списком съемщиков много свободного места. Из всего списка я знал только одно имя, и то недавно. На противоположной стене, раскрашенной под мрамор, — большое объявление: «Сдается помещение под табачный киоск. Обращаться в комнату 316».

Из двух лифтов, похоже, работал только один, он как раз был свободен. В нем, подложив под себя сложенный кусок мешковины, на деревянном табурете сидел старик с водянистыми глазами и запавшей челюстью. Вид у него такой, как будто он сидит здесь с гражданской войны, которая не прошла для него бесследно.

Я вошел, сказал «Восьмой», он с усилием захлопнул дверцы, завел свою колымагу, и мы, покачиваясь, потащились наверх. Старик тяжело дышал, точно тащил лифт на собственном горбу.

Я вышел на восьмом этаже и пошел по коридору, а старик высунулся из кабины и пальцами высморкался в картонную коробку, доверху набитую мусором.

Кантора Элишы Морнингстара находилась в конце коридора, напротив пожарного хода. Две комнаты; на обеих дверях облупившейся черной краской по матовому стеклу написано: «Элиша Морнингстар. Нумизмат». На второй двери — «Вход».

Я повернул ручку двери и вошел в маленькую узкую комнату. Закрытая старенькая конторка секретарши, несколько стендов с тускло мерцающими в гнездах монетами, под каждой — пожелтевшая, отпечатанная на машинке этикетка, у стены в углу — два темных шкафа с картотекой, окна без занавесок и пепельно-серый ковер, такой потертый, что складки на нем можно заметить, только разве что споткнувшись об них.

За конторкой секретарши, возле шкафов с картотекой, открытая деревянная дверь во вторую комнату. В ней ощущалось присутствие человека, ничем в этот момент не занятого. Затем раздался сухой голос Элишы Морнингстара:

— Заходите. Прошу.

Я открыл дверь и вошел. Кабинет такой же маленький, но мебели гораздо больше. Сразу за дверью зеленый сейф. За ним, против входной двери, массивный старинный стол красного дерева, а на нем книги в темных переплетах, потрепанные журналы и толстый слой пыли. Спертый запах, несмотря на приоткрытое окно. На вешалке засаленная черная фетровая шляпа. Опять монеты в стеклянных стендах и три стола на длинных ножках под стеклянными крышками. Посреди комнаты громоздкий, темный, отделанный кожей письменный стол. На столе помимо обычных вещей ювелирные весы под стеклянным колпаком, две большие никелированные лупы и ювелирный окуляр на подушечке из потрескавшейся бычьей кожи рядом со смятым, желтым, закапанным чернилами шелковым носовым платком.

За столом на вращающемся стуле сидел пожилой джентльмен в темно-сером костюме с высокими лацканами и множеством пуговиц. Длинные, седые, свалывшиеся волосы спадают на уши. Над волосами, словно отмель из воды, виднеется бледная плешь. Из ушей растет пух, такой длинный, что в нем может запутаться муха.

Под колючими черными глазками набухли темно-фиолетовые мешки, испещренные морщинами и сосудами. Щеки лоснятся, а судя по цвету короткого острого носа, его обладатель в свое время любил пропустить стаканчик. Над стоячим воротничком, который не приняли бы ни в одной приличной прачечной, торчит массивный кадык, а из-под воротничка, словно мышонок из норки, выглядывает маленький крепкий узел узкого черного галстука.

— Моей юной секретарше пришлось отлучиться к зубному врачу, — сказал он. — Вы мистер Марло?

Я кивнул.

— Садитесь, прошу вас, — худая рука указала на стул напротив. Я сел. — Полагаю, у вас есть при себе какое-нибудь удостоверение личности?

Я предъявил. Пока он читал, я принохивался к нему через стол. От него исходил сухой, отдающий плесенью запах — как от чисто вымытого китайца.

Положил мою визитную карточку на стол лицевой стороной вниз и сложил на ней руки. Колючие черные глазки пытливо шарят по моему лицу.

— Итак, чем могу служить, мистер Марло?

— Расскажите мне про дублон Брешера.

— Ах, да. Дублон Брешера. Любопытная монета. — Поднял руки со стола и сложил пальцы пирамидой, как какой-нибудь старинный частный адвокат, который задумался над сложным вопросом. — В известном смысле

это самая интересная и ценная из всех старинных американских монет. Как вам, впрочем, хорошо известно.

— Не могу сказать, чтобы я был самым крупным специалистом в этой области.

— Вот как? — удивился он. — Вот как? Так вы хотите, чтобы я рассказал вам о ней?

— За этим я и пришел, мистер Морнингстар.

— Золотой дублон Брешера примерно соответствует двадцатидолларовой золотой монете. Размером он в полдоллара. Почти один к одному. Монета выпущена в обращение в 1787 году для штата Нью-Йорк. Это был частный выпуск: первый монетный двор появился только в 1793 году в Филадельфии. Дублон Брешера был, стало быть, отчеканен в домашних условиях. Ее изготовитель — частный ювелир по имени Эфраим Брешер, или Брешир. В литературе он известен как Брешир, а на монете стоит Брешер. Почему — сам не знаю.

Я сунул сигарету в рот и закурил — уж очень противно пахло в комнате.

— А как же, интересно, ее чеканили в домашних условиях?

— Обе половинки гравировались на стали, разумеется, в обратном виде, затем штемпеля сажались в свинец. Золотые кружки отжимались на них в монетном прессе. Потом их подрезали для подгонки к весу и приглаживали. Причем все вручную — гуртовальных машин в 1787 году не было.

— Затяжное, как видно, дело, — вставил я.

— Безусловно, — он кивнул своей остроконечной белой головой. — А поскольку в то время без деформации невозможно было добиться качественной закалки, матрицы изнашивались, и их приходилось время от времени восстанавливать, что всякий раз приводило к незначительным изменениям в рисунке, которые видны только под сильным увеличительным стеклом. Иными словами, если исходить из современных методов микроскопического исследования, нет ни одной пары совершенно идентичных между собой монет. Я ясно выражаюсь?

— Да, — сказал я. — Более или менее. Сколько таких монет существует теперь и какова их ценность?

Он разомкнул кончики пальцев, опять положил руки на стол и стал их потирать:

— Сколько их сейчас, я не знаю. Думаю, никто не знает. Несколько сот, тысяча, а возможно, и больше. Но из них лишь очень немногие так и не поступили в обращение и находятся в отличном состоянии. Такие монеты

обычно стоят не меньше нескольких тысяч. В настоящее время из-за девальвации доллара не поступавшая в обращение монета, попади она к опытному перекупщику, может легко принести десять тысяч, а то и больше. Разумеется, для этого необходимо знать историю монеты.

— А-а, — протянул я, медленно выпустив из легких дым и отмахнув его ладонью от сидевшего напротив старого джентльмена. Он явно не курил. — А без истории и опытного перекупщика — сколько?

Он пожал плечами:

— Если история монеты неизвестна, значит, она, скорее всего, приобретена незаконно. Украдена либо добыта обманным путем. Хотя и вовсе не обязательно. Иной раз редкие монеты оказываются в самых неожиданных местах. В допотопных железных сундуках, в тайниках старых домов Новой Англии. Но случается такое не часто, уверяю вас. Хотя и бывает. Я знаю одну очень ценную монету, которая во время реставрации старого дивана выпала у него из подкладки. Диван этот девяносто лет простоял в одной и той же комнате одного и того же дома в городе Фоллривер, штат Массачусетс. Никто не знал, как туда попала монета. Но в принципе всегда может возникнуть подозрение в краже. Особенно в здешних местах.

Отсутствующим взглядом вперился в потолок. Этот умеет хранить тайны — во всяком случае, свои собственные.

Перевел глаза на меня и сказал:

— С вас пять долларов.

— Что вы? — переспросил я.

— С вас пять долларов.

— За что?

— Не валяйте дурака, мистер Марло. Все, что рассказал вам я, можно было узнать в библиотеке. Прежде всего из «Описи» Фосдайка. Вы же предпочли обратиться ко мне. За это я и беру пять долларов.

— А что будет, если я не заплачу?

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. На губах играла легкая улыбка.

— Заплатите, — сказал он.

И я заплатил. Достал из бумажника пятерку, встал и, перегнувшись через стол, аккуратно положил ее перед ним. Погладил бумажку кончиками пальцев — как котенка.

— Вот пять долларов, мистер Морнингстар, — сказал я.

Он приоткрыл глаза и посмотрел на деньги. Улыбнулся.

— А теперь, — сказал я, — поговорим о том дублоне Брешера,

который вам пытались продать.

Он чуть шире открыл глаза:

— Разве кто-то пытался продать мне дублон Брешера? Зачем?

— Затем, что им нужны были деньги, — ответил я. — И они не хотели, чтобы им задавали слишком много вопросов. Они знали или выяснили, что вы занимаетесь монетами и что дом, в котором находится ваша контора, — грязная дыра, где может произойти все что угодно. Они знали, что ваш кабинет в самом конце коридора, что вы пожилой человек и не станете делать лишних движений — здоровье не позволяет.

— Что-то они у вас слишком много знали, — сухо сказал Элиша Морнингстар.

— Не больше, чем нужно для дела. Как и мы с вами. А выяснить все это ничего не стоит.

Он сунул мизинец в ухо, поковырял в нем и извлек оттуда комочек темной серы. Небрежно вытер палец о пиджак.

— И все это вы предположили только потому, что я позвонил миссис Мердок узнать, не продается ли дублон Брешера?

— Именно. Она тоже так решила. Ведь это вполне естественно. Как я уже говорил вам по телефону, вы не могли не знать, что монета не продается. Если хоть немного разбираетесь в деле. А вы, я вижу, разбираетесь, и очень неплохо.

Морнингстар слегка поклонился. Сдержал улыбку, но был явно польщен — как только может быть польщен джентльмен в стоячем воротничке.

— Допустим, вам предлагают приобрести эту монету при подозрительных обстоятельствах, — сказал я. — Вы захотите купить ее, если она обойдется вам дешево и если у вас есть деньги. Но вы захотите знать, откуда она. И даже если вы абсолютно уверены, что монета краденая, то все равно ее купите, если только за нее просят недорого.

— Вот как? — сказал он не без некоторого интереса.

— Разумеется, купите, если вы настоящий коммерсант. Во что я теперь вполне готов поверить. Покупая монету — за умеренную цену, — вы спасаете ее владельца или его доверенное лицо от полного краха. Они будут только рады возместить вам издержки. Так всегда делается.

— Значит, «Брешер» Мердока украден? — неожиданно выпалил он.

— Только не ссылайтесь на меня. Это тайна.

Теперь он запустил палец в нос. Поймал себя на этом. Поморщившись, резким движением выдернул волосок. Посмотрел его на свет. А потом вперился в меня:

— Так сколько же заплатит ваш доверитель, чтобы получить монету назад?

Я перегнулся через стол и хитро, как умею, прищурился:

— Тысячу. А сколько заплатили вы?

— Вам, я смотрю, молодой человек, палец в рот не клади. — Тут лицо его сморщилось, подбородок подпрыгнул, плечи затряслись, и из груди вырвался гортанный крик, какой испускает петух, впервые закукарекавший после тяжелой болезни.

Он смеялся.

Через некоторое время смех прекратился. Лицо разгладилось, и он опять уставился на меня своими черными, колючими, пытливыми глазками.

— Восемьсот долларов, — сказал Морнингстар. — Восемьсот долларов за старинный дублон Брешера, — он фыркнул.

— Прекрасно. Монета у вас? На этом вы заработаете двести долларов. Совсем неплохо. Быстрый оборот капитала, вполне приличная прибыль — и все довольны.

— Здесь монеты нет, — сказал он. — За кого вы меня принимаете? — Вынул из жилетного кармана старинные серебряные часы на черном брелоке. Скопил на них глаза: — Давайте встретимся завтра в одиннадцать утра. Не забудьте захватить деньги. Не знаю, смогу ли я завтра отдать вам монету, но, если будете себя хорошо вести, я сам все улажу.

— Договорились, — сказал я и встал. — Все равно мне надо будет принести деньги.

— Если можно, подержанными банкнотами, — мечтательно произнес он. — Лучше всего двадцатками, но, если случайно попадетсЯ бумажка в пятьдесят долларов, тоже ничего страшного.

Я хмыкнул и направился к двери. На полпути повернулся, пошел назад и перегнулся к нему через стол:

— Как она выглядела?

Удивился.

— Как выглядела девушка, которая продала вам монету?

Удивился еще больше.

— Хорошо, — сказал я. — Не девушка. У нее был помощник. Мужчина. Как выглядел мужчина?

Он сжал губы и опять построил из пальцев пирамиду:

— Мужчина средних лет, крупный, рост примерно пять футов семь дюймов, вес около ста семидесяти фунтов. Назвался Смитом. Синий костюм, черные туфли, зеленые рубашка и галстук, без шляпы. В нагрудном кармане коричневый носовой платок с каймой. Волосы темно-

каштановые с проседью. На макушке лысина величиной с доллар. На челюсти шрам с палец шириной. Кажется, слева. Да, слева.

— Неплохо. Как насчет дырки на правом носке?

— Не додумался снять с него туфли.

— Досадная оплошность.

Он промолчал. С любопытством и неприязнью, словно новые соседи, мы пялились друг на друга.

Рядом с ним на столе по-прежнему лежала моя пятерка. Я протянул руку и схватил ее.

— Теперь она вам не нужна, — пояснил я. — Раз счет идет на тысячи.

Улыбка мгновенно исчезла с его лица. Пожал плечами.

— Итак, завтра в одиннадцать утра, — сказал он. — И без глупостей, мистер Марло. Не думайте, что я не сумею себя защитить.

— Охотно вам верю, — сказал я, — раз торгуете динамитом...

Я вышел из кабинета, пересек пустую приемную, открыл входную дверь и тут же закрыл, не выходя наружу. Удаляющиеся по коридору шаги не помешали бы, но дверь в кабинет все равно закрыта, а на мне бесшумные туфли на каучуке. Надо надеяться, он обратил на них внимание. Ступая на цыпочках по потертому ковру, я прокрался к кабинету и спрятался между дверью и закрытой конторкой секретарши. Детский трюк, но иногда и он удается, особенно после долгих разговоров с взаимными уловками и подначками. Попытка не пытка. В случае неудачи опять начнем ехидничать — только и всего.

Трюк удался. Некоторое время было тихо, если не считать того, что он высморкался. Потом в полном одиночестве опять зашелся смехом больного петуха. Прочистил горло. Стул скрипнул, и послышались шаги.

Дверь приоткрылась, в комнату заглянула седая немытая голова. Застыла. Застыл и я. Затем голова исчезла, и на дверном косяке появились четыре грязных ногтя. Дверь закрылась, щелкнула и заперлась. Я облегченно вздохнул и приложил ухо к деревянной панели.

Опять скрипнул стулом. Затрещал диском, набирая номер телефона. Я рванул к аппарату на конторке и поднял трубку. На другом конце провода послышались гудки. Шесть гудков. Затем мужской голос сказал:

— Да?

— Флоренс-апартаментс?

— Да.

— Попросите мистера Энсона из комнаты 204.

— Подождите у телефона. Сейчас посмотрю.

Мы стали ждать. В трубку ворвался рев бейсбольного матча, который

транслировался по радио. Приемник находился не рядом с телефоном, но все равно шум был сильный.

Затем я услышал глухой звук приближающихся шагов, громкий треск в трубке и голос:

— Его нет. Что-нибудь передать?

— Я перезвоню, — сказал мистер Морнингстар.

Я быстро положил трубку, метнулся к двери, бесшумно открыл ее и столь же бесшумно прикрыл, в последний момент взяв дверь на себя, так что щелчка собачки невозможно было услышать даже на расстоянии нескольких шагов.

Тяжело дыша, прошел по коридору и, прислушиваясь к себе, нажал кнопку лифта. Достал визитную карточку, которую дал мне в холле гостиницы «Метрополь» мистер Джордж Энсон Филлипс. Заглядывать в карточку не имело никакого смысла. Адрес я помнил и так: Корт-стрит 128, Флоренс-апартаментс, комната 204. Я просто стоял и ковырял карточку ногтем, пока из шахты, запыхавшись, не выполз старый лифт, который тархтел, точно тяжелый грузовик на крутом повороте.

Было без десяти четыре.

Банкер-Хилл — старый город, гиблый город, жалкий город, подлый город. Когда-то, очень давно это был богатый, привилегированный район Лос-Анджелеса. И сейчас еще в нем сохранилось несколько ажурных готических особняков с массивным крыльцом, обитыми дранкой стенами и высокими угловыми эркерами с витыми башенками. Теперь здесь меблированные комнаты. Некогда до блеска натертый паркет давно потрескался и поизносился, а широкие, просторные лестницы потемнели от времени и дешевого лака, которым покрывали десятилетиями собирающуюся грязь. В комнатах с высокими потолками унылые хозяйки препираются с изворотливыми съемщиками. На просторных, прохладных галереях, выставив на солнце разбитые башмаки и уставившись в пустоту, сидят старики — как остатки разбитой армии.

В старых домах и вокруг них разместились грязные забегаловки, итальянские фруктовые лотки, убогие жилища и кондитерские лавчонки, где продается кое-что похуже дешевых конфет. Попадаются и кишасщие крысами гостиницы, где все постояльцы записываются Смитами и Джонсами, а ночной портье совмещает обязанности полицейского осведомителя и сводника.

Из многоквартирных домов выходят женщины, которые были бы молоды, если бы не лица цвета перестоявшегося пива; мужчины с нахлобученными шляпами и бегающими глазами, — косятся по сторонам из-под руки, прикрывающей зажженную спичку; изнуренные интеллектуалы с сухим кашлем и пустым кошельком; осторожные полицейские с гранитными лицами и пристальным взглядом; наркоманы и торговцы наркотиками; лица без определенных занятий и взглядов; есть и такие, кто каждый день ходит на работу. Но из дому они уходят рано, когда широкие растрескавшиеся тротуары еще пусты и влажны от росы.

Я приехал немного раньше половины пятого. Поставил машину в конце улицы, где по глинистой насыпи от Хилл-стрит тянется фуникулер, и прошел по Корт-стрит к доходному дому Флоренс-апартаментс. Фасад из темного кирпича, три этажа, нижние окна на уровне тротуара, на них ржавые жалюзи и грязные тюлевые занавески. На входной двери под стеклом — предлинный список жильцов. Я вошел и спустился по трем окантованным медью ступеням в коридор, такой узкий, что, расставив руки, касаешься стен. Неразборчивые цифры на темных дверях. У

подножия лестницы, в нише, телефон-автомат. Табличка: «Управляющий. Комната 106». В конце коридора, за прозрачной дверью, в проулке четыре высоких старых мусорных бака, над которыми в залитом солнцем воздухе вьются мухи.

Я поднялся по лестнице. Приемник по-прежнему надрывался бейсболом. Пошел по коридору, читая номера на дверях. Комната 204 справа, а радио — как раз напротив. Постучал, никто не ответил. Постучал громче. У меня за спиной под рев стадиона атаковали три игрока из команды «Доджерс». Постучал в третий раз и, пока лез в карман за ключом, который дал мне Джордж Энсон Филлипс, выглянул в окно.

На противоположной стороне улицы — итальянское похоронное бюро. Небольшое, скромное, незаметное здание, светлые кирпичи в тон тротуара. Тонкие зеленые буквы неоновой вывески чинно выстроились над входом. Похоронная контора Пьетро Палермо. Из подъезда вышел и облокотился о белую стену высокий мужчина в темном. Издали очень хорош собой. Смуглая кожа и красивая голова с зачесанными назад пепельными волосами. Достал из кармана, насколько я мог различить, серебряный или платиновый с черной эмалью портсигар, лениво открыл его и двумя длинными загорелыми пальцами извлек оттуда сигарету с золотым фильтром. Убрал портсигар и закурил от карманной зажигалки — такой же роскошной, как портсигар. Спрятал зажигалку, сложил на груди руки и застыл, полузакрыв глаза. Над его головой с кончика неподвижной сигареты подымалась тонкая прямая струйка дыма — как от тлеющего походного костра на рассвете.

У меня за спиной опять просвистела бита и взревел стадион. Я отвернулся от стоящего под окном высокого итальянца, сунул ключ в замочную скважину и вошел в дверь под номером 204.

Квадратная комната, на полу коричневый ковер, пустовато и неуютно. Со стены над диваном-кроватью на меня пялилось кривое, как всегда в таких местах, зеркало, в котором я был похож на накурившегося марихуаны доходягу. Рядом с чем-то, отдаленно напоминающим зачехленный диван, — мягкое кресло. На столе у окна — лампа с бумажным сборчатым абажуром. По обе стороны от кровати — двери.

Левая дверь вела в крошечную кухню с эмалированной раковиной, трехконфорочной плитой и старым холодильником, который, только я ступил на порог, щелкнул и забился в конвульсиях. В раковине свалена немытая посуда: грязная чашка, обгоревшая корка, хлебные крошки на деревянной дощечке, на блюде желтый налет растаявшего масла, испачканный нож и эмалированный кофейник, от которого несло гнилой

мешковиной.

Я вернулся в комнату, обогнул диван-кровать и вошел в правую дверь. За нею небольшая прихожая с открытым гардеробом и встроенным шкафчиком. На шкафу — расческа и черная щетка с застрявшими в ней светлыми волосами. Тут же баночка с тальком, карманный фонарик с треснувшим стеклом, пачка почтовой бумаги, ручка с открытым пером, пузырек чернил на промокательной бумаге, сигареты и спички в стеклянной пепельнице с несколькими окурками.

На полках шкафа разбросаны носки, белье и носовые платки — все это без труда уместилось бы в одном чемодане. На плечиках темно-серый костюм, а под ним на полу пара довольно пыльных черных башмаков.

Я толкнул дверь в ванную. Она приоткрылась примерно на фут и застряла. У меня защекотало в носу, губы застыли, и я почувствовал идущий изнутри неприятный, терпкий запах. Налег на дверь. Она поддавалась, но не намного, как будто кто-то держал ее. Я просунул голову в щель.

На полу ванной комнаты он не помещался, поэтому ноги были согнуты в коленях и беспомощно разбросаны, а голова запрокинулась на деревянный плинтус, тесно к нему прижимаясь. Коричневый костюм немного помялся, а из нагрудного кармана косо торчали темные очки. Как будто теперь они были нужны! Правая рука лежала на животе, а левая — на полу, ладонью вверх, с согнутыми пальцами. На правом виске под светлыми волосами багровел кровоподтек. Открытый рот залит яркой, малиновой кровью.

Дверь держала его нога. Я нажал посильнее и с трудом протиснулся внутрь. Наклонился и провел пальцами по его шее, нащупывая сонную артерию, но не нащупал. Кожа ледяная. Так, по крайней мере, мне показалось. Я выпрямился, прислонился спиной к двери, сунул в карманы стиснутые в кулак руки и почувствовал едкий запах пороха. Бейсбол еще продолжался, но за двумя закрытыми дверями радио почти не было слышно.

Я стоял и смотрел на него. Теперь тебе от него никакого толку, Марло, абсолютно никакого. Нечего тебе здесь больше делать. Ты даже не знал его. Уходи отсюда, и поскорей.

Я отодвинулся от двери, открыл ее и через коридор вернулся в комнату. На меня глянуло лицо в зеркало. Напряженное, перекошенное лицо. Я поспешно отвернулся, вынул плоский ключ, который дал мне Джордж Энсон Филлипс, потер его во влажных ладонях и положил под лампу.

Выходя, протер внутреннюю и внешнюю ручки двери. Шла первая

половина восьмого тайма, «Доджеры» вели со счетом семь — три. Сильно подвыпившая женщина голосом, которому виски явно не пошло на пользу, горланила блатной вариант «Фрэнни и Джонни». Низкий мужской голос велел ей заткнуться, но она продолжала петь. За дверью напротив слышались быстрые шаги, раздался звук удара, визг, пение смолкло, а репортаж шел своим чередом.

Я сунул в рот сигарету, закурил, спустился по лестнице и в полутьме остановился перед указателем: «Управляющий. Комната 106».

Черт меня дернул смотреть на этот указатель. Целую минуту я простоял перед ним, грызя сигарету.

Повернулся и пошел в конец коридора. На маленькой эмалированной табличке значилось: «Управляющий». Я постучал в дверь.

Стул отодвинулся, зашаркали ноги, дверь открылась.

— Вы управляющий?

— Ну. — Тот же голос, что отвечал по телефону Морнингстару.

В руке пустой грязный стакан. Как будто в нем разводили червей. Долговязый тип с короткими, зачесанными на лоб огненно-рыжими волосами. Длинная узкая голова с худосочными мозгами мелкого жулика. Зеленые глаза под оранжевыми бровями. Большие уши, наверное, хлопают на ветру. Длинный нос, из тех, что всюду суется. Вышколенное лицо, лицо, умеющее хранить тайны, невозмутимое, как у трупа в морге.

Без пиджака, жилет расстегнут, плетеный ремешок карманных часов, синие нарукавные резинки с металлическими клипсами.

— Мистер Энсон? — спросил я.

— Двести четвертая.

— Его нет.

— Что ж мне теперь — на уши встать?

— Неплохая мысль, — сказал я. — Каждый день на ушах стоишь, а сегодня что, выходной?

— Ишь ты, — сказал он, — шутник. — И стал закрывать дверь. Потом опять приоткрыл и добавил: — Пойди проветришься. Проваливай. Живо. — Выговорился и опять стал закрывать дверь.

Я нажал на дверь со своей стороны, он — со своей. Наши лица почти соприкасались.

— Пять долларов, — сказал я.

Подействовало. Рывком распахнул дверь, и мне пришлось быстро шагнуть вперед, чтобы не врезаться головой ему в подбородок.

— Входи, — сказал он.

Такая же комната с креслом-кроватью у стены, все совпадает до мелочей, вплоть до сборчатого бумажного абажура и стеклянной пепельницы. Ярко-желтые стены. На них для полноты картины не хватало только нескольких жирных черных пауков.

— Садись, — сказал он, закрывая дверь.

Я сел. Мы смотрели друг на друга чистыми, невинными глазами продавцов подержанных машин.

— Пива? — спросил он.

— Не откажусь.

Он открыл две банки, наполнил грязный стакан, который держал в руке, и потянулся за другим, таким же. Я сказал, что буду пить из банки. Он протянул ее мне.

— Десять центов, — сказал он.

Я дал ему десять центов.

Не спуская с меня глаз, опустил монетку в карман жилета. Подвинул стул, сел, расставив острые колени и уронив между ними свободную руку.

— Очень нужны мне твои пять долларов, — сказал он.

— Не хочешь как хочешь. Целее будут.

— Больно умный. Зачем мне твои деньги? У нас здесь место солидное. Живем тихо, не шалим.

— Это точно. Так тихо, что слышно, как орлы на крыше кричат.

Широко улыбнулся. Во весь рот.

— Меня не рассмешишь, — сказал он.

— Как и королеву Викторию.

— Не понял.

— Чудес не бывает.

Наш бессмысленный разговор действовал на меня освежающе; грубые, колкие остроты поднимали настроение.

Я достал бумажник и вынул визитную карточку. На ней было написано: «Джеймс Б. Поллок. Компания по возмещению материального ущерба. Выездной агент». Попытался вспомнить, как выглядит этот Джеймс Б. Поллок и где мы встречались. Так и не вспомнил. Вручил карточку рыжему.

Рыжий изучил ее и почесал углом карточки кончик носа.

— Он что, украл деньги? — спросил рыжий, не сводя с меня своих зеленых глаз.

— Драгоценности, — ответил я и махнул рукой.

Рыжий задумался. А я тем временем пытался понять, обеспокоен ли он. Не похоже.

— Попадают у нас и такие, — признал он. — Что делать. По нему не скажешь — вроде бы на вид тихий.

— Может, у меня неверные сведения, — сказал я. И стал описывать ему Джорджа Энсона Филлипса, живого Джорджа Энсона Филлипса в коричневом костюме, темных очках, соломенной шляпе цвета какао с желто-коричневой ситцевой лентой. Интересно, куда делась шляпа? В квартире ее не было. Не иначе, как он избавился от нее, посчитав, что шляпа слишком бросается в глаза. Как будто мало светлых волос!

— Ну что, он?

Рыжий с ответом не торопился. Наконец утвердительно кивнул. Зеленые глаза внимательно следили за мной. Визитная карточка в худых, жилистых пальцах скакала по зубам, точно палка по частоколу забора.

— Не думал я, что он жулик, — сказал он. — Черт, да разве их разберешь! Он вообще живет здесь всего месяц. Будь у него подозрительный вид, мы бы его в два счета выставили.

Я еле удержался, чтобы не рассмеяться ему в лицо.

— Слушай, может, обьщем квартиру, пока его нет?

Он покачал головой:

— Мистер Палермо нас не поймет.

— Мистер Палермо?

— Владелец дома. Живет напротив. Ему принадлежат похоронная контора, это здание и много других. Можно сказать, весь район его. Ты меня понял? — скривился и моргнул правым веком. — Здесь он хозяин.

— Пусть себе хозяйничает на здоровье, пусть покойников обряжает, а мы пойдем обьщем квартиру.

— Не зли меня, — отрезал рыжий.

— Очень я тебя испугался. Пойдем, говорю, обьщем квартиру. — Я швырнул пустую банку из-под пива в мусорную корзину, попал, но она выпрыгнула обратно и покатила по комнате.

Внезапно рыжий вскочил, расставил ноги, потер руки и прикусил нижнюю губу.

— Ты что-то, помнится, говорил о пятерке, — сказал он потягиваясь.

— Мало ли что я говорил. Передумал. Пойдем обьщем квартиру.

— Еще хоть раз повторишь... — его правая рука скользнула к губе.

— Если ты собираешься вытащить пистолет, то имей в виду, мистер Палермо тебя не поймет.

— Плевать я хотел на мистера Палермо! — зарычал он, внезапно придя в ярость и густо покраснев.

— То-то мистер Палермо обрадуется, когда узнает, как ты о нем отзываешься.

— Слушай, медленно процедил рыжий, опустил руку и угрожающе качнулся в мою сторону. — Слушай. Выпил я пару банок пива. Ну три. Пускай дюжину. Какого черта? Сижу себе, никого не трогаю. Денек выдался отличный. Думал, и вечер такой же будет, а тут ты... — он сокрушенно махнул рукой.

— Пойдем обьщем квартиру, — повторил я.

Он выбросил вперед крепко сжатые кулаки. Потом вдруг широко раскинул руки и растопырил пальцы. Сильно сморщил нос.

— Я ведь на работе, — сказал он.

Я раскрыл рот.

— Молчи! — завопил он.

Надел шляпу, но не пиджак, взял из ящика связку ключей, прошел к двери и, остановившись на пороге, выставил на меня челюсть. Лицо все еще перекошено от злобы.

Мы вышли из комнаты, прошли по коридору и поднялись по лестнице. Бейсбол кончился, и теперь передавали танцевальную музыку. Очень громкую. Рыжий выбрал из связки ключ и вставил его в замочную скважину комнаты 204. Из-за двери сквозь шум оркестра до нас донесся истерический женский визг.

Рыжий вынул ключ из замка и улыбнулся. Пересек узкий коридор и забарабанил в дверь напротив. Стучать пришлось сильно и долго. Наконец дверь распахнулась, и в коридор выглянула блондинка в зеленом свитере и красных брюках. Остренькое личико, сальные глазки, один глаз заплаыл, другой подбит несколько дней назад. На шее еще один синяк, в руке высокий запотевший стакан с янтарной жидкостью.

— Живо уймись, — сказал рыжий. — Много шуму от вас. Больше повторять не буду. В следующий раз вызову полицию.

Девушка обернулась и, перекрывая шум музыки, завизжала:

— Эй, Дэл! Этот тип говорит, чтоб мы заткнулись. Врежешь ему?

Стул скрипнул, музыка внезапно смолкла, и за спиной блондинки вырос плотный смуглый мужчина мрачного вида. Одной рукой отшвырнул ее с дороги и высунулся в дверь. Небритое лицо. Брюки, полуботинки, майка.

Переступил через порог, шмыгнув носом и сказал:

— Отвяжитесь. Только что обедать ходил. Наелся дерьма. Сейчас меня лучше не трогать. — Сильно пьян, но на ногах держится неплохо.

— Последний раз говорю, мистер Хенч. Вырубите радио и кончайте бардак. И поживей.

— Слушай, ты, щенок... — начал мужчина по имени Хенч и качнулся вперед, занеся правую ногу.

Рыжий среагировал мгновенно. Не успел Хенч наступить ему на левую ногу, как поджарое тело метнулось назад, выпущенная связка ключей полетела за спину на пол и звякнула об дверь комнаты 204. Правая рука рыжего, описав в воздухе немислимую дугу, сжимала теперь плетеную кожаную дубинку.

Хенч сказал «А-а», загребая огромными волосатыми руками воздух, стиснул их в кулаки и нанес страшный удар в пустоту.

Рыжий ударил его дубинкой по голове, девица опять завизжала и запустила своему дружку стаканом в лицо. То ли она решила, что самое время рассчитаться с ним, то ли просто метила в рыжего, но промазала, — трудно сказать.

Хенч машинально повернулся к ней залитым виски лицом, споткнулся и побежал в комнату. Его так шатало, что казалось, он вот-вот упадет и расквасит себе нос. Постель была разложена и смята. Встав коленом на кровать, Хенч сунул руку под подушку.

— Осторожно, пистолет, — сказал я.

— Нашел чем удивить, — процедил рыжий и сунул правую — теперь свободную — руку под расстегнутый жилет.

Хенч стоял на коленях у кровати. Привстал на одно колено и повернулся. В правой руке у него был короткоствольный черный пистолет. Он внимательно смотрел на него, но почему-то держал не за рукоятку, а на ладони.

— Брось! — приказал рыжий, продвигаясь в глубь комнаты.

Тут блондинка проворно прыгнула ему на спину и с пронзительным визгом обхватила его шею своими длинными зелеными руками. Рыжий покачнулся, выругался и высвободил руку с пистолетом.

— Дай ему, Дэл! — визжала блондинка. — Дай ему хорошенько.

Хенч стоял на коленях перед кроватью и разглядывал лежавший у него на ладони пистолет. Потом медленно поднялся и прохрипел:

— Это не мой.

Я забрал у рыжего пистолет, который теперь ему только мешал, и встал перед ним, дав ему возможность стряхнуть с себя блондинку. В конце коридора хлопнула дверь и послышались приближающиеся шаги.

— Отдай оружие, Хенч, — сказал я.

Он озадаченно посмотрел на меня своими темными, разом протрезвевшими глазами.

— Не мой он, — повторил Хенч, держа пистолет на вытянутой ладони. — Мой — кольт 32-го калибра.

Я забрал у него пистолет. Он не сопротивлялся. Сел на кровать, медленно провел рукой по волосам и наморщил лоб, мучительно собираясь с мыслями. «Где же, черт побери...» — промышчал он, покачал головой и передернулся.

Я понюхал пистолет. Из него стреляли. Вынул магазин и сквозь небольшие боковые отверстия сосчитал пули. Шесть пуль. С той, что в магазине, — семь. Автоматический кольт 32-го калибра — на восемь выстрелов. Из него стреляли. Один раз, если только он не перезаряжен.

Тем временем рыжий стряхнул с себя блондинку. Швырнул ее на стул и тер царапину на щеке. Глаза злющие.

— Надо бы вызвать полицию, — сказал я. — Из этого пистолета недавно стреляли, и, к твоему сведению, в квартире напротив труп человека.

Хенч тупо уставился на меня и спокойным, рассудительным голосом произнес:

— Не мой это пистолет, понимаешь?

Блондинка довольно натужно рыдала, разинув рот, перекошенный от тоски и наигрыша. Рыжий незаметно скрылся за дверью.

— Убит выстрелом в горло; пуля с мягкой насадкой, пистолет среднего калибра, — заключил лейтенант уголовной полиции Джесс Бриз. — Пистолет и пули подходят. — Он подбросил пистолет на руке, тот самый, от которого отказывался Хенч. — Пуля прошла вертикально и, вероятно, попала в затылок. Застряла в голове. Смерть наступила часа два назад. Руки и лицо холодные, тело еще теплое. Трупного окоченения нет. Перед тем как выстрелить, убийца оглушил его каким-то тяжелым предметом. Возможно, ручкой пистолета. Ну, что скажете, мальчики и девочки?

Под ним на стуле шуршала подложенная газета. Он снял шляпу, вытер лицо и почти совсем облысевшую голову. Редкие светлые волосы на макушке взмокли и потемнели от пота. Опять надел шляпу — плоскую, как блин, панаму, выгоревшую на солнце. Видавшая виды шляпа.

Это был большой, довольно тучный человек в коричнево-белых штиблетах, спущенных носках и белых брюках в тонкую черную полоску. Из-под отложного воротничка рубашки пробиваются рыжие волосы на груди, а поверх рубашки надет грубый голубой пиджак, просторный, как двухместный гараж. На вид лет пятидесяти, и только спокойный, немигающий, твердый взгляд светло-голубых глаз выдавал в нем полицейского. Такой взгляд, сам по себе совсем не тупой, покажется тупым всякому, кто не служит в полиции. Под глазами, на щеках и на носу, словно минное поле на военной карте, рассыпались веснушки.

Мы сидели в квартире Хенча, дверь была закрыта. Хенч надел рубашку и теперь с отсутствующим видом завязывал галстук толстыми, неловкими пальцами. Пальцы дрожали. Девица лежала на кровати. Голова обмотана зеленым халатом, рядом сумочка, в ногах беличья шубка. Рот приоткрыт, лицо осунувшееся и застывшее.

— Значит, думаете, — прохрипел Хенч, — что его убили из пистолета, который лежал у меня под подушкой? Не спорю. Может, так оно и есть. Только это не мой пистолет — ей-богу.

— Допустим, — сказал Бриз. — Что же тогда получается? Кто-то стянул у тебя пистолет и подложил этот. А какой был у тебя? И где ты его взял?

— Примерно в полчетвертого мы вышли пообедать в закусочную за углом, — сказал Хенч. — Можете проверить. Видно, забыли запереть дверь. Здорово поддали. Шум, наверно, на весь дом стоял. Слушали

бейсбол по радио. Может, и закрыли дверь, когда уходили. Не помню. А ты помнишь? — он посмотрел на девицу, которая неподвижно, с белым лицом лежала на кровати. — Помнишь или нет, детка?

Девушка даже не посмотрела в его сторону.

— Отключилась, — сказал Хенч. — У меня был кольт 32-го калибра, такого же, как и тот. Только не карманный. Револьвер, а не автоматический пистолет. С отбитой резиновой рукояткой. Его дал мне один еврей, Моррис, года три-четыре назад. В баре вместе работали. Разрешения у меня нет, но я его и не ношу.

— Вот что значит пить без просыпу и оружие под подушкой держать. Рано или поздно все это плохо кончается. Понимать надо.

— Господи, да мы с ним и не знакомы, — сказал Хенч. Только теперь он завязал галстук — очень плохо. Он совершенно протрезвел и дрожал всем телом. Встал, взял с кровати пиджак, надел его и снова сел. Когда он закуривал, у него тряслись пальцы. — Даже имени его не знаем. Ничего про него не знаем. Встречались пару раз в коридоре, но не разговаривали ни разу. Его, значит, убили? Или кого-то другого?

— Убили парня, который жил напротив, — сказал Бриз. — Скажи, когда начался бейсбол?

— Начался в три, — сказал Хенч. — Шел с трех до половины пятого или даже позже. Мы вышли около трех. Вернулись минут через двадцать, самое большее — через полчаса.

— Видимо, он был убит перед самым вашим уходом, — сказал Бриз. — Радио может заглушить даже близкий пистолетный выстрел. Наверно, оставили дверь незапертой. Или открытой.

— Может быть, — вздохнул Хенч. — Ты помнишь, детка?

И опять лежавшая на кровати девушка даже не пошевелилась.

— Вы оставляете дверь открытой или незапертой, — рассуждал Бриз. — Убийца слышит, как вы уходите. Входит в вашу комнату, чтобы спрятать свой пистолет. Видит, кресло-кровать разобрана, собирается спрятать оружие под подушку и — к своему удивлению — находит еще один пистолет. Он его забирает. Спрашивается, если он хотел избавиться от пистолета, почему было не спрятать его в комнате убитого? Зачем рисковать и идти в другую комнату? К чему все эти фокусы?

Я сидел у окна, на краю кушетки. Не выдержал и внес свою скромную лепту:

— А что, если он и не собирался прятать оружие, пока находился в квартире Филлипса? Придя в себя после убийства, он вдруг заметил, что стоит в коридоре с пистолетом в руках. В этом случае ему надо было как

можно скорее избавиться от него. Если же дверь Хенча была открыта и он слышал удалявшиеся по коридору шаги, то...

— Я ведь не говорю, что так не могло быть, — мельком взглянув на меня, проворчал Бриз. — Я просто рассуждаю. — Он опять повернулся к Хенчу: — Итак, если Энсон действительно был убит из этого пистолета, нам еще нужно найти твой пистолет. А пока, сам понимаешь, тебя и твою подружку придется задержать.

— Делайте со мной что хотите, — сказал Хенч, — а я буду стоять на своем.

— Дело хозяйское, — добродушно заметил Бриз. — А сейчас пора собираться.

Он встал, повернулся и стряхнул на пол шуршащие газеты. Подошел к двери, затем повернулся и посмотрел на девицу:

— Ты как, сестренка? Может, вызвать врача?

Девушка не отвечала.

— Выпить хочется, — сказал Хенч. — Ужасно хочется выпить.

— Пока я с тобой разбираюсь, нельзя, — ответил Бриз и вышел.

Хенч пересек комнату, схватил бутылку и жадно приник к горлышку. Опустил бутылку, посмотрел, сколько осталось, и подошел к девушке. Толкнул ее в плечо.

— Очнись и выпей, — рявкнул он ей.

Девушка смотрела в потолок. Даже не пошевелилась.

— Оставь ее в покое. У нее шок, — сказал я.

Хенч допил то, что оставалось в бутылке, аккуратно поставил ее на пол и опять посмотрел на девушку. Потом повернулся к ней спиной и, нахмурившись, устался в пол.

— Господи, вспомнить бы... — проговорил он едва слышно.

Бриз вернулся с молодым румяным детективом в штатском.

— Это лейтенант Спенглер, — сказал он. — Он вас отвезет. Ну что, поехали?

Хенч вернулся к кровати и потряс девушку за плечо:

— Вставай, малютка. Надо ехать.

Не поворачивая головы, девушка скосила глаза и вяло на него посмотрела. Оторвала плечи от подушки, облокотилась на руку, перекинула ноги на пол и встала, ступая правой ногой, как будто она затекла.

— Дело дрянь, детка, — сказал Хенч. — Сама понимаешь.

Девушка поднесла руку ко рту и, прикусив мизинец, тупо взглянула на Хенча. Потом вдруг размахнулась и изо всех сил ударила его по лицу. И бросилась вон из комнаты.

Хенч застыл. Снаружи доносились голоса, шумели проезжавшие машины. Хенч поежился, расправил тяжелые плечи и медленно обвел глазами комнату, как будто расставался с ней надолго — или навсегда. Потом вышел.

Спенглер вышел за ним следом. Дверь закрылась. Стало тише. Мы с Бризом сидели и исподлобья смотрели друг на друга.

Через некоторое время Бризу надоело смотреть на меня, и он полез в карман за сигарой. Вскрыл ножом целлофановую обертку, отрезал кончик сигары и, поворачивая перед зажженной спичкой, стал тщательно ее раскуривать. Задумчиво смотря перед собой, отвел спичку и затаился, предварительно удостоверившись, что сигара горит как надо.

Потом очень медленно затушил спичку и, перегнувшись к открытому окну, положил ее на подоконник. Опять посмотрел на меня.

— Мы с вами поладим, — сказал он.

— Вот и отлично.

— На самом деле вы так не думаете. Но мы поладим. И не потому, что вы мне понравились. Просто я привык так работать. Все в открытую. Все честно. Без истерики. Не то что эта дамочка. Такие, как она, всю жизнь на рожон лезут, а чуть что — ищут виноватого.

— Он подставил ей пару фонарей. За что ей особенно любить его?

— Вы, я вижу, хорошо разбираетесь в женщинах.

— Не очень, но это только помогает мне в работе. Я объективен.

Он кивнул и посмотрел на кончик сигары. Достал из кармана листок бумаги и прочел вслух:

— «Делмар Б. Хенч, 45 лет, бармен, безработный. Мейбел Мастерс, 26 лет, танцовщица». Вот и все, что я о них знаю. И сдается мне, больше ничего не узнаю.

— Вы не думаете, что он убил Энсона?

Бриз посмотрел на меня без удовольствия:

— Я ведь только что приехал, приятель. — Он вынул из кармана мою визитную карточку и прочел опять вслух: — «Джеймс Б. Поллок. Компания по возмещению материального ущерба. Выездной агент». — Как это понимать?

— В таких районах не принято пользоваться настоящим именем, — сказал я. — Энсон, кстати, тоже ненастоящее имя.

— А чем плох этот район?

— Да всем.

— Меня интересует, что вы знаете об убитом?

— Я вам уже говорил.

— Повторите еще раз. Мне столько уже всего наговорили, что голова кругом идет.

— Я знаю не больше, чем написано на его визитной карточке: зовут Джордж Энсон Филлипс, выдает себя за частного детектива. Когда я вышел пообедать, он стоял у дверей моей конторы. Увязался за мной в центр. Я заманил его в холл отеля «Метрополь», заговорил с ним, он признался, что следит за мной, и сказал, что хотел проверить, стоит ли со мной иметь дело. Все это, конечно, ерунда. Он, видимо, просто толком не знал, как быть, и рассчитывал на помощь. По его словам, ему поручили вести дело, которое показалось ему подозрительным, и он хотел объединиться с кем-то поопытней, чем он сам. А судя по всему, опыта ему явно не хватало.

— И вышел он на вас только по той причине, — сказал Бриз, — что шесть лет назад работал помощником шерифа в Вентуре, когда вы расследовали там какое-то дело?

— То, что знал, я вам рассказал.

— Необязательно так уж строго придерживаться этой версии, — спокойно сказал Бриз. — Можете рассказать и что-нибудь поинтереснее.

— И эта хороша, — сказал я. — Хорошего, впрочем, мало, зато чистая правда.

Он кивнул своей большой, основательной головой.

— Что же вы обо всем этом думаете?

— Вы узнали служебный адрес Филлипса?

Он отрицательно покачал головой.

— По-моему, его наняли именно потому, что он наивен. Ему велели снять квартиру в этом доме под чужим именем и поручили вести дело, которое оказалось ему не по вкусу. Он испугался. Ему нужен был друг, нужна была помощь. По тому, что он выбрал именно меня, хотя мы не виделись столько лет и плохо знали друг друга, можно заключить, что среди детективов у него не было знакомых.

— Все равно непонятно, почему он гонялся за вами, как потерявшийся щенок, вместо того, чтобы просто прийти к вам в контору.

— Непонятно, — согласился я.

— Вы можете это объяснить?

— Нет. Пожалуй, не могу.

— А вы попробуйте.

— Повторяю еще раз. Он не решался обратиться ко мне. Ждал подходящего случая. И случай представился, когда я сам заговорил с ним.

— Это слишком простое объяснение, — сказал Бриз. — До смешного простое.

— Очень может быть.

— И в результате короткого разговора в холле гостиницы он

приглашает вас — совершенно незнакомого человека — к себе домой и даже дает ключ от своей квартиры. Только потому, что хочет поговорить с вами?

— Да.

— Почему было не поговорить прямо в гостинице?

— Я торопился.

— Деловое свидание?

Я кивнул.

— Понятно. На кого вы работаете?

Я покачал головой и ничего не ответил.

— Убит человек. Вы должны сказать.

Я опять покачал головой. Он слегка покраснел.

— Должны, понимаете, — строго сказал он.

— Простите, Бриз, но, судя по тому, как складываются дела, я в этом не убежден.

— Сами знаете, я могу задержать вас, как главного свидетеля, — небрежно сказал он.

— На каком основании?

— А на том основании, что вы первым нашли тело, что здешнему управляющему назвали чужим именем и вдобавок толком не рассказываете о ваших отношениях с убитым.

— Так вы собираетесь задержать меня?

— У вас есть адвокат? — он кисло улыбнулся.

— Я знаю нескольких адвокатов. Но своего адвоката у меня нет.

— Вы знаете лично кого-нибудь из комиссаров полиции?

— Ни одного. То есть с тремя из них я разговаривал, но они вряд ли помнят меня.

— Но в мэрии-то вас должны знать?

— Может, и должны, но не знают.

— Где-то же у вас есть знакомые, правда? — в его голосе послышалось искреннее удивление.

— Есть один приятель в ведомстве шерифа, но к нему я не хотел бы обращаться.

— Почему? — он поднял брови. — Вам могут понадобиться влиятельные друзья. Рекомендация от наших людей никогда не повредит.

— У нас с ним не деловые отношения, — сказал я. — Я на нем верхом не езжу. Если меня посадят, ему тоже не поздоровится.

— Как насчет уголовной полиции?

— Там я знаю Ренделла. Если он еще не ушел из Главного управления.

Когда-то мы с ним недолго занимались одним делом. Но большой любви он ко мне не испытывает.

Бриз вздохнул и, пошевелив ногой, зашуршал газетами, которые сбросил на пол:

— Вы это честно или дурака валяете? Насчет того, что высокопоставленных знакомых нет?

— Честно, — ответил я. — Хотя я и не прочь повалить дурака.

— Вот и глупо.

— Вот и нет.

Большой веснушчатой рукой Бриз обхватил подбородок. Когда он отнял руку, на щеках от пальцев остались красные пятна. Я видел, как они постепенно исчезают.

— Шли бы лучше домой. Только работать мешаете, — сердито сказал он.

Я встал, кивнул и направился к двери.

— Дайте ваш домашний адрес, — сказал Бриз мне вдогонку.

Переписал его и мрачно сказал:

— Идите. Из города не выезжать. Нам понадобятся ваши показания — возможно, сегодня же вечером.

Я вышел. На площадке стояли два полицейских в форме. Дверь напротив была открыта: в квартире до сих пор снимали отпечатки пальцев. Внизу, в противоположных концах коридора, маячило еще двое полицейских. Рыжего не было. Я вышел на улицу. От тротуара отъезжала «скорая помощь». По обеим сторонам улицы собралась кучка людей — меньше, чем бывает обычно в таких случаях.

Я пошел по тротуару. Какой-то тип схватил меня за плечо и спросил:

— Что там стряслось, приятель?

Не ответив и даже не посмотрев на него, я стряхнул его руку и пошел к машине.

Было без четверти семь, когда я ввалился к себе в контору, щелкнул выключателем и подобрал с пола листок бумаги. Извещение с почты о том, что на мое имя пришла посылка, которую по моему звонку доставят в любое время дня и ночи. Я положил извещение на стол, стянул пиджак и открыл окна. Вынул из нижнего ящика початую бутылку и отхлебнул из нее, задержав виски на языке. Потом, держа холодную бутылку за горлышко, сел и представил себя в роли полицейского сыщика: не надо волноваться, даже если нашел гору трупов; не надо украдкой протирать ручки дверей; не надо каждый раз прикидывать, когда говорить, не навредив при этом клиенту, а когда молчать, не навредив еще больше себе самому. Нет, такая работа не по мне.

Я придвинул к себе телефон, взглянул на номер извещения и позвонил на почту. Мне ответили, что могут принести посылку сейчас же. Я сказал, что буду ждать.

Смеркалось. Гул транспорта немного стих, в еще не успевшем остыть воздухе стоял тяжелый, привычный для вечернего часа запах пыли, выхлопных газов, раскаленных за день стен и тротуаров; из тысячи ресторанов тянуло пищей, а из городских кварталов, раскинувшихся на холмах над Голливудом, доносился — если у вас нюх ищейки — тот особенный кошачий запах, каким пахнут эвкалипты в жаркую пору.

Я сидел и курил. Минут через десять в дверь постучали, вошел мальчик в форменной фуражке, я расписался, и он вручил мне небольшой квадратный сверток размером с ладонь, а то и меньше. Я дал мальчику десять центов и слышал, как он насвистывает, возвращаясь к лифтам.

На ярлыке чернилами аккуратно выведены мое имя и адрес. Буквы печатные, крупные и тоньше типографского шрифта. Я срезал ярлык и развернул оберточную бумагу. Внутри дешевая, обклеенная бумагой картонная коробочка с фиолетовым штемпелем: «Сделано в Японии». Такие коробки обычно покупают в японских лавках и держат в них какого-нибудь резного зверька или небольшой нефрит. Крышка прилегала плотно. Я снял ее и увидел папиросную бумагу и вату.

Под бумагой лежала золотая монета размером в полдоллара, новенькая и блестящая, как будто только что отчеканена.

На лицевой стороне изображен орел с распростертыми крыльями, гербом на груди и инициалами Э. Б., выбитыми на левом крыле. По

кругу — облицовка, а между облицовкой и гладким литым обрезом надпись: E pluribus unum.^[15] Внизу дата — 1787.

Я перевернул монету на ладони. Она была тяжелая и холодная, и ладонь под ней вспотела. На оборотной стороне выбиты солнце, встающее или заходящее за остроконечной вершиной горы; двойной круг, напоминающий венок из дубовых листьев, и опять латинская надпись: Nova Eboraca, Columbia. Excelsior.^[16] Внизу, буквами поменьше, имя — Брешер.

Я держал в руке дублон Брешера.

Ни в коробке, ни в бумаге, ни на бумаге больше ничего не было. Надпись от руки на ярлыке ничего мне не говорила. С таким почерком я не знал никого.

Я взял пустой кисет, наполнил его до половины табаком, завернул монету в папиросную бумагу, перетянул сверток резинкой, положил его в кисет и сверху присыпал еще табака. Задернул на кисете молнию и опустил его в карман. Потом запер в шкаф оберточную бумагу, бечевку, коробку и ярлык, опять сел за стол и набрал номер Морнингстара. Ждал, сосчитал восемь гудков, но никто не подходил. Этого я никак не ожидал. Положил трубку, стал искать по Справочнику домашний телефон перекупщика и обнаружил, что ни в Лос-Анджелесе, ни в пригородах Морнингстар не числится.

Вынул из ящика кобуру на ремне, перекинул ее через плечо, вставил в нее автоматический кольт 32-го калибра, надел шляпу и пиджак, опять закрыл окна, убрал виски, выключил свет и только взялся за ручку двери, как зазвонил телефон.

Звонок как звонок, но мне почему-то он показался зловещим. Я замер на месте, напрягся, на губах застыло подобие улыбки. За закрытыми окнами мерцали неоновые огни. Воздух совершенно неподвижен. В коридоре тишина. А в темноте надрывается телефон.

Я вернулся к столу, облокотился на него и взял трубку. Раздался щелчок, потом треск, и все смолкло. Я нажал на рычаг и застыл в темноте, перегнувшись через стол, держа аппарат одной рукой и прижимая кнопку звонка другой. Сам не знаю, чего я ждал.

Телефон зазвонил опять. Я издал горлом какой-то странный звук и приложил трубку к уху, не говоря ни слова.

Так мы и молчали, нас разделяли, быть может, многие мили, каждый из нас дышал в трубку, прислушивался, но ничего не слышал, даже дыхания.

Затем — как мне показалось, очень нескоро — я услышал далекий, еле

различимый, ровный, бесстрастный голос:

— Плохи твои дела, Марло.

Потом опять щелкнуло, затрещало, я положил трубку, повернулся и вышел.

Я поехал на запад, в сторону Сансета. Покрутился по улицам, даже не посмотрев, следит за мной кто-нибудь или нет. Потом остановился возле аптеки и вошел в телефонную будку, находившуюся внутри. Опустил пять центов и набрал номер справочной узнать, как позвонить в Пасадену. Телефонистка сказала, сколько монет опустить.

— Дом миссис Мердок, — голос в трубке сухой и недовольный.

— Говорит Филип Марло. Я хотел бы поговорить с миссис Мердок.

— Ждите.

— Мистер Марло? — на этот раз голос тихий, но очень ясный. — Миссис Мердок сейчас отдыхает. Может быть, скажете мне, в чем дело?

— Не надо было говорить ему.

— Говорить... кому?

— Этому полоумному, в чей платок вы рыдаете.

— Как вы смеете?

— Ладно, — сказал я. — А теперь позовите миссис Мердок. По делу.

— Очень хорошо. Попробую. — Тихий, ясный голос пропал, и я приготовился долго ждать. Теперь ее придется усадить в постели, извлечь из огромной серой лапы бутылку портвейна, поднести к уху телефонную трубку. Неожиданно кто-то откашлялся. Как будто прогремел в туннеле товарный поезд.

— Миссис Мердок слушает.

— Миссис Мердок, вы могли бы опознать вещь, о которой шла речь сегодня утром? То есть отличить ее от других, точно таких же?

— Г-м, а разве другие такие есть?

— Должны быть. Десятки, сотни, насколько я понимаю. Десятки, во всяком случае. Разумеется, я не знаю, где они.

— Я неважно в этом разбираюсь, — она кашлянула. — Боюсь, не смогла бы. Кроме того, в создавшейся ситуации...

— К этому я и веду, миссис Мердок. Если вы заинтересованы в возвращении предмета, то должны установить его подлинность. Чтобы не ошибиться.

— Да. Пожалуй. А что? Вы знаете, где он?

— Морнингстар уверяет, что видел его. Говорит, что ему предлагали его купить, как вы и подозревали. Но он покупать не стал. Утверждает, что продавала не женщина. Впрочем, это ни о чем не говорит, ведь

Морнингстар мог просто выдумать внешность мужчины, которого он мне подробно описал, либо изобразить какого-нибудь вполне случайного знакомого. Так что могла быть и женщина.

— Понятно. Но теперь это не имеет значения.

— Не имеет значения?

— Да. У вас еще есть ко мне вопросы?

— Всего один. Знаете ли вы молодого человека, блондина по имени Джордж Энсон Филлипс? Довольно крупный, в коричневом костюме и в темной шляпе с загнутыми полями и пестрой лентой. Так, по крайней мере, он был одет сегодня утром. Выдает себя за частного детектива.

— Нет. А почему я должна его знать?

— Понятия не имею, но каким-то образом он тут замешан. По-моему, это он пытался продать товар. Морнингстар звонил ему после моего ухода. Я притаился в соседней комнате и подслушал.

— Что-что?

— Притаился и подслушал.

— Не валяйте дурака, мистер Марло. У вас ко мне еще что-нибудь?

— Да. Я согласился заплатить Морнингстару тысячу долларов за возвращение... товара. Он сказал, что ему предлагали его за восемьсот...

— И где же вы собирались достать деньги, можно узнать?

— Я только пообещал. Этот Морнингстар — ушлый тип. Другого языка он не понимает. Кроме того, вы могли бы захотеть выкупить свою вещь. Совершенно не хочу вас уговаривать. Вы всегда можете обратиться в полицию. Но если почему-либо решите обойтись без полиции, единственный способ вернуть товар — это выкупить его.

Я бы, наверное, еще долго говорил в том же духе, не очень вникая в смысл собственных слов, не перебивая меня голосом, похожим на рев тюленя:

— Все это сейчас не имеет никакого значения, мистер Марло. Я решила прекратить дело. Мне вернули монету.

— Одну минуту, — сказал я.

Положил трубку на полку, открыл дверцу телефонной будки и высунул голову, втянув полной грудью то, чем дышат в аптеке вместо воздуха. Никто не обратил на меня внимания. Стоя за прилавком табачного отдела, аптекарь в голубом халате с кем-то разговаривал. У питьевого фонтана мальчик мыл стаканы. Две девушки в брюках играли в пинбол. Высокий, тощий субъект в черной рубашке и бледно-желтом шейном платке стоял у книжного стенда и листал журналы. На бандита вроде бы не похож.

Я захлопнул дверцу, поднял трубку и сказал:

— Простите, крыса в ногу вцепилась. Сейчас все в порядке. Значит, монета у вас? Вон что. Каким образом?

— Надеюсь, вы не очень разочарованы, — сказала она своим низким, непреклонным голосом. — Обстоятельства несколько изменились. Я еще не решила, говорить вам или нет. Заходите завтра утром. Поскольку я не собираюсь продолжать расследование, ваш аванс пойдет в счет гонорара.

— Пойдите, — перебил я. — Вам действительно вернули монету? Вернули, а не просто пообещали?

— Конечно, вернули. А сейчас я устала, поэтому, если вы...

— Одну минуту, миссис Мердок. Все не так просто, как вы думаете. За это время кое-что произошло.

— Утром расскажете, — буркнула она и повесила трубку.

Я вывалился из кабины и закурил. Пальцы не слушались. Пошел к выходу. Аптекарь теперь был один. Чинил перочинным ножиком карандаш. Вид хмурый, сосредоточенный.

— Отличный у вас карандашик, — сказал я ему.

Он удивленно посмотрел на меня. Девушки в брюках удивленно посмотрели на меня. Я подошел к висевшему за прилавком зеркалу и удивленно посмотрел на себя.

Потом сел на табурет у стойки и сказал:

— Двойную порцию шотландского виски. Неразбавленного.

На меня удивленно посмотрел продавец:

— Простите, но это не бар, сэр. Можете купить бутылку в винном отделе.

— Не бар? — переспросил я. — Ну да, не бар. У меня был шок. Я немного не в себе. Дайте мне чашку кофе, только некрепкого, и бутерброд с ветчиной на черством хлебе. Хотя нет, лучше не надо. До свидания.

Я сполз со стула и тихо пошел к двери. Так тихо, как сыплется с горы тонна угля. Человек в черной рубашке и желтом шейном платке насмешливо смотрел на меня из-за номера «Нью-Рипаблик».

— Чем паяться в эту газетенку, почитал бы лучше что-нибудь стоящее: про любовь или убийства, — посоветовал я ему из лучших побуждений.

И вышел. Кто-то у меня за спиной заметил:

— В Голливуде таких полно.

Поднялся ветер, сухой и порывистый. Он играл верхушками деревьев, отчего дуговые фонари в переулке отбрасывали тени, похожие на ползущую лаву. Я развернулся и опять поехал на восток.

Ломбард находился в Санта-Монике, недалеко от Уилкокса, — тихое, старомодное заведение, немало повидавшее на своем веку. На витрине выставлено все, что только можно себе вообразить: от комплекта искусственных мушек для ловли форели в тонкой деревянной коробке до портативного органа; от складной детской коляски до студийной фотокамеры с четырехдюймовым объективом; от перламутрового лорнета в потертом плюшевом футляре до однозарядного старого кольта 44-го калибра, из тех, какими до сих пор пользуются в Калифорнии блюстителю порядка, обучавшиеся у своих дедов, как взводить курок и стрелять.

Когда я вошел, у меня над головой звякнул колокольчик, кто-то внутри зашаркал и высморкался, слышались шаги. За прилавком появился старый еврей в высокой черной ермолке, он улыбался мне из-под спущенных на нос очков.

Я вытащил кисет, вынул из него дублон Брешера и положил монету на прилавок. Стоя у окна из прозрачного стекла, я чувствовал себя раздетым. Обшитых деревом кабинок с резными плевательницами и самозапирающимися дверьми здесь не было.

Еврей взял монету и взвесил ее на ладони.

— Золотая? — подмигнув, сказал он. — Золотишко припрятали, а?

— Двадцать пять долларов, — сказал я. — Жена и детки голодают.

— Какой кошмар. Золото, по весу чувствую, что золото. Золото или, может, платина. — Привычным движением бросил монету на маленькие весы. — Золото, — определил он. — Значит хотите за нее десять долларов?

— Двадцать пять.

— И что я буду с ней делать за двадцать пять долларов? Продавать, что ли? В ней золота хорошо если на пятнадцать долларов. О'кэй, пятнадцать долларов.

— У вас сейф надежный?

— Послушайте, мистер, лучше сейфов, чем у меня, вам не найти. Можете не беспокоиться. Так, значит, пятнадцать долларов, да?

— Выписывайте квитанцию.

Писал он старательно, высунув язык. Я дал ему свое настоящее имя и

адрес: Голливуд, Норт-Бристол-авеню, Бристол-апартаментс 1634.

— Жить в таком районе и занимать пятнадцать долларов... — печально сказал еврей, оторвал мне половину квитанции и отсчитал деньги.

Я зашел в аптеку на углу, купил конверт, попросил ручку и отправил самому себе залоговую квитанцию.

Хотелось есть, в животе было пусто. Я заехал в Вайн перекусить и опять отправился в центр. Ветер все крепчал и стал еще суше. От песка руль покалывал пальцы, в носу свербило.

В окнах высоких домов зажигались огни. Серо-зеленое здание универмага на углу Девятой и Хилл-стрит залито светом. Отдельные окна загорались и в Белфонт-билдинг. В лифте, на сложенной мешковине, тупо — как с того света — уставившись перед собой, неподвижно сидел все тот же старый конь.

— Случайно не знаешь, как мне найти управляющего? — спросил я.

Он медленно повернул голову и посмотрел на меня:

— В Нью-Йорке, говорят, скоростные лифты есть. Только сел — и уже на тридцатом этаже. Быстро. Нам бы такие.

— Плевать я хотел на Нью-Йорк, — сказал я. — Мне и здесь неплохо.

— Таким бегункам небось и лифтеры нужны хорошие.

— Брось ты, папаша. Они там только и знают, что на кнопки нажимать. Нажал, сказал: «Доброе утро, мистер Как-вас-там» — и смотри себе в окошко, природой любуйся. Вот ты — другое дело. С такой машиной, как у тебя, не всякий справится. Ты работой доволен?

— Я работаю по двенадцать часов в день, — отвечал он. — И не жалуясь.

— Смотри, чтоб тебя в профсоюзе не услышали.

— Знаете, что может профсоюз?

Я покачал головой.

Он стал подробно рассказывать про профсоюз и его возможности. Потом опустил глаза и, глядя чуть в сторону, спросил:

— Я вас уже где-то видел?

— У управляющего, — подсказал я.

— С год назад он разбил очки, — сказал старик. — Вот смеху-то было.

— Ясно. Скажи, где может быть управляющий в это время?

Он покосился на меня:

— Ах, управляющий! Дома, где же еще.

— Ну да. Может, дома. Или в кино пошел. Где его дом? Как его зовут?

— Вам что-то нужно?

— Да, — я стиснул кулак в кармане, еле сдерживаясь, чтобы не

завопить. — Мне нужен адрес одного из его арендаторов. Адреса этого арендатора нет в телефонной книге — домашнего адреса. Понимаешь, не знаю, где он, когда не работает. Где его дом. — Я выкинул вперед руки и медленно вывел в воздухе: Д-о-м.

— Кто именно? — спросил старик. Вопрос был задан так прямо, что я даже вздрогнул.

— Мистер Морнингстар.

— Он не дома. Еще у себя в конторе.

— Точно?

— А то нет. Я не особенно приметлив, но он старик, как и я, и его я заметил. Он еще не спускался.

Я вошел в кабину и сказал:

— Восьмой.

Он с усилием захлопнул двери, и мы потащились наверх. Больше он на меня не смотрел. Кабина остановилась, я вышел, но он не сказал ни слова и даже не взглянул в мою сторону. Уставившись перед собой, сидел, сгорбившись на деревянном табурете, покрытом куском мешковины. Когда я повернул за угол коридора, он так и сидел. И на лице опять появилось отсутствующее выражение.

Две двери в конце коридора были освещены. Единственные на этаже. Я остановился перед ними, закурил и прислушался. Ни звука. Открыл дверь со словом «Вход» и вошел в узкую приемную с закрытой конторкой секретарши. Деревянная дверь по-прежнему приоткрыта. Подошел к ней, постучался и позвал:

— Мистер Морнингстар.

Никакого ответа. Тишина. Не слышно даже дыхания. Волосы шевельнулись у меня на затылке. Я шагнул в комнату. Лампа под потолком освещает стеклянный купол ювелирных весов, полированные края старого письменного стола вокруг обтянутой кожей столешницы, боковую крышку и тупоносый черный ботинок, с белой каемкой хлопчатобумажного носка.

Ботинок находится в неестественном положении и смотрит на угол потолка. Сама нога выглядывает из-за большого сейфа. Когда я шел по комнате, мне казалось, что увязаю в грязи.

Лежит, скрючившись, на спине.

Очень одинокий, очень мертвый.

Дверца сейфа распахнута, ключи торчат в замке внутреннего отделения. Металлический ящик выдвинут. И пуст. Когда-то здесь, вероятно, лежали деньги.

В остальном комната как будто не изменилась.

Карманы старика были вывернуты, но я не стал его осматривать, только нагнулся и дотронулся тыльной стороной ладони до неподвижного лилового лица. На ощупь — как брюхо лягушки. Из виска, куда пришелся удар, сочилась кровь. Однако на этот раз порохом не пахло, и, судя по лиловому цвету кожи, он умер от разрыва сердца, вызванного, по-видимому, шоком или испугом. Все равно убийство — какая разница.

Я не стал выключать свет, протер дверные ручки и спустился вниз на шестой этаж. По дороге — сам не знаю зачем — читал имена на дверях: «Х. Р. Тигер. Зубоврачебная лаборатория»; «Л. Придвью. Бухгалтер»; «Машинописное бюро Далтона и Риса»; «Доктор Э. Д. Блесковиц», а под ним буквами поменьше — «Хироспрактик».

Лифт с грохотом поднялся, старик не смотрел на меня. Лицо пустое — как моя голова.

С улицы, не назвавшись, я позвонил в больницу скорой помощи.

На шахматной доске с бдительным, знающим, серьезным видом, как всегда перед началом партии, выстроились готовые к бою красные и белые костяные фигуры. Было десять часов вечера. Я сидел у себя дома, курил трубку, выпивал и если о чем и думал, то исключительно о двух убийствах и тайне дублона Брешера, который вернули миссис Элизабет Брайт Мердок, хотя он еще лежал у меня в кармане.

Я открыл сборник турнирных партий — небольшую книжку в бумажном переплете, изданную в Лейпциге, — отыскал красивый ферзевый гамбит, сделал ход белой ферзевой пешкой, и в это время раздался звонок в дверь.

Я встал, взял с откидной крышки дубового письменного стола кольт 38-го калибра и подошел к двери, держа пистолет у правой ноги дулом вниз.

— Кто там?

— Бриз.

Я вернулся к столу, положил пистолет на место и только тогда открыл дверь. На пороге стоял Бриз — как всегда, большой и нескладный, только чуть более усталый. С ним был молодой румяный сыщик по имени Спенглер.

Они довольно бесцеремонно втокнули меня в комнату, и Спенглер закрыл дверь. Его молодые, живые глаза перебежали с предмета на предмет, а более опытный, суровый взгляд Бриза надолго остановился на мне.

— Осмотри квартиру, — сказал он углом рта и прошел мимо меня к дивану.

Спенглер пересек комнату, заглянул на кухню, вернулся и вышел в коридор. Скрипнул дверью в ванну, пошел дальше.

Бриз снял шляпу и вытер облысевший череп. Издали доносился стук открываемых и закрываемых дверей. Стенные шкафы. Спенглер вернулся.

— Никого, — доложил он.

Бриз кивнул и сел, положив рядом свою панаму.

Спенглер заметил на письменном столе пистолет.

— Я взгляну? — сказал он.

— Тоже мне, пинкертоны, — сказал я.

Спенглер подошел к пистолету и, пригнувшись, приложил дуло к носу. Вынул магазин, выбил гильзу из камеры, поднял ее и вставил в

магазин. Положил магазин на стол и взял пистолет так, чтобы свет проникал в открытую казенную часть. Прищурившись, заглянул в ствол.

— Пыль, — сказал он. — Но немного.

— А вы что ожидали найти? — спросил я. — Рубины?

Он не обратил на меня никакого внимания, взглянул на Бриза и добавил:

— В течение суток из этого пистолета не стреляли. Уж это точно.

Бриз кивнул, пожевал губу и пытливо посмотрел на меня. Спенглер ловко собрал пистолет, отложил его и сел. Вставил в рот сигарету, закурил и с удовольствием затянулся.

— И так, черт возьми, было ясно, что это не 38-й калибр с длинным стволом, — сказал он. — Такой пистолет стену пробивает. Не может его пуля в голове застрять.

— Не понимаю, ребята, о чем вы? — сказал я.

— Все о том же, — ответил Бриз. — Об убийстве. Такая уж у нас профессия. Вы садитесь. Расслабьтесь. Мне показалось, я слышал у вас голоса. Наверно, из соседней квартиры.

— Наверно, — сказал я.

— Вы всегда держите на столе пистолет?

— Не на столе, так под подушкой, — ответил я. — Или за пазухой. Или в ящике стола. Мало ли где. Вам-то что?

— Мы не ссориться пришли, Марло.

— Это точно, — сказал я. — Обыскиваете мою квартиру, без разрешения берете мои вещи. Интересно, что бывает, когда вы приходите ссориться валите на пол и бьете ногами по лицу?

— Ишь ты, — сказал он и усмехнулся. Я тоже усмехнулся. Мы все усмехнулись. Потом Бриз сказал: — Можно от вас позвонить?

Я молча показал на телефон. Он набрал номер и, обращаясь к какому-то Моррисону, сказал: «Говорит Бриз по... — он взглянул на аппарат и прочел вслух мой номер. — Пока буду здесь. Марло. Да. Через пять — десять минут — годится».

Положил трубку и вернулся к дивану:

— Держу пари, вы не догадываетесь, зачем мы пришли.

— Я всегда рад дорогим гостям.

— Убийство — не повод для шуток, Марло.

— А я разве что говорю?

— Да, но ведете себя как-то несерьезно...

— Я не нарочно.

Он посмотрел на Спенглера и пожал плечами. Потом устался в пол.

Потом медленно, как будто с трудом, поднял глаза и опять посмотрел на меня. Я сидел за шахматным столиком.

— Шахматами увлекаетесь? — спросил он, взглянув на фигуры.

— Так, балуюсь. Иногда разыгрываю партию-другую.

— Разве в шахматы не вдвоем играют?

— Я разбираю турнирные партии, которые записаны и опубликованы.

По шахматам существует целая литература. Бывает, решаю задачки. Это не называется играть в шахматы. Что же мы заговорили о шахматах? Хотите выпить?

— После, — сказал Бриз. — Я говорил о вас с Ренделлом. Он хорошо вас помнит по делу на побережье. — Провел ногами по ковру, как будто они затекли. Массивное старое лицо в морщинах, серое от усталости. — Ренделл считает, что вы не стали бы убивать. Говорит, вы неплохой парень, честный.

— Молодец Ренделл, — отозвался я.

— Говорит, что вы варите отличный кофе, любите поспать по утрам, остры на язык. Еще он говорит, что вашим словам вполне можно верить, особенно если они совпадают с показаниями еще пяти свидетелей.

— Вот негодяй, — сказал я.

Бриз кивнул, как будто услышал как раз то, что ожидал. Он не улыбался и не злился — просто спокойно, основательно делал свое дело. Спенглер откинулся головой на спинку стула, прикрыл глаза и смотрел на дым от своей сигареты.

— Ренделл считает, что с вами надо держать ухо востро. Говорит, вы много о себе понимаете, что полбеды, и при этом с вами вечно что-то случается, что уже хуже. Так он говорит. Я-то сам против вас ничего не имею. Просто люблю, чтобы все было в открытую. Потому и рассказываю.

Я поблагодарил.

Зазвонил телефон. Я посмотрел на Бриза, но тот даже не пошевелился, поэтому я потянулся к аппарату и взял трубку. Молодой женский голос. Мне он показался знакомым, но сообразить, кто это, я не мог.

— Мистер Филип Марло?

— Да.

— Мистер Марло, я попала в беду, ужасную беду. Мне необходимо повидать вас. Когда вы приедете?

— Что, прямо сейчас? А с кем я говорю?

— Меня зовут Гледис Крейн. Я живу в отеле «Нормандия», в Ремпарте. Когда вы?..

— Вы хотите, чтобы я приехал в отель сегодня же вечером? — спросил

я, пытаюсь вспомнить, чей это голос.

— Я... — в трубке щелкнуло, и все смолкло. Я сидел нахмурившись, держал трубку и смотрел на Бриза. Его лицо было совершенно непроницаемым.

— Какая-то девица говорит, что попала в беду, — объяснил я. — Нас разъединили. — Я нажал на рычаг, ожидая повторного звонка. Оба полицейских сидели тихо и неподвижно. Слишком тихо и неподвижно.

Опять зазвонил телефон, я отпустил рычаг и сказал в трубку:

— Вам нужен Бриз, не так ли?

— Да, — на этот раз голос мужской и немного удивленный.

— Так бы сразу и говорили, — бросил я, встал со стула и вышел на кухню. Я слышал, как Бриз что-то коротко сказал и положил трубку.

Их кухонного шкафа я достал бутылку виски «Четыре розы» и три стакана, из холодильника — лед и имбирный эль, приготовил три коктейля и на подносе отнес их на низкий столик у дивана, где сидел Бриз. Взял с подноса два стакана, один дал Спенглеру, а с другим вернулся на свое место.

Спенглер неуверенно поднял свой стакан и, зажав нижнюю губу между большим и указательным пальцами, взглянул на Бриза — станет ли тот пить.

Бриз не отрываясь смотрел на меня. Потом вздохнул. Потом поднял стакан, попробовал коктейль, опять вздохнул и, слегка улыбнувшись, склонил голову набок, — так ведет себя человек, когда ему наконец дали выпить и когда первый же глоток открывает перед ним иной — более светлый, солнечный, радужный — мир.

— Я смотрю, вы быстро сориентировались, мистер Марло, — сказал он и, совершенно расслабившись, откинулся на спинку дивана. — Теперь, пожалуй, можно и делом заняться.

— Я так не играю, — сказал я.

— А? — он сдвинул брови. Спенглер подался вперед — весь внимание.

— Не хочу, чтобы с вашей подачи мне дурили голову по телефону всякие шлюхи, а вы бы потом говорили, что они знают меня по голосу.

— Ее зовут Гледис Крейн, — сказал Бриз.

— Она мне сказала. Первый раз слышу это имя.

— Ладно, — сказал Бриз. — Ладно. — Он поднял веснушчатую руку. — Мы по отношению к вам законов не нарушаем. И от вас хотим того же.

— Чего же?

— Чтобы и вы по отношению к нам соблюдали закон. Чтобы говорили все начистоту.

— Почему это я должен говорить с вами начистоту, если мне не хочется? Вы мне зарплаты не платите.

— Слушайте, не заводитесь, Марло.

— А я не заводжусь. И не думаю даже. Слишком хорошо вас знаю, чтобы заводиться. Говорите прямо, что вам от меня надо, и не пудрите мне мозги, как с этим телефонным звонком.

— Произошло убийство, — сказал Бриз. — Наш долг — постараться сделать все, что в наших силах. Вы нашли тело. Вы говорили с убитым. Он позвал вас к себе домой. Дал вам ключ. Вы сказали, что не знаете, зачем он вас приглашал. Вот мы и решили, что, может, теперь вспомнили.

— Значит, получается, что тогда я соврал?

Бриз устало улыбнулся:

— Вы не первый день работаете и сами знаете, что свидетели по делу об убийстве всегда врут.

— Непонятно только, как вы узнаете, когда я перестану врать?

— Когда то, что вы говорите, будет звучать убедительно.

Я взглянул на Спенглера. Он так сильно подался вперед, что чуть не падал со стула. Казалось, он готовится к прыжку. Поскольку прыгать ему, по-моему, было незачем, я решил, что он, видимо, просто волнуется. Я опять посмотрел на Бриза. Этот волновался не больше, чем стоявшая в шкафу бутылка виски. Он держал в толстых пальцах завернутую в целлофан сигару, разрезая обертку перочинным ножом. Я следил, как он срывает целлофан, отрезает кончик сигары и прячет нож, предварительно обтерев лезвие о штаны. Потом чиркает спичкой, тщательно разжигает сигару, поворачивая ее на огне, отводит зажженную спичку и раскуривает сигару, пока не убеждается, что она горит как надо. Потом задувает спичку и кладет ее рядом со смятой целлофановой оберткой на стеклянную поверхность низкого столика для коктейлей. Потом откидывается назад, подтягивает одну штанину и спокойно курит. Точно так же он закуривал сигару в квартире Хенча, точно так же он будет закуривать сигару в любом другом месте. Такой он человек и этим опасен. Не так уж он умен, хотя и гораздо умнее — и потому опаснее — таких, как впечатлительный Спенглер.

— До сегодняшнего дня я никогда не встречал Филлипса, — сказал я. — То, что он видел меня в Вентуре, не в счет, так как я его не помню. Как мы встретились, я уже рассказывал. Он сидел у меня на хвосте, и я сам с ним заговорил. Он хотел встретиться со мной, дал мне ключ, я пришел к

нему и, когда никто не открыл мне дверь, воспользовался его ключом — мы так договорились. Он был уже мертв. Вызвали полицию и после ряда событий или случайностей, к которым я не имею никакого отношения, под подушкой Хенча нашли пистолет. Из него в тот день стреляли. Все это я вам уже рассказывал. Так оно и было.

— Обнаружив тело, — сказал Бриз, — вы спустились к управляющему Пассмору и уговорили его пойти с вами к Филлипсу, ничего не сказав про убийство. Вы дали Пассмору чужую визитную карточку и толковали ему про какие-то драгоценности.

— С такими, как Пассмор, и в таких домах, как этот, — кивнув, сказал я, — всегда лучше перестраховаться. Филлипс меня интересовал. Я рассчитывал, что Пассмор расскажет мне про него, если не будет знать про убийство. Знай он, что к нему с минуты на минуту нагрянет полиция, он бы вряд ли стал говорить. Только и всего.

Бриз отпил из стакана, затянулся сигарой и сказал:

— Я вот что хочу себе уяснить. Все, что вы нам только что говорили, может, и правда, но это еще не значит, что вы сказали всю правду. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду?

— Не совсем, — сказал я, хотя отлично понимал, что он имеет в виду.

Бриз хлопнул себя по колену и смерил меня спокойным долгим взглядом. Без всякой угрозы, даже подозрительности. Он просто выполнял свои обязанности.

— Смотрите. Вас наняли вести дело. Какое именно, нам неизвестно. Филлипс строит из себя частного сыщика. Он тоже ведет дело. Ходит за вами по пятам. Откуда мы знаем, что его дело и ваше дело где-то не пересекаются? А раз так, это уже наше дело. Верно?

— Это лишь один вариант, — сказал я. — Но не единственный. И не мой.

— Не забывайте, что речь идет об убийстве, Марло.

— Я не забываю. Но и вы не забывайте, что я уже давно работаю в этом городе, больше пятнадцати лет. За это время я повидал немало убийств. Одни были раскрыты, другие — нет, а третьи — могли быть раскрыты, но не были. А два-три убийства были раскрыты неверно. Кто-то взял на себя чужую вину и сел — за деньги. Многие об этом знали либо догадывались. Но закрыли глаза. Впрочем, неважно. Такое бывает, но нечасто. Возьмите, к примеру, дело Кессиди. Помните?

Бриз посмотрел на часы.

— Я устал, — сказал он. — Не будем вспоминать дело Кессиди. Займемся лучше делом Филлипса.

— Выслушайте меня. Это важно, — сказал я, покачав головой. — Давайте все-таки вспомним дело Кессиди. Кессиди был очень богатый человек, мультимиллионер. У него был взрослый сын. Как-то ночью в дом сына вызвали полицию, и Кессиди-младшего нашли лежащим на полу на спине с залитым кровью лицом и пулей в голове. В соседней с комнатой ванной лежал его секретарь, тоже на спине. Голова его упиралась в противоположную дверь, ведущую в коридор, а в пальцах левой руки была зажата потухшая сигарета — короткий обгоревший окурок, опаливший кожу между пальцами. Возле правой руки лежал пистолет. Убит он был выстрелом в голову, но не в упор. В тот день у Кессиди была большая пьянка. Полицию вызвали только через четыре часа после смерти, и три из них в доме находился его личный врач. Ну и к какому решению вы пришли?

— Убийство и самоубийство в состоянии опьянения, — вздохнув, сказал Бриз. — Секретарь потерял голову и застрелил Кессиди-младшего. Газеты писали что-то в этом роде. Такого ответа вы от меня ждали?

— Газеты, может быть, и писали, но все было совсем иначе. Более того, об этом знали и вы, и окружной прокурор, и следователей окружного суда отозвали уже через несколько часов после начала расследования. Дознание не проводилось, но все местные репортеры, все сыщики из уголовной полиции знали, что стрелял не секретарь, а сам Кессиди; что напился не секретарь, а Кессиди; что не он секретаря, а секретарь его пытался урезонить, но не получилось; что в последний момент секретарь попытался скрыться, но не успел. Кессиди был убит выстрелом в упор, а секретарь — нет. Секретарь был левшой и, когда в него стреляли, держал сигарету в левой руке. Но и не левша никогда не станет, убивая человека, переключать сигарету из одной руки в другую. Стрелять и при этом небрежно держать в другой руке сигарету могут только гангстеры в кино, а никак не секретари миллионеров. Как вы считаете, чем занимались в течение четырех часов члены семьи и личный врач, прежде чем вызвать полицию? Они делали все, чтобы расследование превратилось в пустую формальность. Почему экспертизой не было установлено наличие пороха на руках? Да потому, что вы не хотели правды. Кессиди был слишком важной персоной. Но ведь убийство есть убийство, не правда ли?

— Они оба умерли, — сказал Бриз. — Не все ли равно, черт возьми, кто кого убил?

— А вам никогда не приходило в голову, что у секретаря могла быть мать, или сестра, или возлюбленная, или все трое? Что они гордились им, верили ему; что они любили парня, из которого вы сделали пьяного

параноика только потому, что у отца его босса было сто миллионов долларов?

Бриз медленно поднял стакан, медленно допил коктейль, медленно опустил стакан и медленно покрутил его на стеклянной поверхности низкого столика. Спенглер сидел неподвижно, глаза блестят, губы разъехались в застывшей улыбочке.

— Договаривайте, — сказал Бриз.

— Пока вы не будете говорить правду самим себе, вам не услышать ее и от меня. Пока вы не научитесь всегда, в любое время, при любых условиях и обстоятельствах, не считаясь с последствиями, докапываться до истины, до тех пор я вправе прислушиваться к голосу совести и защищать своего клиента так, как сочту нужным. И так будет продолжаться до тех пор, пока я не буду уверен, что вы причините ему не больше вреда, чем того требуют интересы справедливости. Либо пока меня не заставят говорить силой.

— Похоже, — сказал Бриз, — вы боретесь с самим собой.

— Черт побери! — воскликнул я. — Давайте лучше еще выпьем. А потом вы расскажете мне о той девице, телефонный разговор с которой вы мне подстроили.

— Эта красотка, — хмыкнул Бриз, — живет в соседней квартире с Филлипсом. Однажды вечером она слышала его разговор с каким-то мужчиной. В дневное время она работает билетершей. Вот мы и решили, что было бы неплохо дать ей послушать по телефону ваш голос. Не берите в голову.

— И какой же у того мужчины был голос?

— Вроде бы неприятный. Ей, во всяком случае, не понравился.

— Понятно: раз неприятный голос, значит, мой.

Я взял три стакана и пошел с ними на кухню.

Пока шел, я забыл, у кого какой стакан, поэтому сполоснул все три, вытер их и едва начал опять готовить коктейли, как у меня за спиной вырос Спенглер.

— Не волнуйтесь, — сказал я, — сегодня вечером коктейли подаются без цианистого калия.

— Ты со стариком поосторожней, — шепнул он мне в затылок. — Он совсем не так прост, как ты думаешь.

— Спасибо за совет.

— Слушай, — сказал он, — я бы почитал про этого Кессиди. Интересное, видать, дело. Наверно, я тогда еще не работал.

— Да, — сказал я, — это было давно. И неправда. Я просто пошутил. — Поставил стаканы на поднос, отнес их в комнату и раздал. Взял свой стакан и вернулся к шахматному столику.

— Очередная липа, — сказал я. — Ваш дружок крадется на кухню и по секрету от вас советует мне быть с вами поосторожней, потому что вы, мол, не так просты, как я думаю. У него для этого как раз подходящее лицо: приветливое, открытое, чуть что — краснеет.

Спенглер сел на край стула и покраснел. Бриз окинул его равнодушным взглядом.

— Что-нибудь узнали о Филлипсе? — спросил я.

— Да, — сказал Бриз. — Филлипс. Джордж Энсон Филлипс. Тяжелый случай. Считал себя детективом, но, похоже, так никого и не убедил в этом. Я разговаривал с шерифом в Вентуре. Он сказал, что Джордж славный парень, может, слишком славный для хорошего полицейского, даже если бы у него была голова на плечах. Джордж делал то, что ему говорили, и делал бы совсем неплохо, если бы еще знал, с какой ноги шагать и в какую сторону идти. Но за годы службы он, что называется, не прибавил. Он был из тех полицейских, которые, пожалуй, могут задержать мелкого воришку, да и то, если видели кражу собственными глазами, а вор, пустившись наутек, врезался бы головой в столб и лишился чувств. В противном случае Джорджу было бы не справиться и ему пришлось бы возвращаться в отделение за инструкциями. Со временем шерифу это надоело, и в один прекрасный день Джорджа из полиции попросили.

Бриз отхлебнул из своего стакана и поскреб подбородок ногтем большого пальца, смахивающим на лезвие лопаты.

— Затем Джордж работал в универмаге в Сайми, у человека по имени Сатклифф. Продажа там велась в кредит, и у покупателей были кредитные книжки, которые доставляли Джорджу немало хлопот. То он вообще забывал записывать стоимость проданного товара, то вписывал счет в чужую книжку. Одни покупатели его поправляли, другие, наоборот, пользовались его забывчивостью. Вот Сатклифф и решил, что Джорджу лучше будет заняться чем-нибудь другим, и Джордж приехал в Лос-Анджелес. Тут он получил наследство, совсем небольшую сумму, но ее все же хватило на то, чтобы приобрести лицензию частного сыщика и снять скромное помещение под контору. Я был там. Комнатка с письменным столом, которую Джордж арендовал на паях с каким-то парнем. Парня зовут Марш. Уверяет, что занимается продажей рождественских открыток. Они договорились, что, если к Джорджу приходит клиент, Марш идет погулять. Где Джордж жил, Марш не знает. По его словам, клиентов у Джорджа не было. Марш, по крайней мере, ни разу не видел, чтобы Джордж вел в конторе какие-то дела. Но Джордж дал объявление в газету и, похоже, нашел-таки клиента. Во всяком случае, с неделю назад Марш обнаружил на своем письменном столе записку, в которой говорилось, что Джордж уезжает из города на несколько дней. Больше Марш о нем ничего не слышал. А Джордж под именем Энсона снял квартиру на Корт-стрит, где и был убит. Вот и все, что мы на сегодняшний день знаем о Джордже. Тяжелый случай.

Он посмотрел на меня спокойным, равнодушным взглядом и поднес стакан к губам.

— Какое он дал объявление? — спросил я.

Бриз поставил стакан, выудил из бумажника тонкий листок бумаги и положил его перед собой на низкий столик. Я подошел, поднял его и прочел:

«Зачем волноваться? Зачем пребывать в сомнении и неведении? Зачем терзаться подозрениями? Обратитесь к невозмутимому, осмотрительному, надежному сыщику — Джорджу Энсону Филлипсу. Гленвью 9521».

Я положил бумажку обратно на стол.

— Ничуть не хуже любого другого частного объявления, — заметил Бриз. — Не похоже, чтобы оно было рассчитано на богатую публику.

— Ему его составила секретарша в газете, — ввернул Спенглер. — Говорит, она с трудом удержалась от смеха, но Джордж решил, что объявление — лучше некуда. Редакция «Кроникл» на Голливуд-бульвар.

— Быстро вы все проверили, — сказал я.

— В информации нам никто не отказывает, — сказал Бриз. — Кроме

вас, пожалуй.

— А что Хенч?

— Ничего интересного. Они с девицей выпивали. Выпьют, попоют, повздорят, послушают радио, сходят поесть, если не забудут. Так, думаю, продолжалось несколько дней. Мы вовремя вмешались. У девицы подбиты оба глаза. Еще один раунд, и Хенч мог бы свернуть ей шею. Таких, как Хенч и его подружка, — пруд пруди.

— А пистолет, от которого отказывается Хенч?

— Тот самый. Пулю мы еще не извлекли, но у нас есть гильза. Лежала под телом Филлипса. Она подходит. Мы пару раз из него выстрелили и сравнили следы на эжекторе с выбоинами на бойке ударника.

— Вы верите, что кто-то сунул пистолет под подушку Филлипса?

— Конечно. Зачем было Хенчу убивать Филлипса? Они даже не были знакомы.

— Откуда вы знаете?

— Знаю. — Бриз развел руками. — Понимаете, есть вещи, которые знаешь, потому что это доказанный факт, а есть вещи, которые знаешь просто потому, что иначе и быть не может. Не станете же вы убивать человека, а потом поднимать шум, привлекая внимание, да еще держать пистолет у себя под подушкой. Девица провела с Хенчем весь день. Убей Хенч кого-то, она бы знала. А она не знает. Знала бы — раскололась. Что ей Хенч? Сегодня он, завтра другой. Забудьте вы про Хенча. Убийца слышит, как орет радио, и понимает, что оно заглушит звук выстрела. На всякий случай он бьет Филлипса по голове, тащит его в ванную и, прежде чем выстрелить, закрывает дверь. Он не пьян. Он делает свое дело, он все время начеку. Выходит из ванной, закрывает дверь, радио замолкает, Хенч с девицей уходят поесть. Как раз в это время.

— Откуда вы знаете, что радио замолчало?

— Мне сказали, — спокойно ответил Бриз. — В этой дыре живут не они одни. Словом, выключили они радио и вышли. Убийца слышит, как они выходят, выглядывает из квартиры Филлипса и видит, что дверь напротив открыта. Иначе бы он не обратил на нее никакого внимания.

— Жильцы доходных домов, уходя, не оставляют двери открытыми. Тем более в таком районе.

— Да, но не пьяные. Пьяные невнимательны. Им трудно сосредоточиться. И они не в состоянии думать о нескольких вещах одновременно. Дверь была открыта, пускай приоткрыта. Убийца вошел спрятать свой пистолет и нашел другой. Его он взял с собой, чтобы Хенчу было еще хуже.

— Вы можете проверить пистолет.

— Пистолет Хенча? Попробуем, но Хенч говорит, что не помнит номера. Если найдем, что-то, возможно, это нам и даст. Хотя сомневаюсь. Пистолет, который у нас есть, мы проверим, но сами знаете, как бывает. Уже вроде бы что-то нащупал, думаешь, ну вот, теперь все пойдет как по маслу, — и тут след вдруг обрывается. Тупик. Подумайте, может, вам что-нибудь еще пригодится из того, что мы узнали?

— Я устал. Фантазия не работает.

— Еще совсем недавно фантазия у вас работала отлично, — сказал Бриз. — Когда речь шла о деле Кессиди.

Я промолчал. Набил трубку, но она оказалась слишком горячей. Положил ее на край стола. Пусть остывает.

— Честное слово, — медленно проговорил Бриз, — даже не знаю, что с вами делать. Нельзя сказать, чтоб вы были на плохом счету. И все-таки не верится, что вам и правда почти ничего не известно о случившемся.

Я опять промолчал.

Бриз подался вперед и раздавил в пепельнице окурок сигары. Допил коктейль, надел шляпу и встал.

— Долго еще собираетесь молчать? — спросил он.

— Не знаю.

— Зато я знаю. Даю вам чуть больше двенадцати часов, до завтрашнего полудня. В любом случае результаты вскрытия мне будут известны только завтра днем. За это время переговорите со своим клиентом и выкладывайте все начистоту.

— А если нет?

— А если нет, я иду к начальнику и говорю ему, что частный сыщик Филип Марло утаивает сведения, необходимые мне для расследования убийства. Уж он-то с вами церемониться не будет.

— Это точно. Вы осмотрели письменный стол Филлипса?

— Конечно. Аккуратный такой парень. В столе ничего не было, кроме какого-то маленького дневника. В нем тоже ничего особенного. Пишет, как ходил на пляж, как повел девушку в кино, но знакомство продолжения не имело. Или как без дела сидел в конторе. Один раз получил из прачечной плохо выстиранное белье, обиделся и исписал целую страницу. В основном же — по три-четыре строчки, не больше... Вот только почерк у него необычный. Пишет печатными буквами.

— Печатными? — переспросил я.

— Да, печатные буквы, чернилами. Не такие, знаете, большие прописные буквы, когда хотят скрыть почерк, а маленькие, аккуратные

печатные букочки — похоже, он так всегда пишет.

— На его визитной карточке был другой почерк.

Бриз на минуту задумался. Потом кивнул:

— Верно. Может быть, вот в чем дело. Ведь на дневнике тоже не было его имени. Может, печатные буквы — это просто игра, игра с самим собой.

— Как у Пеписа?

— Кто это такой?

— Один человек, который давным-давно вел дневник, пользуясь особой системой записи.

Бриз посмотрел на Спенглера, который стоял перед своим стулом, высасывая из стакана последние капли.

— Пошли, хватит с нас, — сказал Бриз. — А то, по-моему, этот парень готовится выдать нам историю еще об одном Кессиди.

Спенглер поставил стакан на стол, и они пошли к выходу. Взявшись за ручку двери, Бриз переступил с ноги на ногу и покосился на меня:

— Вы знаете каких-нибудь высоких блондинок?

— Надо подумать, — ответил я. — Не исключено. Очень высокая?

— Просто высокая. Не знаю, очень или нет. Знаю только, что не ниже высокого мужчины. Дом на Корт-стрит принадлежит итальянцу по имени Палермо. Мы заходили к нему в похоронное бюро напротив. Оно тоже его. Он уверяет, что видел, как примерно в половине четвертого из подъезда вышла высокая блондинка. Управляющий Пассмор не припоминает, чтобы в доме жила такая. По словам итальянца, она красавица. Я склонен ему верить, потому что вас он описал довольно точно. Как она входила в дом, он не видел. Она была в брюках, спортивной куртке и в платке. Из-под платка выбивались светлые волосы, много волос.

— Что-то ничего не приходит в голову, — сказал я. — Но я вспомнил другое. Я записал на конверте номер машины Филлипса. По нему вы можете попробовать узнать его бывший адрес. Сейчас принесу.

Они стояли в дверях, пока я ходил в спальню за конвертом. Отдал его Бризу, тот прочел то, что я на нем записал, и сунул конверт в бумажник.

— Значит, все-таки вспомнили, да?

— Значит, вспомнил.

— Так, так, — сказал он. — Так, так.

И они пошли по коридору к лифту, качая головами.

Я закрыл дверь и вернулся к моему почти не тронутому второму коктейлю. Некрепкий. Отнес стакан на кухню, подлил в него виски из бутылки и со стаканом в руке подошел к окну, где в лиловых сумерках раскачивались податливые кроны эвкалиптов. Снова поднялся ветер. Он

завывал за окном, и стены дома сотрясались от тяжелых глухих ударов, как будто толстой железной проволокой колотят по штукатурке.

Я попробовал коктейль и пожалел, что потратил на него хорошее виски. Выплеснул коктейль в раковину, взял чистый стакан и выпил ледяной воды.

За двенадцать часов ситуация, которая и без того оставалась для меня абсолютно загадочной, усложнится еще больше. Можно, правда, выдать клиента и навести на нее и ее родных полицию. «Если хотите иметь дело с полицией, обращайтесь к Марло. Зачем волноваться? Зачем пребывать в сомнении и неведении? Зачем терзаться подозрениями? Обратитесь к нетрезвому, беспечному, косолапому, опустившемуся сыщику. Филип Марло. Гленвью, 7537. Приходите, и я натравлю на вас лучших полицейских города. Не отчаивайтесь. Не унывайте. Звоните Марло — и ждите ареста».

Шутка получилась невеселой. Я вернулся в комнату и закурил давно остывшую трубку, лежавшую на краю шахматного столика. Медленно затянулся, но трубка по-прежнему пахла горелой резиной. Отложив ее в сторону, я стоял посреди комнаты, покусывая выпяченную нижнюю губу.

Зазвонил телефон. Я поднял трубку и зарычал в нее.

— Марло?

Хриплый шепот. Я его уже слышал.

— Вот что, — сказал я. — Говорите, что вам надо. Кто еще хочет дать мне заработать?

— Ты ведь парень ловкий, — проговорил хриплый голос. — Может, захочешь доставить себе удовольствие.

— И сколько же оно вам будет стоить?

— Скажем, пять сотен.

— Недурно. А что надо делать?

— Не совать нос в чужие дела. Хочешь об этом поговорить?

— Где, когда и с кем?

— Клуб «Веселая долина». В любое время. Морни.

— А вы кто?

В трубке раздался глухой смешок:

— Скажешь, что едешь к Эдди Прю.

Голос пропал. Я положил трубку.

Была почти половина двенадцатого, когда я выкатил машину из гаража и поехал по направлению к перевалу Кахуэнга.

Милях в двадцати от перевала к предгорью поворачивало широкое шоссе с цветущим мхом на разделительной полосе. Ни одного дома вокруг. Шоссе тянулось мили полторы-две, а потом неожиданно обрывалось. Дальше шла, ныряя в горы, извилистая асфальтовая дорога. Это и была Веселая долина.

На склоне первого холма у дороги стояло низкое белое здание с черепичной крышей. У входа, под козырьком, на освещенной прожектором табличке значилось: «Полицейский патруль Веселой долины». Между раздвинутыми створками ворот на дороге светился квадратный белый знак со словом «Стоп». Второй прожектор высвечивал дорогу перед знаком.

Я остановился. Человек в форме со звездой и с пистолетом в плетеной кожаной кобуре через плечо посмотрел сначала на мою машину, а потом на прибитую к столбу доску.

Подошел к машине:

— Добрый вечер. Номера вашей машины у меня нет. Это частная дорога. Едете в гости?

— В клуб.

— В какой?

— «Веселая долина».

— У нас он числится под номером 8777. Клуб мистера Морни?

— Да.

— Вы не член клуба?

— Нет.

— В таком случае я должен выписать вам пропуск. Либо на имя члена клуба, либо — на постоянного жителя Веселой долины. Здесь только частные владения, понимаете?

— Я смотрю, вы не любите незваных гостей.

— Не любим, — он улыбнулся.

— Меня зовут Филип Марло. Еду к Эдди Прю.

— Прю?

— Секретарь мистера Морни. Или что-то в этом роде.

— Подождите минуту.

Он подошел к двери и что-то сказал. Другой человек в форме, сидевший в здании, подключился к рации. Сзади подъехала машина и стала сигналить. Из открытой двери патрульного отделения доносился стук

пишущей машинки. Тот, кто говорил со мной, посмотрел на гудевший автомобиль и махнул ему. Автомобиль объехал меня и растворился в темноте — длинный открытый «седан», на переднем сиденье три красотки с сигаретами — брови подведенные, вид залихватский на манер «а пошли вы все к чертовой матери». Автомобиль сверкнул огнями на повороте и скрылся.

Человек в форме вернулся и положил руку на дверцу машины:

— Все в порядке, мистер Марло. Пожалуйста, зарегистрируйтесь у полицейского в клубе. Клуб в миле отсюда, направо по шоссе. Увидите освещенную стоянку и номер на стене дома. Только номер. 8777. Пожалуйста, не забудьте зарегистрироваться.

— Зачем?

— Мы должны точно знать, куда вы едете. — Очень спокоен, очень вежлив и очень строг. — В этом районе есть что охранять.

— А что будет, если не зарегистрируюсь?

— Вы шутите? — его голос напрягся.

— Нет. Просто интересно.

— Пошлем за вами пару патрульных машин.

— Сколько же их у вас?

— Клуб в миле отсюда, мистер Марло.

Я посмотрел на его пистолет в кобуре у пояса, на жетон, прикрепленный к рубашке.

— И это называется демократией, — сказал я.

Он обернулся, потом сплюнул себе под ноги и опять облокотился на дверцу машины.

— Ты не один такой, — сказал он. — Я знал парня из клуба Джона Рида. В Бойл-Хайтсе.

— Мой товарищ!

— Все эти революционеры хорошо начинают...

— Это точно.

— С другой стороны, чем они хуже здешней шайки богатых жуликов?

— Не ругайся, может, когда-нибудь сам будешь жить здесь.

Он опять сплюнул:

— Не стану я здесь жить, даже если бы мне платили по пятьдесят тысяч в год и укладывали спать в шифоновой пижаме, с жемчужным ожерельем на шее.

— Тебе не угодишь.

— А ты попробуй. Я человек покладистый.

— Ладно, зарегистрируюсь у полицейского в клубе.

— Передай ему, чтоб плюнул себе в левый карман. Скажи, я очень просил.

— Передам непременно.

Сзади подъехала машина и загудела. Я тронулся. Темный лимузин величиной с дом пронзительным гудком сдул меня с дороги и прошелестел мимо.

Здесь ветер стих. Луна светила так ярко, что казалось, будто черные тени выбиты резцом гравера.

За поворотом передо мной раскинулась вся долина. На холмах и у подножия холмов белели тысячи домов, светились десятки тысяч окон, а над ними, держась подальше от патруля, почтительно склонились звезды.

Выходившая на дорогу стена клуба — белая и глухая, без входной двери и окон в цокольном этаже. Номер на стене небольшой, но ярко подсвеченный фиолетовым неоном. 8777. И только. Сбоку, на белой разметке гладкого черного асфальта, под опущенными козырьками фонарей — ровные ряды машин. Между ними в новеньких комбинезонах снует прислуга.

Дорога шла вокруг дома. Вход сзади: тускло освещенное глубокое бетонное крыльцо под навесом из стекла и металла. Я вышел, получил талон с проставленным на нем номером своей машины и отнес талон сидевшему за столом у входа человеку в форме.

— Филип Марло, — сказал я, положив талон перед ним. — Гость.

— Благодарю вас, мистер Марло. — Он записал мое имя и номер машины, вернул мне талон и поднял телефонную трубку.

Негр в белом двубортном кителе, золотых эполетах и фуражке с широким золотым кантом открыл передо мной дверь.

Все как в кино. Роскошные декорации, громкие голоса, первоклассный состав исполнителей и продуманный до мелочей, оригинальный, динамичный сюжет. В нежном полусвете притушенных огней стены, казалось, уходят в бесконечность, растворяясь в усыпанном призывно мерцающими звездами небе. Нога утопает в коврах. Напротив входа из-под арки взбегают вверх широкие, пологие металлические ступени витой, крытой ковром лестницы. У входа в ресторан с равнодушным видом стоит круглолицый метрдотель с широкими атласными лампасами на брюках и с пачкой позолоченных меню под мышкой. На физиономии играет подобострастная улыбка, которая в любой момент может смениться холодным бешенством.

Слева вход в бар. Внутри темно и тихо, среди нагроможденной посуды, словно мотылек, вьется между столиками бармен. Из женской

уборной вышла красивая блондинка в голубом в золоте платье, провела рукой по губам и, что-то напевая себе под нос, повернулась к арке.

Из-под арки донеслись звуки румбы, она улыбнулась и закивала в такт музыке своей золотой головкой. Ее ждал маленький толстяк с красным лицом, блестящими глазками и перекинутой через руку белой шалью. Вцепился толстыми пальцами в ее обнаженный локоть и похотливо заглянул ей в глаза.

Ко мне подошла молоденькая гардеробщица в розовых шароварах. Взяла мою шляпу и неодобрительно посмотрела на мой костюм. В глазах грех.

По лестнице спускалась разносчица сигарет. В волосах белое перо цапли, одежды — кот заплакал, длинные красивые голые ноги, одна посеребренная, другая позолоченная. На лице брезгливое выражение девицы, на свидания с которой записываются за месяц вперед.

Я зашел в бар и опустился на мягкое кожаное сиденье у стойки. Слабо позвякивают бокалы, льется мягкий свет, вкрадчивые голоса шепчут о любви, о десяти процентах, словом, обо всем, что говорится в таких местах.

Высокий, видный мужчина в сером костюме неземного покроя вдруг поднялся из-за столика у стены, подошел к стойке и принялся ругать одного из барменов. Ругал он его долго, громким, хорошо поставленным голосом и такими словами, какие нечасто услышишь от высоких, видных мужчин в хорошо сшитых серых костюмах. Все замолчали и с интересом его разглядывали. Громкий голос врезался в приглушенную румбу, словно лопата в снег.

Бармен стоял совершенно неподвижно и глядел на него. У бармена были вьющиеся волосы, гладкая кожа и широко расставленные внимательные глаза. Он не двигался и не говорил ни слова. Высокий мужчина кончил ругаться и твердой походкой вышел из бара. Все, кроме бармена, смотрели ему вслед.

Бармен медленно прошел вдоль стойки к тому месту, где сидел я, и остановился, смотря в сторону. Лицо белое как полотно. Затем повернулся ко мне и сказал:

— Слушаю, сэр.

— Хочу поговорить с человеком по имени Эдди Прю.

— Вот как?

— Он здесь работает.

— И что же он делает? — голос абсолютно ровный и сухой, как песок.

— Состоит при хозяине, насколько я понимаю.

— Ах, Эдди Прю, — он медленно облизнул губы и стал кругами водить тряпкой по стойке. — Ваше имя?

— Марло.

— Марло. Пока будете ждать, выпьете что-нибудь?

— Сухой мартини.

— Мартини, говорите? Значит, сухой-пресухой?

— Так точно.

— С ложечки будем пить или прикажете подать вилку с ножом?

— Разрежь на кусочки. Я его погрызу.

— По дороге в школу. Оливку в портфель положить?

— Лучше запусти ее мне в лоб. Если руки чешутся.

— Слушаю, сэр. Один сухой мартини.

Он отошел, потом вернулся и, перегнувшись через стойку, сказал:

— Я неправильно смешал коктейль. Клиент указал мне на ошибку.

— Я обратил внимание.

— Он вел себя как настоящий джентльмен. Как большой начальник, который указывает подчиненному на его мелкие промахи. Да вы сами слышали.

— Да, — ответил я, думая про себя, сколько еще все это будет продолжаться.

— Он не стеснялся в выражениях, этот джентльмен. А я, можно сказать, оскорбил вас.

— Я так и понял.

Он поднял палец и задумчиво посмотрел на него:

— Взял и оскорбил. Совершенно незнакомого человека.

— Все из-за моих больших карих глаз. У них такой беззащитный взгляд.

— Спасибо, друг, — сказал он и тихо отошел.

Я видел, как он говорит по телефону на другом конце стойки. Потом встряхивает шейкером. Когда бармен вернулся с моим мартини, он окончательно пришел в себя.

С бокалом мартини я подошел к маленькому столику у стены, сел и закурил. Прошло пять минут. Я даже не заметил, что теперь из-за узорчатой перегородки доносилась совсем другая музыка. Пела девушка. У нее был сильный, низкий ниже некуда — и очень приятный голос. Она исполняла «Черные глаза», и оркестр у нее за спиной, казалось, засыпает.

Когда она кончила петь, слышались громкие аплодисменты и свист.

Сидевший за соседним столиком мужчина сказал своей даме:

— Линда Конквест опять поет здесь с оркестром. Я слышал, она вышла замуж за какого-то богатого парня из Пасадены, но брак расстроился.

— Голос славный, — сказала девушка, — хотя я и не люблю эстрадных певичек.

Я хотел было встать, но в этот момент на мой стол легла тень. За спиной у меня стоял человек.

Человек громадного роста, с неподвижным лицом и запавшим, невидящим, заплывшим кровью правым глазом. Был он так высок, что ему пришлось наклониться, чтобы положить руку на спинку свободного стула напротив. Так он и стоял, внимательно разглядывая меня, а я сидел, высасывал последние капли мартини и слушал низкий женский голос, исполнявший уже другую песню. Похоже, здешняя публика предпочитала медленную музыку. Спешки, наверно, и на работе хватало.

— Прю — это я, — произнес он хриплым шепотом.

— Я так и понял. Вы хотите поговорить со мной, а я — с вами. А еще я хочу поговорить с девушкой, которая только что пела.

— Пойдемте.

В противоположном конце бара была запертая дверь. Прю отпер ее, придержал, и мы, свернув налево, поднялись по застеленной ковром лестнице. Длинный прямой коридор с несколькими закрытыми дверями. В конце коридора за сетчатым окном мерцала звезда. Прю постучал в дверь рядом с окном, открыл ее и пропустил меня внутрь.

Кабинет уютный, хотя и небольшой. В углу, возле балконной двери, — обитое материей встроенное сиденье. У балкона спиной к нам стоит человек в белом смокинге. Голова седая. Большой черный металлический сейф, шкафы с бумагами, большой глобус на подставке, маленький встроенный бар и, как водится, массивный, широкий письменный стол, а за

ним обитый кожей стул с высокой спинкой.

Я окинул глазами стол. Все стандартное и все медное. Медная настольная лампа, медный письменный прибор, пепельница из стекла и меди с медным слонем на ободке, нож для бумаги с медной ручкой, медный термос на медном подносе, медное пресс-папье. В медной вазе букетик душистого горошка — и тот почти что медного цвета. Богатейшие залежи меди.

Человек у окна повернулся, и я увидел, что ему за пятьдесят, что у него густые мягкие пепельно-седые волосы и тяжелое красивое лицо, в котором не было бы ничего примечательного, если бы не затянувшийся шрам на левой щеке, больше похожий на глубокую ямочку. Ямочку я вспомнил. Без нее я бы его не узнал. Вспомнил, что лет десять назад видел его в кино. Про что фильм, как назывался, кого он играл — я забыл, а вот смуглое тяжелое красивое лицо и затянувшийся шрам запомнил. Волосы у него тогда были темные.

Он подошел к столу, сел, взял нож для бумаг и провел лезвием по основанию большого пальца. Равнодушно глянул на меня и бросил:

— Вы Марло?

Я кивнул.

— Садитесь.

Я сел. Эдди Прю сел на стул у стены и оторвал передние ножки стула от пола.

— Не люблю ищеек, — сказал Морни.

Я пожал плечами.

— Не люблю их по многим причинам. Не люблю их никогда и ни при каких обстоятельствах. Не люблю, когда они надоедают моим друзьям. Не люблю, когда вяжутся к моей жене.

Я промолчал.

— Не люблю, когда они допрашивают моего шофера или грубят моим гостям.

Я промолчал.

— Одним словом, не люблю их, и все.

— Кажется, я начинаю понимать, что вы имеете в виду.

Он вспыхнул и сверкнул глазами.

— С другой стороны, — продолжал он, — как раз сейчас вы мне можете пригодиться. Если поладим, в накладе не останетесь. Даже выиграете.

— Что же?

— Время и здоровье.

— По-моему, эту пластинку я уже где-то слышал. Не помню только, как она называется.

Он отложил нож, распахнул дверцу стола и вынул хрустальный графин. Наполнил стакан, выпил, заткнул графин пробкой и убрал его обратно в стол.

— У нас в грубиянах недостатка нет, — сказал он. — И выскочек тоже хватает. Занимайтесь своим делом, а я буду заниматься своим, и все будет в порядке. — Он закурил. Его рука слегка дрожала.

Я взглянул на великана, который сидел, привалившись к стене, словно бродяга у деревенского магазинчика. Застыл, длинные руки повисли, серое морщинистое лицо абсолютно ничего не выражает.

— Кто-то что-то говорил о деньгах, — сказал я Морни. — К чему бы это? Я знаю, из-за чего вы подняли шум. Думаете меня запугать?

— Еще одно слово, — сказал Морни, — и у вас будет костюмчик со свинцовыми пуговицами.

— Подумать только! Бедный, старый Марло в костюмчике со свинцовыми пуговицами.

Эдди Прю издал горлом хриплый звук, который, быть может, означал смех.

— Когда вы говорите, чтобы я занимался своим делом и не лез в ваше, то не учитываете, что наши интересы могут в чем-то совпадать. И не по моей вине.

— Только этого не хватало. Почему вы так решили? — он быстро поднял на меня глаза и тут же опять опустил.

— Хотя бы потому, что ваш подручный звонит мне по телефону и пытается запугать до смерти. Вечером того же дня звонит еще раз и говорит о пяти сотнях и о том, что я не проиграю, если приеду сюда и встречу с вами. Или, например, потому, что тот же подручный или кто-то другой, очень на него похожий (что, впрочем, маловероятно), следит за одним парнем, тоже сыщиком, которого, между прочим, убили сегодня днем в доме на Корт-стрит в Банкер-Хилле.

Морни вынул сигарету изо рта и, прищурившись, посмотрел на ее кончик. Каждое движение, каждый жест прямо из журнала мод.

— Кого же убили?

— Молодого парня, блондина. Зовут Филлипс. Вам бы он не понравился. Ведь он тоже был ищейкой. — Я описал ему Филлипса.

— Первый раз слышу.

— И еще потому, что сразу после убийства из дома вышла высокая блондинка, которая там не живет.

— Какая еще высокая блондинка? — его голос немного изменился. Напрягся.

— Не знаю. Человек, который ее видел, сумел бы опознать ее, если бы увидел еще раз. Разумеется, к убийству Филлипса она может и не иметь отношения.

— Этот Филлипс был сыщиком?

— Я уже повторял вам дважды.

— Почему его убили и как?

— Избили, а потом застрелили у него на квартире. Почему — мы не знаем. Знали бы — догадались, кто убийца. Такие дела.

— Кто это «мы»?

— Полиция и я. Я нашел тело. Вот мне и пришлось с ними пообщаться.

Передние ножки стула, на котором сидел Прю, неслышно опустились на ковер. Он посмотрел на меня. Сонный взгляд его здорового глаза мне не понравился.

— Что вы сказали легавым? — спросил Морни.

— Почти ничего. Кстати, судя по вашим первым замечаниям, вы знаете, что я ищу Линду Конквест. Миссис Лесли Мердок. Я нашел ее. Она поет здесь. Не понимаю только, почему из этого надо было делать тайну. По-моему, ваша жена или мистер Венниер могли бы рассказать мне, где она. Но почему-то не рассказали.

— С ищайками моей жене говорить не о чем.

— Несомненно, у нее есть основания молчать. Впрочем, это уже не так важно. Теперь мне и мисс Конквест видеть необязательно. И все же мне бы хотелось перекинуться с ней словом. Если вы не против.

— А если против?

— Все равно я хотел бы поговорить с ней. — Доставая из кармана сигарету и разминая ее в пальцах, я любовался его густыми, еще темными бровями. Какая форма, какой изгиб! Прю хмыкнул. Морни посмотрел на него, нахмурился, а потом так же хмуро опять посмотрел на меня:

— Я спрашиваю, что вы сказали легавым?

— Постарался сказать как можно меньше. Филлипс пригласил меня к себе домой. Дал понять, что дело, которое он ведет, ему не нравится, что он запутался и нуждается в помощи. Когда я пришел к нему, он был уже мертв. Об этом я и рассказал полиции. Они не поверили, что я рассказал им все как было. Они убеждены, что я многое скрыл. До завтрашнего полудня я должен восстановить всю историю. Что и пытаюсь сделать.

— В таком случае вы зря сюда ехали.

— Но ведь вы, кажется, сами меня вызвали.

— Мы вас не держим. Можете убираться, если хотите. А можете за пятьсот долларов поработать на меня. Но в любом случае не вздумайте путать нас с Эдди в ваши дела с полицией.

— Что за работа?

— Вы были у меня сегодня утром. Сами можете догадаться.

— Я разводами не занимаюсь.

Он побелел:

— Я люблю свою жену. Мы женаты всего восемь месяцев. Развод мне не нужен. С ней все в порядке, она обычно сама понимает, что можно, а чего нельзя. Но на этот раз она, похоже, связалась с темным типом.

— Темным в каком смысле?

— Не знаю. Как раз это меня и интересует.

— Говорите прямо. Чего вы хотите? Чтобы я работал на вас или чтобы я не работал на своего теперешнего клиента?

Прю опять хмыкнул.

Морни снова налил себе бренди и быстро выпил. На лице появился румянец. На мой вопрос он не ответил.

— Говорите прямо, — повторил я, — вам безразлично, с кем общается ваша жена, лишь бы не с Венниером, так? Я вас правильно понял?

— Я доверяю ее сердцу, — медленно проговорил он. — Но не уму. Скажем так.

— И вы хотите, чтобы я что-нибудь разузнал про этого Венниера?

— Я хочу знать, что он затеял.

— А разве он что-то затеял?

— Думаю, да. Не знаю только, что именно.

— Думаете или хотите думать?

Некоторое время он внимательно смотрел на меня, потом выдвинул средний ящик, засунул туда руку и бросил мне через стол сложенный лист бумаги. Я взял его и развернул. Напечатанная через копирку копия серого бланка: «Компания „Кол-Вестерн“ по поставке стоматологического оборудования». Адрес. Счет на 30 фунтов кристоболита Керра — 15 долларов 75 центов, и на 25 — альбастана Уайта — 7 долларов 75 центов, плюс налог. Выписан на имя Х. Р. Тигера, под задаток. Фиолетовый штампель «Оплачено». В углу подпись: Л. Г. Венниер.

Я положил бумагу на стол.

— Как-то ночью, когда он был здесь, этот листок выпал у него из кармана, — пояснил Морни. — Дней десять назад. Эдди своей изящной ножкой наступил на бумагу, и Венниер не заметил, что обронил ее.

Я посмотрел на Прю, потом на Морни, потом на свой большой палец:

— Так вы полагаете, я знаю, что это такое?

— А я-то считал вас дельным сыщиком. Думал, сами разберетесь.

Я опять взглянул на бумагу, сложил ее и сунул в карман:

— Просто так, надо думать, вы бы мне ее не дали.

Морни подошел к черному хромированному сейфу у стены и открыл его. Вернулся к столу с пятью новенькими сотенными бумажками, держа их веером, как игральные карты. Аккуратно сложил их в стопку, перетасовал и бросил передо мной на стол.

— Вот ваши пять сотен. Если избавите мою жену от Венниера, то получите еще столько же. Мне безразлично, что вы будете делать и как. Главное — результат.

Я потыкал пальцем в новенькие, хрустящие кредитки. Потом отодвинул их от себя.

— Заплатите, когда будет за что, — сказал я. — А сегодня в качестве аванса дайте мне поговорить с мисс Конквест.

К деньгам Морни даже не прикоснулся. Поднял квадратную бутылку и налил себе еще бренди. На этот раз налил и мне. Подвинул стакан через стол.

— А что касается убийства Филлипса, — сказал я, — ваш Эдди одно время следил за ним. Не скажете зачем?

— Нет.

— Понимаете, в таких делах выдать может кто угодно. Стоит убийству попасть в газеты, и никогда не известно, что выплывет. А вы подумаете на меня.

Он пытливо посмотрел на меня и сказал:

— Не подумаем. Поначалу я был с вами немного резок, но вы себя неплохо проявили. Я вам доверяю.

— Благодарю. Может, скажете, зачем велели Эдди пугать меня по телефону?

Он опустил глаза и постучал по столу:

— Мы с Линдой старые друзья. Мердок-младший приезжал сюда сегодня днем. Сказал Линде, что вы работаете на старуху Мердок. Линда передала мне. Что у вас сейчас за работа, я не знаю. Но раз вы говорите, что разводами не занимаетесь, значит, старуха вряд ли могла поручить вам что-нибудь в этом роде. — Тут он поднял глаза и пристально посмотрел на меня.

Я тоже пристально смотрел на него и ждал.

— Я просто люблю своих друзей, — заключил он. — И не хочу, чтобы

к ним вязались сыщики.

— Мердок должен вам деньги, не так ли?

Он нахмурился:

— На такие вопросы я не отвечаю.

Он допил бренди, кивнул и встал:

— Сейчас пришло к вам Линду. Забирайте деньги.

Он направился к двери и вышел. Эдди Прю расправил свое долговязое тело, встал, вяло и бессмысленно улыбнулся мне и поплелся за Морни.

Я закурил еще одну сигарету и опять взглянул на счет компании по поставке стоматологического оборудования. Что-то слабо шевельнулось в памяти. Подошел к окну и посмотрел на долину. По направлению к большому дому с освещенной башней из стекла и бетона взбиралась в гору, петляя на поворотах, машина. Освещенная фарами дорога сворачивала к гаражу. Фары погасли, и в долине стало как будто бы еще темнее.

Было очень тихо и довольно прохладно. Оркестр находился, по-видимому, где-то у меня под ногами. Музыка звучала приглушенно, и расслышать мелодию я не мог.

У меня за спиной, на пороге, появилась Линда Конквест. Закрыла за собой дверь, остановилась и посмотрела на меня холодными темными глазами.

Она была похожа и не похожа на свою фотографию. Крупный наглый рот, короткий нос, большие нахальные глаза, темные волосы с четкой белой линией пробора посередине. Поверх платья белая куртка с поднятым воротником. Руки в карманах куртки, во рту сигарета.

Выглядит старше, чем на фотографии, взгляд жестче, а губы, кажется, забыли, что значит улыбаться. Они улыбались, когда пели, — искусственной, фальшивой улыбкой. Но в жизни были тонкими, поджатыми и злыми.

Она подошла к столу и остановилась, опустив голову, как будто считала медные безделушки. Увидела хрустальный графин, вынула пробку, налила себе бренди и неуловимым движением запястья отправила содержимое в рот.

— Вы Марло? — спросила она, взглянув на меня. Прижалась бедром к столу и скрестила ноги.

— Я Марло.

— Сразу говорю, у вас со мной ничего не выйдет. Так что выкладывайте свое дело и проваливайте.

— Типичный ночной клуб! У ворот фараон, в дверях негр, полуголые разносчицы сигарет и гардеробщицы; толстый, сальный, похотливый еврей с высокой скучающей шлюхой; одетый с иголки, пьяный, грубый босс, ругающий бармена последними словами; верзила с пистолетом за пазухой, владелец клуба с мягкими седыми волосами и ухватками второразрядного киноактера, а теперь вы: высокая смуглая дива с небрежной ухмылкой, хриплым голосом и крепкими выражениями.

— Вот как? — сказала она, вставила в рот сигарету и медленно затянулась. — Вы еще забыли назвать языкастого сыщика с прошлогодними хохмами и сладкой улыбочкой.

— Хотите знать, почему я решил поговорить с вами?

— Умираю от любопытства.

— Она хочет, чтобы его ей вернули. И поскорей. Иначе будут неприятности.

— Я думала... — она хотела что-то сказать, но осеклась. Я заметил, как, теребя сигарету и опустив голову, она справилась с любопытством. — Что вернули, мистер Марло?

— Дублон Брешера.

Она подняла на меня глаза и кивнула, вспоминая что-то — делая вид, что вспоминает:

— Ах, дублон Брешера.

— По-моему, вы совершенно забыли о нем.

— Да нет. Я его несколько раз видела. Говорите, старуха хочет, чтобы его ей вернули? Значит, она думает, что дублон взяла я?

— Вот именно.

— Мерзкая врунья.

— Думать — еще не значит врать. Вот ошибаться иногда случается. Она не права?

— Зачем мне ее дурацкая старая монета?

— Как зачем? Она стоит больших денег. Старуха предполагает, что вам понадобились деньги. Ведь она не из щедрых.

— Это точно. — Линда язвительно хмыкнула. — Миссис Элизабет Брайт Мердок очень щедрой никак не назовешь.

— Может, вы взяли монету назло, а? — спросил я с надеждой в голосе.

— Может, дать вам по физиономии, а? — Она затушила сигарету о медный аквариум, ножом для бумаги рассеянно проткнула окурок и бросила его в мусорную корзину.

— А теперь перейдем к более важному делу. Вы дадите ему развод?

— За двадцать пять тысяч, — ответила она, не глядя на меня, — с превеликим удовольствием.

— Вы его не любите?

— Сгораю от страсти.

— А он любит вас. В конце концов, вы же вышли за него замуж.

Она лениво посмотрела на меня:

— Послушайте, мистер, неужели вы думаете, что я не заплатила за эту ошибку? — она опять закурила. — Девушка ведь должна как-то жить. И это совсем не всегда так просто, как кажется. Вот она и ошибается, неудачно выходит замуж, надеется, что брак даст ей положение и все прочее, а ничего не выходит.

— Надеется, а сама не любит.

— Не сочтите меня циничной, Марло. Но знали бы вы, сколько девушек выходит замуж, только чтобы иметь свой дом, особенно если нет больше сил отбиваться от самоуверенных бездельников, которые шатаются по притонам, как этот!

— У вас же был свой дом, вы сами отказались от него.

— Он мне слишком дорого обходился. С этой старой проспиртованной аферисткой трудно иметь дело. Как она вам?

— Бывали и хуже.

Она стряхнула с губы крошку табака:

— Вы заметили, как она обращается с этой девушкой?

— С Мерл? Проходу ей не дает.

— Мало того. Играет с ней, как с куклой. У девушки было какое-то тяжелое нервное потрясение, вот старая ведьма и воспользовалась. Полностью ее себе подчинила. На людях кричит на нее, а наедине, бывает, гладит по голове и шепчет что-то на ухо. Девчонка прямо вся трясется от ужаса.

— Этого я не заметил.

— Она влюблена в Лесли и сама об этом не подозревает. Еще совсем ребенок. Мне кажется, в их семье на днях что-то произойдет. Слава богу, меня там не будет.

— Вы неглупая девушка, Линда. Волевая, предусмотрительная. Наверно, выходя замуж, вы рассчитывали разбогатеть.

Она скривила губы:

— Какое там — хотя бы перевести дух. И того не получилось. Она хитрая, жестокая женщина, Марло. Говорит одно, а делает другое. Темная личность. Будьте с ней поосторожней.

— Может убить пару человек?

Она засмеялась.

— Я не шучу. Уже убито двое, и, по крайней мере, один из них имел дело с редкими монетами.

— Не поняла, — она пристально посмотрела на меня. — Правда, убиты?

Я кивнул.

— Вы сказали Морни?

— Только об одном из них.

— А полиции?

— Об одном. О том же самом.

Она внимательно смотрела на меня, а я — на нее. Лицо немного бледное или просто усталое. По-моему, теперь еще бледнее, чем раньше.

— Все выдумали, — сказала она сквозь зубы.

Я хмыкнул и кивнул. Она вроде бы успокоилась.

— Стало быть, дублон Брешера вы не брали. Допустим. А как с разводом?

— Не ваше дело.

— Согласен. Что ж, спасибо. Кстати, знаете человека по имени Венниер?

— Да, — ее лицо застыло. — Видела всего пару раз. Он знакомый Лоис.

— Причем очень близкий.

— Ему тоже на днях не поздоровится.

— Очень может быть, если судить по некоторым намекам в его адрес. Что-то в нем есть. Всякий раз, когда упоминаешь его имя, собеседник почему-то теряется.

Она смотрела на меня и молчала. Мне показалось, что у нее в глазах мелькнула какая-то мысль, но какая — я так и не узнал.

— Морни его точно убьет, если он не отвяжется от Лоис.

— Будет вам. Ваша Лоис виснет на первом встречном. Слепому ясно.

— Может, Алексу-то как раз и неясно.

— Неважно. Венниер к моему делу отношения не имеет. С Мердоками он никак не связан.

Она криво усмехнулась и сказала:

— Правда? Давайте я вам кое-что расскажу. Просто так. По простоте душевной. Венниер знает Элизабет Брайт Мердок. Хорошо знает. Когда я еще жила у них, он заходил всего раз, зато звонил довольно часто. Иногда трубку брала я. Он всегда просил к телефону Мерл.

— Гм, забавно. Мерл, говорите?

Она наклонилась погасить сигарету, опять проткнула окурком и бросила его в мусорную корзину.

— Я ужасно устала, — неожиданно сказала она. — Пожалуйста, уходите.

Задумавшись и глядя на нее, я постоял с минуту, а потом сказал:

— Спокойной ночи и спасибо. Желаю удачи.

Я вышел, а она осталась. Руки в карманах белой куртки, голова опущена, глаза смотрят в пол.

Когда я вернулся в Голливуд, поставил машину в гараж и поднялся к себе, было уже два часа ночи. Ветра не было, но в воздухе по-прежнему ощущалось сухое и легкое дыхание пустыни. В квартире нечем было дышать, разве что запахом сигары Бриза. Я открыл окно и проветрил комнату. Разделся и вывернул карманы пиджака.

В них среди прочего мне попался и счет компании по поставке стоматологического оборудования. Счет как счет, выписан какому-то Х. Р. Тигеру на 30 фунтов кристоболита и 25 фунтов альбастона.

Я притащил на письменный стол в гостиной телефонную книгу и отыскал в ней Тигера. И тут все стало на свои места. Его адрес: Западная Девятая улица 422. Адрес Белфонт-билдинг — Западная Девятая улица

422.

Из конторы Морнингстара я ретировался по черной лестнице и на одной из дверей шестого этажа видел табличку: «Зубоврачебная лаборатория. Х. Р. Тигер».

Но даже пинкертонам нужен сон, а уж Марло — и подавно. Я отправился спать.

В Пасадене было так же жарко, как и накануне, большой мрачный дом из красного кирпича на Дрезден-авеню выглядел таким же неприветливым, а негритенок на тумбе — таким же грустным. На куст гортензии села та же бабочка — или ее родственница, утренний воздух был так же раскален, а дверь открыла та же самая гримза с грубым голосом американских пионеров.

Она повела меня по тем же коридорам в ту же мрачную комнату. Там в том же самом плетеном кресле сидела миссис Элизабет Брайт Мердок, и, когда я вошел, она наливала себе портвейн из вчерашней бутылки, а точнее, из ее внучки.

Служанка закрыла дверь, я сел, положив, как и вчера, шляпу на пол, и миссис Мердок смерила меня таким же суровым, пристальным взглядом:

— Итак?

— Дело плохо. За мной следит полиция.

Она испугалась не больше, чем говяжья грудинка:

— Вот как. Я считала вас более опытным.

Я пропустил ее слова мимо ушей.

— Когда вчера утром я уехал от вас, за мной увязался какой-то тип в двухместной машине. Что он здесь делал и как сюда попал, я не знаю. Может быть, он выследил меня еще по пути сюда, но в этом я не уверен. Мне удалось уйти от него, но он возник опять, на этот раз у дверей моей конторы. Опять поехал за мной, и тогда я поинтересовался, что ему надо. Он ответил, что знает меня, что ему нужна помощь, и позвал меня к себе домой, в Банкер-Хилл. Побывав у мистера Морнингстара, я поехал туда и нашел его труп на полу в ванной.

Миссис Мердок сделала глоток портвейна. Мне показалось, что у нее слегка дрожит рука, но в комнате было темно, и я мог ошибиться. Откашлялась:

— Дальше.

— Его звали Джордж Энсон Филлипс. Молодой блондин, довольно бестолковый. Считал себя частным сыщиком.

— Первый раз слышу, — холодно заметила миссис Мердок. — Если мне не изменяет память, я никогда его не видела и ничего о нем не знаю. Вы решили, что я наняла его следить за вами?

— Ничего я не решил. Он сказал, что нам с ним надо объясниться, и

дал понять, что работает на кого-то из вашей семьи. Но уточнять не стал.

— На нас он не работает. В этом можете не сомневаться. — Низкий голос, твердый, как скала.

— По-моему, вы знаете о своей семье меньше, чем вам кажется, миссис Мердок.

— Я знаю, вы допрашивали моего сына — вопреки моим указаниям, — сухо сказала она.

— Не я его допрашивал, а он меня. Пытался, по крайней мере.

— К этому мы еще вернемся, — резко сказала она. — Так вы говорите, что нашли труп молодого человека? Из-за чего у вас и возникли сложности с полицией? Так?

— Так. Они хотят знать, почему он следил за мной, на кого я работаю, почему он обратился ко мне, почему позвал к себе и почему я поехал. Но это еще не все.

Она допила бокал и опять его наполнила.

— Как ваша астма? — спросил я.

— Плохо, — ответила она. — Продолжайте.

— Я был у Морнингстара. Я уже говорил вам по телефону. Он сделал вид, что у него нет дублона Брешера, но признал, что монету ему предлагали, и сказал, что может достать ее. О чем я вам и сообщил. На это вы ответили, что вам вернули монету. Вот так.

Я сделал паузу, рассчитывая, что она сама расскажет, как получила назад монету, но старуха молчала, с мрачным видом уставившись на меня сквозь стекло бокала.

— Так вот, поскольку я договорился с Морнингстаром, что заплачу ему тысячу долларов за монету...

— На это вы не имели никакого права, — рявкнула она.

Я кивнул в знак согласия:

— Может быть, я его и обманывал. Себя-то я точно обманывал. Во всяком случае, после нашего разговора по телефону я попытался связаться с ним, чтобы сказать, что сделка отменяется. В телефонной книге есть только его служебный номер. Я поехал к нему в контору. Было уже довольно поздно. Лифтер сказал, что он еще не спускался. Он лежал на спине, на полу, мертвый. Умер от удара по голове и, вероятно, от шока. Старики вообще легко умирают. Возможно, удар и не был смертельным. Я позвонил в больницу скорой помощи, но не назвался.

— Правильно сделали.

— Не уверен. Я поступил предусмотрительно, но едва ли правильно. Я не хочу портить себе репутацию, миссис Мердок. Вы, очевидно, превратно

истолкуете мои слова. Но ведь на протяжении всего нескольких часов произошло два убийства, и оба тела нашел я. И обе жертвы каким-то образом связаны с вашим дублоном Брешера.

— Не понимаю. Что, молодой человек тоже?

— Да. Разве я не говорил вам по телефону? Мне казалось, что говорил. — Я наморщил лоб, пытаясь припомнить наш телефонный разговор. — Конечно, говорил.

— Очень может быть, — спокойно сказала она. — По правде говоря, я не очень-то прислушивалась к вашим словам. Ведь дублон уже был у меня. И ваш голос показался мне нетрезвым.

— Я был трезв. У меня мог быть легкий шок, но пьяным я не был. Уж очень вы ко всему спокойно относитесь.

— Что вы от меня хотите?

Я глубоко вздохнул:

— В одном убийстве я уже замешан, так как нашел тело и сообщил в полицию. Теперь могу оказаться замешанным во втором, поскольку нашел тело, но не сообщил в полицию. Что для меня гораздо серьезнее. Пока же меня обязали не позже полудня сообщить имя моего клиента.

— Это называется злоупотребление доверием, — так же спокойно возразила она. — На это вы не пойдете, я уверена.

— Слушайте, оторвитесь вы наконец от вашего проклятого портвейна и постарайтесь вникнуть в ситуацию, — огрызнулся я.

Она немного удивилась и отодвинула от себя бокал — дюйма на четыре, не больше.

— У Филлипса была лицензия частного детектива. Как получилось, что я нашел его тело? Он следил за мной, я заговорил с ним, и он позвал меня к себе. Когда я приехал, его уже не было в живых. Все это полиция знает. И возможно, даже верит, что так оно и было. Но в случайность нашего знакомства они не верят. Они считают, что между нами существовала тесная связь, и хотят знать, чем я сейчас занимаюсь, на кого работаю. Ясно?

— Полагаю, вы найдете возможность выйти из создавшегося положения. Разумеется, это будет стоить мне еще денег.

Я чувствовал, что меня водят за нос. Во рту пересохло. Нечем было дышать. Я опять набрал воздуха и нырнул в лохань ворвани, которая находилась напротив меня в плетеном шезлонге. Ее невозмутимости мог бы позавидовать директор банка, отказывающий в ссуде.

— Сейчас, на этой неделе, сегодня я работаю на вас. На следующей неделе надеюсь работать на другого клиента. А через две недели на кого-то

еще. Для этого я должен сохранять приличные отношения с полицией. Они не обязаны любить меня, но должны быть уверены, что я их не обманываю. Предположим, Филлипс ничего не знал про дублон Брешера. Предположим даже, знал, но его убийство с монетой никак не связано. Однако и тогда я обязан сообщить полиции то, что мне о нем известно. А они обязаны допрашивать тех, кого сочтут нужным. Неужели не понятно?

— Разве по закону вы не имеете права защищать своего клиента? — буркнула она. — Если нет, то какой вообще смысл нанимать частных детективов?

Я встал, обошел свой стул и опять сел. Подался вперед и с такой силой сдавил пальцами колени, что побелели суставы:

— Закон, какой бы он ни был, строится на взаимных уступках, миссис Мердок. Как, собственно, и все остальное. Даже если бы по закону я и имел право молчать, даже если бы один раз мне это сошло с рук, больше работать я бы не смог. Меня бы взяли на заметку, а уличить всегда бы нашли возможность. Я ценю работу, которую вы мне предложили, но не настолько, чтобы ради вас перерезать себе горло и обливаться кровью, уткнувшись в ваши колени.

Она потянулась к бокалу и осушила его.

— Получается, что вы провалили все дело. Мою невестку вы не нашли, дублон Брешера тоже. Зато нашли парочку трупов, к которым я не имею никакого отношения, и представили дело так, будто я должна сообщить в полицию о своих сугубо личных делах, чтобы защитить вас от вашей же некомпетентности. Такое у меня создалось впечатление. Если я ошибаюсь, можете меня поправить.

Она налила себе еще портвейна, сделала, как видно, слишком большой глоток и поперхнулась. Дрожащей рукой поставила бокал на стол, расплескав вино. Резко подалась вперед и густо покраснела.

Я вскочил, бросился к ней и с такой силой хватил ее по мясистой спине, что не устояло бы и здание муниципалитета.

Она издала протяжный сдавленный вопль, мучительно втянула в себя воздух и перестала кашлять. Я нажал на кнопку селектора, услышав в металлическом диске громкий металлический голос, сказал: «Стакан воды миссис Мердок! Быстро!» — и отпустил кнопку.

Потом опять сел и стал смотреть, как она приходит в себя. Когда дыхание стало ровнее, я сказал:

— Напрасно думаете, что вы все можете. Ничего вы не можете. Просто привыкли иметь дело с людьми, которые вас боятся. С полицией вам не справиться. Эти ребята — профессионалы, а вы всего-навсего

избалованный любитель.

Дверь открылась, и вошла служанка с кувшином ледяной воды и стаканом. Поставила их на стол и вышла.

Я налил миссис Мердок воды и вставил стакан ей в руку:

— Пейте маленькими глотками, не все сразу. Может, это и невкусно, зато полезно.

Она сделала пару глотков, потом отпила половину, потом поставила стакан на стол и вытерла губы.

— Подумать только, — проскрежетала она, — что из всех частных сыщиков мне попался именно тот, который позволяет себе поносить меня в моем собственном доме.

— Сейчас это уже не имеет значения. У нас мало времени. Подумайте лучше, что мы скажем полиции.

— На полицию мне наплевать. Но если вы назовете им мое имя, я расценю ваш поступок как грубейшее нарушение нашего договора.

Приходилось все начинать сначала:

— Убийство в корне меняет дело, миссис Мердок. Здесь нельзя врать. Нам придется рассказать им, почему вы меня пригласили и по какому делу. В газетах они наши показания не напечатают. Если, конечно, поверят нам. Разумеется, они не поверят, что вы наняли меня следить за Морнингстаром только потому, что тот позвонил узнать, не продается ли дублон. Возможно, они и не узнают, что вы все равно не могли продать монету, даже если бы захотели, потому что не подумают об этой стороне дела. Но они никогда не поверят, что вы нанимаете частного сыщика только за тем, чтобы собрать сведения о возможном покупателе вашей вещи. В самом деле, зачем?

— Это мое дело, не правда ли?

— Нет. Так от полиции не отвяжешься. Вы должны сделать вид, что с ними откровенны и что вам нечего скрывать. До тех пор, пока они думают, что вы что-то скрываете, они от вас не отстанут. Предложите им разумную, правдоподобную версию и они уйдут довольные. А самая разумная и правдоподобная версия — это правда. Так скажем правду?

— Ни в коем случае. По-вашему, мы должны рассказать им, что я подозревала свою невестку в краже монеты, но ошиблась?

— Почему бы и нет?

— И что монету мне вернули и как вернули?

— Почему бы и нет?

— Но ведь это унижительно.

Я пожал плечами.

— Вы бесчувственное животное! — завопила она. — Гнусный хам!

Ненавижу вас. Очень сожалею, что встретила с вами.

— Взаимно.

Она потянулась толстым пальцем к кнопке и рявкнула в селектор: «Мерл, попросите моего сына сейчас же зайти ко мне. Вы тоже можете прийти».

Отпустила кнопку, сцепила толстые пальцы и тяжело уронила руки на колени. Бесцветные глаза уставились в потолок.

— Монету взял мой сын, мистер Марло, — проговорила она тихим, грустным голосом. — Мой сын. Мой собственный сын.

Я промолчал. Мы сидели и злобно смотрели друг на друга. Через пару минут они вошли, и она буркнула, чтобы они садились.

Лесли Мердок был в широких зеленых брюках, волосы влажные, как будто он только что принял душ. Он сидел сгорбившись, смотрел на свои белые туфли из оленьей кожи и крутил кольцо на пальце. Длинного черного мундштука на этот раз не было, и ему явно его не хватало. Даже усики и те как-то поникли — не то, что вчера.

Мерл Дэвис выглядела точно так же, как и накануне. Она, по-видимому, вообще никогда не менялась. Светлые, с медным отливом волосы так же туго затянуты, очки в роговой оправе такие же большие и нелепые, глаза за стеклами с тем же неопределенным выражением. И одета так же: полотняное платье с короткими рукавами, никаких украшений, даже серег.

Я испытал странное чувство, словно со мной происходит то, что уже было.

Миссис Мердок сделала глоток портвейна и спокойно сказала:

— Ладно, сынок. Расскажи мистеру Марло про дублон. Ничего не поделаешь.

Мердок бросил на меня быстрый взгляд и опять опустил глаза. У него подергивался рот. Заговорил монотонным, безразличным, усталым голосом, как человек, который признается в своей вине после мучительной борьбы с совестью:

— Я уже говорил вам вчера, что должен Морни много денег. Двенадцать тысяч. Я говорил неправду, когда потом отрицал это. Действительно должен. Не хотел, чтобы знала мать. Он очень торопил меня с долгом. Я, конечно, понимал, что в конце концов придется ей рассказать, но по малодушию все откладывал. Как-то днем, когда она спала, а Мерл не было дома, я взял монету, воспользовавшись ее ключами. Отдал дублон Морни, и тот согласился взять его в залог, так как я объяснил ему, что он никогда не получит за него двенадцать тысяч, если не будет знать историю монеты и не докажет, что она принадлежит ему по закону.

Он замолчал и взглянул на меня, чтобы узнать, как я реагирую. Миссис Мердок не сводила с меня глаз — точно приклеилась. Маленькая секретарша смотрела на Мердока с приоткрытым ртом и выражением страдания на лице.

— Морни дал мне расписку, — продолжал Мердок, — в которой говорилось, что он согласен взять монету в залог и обязуется без спроса

или предупреждения не продавать ее. Что-то в этом роде. В таких вещах я плохо разбираюсь. Когда позвонил Морнингстар и спросил про монету, я сразу же заподозрил, что Морни или уже пытался, или, по крайней мере, собирается продать монету и обратился к специалисту, чтобы оценить ее. Я очень испугался.

Он взглянул на меня и скорчил гримасу. Возможно, изображая до смерти перепуганного человека. Потом вынул носовой платок, вытер лоб и зажал платок между ладонями.

— Когда я узнал от Мерл, что мать наняла сыщика, — Мерл не должна была говорить мне, но мать обещала не ругать ее... — он осекся и взглянул на мать. Старая полковая лошадь стиснула челюсти и угрюмо молчала. Девушка по-прежнему не сводила с него глаз, выговор хозяйки, казалось, мало ее волновал. Он продолжал: — Тогда мне стало ясно, что мать обнаружила пропажу дублона и поэтому наняла вас. Мне не пришло в голову, что она поручит вам разыскать Линду, я-то знал, где она была все это время. Тогда, надеясь что-нибудь выяснить, я отправился к вам. Выяснить удалось немного. Вчера вечером я поехал к Морни и все ему рассказал. Он было поднял меня на смех, но, узнав, что даже моя мать не могла бы продать монету, не нарушив завещания Джаспера Мердока, и что, скажи я ей, где монета, она непременно заявит на него в полицию, Морни смягчился. Он встал, подошел к сейфу, достал оттуда монету и без лишних слов отдал ее мне. А я принес монету домой и все рассказал матери.

Он замолчал и опять вытер лицо. Глаза девушки подымались и опускались вместе с его рукой.

— Морни угрожал вам? — спросил я в наступившей тишине.

Он покачал головой:

— Он сказал, что ему нужны деньги, срочно нужны и чтобы я достал их где угодно и как можно скорее. Но не угрожал. Он вел себя вполне прилично. В создавшейся ситуации.

— Где это было?

— В клубе «Веселая долина», в его кабинете.

— Там был Эдди Прю?

Девушка перевела глаза с него на меня.

— Кто такой Эдди Прю? — хриплым голосом спросила миссис Мердок.

— Телохранитель Морни, — ответил я. — Вот видите, миссис Мердок, кое-что я все-таки узнал за вчерашний день. — Я выжидательно посмотрел на ее сына.

— Нет, его я не видел, — сказал он. — Конечно, я знаю его в лицо.

Такие лица запоминаются. Но вчера его не было.

— Это все? — спросил я.

Он посмотрел на мать. Та резко ответила:

— Вам мало?

— Как сказать. Где монета сейчас?

— А где она, по-вашему, должна быть?

Меня так и подмывало сказать им, где она, чтобы только посмотреть, как она подскочит. Но в последний момент я сдержался.

— С монетой, стало быть, все в порядке, — сказал я.

— Поцелуй мамочку, сынок, и можешь идти, — устало проговорила миссис Мердок.

Он послушно встал, подошел и поцеловал ее в лоб. Она похлопала его по руке. Опустив голову, он вышел из комнаты и неслышно прикрыл за собой дверь.

— Пусть он продиктует вам то, что сейчас говорил, — сказал я Мерл. — Сделайте копию, и пусть распишется.

Девушка удивилась.

— Только этого не хватало, — огрызнулась старуха. — Ступайте к себе, Мерл. Я хотела, чтобы вы слышали. Но если еще хоть раз проговоритесь, сами знаете, что будет.

Девушка встала и улыбнулась своими блестящими глазами:

— О да, миссис Мердок. Больше этого не повторится. Никогда. Даю слово.

— Очень надеюсь, — прорычала старая ведьма. — Убирайтесь.

Мерл тихо вышла.

Под глазами миссис Мердок выросли две огромные слезы, поползли по слоновьим щекам, докатились до угла мясистого носа и скользнули по губе. Она полезла в карман за платком, смахнула слезы и вытерла глаза. Убрала платок, потянулась к бокалу и спокойно сказала:

— Я так привязана к своему сыну, мистер Марло. Так привязана. Эта история ужасно меня расстроила. Скажите, неужели ему придется все рассказать полиции?

— Лучше не стоит, — ответил я. — Они ему все равно не поверят.

Она разинула рот и в полумраке блеснула зубами. Потом сжала губы и, подавшись вперед, злобно уставилась на меня.

— Интересно, что вы этим хотите сказать? — бросила она.

— Ровно то, что сказал. Его рассказ звучит неубедительно. Он что-то подозрительно прост. Сам все сочинил или вы научили?

— Мистер Марло, — сказала она зловещим голосом, — вы сильно

рискуете.

Я махнул рукой:

— А кто не рискует? Хорошо, допустим, он сказал правду. Но Морни будет все отрицать, и нам придется начинать все сначала. Морни обязательно будет все отрицать: ведь в противном случае его заподозрят в двух убийствах.

— Что ж тут удивительного? — рявкнула она.

— Подумайте сами, зачем Морни, человеку со связями, протекцией и положением в обществе, идти на убийство вместо того, чтобы просто продать взятую в залог вещь? По-моему, это не имеет никакого смысла.

Она смотрела перед собой и молчала. Я улыбнулся ей, так как знал, что сейчас наконец-то я ее обрадую.

— Я нашел вашу невестку, миссис Мердок. Даже как-то странно, что ваш послушный сын не говорил вам, где она.

— Я его не спрашивала, — сказала она непривычно тихим — для себя — голосом.

— Она опять, как и раньше, поет с оркестром в клубе «Веселая долина». Я говорил с ней. Крепкий орешек. К вам большой любви не питает. Вполне возможно, она-то и взяла монету, отчасти назло вам. Возможно также, Лесли догадался об этом или узнал и выдумал всю эту небезлицу, чтобы выгородить ее. Он уверяет, что очень ее любит.

Она улыбнулась. Нельзя сказать, что улыбка ее очень красила. И все же это была улыбка.

— Да, — с чувством сказала она. — Да. Бедный Лесли. Так на него похоже. Но в таком случае... — она замолчала, и ее лицо расплылось в почти безотчетной улыбке. — В таком случае моя дорогая невестка может оказаться причастной к убийству.

— Думаю, вы были бы только рады, — заметил я после паузы, дав ей возможность вдоволь насладиться своей догадкой.

Продолжая улыбаться, она кивнула. Она была так увлечена самой идеей, что не сразу почувствовала грубые нотки в моем голосе. Потом лицо ее напряглось, и улыбка исчезла. Поджала губы и процедила:

— Мне не нравится ваш тон. Совсем не нравится.

— Еще бы. Мне он самому не нравится. Мне многое не нравится. Не нравится ваш дом, сильно смахивающий на тюрьму, вы сами, вымученная улыбка вашей секретарши, ваш прохвост сын, вся эта история. Не нравится, что от меня скрывают правду, что лгут на каждом шагу...

И тут она завопила. Перекошенное от ярости лицо покрылось красными пятнами, глаза вращались от бешенства, голос срывался от

ненависти:

— Убирайтесь! Вон из моего дома! Немедленно! Убирайтесь!

Я встал, подобрал с ковра шляпу и сказал:

— С удовольствием.

Смерил ее усталым злобным взглядом, пошел к двери, открыл ее и вышел. Держась за ручку застывшими пальцами, бесшумно закрыл ее и тихо щелкнул замком. Просто так.

Я услышал за спиной быстрые шаги, меня окликнули, но я продолжал идти, пока не оказался в гостиной. Тут я остановился, обернулся и дал ей догнать себя. Она запыхалась, глаза выскакивали из-под очков, а в светлых, с медным отливом волосах плясали веселые солнечные зайчики.

— Мистер Марло? Пожалуйста, не уходите. Вы нужны ей. Правда, нужны!

— Не может быть! Я вижу, у вас на губах сегодня светлая помада. А что, вам идет.

— Пожалуйста! — она схватила меня за рукав.

— Ну ее к черту! Пусть утопится в озере, так ей и передайте. Марло тоже не железный. Пусть утопится сразу в двух озерах, если в одном не поместится. Шутка.

Я посмотрел на ее руку на моем рукаве и погладил ее. Она быстро отдернула руку. В глазах застыл ужас.

— Пожалуйста, мистер Марло. Ей плохо. Не бросайте ее.

— Мне тоже плохо, — проворчал я. — Хуже некуда. Чего вы плачете?

— Я очень привязана к ней. Правда. Я знаю, она грубая, резкая, но сердце у нее из чистого золота.

— Плевать я хотел на ее сердце. Мне на ней не жениться. Она старая жирная врунья. Надоела она мне. Конечно, ей плохо, но и я не «скорая помощь». Я хочу знать правду.

— О, я уверена, если бы только вы набрались терпения...

Тут я — неожиданно для себя — обнял ее за плечи. Она отлетела фута на три. В глазах ужас.

Тяжело дыша, мы уставились друг на друга: я — с открытым ртом, что со мной, увы, случается; она — крепко сжав губы. Ее узкие бледные ноздри дрожали, а лицо побелело настолько, насколько позволяла плохая косметика.

— Скажите, — медленно проговорил я, — с вами, когда вы были еще совсем девочкой, что-то произошло?

Она кивнула — очень быстро.

— Вас испугал мужчина, да?

Опять кивнула. Маленькими белыми зубками прикусила нижнюю губу.

— И с тех пор вы такая?

Молчит, лицо серого цвета.

— Послушайте, я вам ничего плохого не сделаю. Уверю вас.

Ее глаза увлажнились.

— Я прикоснулся к вам, как прикасаются к стулу или двери. Я ничего такого не хотел. Понимаете?

— Да, — наконец выдавила она из себя. Глубоко в заплаканных глазах еще прятался страх. — Да.

— Так что насчет меня не беспокойтесь. Со мной все в порядке. Меня вам больше бояться нечего. Теперь возьмем Лесли. У него совсем другое на уме. Ведь он нормальный человек — в этом смысле? Верно?

— О да, — согласилась она. — Конечно. — Для нее Лесли идеал. А для меня — пустое место.

— Теперь возьмем старую бездонную бочку. Она грубая, она злая, она считает, что может грызть стены и плевать кирпичами, она кричит на вас дурным голосом, но ведь в принципе она неплохо к вам относится, не так ли?

— О да, мистер Марло. Вот и я хотела сказать...

— Знаю. Так почему же вы никак не придете в себя? Он что, еще здесь — тот, кто вас обидел?

Она приложила руку ко рту и стала грызть большой палец, выглядывая из-за него, словно с балкона.

— Он умер, — сказала она. — Выпал из... из... окна.

Подняв свою могучую правую руку, я остановил ее:

— А, тот самый. Слышал. Не можете забыть о нем?

— Нет, — ответила она, сосредоточенно покачав головой, — не могу. Никак не могу забыть обо всем этом. Миссис Мердок все время твердит, чтобы я забыла. Часами уговаривает. А я не могу.

— С ее стороны было бы, черт побери, умнее, — проворчал я, — если бы она часами помалкивала об этом. Зачем прошлое ворошить?

Она удивилась и даже немного обиделась.

— Это еще не все, — продолжала она. — Я была его секретаршей. Она — женой. Он был ее первым мужем. Естественно, она тоже не может забыть. Ведь такое не забывается, правда?

Я почесал ухо. Довольно уклончивое объяснение. По выражению ее лица было даже не совсем ясно, замечает ли она мое присутствие. Похоже, я был для нее лишь голосом извне, чем-то безликим. Чуть ли не голосом, звучавшим в ее воображении.

И тут меня вдруг осенило.

— Скажите, — спросил я, — есть кто-нибудь среди ваших знакомых, кого бы вы так же боялись? Больше, чем остальных?

Она огляделась. Я тоже. Под стулом никого, из-за двери или из окна тоже вроде бы никто не подглядывает.

— Почему я, собственно, должна говорить вам? — выдохнула она.

— Я вас не заставляю. Как хотите.

— Обещаете не говорить никому, никому на свете, даже миссис Мердок?

— Ей в последнюю очередь, — ответил я. — Обещаю.

Она открыла рот. Изобразила на лице доверительную улыбочку, но тут что-тостряслось. Слова застряли у нее в горле. Она издала каркающий звук. У нее буквально стучали зубы.

Я хотел было как следует встряхнуть ее, но побоялся до нее дотрагиваться. Так мы и стояли. Ничего не происходило. Стояли и молчали. Без всякого толку.

Затем она повернулась и побежала. Я слышал, как удаляются по коридору ее шаги. Хлопнула дверь.

Я пошел за ней. Рыдает у себя в кабинете. Я постоял, слушая, как она всхлипывает.

Ничем не могу ей помочь. Да и можно ли вообще ей помочь?

Я вернулся к стеклянной двери, постучался, приоткрыл ее и просунул голову внутрь. Миссис Мердок сидела в той же позе, в какой я ее оставил. Казалось, за это время она даже не пошевелилась.

— Кто запугивает эту девушку? — спросил я ее.

— Убирайтесь из моего дома, — сказала она, не разжимая толстых губ.

Я не сдвинулся с места. Тогда она хрипло рассмеялась:

— Мистер Марло, вы считаете себя умным человеком?

— Бывают и глупее.

— Вот и попробуйте сами выяснить.

— За ваш счет?

Она пожала тяжелыми плечами:

— Возможно. Посмотрим. Кто знает.

— Вы ничего не добились. Все равно мне придется говорить с полицией.

— Я ничего не добилась, но и ничего не платила. Только за возвращение монеты. Вы получили деньги, я — монету. Меня это вполне устраивает. А теперь уходите. Вы мне надоели. До смерти.

Я закрыл дверь и вернулся к комнате секретарши. Рыданий не слышно. Очень тихо. Я пошел дальше.

Вышел из дома. Остановился и стал слушать, как солнце сжигает траву. За домом заводили машину, потом по аллее, вдоль забора, проехал

серый «меркьюри». За рулем мистер Лесли Мердок собственной персоной. Увидел меня и затормозил.

Вышел из машины, быстрым шагом подошел ко мне. Прекрасно одет: кремовые габардиновые брюки, черно-белые туфли с начищенными черными носами, спортивный пиджак в очень мелкую черно-белую клетку, черно-белый носовой платок, кремовая рубашка без галстука. На носу зеленые солнечные очки.

Подошел почти вплотную и тихим, заискивающим голосом сказал:

— Вы, вероятно, считаете меня ужасным подлецом?

— Из-за той истории про дублин, которую вы рассказали?

— Да.

— В моем отношении к вам эта история абсолютно ничего не изменила.

— Да, но...

— А вы ждали от меня чего-то другого?

Мердок неуверенно пожал безукоризненно посаженными плечами. Идиотские темно-рыжие усики искрятся на солнце.

— Понимаете, мне нравится, когда ко мне хорошо относятся.

— Простите, Мердок. А мне нравится, что вы так преданы своей жене. Если в этом дело.

— Так вы решили, что я сказал неправду? То есть говорил все это, чтобы ее выгородить?

— Не исключено.

— Ясно. — Он вставил сигарету в длинный черный мундштук, который лежал в нагрудном кармане под носовым платком. — Стало быть, вам я не нравлюсь, так надо понимать? — Было видно, как за зелеными стеклами очков, словно рыбки на дне глубокого водоема, неясно мелькнули его глаза.

— Пустой разговор. И совершенно неинтересный для нас обоих.

Он поднес спичку к сигарете и закурил.

— Понятно, — тихо сказал он. — Простите, что по глупости затронул эту тему.

Повернулся на каблуках, подошел к машине и сел в нее. Пока он не отъехал, я стоял неподвижно. Потом, прежде чем уйти, подошел к негритенку на тумбе и похлопал его по голове.

— Сынок, — сказал я ему, — ты единственное нормальное существо в этом доме.

Репродуктор на стене полицейского отделения хрюкнул и сказал: «Раз, два, три. Проверка». Потом щелкнул и замолк.

Лейтенант уголовной полиции Джесс Бриз потянулся, высоко задрал руки над головой, зевнул и сказал:

— К вашему сведению, вы опоздали на два часа.

— Не спорю, — ответил я. — Но ведь я звонил — передавал, что опоздаю. Ходил к зубному врачу.

— Садитесь.

Его небольшой, заваленный бумагами письменный стол стоял в углу комнаты. Он забрался за стол. Слева от него — высокое голое окно, а справа — стена, на которой на уровне глаз висит большой календарь. Дни, отошедшие в небытие, — аккуратно перечеркнуты жирным черным карандашом, так что стоило Бризу взглянуть на календарь, и он всегда точно знал, какое сегодня число.

Спенглер сидел сбоку, за столом поменьше. На столе порядок: зеленый регистрационный журнал, мраморный письменный прибор, маленький календарь на медной подставке и морская раковина, полная пепла, спичек и окурков. Спенглер кидал железные ручки в обитую войлоком спинку скамейки, стоявшей вдоль стены, напоминая мексиканца, метящего ножи в цель. Ничего у него не получалось. Перья не втыкались.

В комнате стоял привычный для таких мест неуловимый, бездушный, не то чтобы затхлый, но какой-то нечеловеческий запах. Переведите полицейское отделение в совершенно новое здание — и через три месяца во всех комнатах будет пахнуть точно так же. Что-то в этом есть символическое.

Один нью-йоркский репортер уголовной хроники как-то писал, что стоит пройти под зеленый фонарь, освещающий вход в полицейский участок — и попадаешь в совершенно иной мир со своими законами.

Я сел. Бриз достал из кармана завернутую в целлофан сигару, и началась привычная процедура. Я следил за каждым его движением — неизменным, выверенным, точным. Затянулся, затушил спичку, аккуратно положил ее в пепельницу из черного стекла и сказал:

— Эй, Спенглер.

Спенглер повернул голову, и Бриз повернул голову. Они усмехнулись друг другу. Бриз показал на меня сигарой:

— Смотри-ка, он весь вспотел.

Спенглер засучил ногами, чтобы повернуться и посмотреть, как я вспотел. Если я и вспотел, то незаметно для себя самого.

— С вами не соскучишься, — сказал я. — Как это вам удается?

— Пошутили, и хватит, — сказал Бриз. — Сегодня утром пришлось побегать?

— Не без этого.

Он все еще улыбался. И Спенглер тоже. Бриз явно старался растянуть удовольствие.

Наконец он откашлялся, согнал улыбку со своего большого веснушчатого лица, повернулся в сторону, но так, чтобы не терять меня из виду, и спокойным, равнодушным голосом сообщил:

— Хенч признался.

Спенглер резко повернулся, чтобы посмотреть на меня. Подался вперед, съехав на край стула. Губы раздвинулись в исступленной, почти что неприличной улыбочке.

— И чем же вы его доконали? — спросил я. — Мотыгой?

— Нет.

Они оба молча уставились на меня.

— Макаронником, — ответил Бриз.

— Чем?

— Ты хоть рад, парень? — спросил Бриз.

— Может, все-таки скажете, в чем дело, или так и будете на меня глазеть?

— А что, приятно посмотреть, как человек радуется, — сказал Бриз. — Нам такая возможность нечасто выпадает.

Я сунул сигарету в рот и стал ее грызть.

— Мы напустили на него итальяшку, — пояснил Бриз. — Палермо.

— Вот как. Знаете что?

— Что?

— Я просто подумал, чем отличается речь полицейских.

— Чем же?

— Вы стараетесь каждым словом ошеломить собеседника.

— И ошельмовать, — спокойно сказал Бриз. — Так будем острить или разговаривать?

— Разговаривать.

— Значит, так. Хенч был пьян. Причем пьян всерьез, не только на вид. В доску пьян. Пил неделями. Почти не ел и не спал. Только пил. И чем больше пил, тем трезвее становился. Ведь только виски и связывало его с

миром. Когда человек напивается до такой степени и у него отбирают выпивку, он сходит с ума.

Я молчал. На юном лице Спенглера играла все та же плотоядная улыбочка. Бриз постучал пальцем по сигаре, но пепел не упал, и он, вставив ее обратно в рот, продолжал:

— Он, конечно, псих, но нас не устраивает, чтобы задержанный нами свихнулся. Мы этого и не скрывали. Нам невменяемые не нужны.

— А мне казалось, вы уверены, что Хенч невиновен.

Бриз неопределенно кивнул:

— Был уверен. Вчера вечером. А может, и прикидывался. Короче, ночью Хенч вдруг взял и спятил. Его тащат в изолятор и накачивают лекарствами. Тюремный врач велел. Но это между нами. Про лекарства в деле ни слова. Ясно?

— Более чем.

— Вот. — Мое замечание ему, по-моему, показалось подозрительным, но он был слишком поглощен своей историей, чтобы отвлекаться. — Сегодня утром Хенч в порядке. Лекарство, видно, еще действует, он бледный, но смирный. Идем к нему. «Как дела, друг? — спрашиваем. — Может, что-нибудь нужно? Всего хватает? Будем рады помочь, если что. Здесь тебя не обижают?» Словом, обычные вопросы. Сами знаете.

— Да. Знаю.

Спенглер хищно облизал губы.

— Да. Потом разевает он пасть и говорит всего одно слово: «Палермо», Палермо — итальянец, живет напротив, ему принадлежат похоронное бюро, этот доходный дом и еще много чего. Помните? Конечно, помните. Ведь это он говорил про высокую блондинку. Все чушь. У этих итальяшек одни высокие блондинки на уме. Они их коллекционируют. Но Палермо человек серьезный. Я наводил справки. В том районе он котируется. Такого не запугаешь. Да и зачем мне его запугивать? Говорю Хенчу: «Что, Палермо твой друг?» А он мне: «Позовите Палермо». Возвращаемся сюда и звоним Палермо. Говорит, что сейчас приедет. Ладно. В скором времени приезжает. Мы ему говорим: так, мол, и так, Хенч хочет видеть вас, мистер Палермо. Зачем, сами не знаем. А он: «Бедный парень. Хороший парень. Я ему верю. Хочет меня видеть? Отлично. Я с ним переговорю. Только один на один. Без полиции». — «Хорошо, — говорю, — мистер Палермо». Едем, стало быть, в изолятор. Палермо беседует с Хенчем без свидетелей. Потом выходит и говорит: «Все в порядке, лейтенант. Он признался. Может, я найду ему адвоката. Он мне нравится, бедняга». Так и сказал. И ушел.

Я промолчал. Последовала пауза. Репродуктор на стене сообщил сводку. Бриз было прислушался, но после нескольких слов потерял интерес и продолжал:

— Входим мы вместе со стенографисткой в палату, и Хенч рассказывает, как было дело. Оказывается, Филлипс приударил за девушкой Хенча. Позавчера в коридоре. Хенч был у себя в комнате и все видел, но только вышел, как Филлипс скрылся в своей квартире и закрыл дверь. Хенч разозлился. Подбил девице глаз. Но на этом не успокоился. Затосковал. У пьяных такое бывает. Сказал себе: «Не допущу, чтоб этот малый ухаживал за моей девушкой. Он у меня попляшет». И стал присматривать за Филлипсом. Вчера днем видит — Филлипс пошел к себе. Посылает девицу пойти погулять. Она отказывается, и он подбивает ей второй глаз. Она уходит. Хенч стучится к Филлипсу, и тот ему открывает. Хенча это немного удивило, но я объяснил ему, что Филлипс ждал вас. Итак, открывает он ему дверь. Хенч входит, спрашивает, как дела, какие планы, Филлипс пугается и вытаскивает пистолет. Тогда Хенч бьет его по голове. Филлипс падает, но Хенчу этого мало. Ну ударил, ну упал, что дальше? Никакой радости. Хенч подбирает с пола пистолет, он пьяный, злой, к тому же Филлипс хватает его за ногу. Что он потом сделал и зачем — Хенч не знает. У него в голове помутилось. Тащит Филлипса в ванную и кончает парня из его же собственного пистолета. Ну как, нравится?

— Не то слово. Непонятно только, что Хенч от этого выиграл?

— Пьяный, что вы хотите. В общем, прикончил он его. Представить дело самоубийством Хенч не мог, хотя и стрелял не из своего пистолета. Ведь тогда бы он не получил никакого удовлетворения. Поэтому Хенч забрал пистолет и положил его себе под подушку, а свой вытащил и спрятал. Куда — не говорит. Может, сплавил какому-нибудь проходимцу из местных. Потом встретился со своей девицей, и они пошли есть.

— Отличный ход, что и говорить. Положить пистолет, из которого стрелял, себе под подушку! Мне бы в жизни такое не пришло в голову.

Бриз откинулся на спинку стула и уставился в потолок. Поскольку самое интересное было уже позади, Спенглер повернулся на стуле, взял со стола несколько ручек и метнул одну из них в скамейку.

— Давайте разберемся, — сказал Бриз. — Зачем он выкинул этот номер? Смотрите. Хенч был пьян, но соображал, что делает. Ведь тот пистолет он достал еще до того, как был обнаружен труп Филлипса. Сначала мы решили, что из пистолета, лежавшего под подушкой Хенча, совершено убийство — во всяком случае, из него стреляли. Но потом мы нашли тело. Мы поверили версии Хенча. Она звучала убедительно. Ведь ни

один нормальный человек не повел бы себя так, как Хенч. Его поступок просто не укладывается в голове. Вот мы и поверили, что кто-то сунул свой пистолет под подушку, а пистолет Хенча забрал и припрятал. Допустим, Хенч избавился бы от пистолета, которым убил Филлипса. Все равно он бы от этого ничего не выиграл. При создавшихся обстоятельствах мы бы так или иначе его заподозрили. Ему было бы трудно отговориться. А так Хенч убедил нас, что он всего-навсего безобидный пьянчуга, которому подложили чужой пистолет, потому что, выходя из квартиры, он оставил дверь открытой.

Бриз сделал паузу. Рот приоткрыт, сильные, покрытые веснушками пальцы сжимают сигару, в светлых голубых глазах сквозит удовлетворение.

— Что ж, — сказал я, — раз он все равно собирался сознаться, это уже неважно. Думаете, он признает себя виновным?

— Конечно. Думаю, да. Мне кажется, с помощью Палермо он может отделаться непредумышленным убийством. Но ручаться, естественно, не могу.

— Зачем Палермо его защищать?

— Хенч ему вроде бы нравится. С такими, как Палермо, приходится считаться.

— Понятно, — сказал я. И встал. Спенглер покосился на меня сияющими от удовольствия глазами. — А как насчет девицы Хенча?

— Молчит как рыба. Хитрая, шельма. Ничего не можем с ней поделаться. В общем, чистая работа, не придерешься. Вы, надеюсь, возникать не станете? У вас свое дело, у нас свое. Вы меня поняли?

— Она, кстати, тоже высокая блондинка. Может, и не первой свежести, но все же высокая блондинка. Возможно, Палермо она и устраивает?

— Черт, как это я не подумал. — Он задумался, но потом отогнал от себя мою идею: — Не похоже, Марло. Класс не тот.

— Никогда не известно, как она будет выглядеть, если помоеется и протрезвеет. Класс имеет обыкновение растворяться в алкоголе. Вам от меня больше ничего не нужно?

— Вроде бы нет, — его сигара целила мне прямо в глаз. — И все-таки я бы послушал вашу историю. Хотя настаивать теперь я, пожалуй, не имею полного права.

— Как это благородно с вашей стороны, Бриз, — сказал я. — И с вашей, Спенглер. Желаю вам обоим всего самого наилучшего.

Когда я выходил из комнаты, они следили за мной, разинув рты.

Я спустился на лифте в большой мраморный вестибюль, вышел, сел в машину и выехал с полицейской стоянки.

Мистер Пьетро Палермо сидел в комнате, которая была бы точной копией викторианской гостиной, если бы не шведское бюро красного дерева, религиозный триптих в позолоченных рамках и большое распятие слоновой кости. Полукруглый диван, старинные стулья с резными спинками и тонкими, кружевными салфетками на ручках. На серо-зеленом мраморном камине часы из золоченой бронзы, в углу лениво тикают старинные напольные часы, а на овальном столе с мраморной крышкой и изящными резными ножками красуются искусственные цветы под стеклянным колпаком. На полу толстый ковер с цветочным узором. Даже горка со старинной посудой: фарфоровые чашечки, статуэтки из стекла и фаянса, всевозможные вещицы из слоновой кости, разноцветные блюдца, набор старинных солонок причудливой формы и другие безделушки.

На окнах длинные кружевные занавески, но сторона южная, и в комнате много света. Как раз напротив окна той самой квартиры, где был убит Джордж Энсон Филлипс. Внизу залитая солнцем, пустая улица.

Высокий итальянец со смуглой кожей и красивыми пепельно-седыми волосами прочел мою визитную карточку и сказал:

— У меня есть двенадцать минут. Что вы хотели, мистер Марло?

— Это я нашел вчера труп в доме напротив. Убит мой друг.

Он внимательно изучил меня своими холодными черными глазами:

— Люку вы сказали иначе.

— Люку?

— Управляющий. В моем доме.

— С незнакомыми я особенно не откровенничаю, мистер Палермо.

— Правильно. Но я тоже незнакомый, а?

— Вы человек влиятельный, с положением. С вами можно говорить.

Вы вчера меня видели. Описали меня полиции. Очень точно, как они говорят.

— Sì.^[17] Я хорошо вижу, — сказал он совершенно спокойно.

— Еще вы видели, как из дома вышла высокая блондинка.

Опять изучающий взгляд:

— Не вчера. Два-три дня назад. Я вчера говорил полиции, — он щелкнул длинными смуглыми пальцами. — Полиции, да!

— А вчера вы видели посторонних, мистер Палермо?

— Можно заходить и выходить через черный ход. Есть запасная

лестница на втором этаже, — он взглянул на часы.

— Тогда понятно. Скажите, сегодня утром вы видели Хенча?

Его глаза лениво пробежали по моему лицу:

— Вам сказала полиция, да?

— Они рассказали мне, что вы уговорили Хенча признаться. Сказали, что он ваш друг. Близкий или нет, они, конечно, не знают.

— Хенч признался, да? — он вдруг ослепительно улыбнулся.

— Да, только Хенч не убивал.

— Нет?

— Нет.

— Интересно. Продолжайте, мистер Марло.

— Его признание ничего не стоит. Вы заставили его признаться, потому что вам так выгодно.

Он встал, подошел к двери и позвал:

— Тони!

Опять сел. В комнату вошел коренастый итальянец мрачного вида и сел у стены на стул.

— Тони, этот человек — мистер Марло. Вот его карточка.

Тони подошел, взял карточку и вернулся на свое место.

— Хорошенько посмотри на этого человека, Тони. Ты его не забудешь, да?

— Можете не беспокоиться, мистер Палермо, — заверил его Тони.

— Он был ваш друг, да? Хороший друг, да?

— Да.

— Плохо. Да. Плохо. Я вам кое-что расскажу. Друг есть друг. Поэтому я расскажу. Но вы никому не говорите. Фараонам не говорите, хорошо?

— Хорошо.

— Вы мне обещаете, мистер Марло? Вы не забудете?

— Не забуду?

— Тони вас не забудет. Вы меня понимаете?

— Понимаю. Все, что вы мне расскажете, останется между нами.

— О'кэй. Так вот. Я из большой семьи. Сестры и братья. Один брат очень плохой. Почти как Тони.

Тони хмыкнул.

— Да. Этот брат жил очень тихо. В доме напротив. Должен был уехать. Вдруг приехала полиция. Нехорошо. Будут задавать много вопросов. Нехорошо для дела, плохо для моего плохого брата. Вы понимаете?

— Да, понимаю.

— Ну вот. Хенч тоже плохой, но бедный, пьяный, без работы. За

квартиру не платил. Но я имею много денег. Я ему говорю: «Слушай, Хенч, ты признаешься. Потом болеешь. Две-три недели болеешь. Потом идешь в суд. Я тебе нанимаю адвоката. Ты все отрицаешь. Говоришь — пьяный был. Фараоны в дураках. Судья тебя отпускает, ты приходишь ко мне, я тебе помогаю. Хорошо?» Хенч говорит «Хорошо» и признается. Вот и все.

— А через две-три недели плохой брат будет уже далеко, следов никаких, и полиции, скорее всего, придется закрыть дело Филлипса. Правильно?

— Sì, — он снова улыбнулся. Широкая, сердечная улыбка — как поцелуй смерти.

— С Хенчем-то все в порядке, мистер Палермо. Но не с моим другом.

Он покачал головой и опять посмотрел на часы. Я встал. Тони встал. На всякий случай. Когда стоишь, быстрее двигаешься.

— Ваша беда, ребята, в том, что вы из всего делаете тайну, — сказал я. — В простоте слова не скажете. Пойди я в полицию и повтори им то, что вы рассказали мне, и они меня засмеют. А я буду смеяться вместе с ними.

— Тони не любит смеяться, — сказал Палермо.

— В земле лежит много людей, которые не любят смеяться, мистер Палермо. Вам ли не знать? Ведь вы провожаете их в последний путь.

— Моя обязанность, — сказал он, поводя громадными плечами.

— Я сдержу свое слово. Но если почему-то вы в этом усомнитесь, не пытайтесь нажать на моей смерти. Мне-то на похороны хватит, а вот если что-нибудь, не дай бог, случится с Тони, вам придется хоронить его бесплатно. За собственный счет.

Палермо засмеялся.

— Очень хорошо, — сказал он. — Слышишь, Тони? Одни похороны за мой счет. Договорились.

Он встал и протянул мне руку — красивую, сильную, теплую руку.

В вестибюле Белфонт-билдинг, в единственном работающем лифте, на куске мешковины неподвижно сидела все та же мумия со слезящимися глазами. Пасынок судьбы, не иначе. Я вошел и сказал: «Шестой».

Лифт дернулся и потащился наверх. Остановился на шестом этаже, я вышел, а старик, высунувшись из кабины, чтобы сплюнуть, спросил глухим голосом:

— Что делается?

Я повернулся всем телом, точно манекен на вращающемся помосте, и уставился на него.

— Сегодня вы в сером костюме, — сказал он.

— Да. В сером.

— Вам идет. Хотя вчерашний синий мне тоже нравится.

— Брось ты.

— Вы подымались на восьмой. Два раза. Во второй раз — вечером. А опускались с шестого. Только вы ушли, приехала полиция.

— Они еще наверху?

Он покачал головой. Лицо словно заросший пустырь.

— Я им ничего не сказал. А теперь уже поздно. Они бы мне голову оторвали.

— Почему?

— Почему не сказал? Ну их к черту. Вы со мной говорили как с человеком. Не то что другие. Я же знаю, черт побери, что не вы убили.

— Я нехорошо с тобой поступил. Очень нехорошо. — Достал визитную карточку и дал ему. Он выудил из кармана очки в металлической оправе, нацепил их на нос и, держа карточку сантиметрах в тридцати от глаз, начал читать. Читал он медленно, шевеля губами. Потом посмотрел на меня поверх очков и вернул карточку.

— Пусть она лучше у вас будет, — сказал он. — А то еще потеряю. Жизнь у вас небось жутко интересная.

— И да и нет. Как тебя зовут?

— Гренди. Называйте просто Папашей. Кто его убил?

— Не знаю. Ты случайно не заметил, в лифт не заходил кто-нибудь посторонний, тебе не известный?

— Я неприметлив, — ответил он. — Вот вас я заметил.

— Например, высокая блондинка или высокий стройный мужчина лет

тридцати пяти, с бакенбардами?

— Нет.

— Подняться наверх или спуститься можно только на лифте?

Он кивнул своей дряхлой головой:

— Или по пожарной лестнице. Она выходит в переулок, но дверь там заперта на засов. Так что надо пройти через главный вход, за лифтом есть лестница на второй этаж, а дальше можно и по пожарной. Иначе никак.

Я кивнул.

— Мистер Гренди, не могли бы вы принять от меня пять долларов — и не в качестве взятки, а в знак искреннего дружеского расположения?

— Еще как приму, сынок. Так приму, что Эйб Линкольн вспотеет.

Я протянул ему пятерку. На ней действительно был изображен Линкольн.

Он несколько раз свернул бумажку и запрятал ее поглубже в карман.

— Вот спасибо. Только не подумайте, что я кланчил.

Я покачал головой и пошел по коридору, опять читая надписи на дверях: «Доктор Э. Д. Блесковиц. Хиропрактик», «Машинописное бюро Далтона и Риса», «Л. Придвью. Бухгалтер». Четыре пустые двери. «Мосс. Товары почтой». Еще две пустые двери. «Х. Р. Тигер. Зубоврачебная лаборатория». Прямо под конторой Морнингстара, находившейся двумя этажами выше, но иное расположение комнат. У Тигера всего одна дверь, поэтому она дальше от соседней.

Ручка не поворачивалась. Я постучал. Никто не ответил. Постучал сильнее — безрезультатно. Вернулся к лифту. По-прежнему стоит на шестом этаже. Папаша Гренди смотрит на меня так, как будто видит первый раз в жизни.

— Знаешь Х. Р. Тигера?

Он задумался:

— Крупный, пожилой, неряшливо одет. Ногти грязные, как у меня. Кстати, сегодня я его что-то не видел.

— Как ты думаешь, управляющий пустит меня к нему в кабинет?

— Уж больно он пронырливый, наш управляющий. Я бы к нему не обращался.

Очень медленно повернулся и взглянул на стену кабины. Над ним на большом металлическом кольце висел ключ. Запасной ключ от всех дверей. Опустил голову, затем встал с табурета и сказал:

— Пойду в туалет схожу.

Пошел. Когда дверь за ним закрылась, я снял со стены ключ, вернулся к конторе Тигера, открыл ее и вошел.

Небольшая приемная без окон, на обстановке явно сэкономили. Два стула, плевательница из магазина уцененных товаров, торшер из подвала какого-нибудь захудалого универмага, крашенный темной краской деревянный стол со старыми иллюстрированными журналами. Дверь у меня за спиной автоматически захлопнулась, и стало бы совсем темно, если бы через застекленную дверь не проникал слабый свет. Включил, дернув за шнур, торшер и подошел ко второй двери против входа. «Х. Р. Тигер. Кабинет». Не заперто.

Квадратная комната с двумя выходящими на восток голыми окнами и очень пыльными подоконниками. Вращающееся кресло, два стула, оба грубо окрашенного дерева, прямоугольный письменный стол под матовым стеклом. На столе пусто, если не считать потрепанного регистрационного журнала, дешевого письменного прибора и круглой стеклянной пепельницы с пеплом от сигары. В ящиках стола пыльные бумажные папки, несколько железных скрепок, канцелярские резинки, огрызки карандашей, ручки, ржавые перья, использованная промокательная бумага, четыре негашеные марки по два цента, а также несколько почтовых бланков, конверты и незаполненные счета.

В железной мусорной корзине полно хлама. Минут десять я тщательно в ней копался, пока наконец окончательно не убедился в том, что уже знал и так: Х. Р. Тигер был протезистом и обслуживал зубных врачей из бедных районов города. Такие врачи обычно снимают убогие помещения на втором этаже без лифта, над магазинами. Сами заниматься протезированием они не могут, так как не имеют ни навыка, ни оборудования, и предпочитают заказывать зубные протезы у таких же, как и они, одиночек, а не в больших, хорошо оборудованных, богатых лабораториях, где им не дадут кредита.

Одну вещь я все-таки нашел — домашний адрес Тигера, записанный на квитанции по счету за газ. Тобермен-стрит 1354 Б.

Я выпрямился, запихнул мусор обратно в корзину и подошел к деревянной двери со словом «Лаборатория». К новому автоматическому замку ключ лифтера не подходил. Ничего не поделаешь. Я потушил торшер в приемной и вышел.

Лифт опять был внизу. Я его вызвал и, когда он поднялся, вошел в кабину и незаметно для Папаши Гренди повесил ключ на стену. Ключ звякнул. Лифтер усмехнулся.

— Уехал, — сказал я. — Вероятно, еще вчера вечером. Все вынес. Стол пустой.

Папаша Гренди кивнул.

— Тащил два чемодана, — сказал он. — Я даже и не заметил. У него

всегда в руке чемодан. Видать, носит в них свою работу.

— Какую работу? — спросил я, когда лифт со скрежетом остановился. Спросил просто так.

— Как какую? Негодные протезы для старых дураков вроде меня.

— А еще говоришь «неприметлив», — сказал я, когда передо мной распахнулись дверцы в вестибюль. — Такие, как ты, с пятидесяти шагов замечают, какого цвета глаза у колибри.

Он хмыкнул:

— Что он сделал?

— Поеду к нему домой и узнаю. Но, скорее всего, он отбыл в неизвестном направлении.

— Я бы поменялся с ним местами, — сказал Папаша Гренди. — Даже если он доехал только до Фриско и его там сцапали, все равно бы поменялся с ним местами.

Тобермен-стрит. Широкая пыльная улица за Пайко. Квартира 1354 Б выходит окнами на юг и находится на втором этаже желто-белого двухэтажного каркасного дома. Вход с крыльца, рядом дверь в квартиру 1352 В. Двери квартир первого этажа друг против друга, через крыльцо. Я не отпускал кнопку звонка, даже когда понял, что мне не откроют. В таком районе всегда найдутся всезнающие соседки.

И точно, дверь в квартиру 1354 А приоткрылась, и из нее выглянула молодая женщина с блестящими глазами. Из ее только что вымытых, завитых волос во все стороны торчали заколки.

— Вам миссис Тигер? — пронзительно крикнула она.

— Мистера или миссис Тигер.

— Вчера отправились в отпуск. Поздно вечером собрались и уехали. Просили меня предупредить молочницу и почтальона. У них не было времени. Очень торопились.

— Спасибо. Какая у них машина?

За ее спиной происходил душещипательный диалог из какого-то радиоспектакля. Ощущение такое, словно хватили по лицу мокрым кухонным полотенцем.

— Вы что, их друг? — спросила женщина с блестящими глазами. Настороженности в голосе не меньше, чем наигрыша в радиоспектакле.

— Не все ли равно, — ответил я грубым голосом. — Нам бы деньги с них получить. Какая у них машина, и без вас узнаем.

Женщина прислушалась.

— Это передают «Бьюлу Мей», — пояснила она с грустной улыбкой. — Она не пойдет на танцы с доктором Майерсом. Так я и знала.

— О черт! — я выругался, вернулся к машине и укатил в Голливуд.

В конторе пусто. Открыл ключом дверь в кабинет, распахнул окно и сел.

Подходит к концу уже второй день, душно, нечем дышать, по бульвару, тяжело урча, ползут домой машины, а Марло сидит у себя в кабинете, выпивает и разбирает дневную почту. Четыре рекламных буклета, два счета, красивая цветная открытка из отеля в Санта-Роза, где я прожил год назад четыре дня, расследуя одно дело. Длинное, неряшливо напечатанное письмо от некоего Пибоди из Саусалито. Общий — и несколько туманный — смысл послания сводится к тому, что если послать Пибоди

образец почерка подозреваемого, то он берется в результате тщательного анализа с применением системы Фрейда и Юнга выявить скрытые эмоциональные особенности личности писавшего.

В письмо вложен конверт с маркой и обратным адресом. Оторвав марку и выбросив письмо и конверт, я представил себе трогательного старикана с длинными волосами, в черной фетровой шляпе и черном галстуке-бабочке, который, покачиваясь, стоит на шатком крыльце перед витриной с выбитым на ней названием кабачка, откуда несет окороком и капустой.

Я вздохнул, достал из мусорной корзины письмо, переписал имя и адрес на новый конверт, вложил доллар в бумажный пакет и на пакете написал: «Имейте в виду. В последний раз». Расписался, запечатал конверт, налепил на него марку и опять наполнил стакан.

Набил трубку и закурил. Никто не приходит, никто не звонит, ничего не происходит, никому нет дела, умер я или уехал в Эль-Пасо.

Машин стало поменьше. Небо поблекло. На западе оно теперь, должно быть, красное. Над крышами по диагонали вспыхнула невдалеке первая неоновая вывеска. Внизу, в проулке, на стене кафе глухо стучал вентилятор. Грузовик заправился, дал задний ход и с ревом выехал на бульвар.

Наконец зазвонил телефон. Я взял трубку.

— Мистер Марло? Это мистер Шоу. Из Бристол-апартаментс.

— Да, мистер Шоу. Как поживаете?

— Очень хорошо, спасибо, мистер Марло. Надеюсь, и у вас все в порядке. Дело в том, что какая-то юная леди просит, чтобы я пустил ее в вашу квартиру. Не знаю зачем.

— И я не знаю, мистер Шоу. На сегодня вроде бы ничего такого не заказывал. Она назвалась?

— О да, разумеется. Ее зовут Дэвис. Мисс Мерл Дэвис. Она — как бы вам сказать — на грани истерики.

— Пустите ее, — бросил я. — Буду через десять минут. Она секретарша моего клиента. Приехала по делу.

— Разумеется. Да, мне... мне с ней остаться?

— Как хотите, — ответил я и положил трубку.

Проходя по коридору мимо открытой двери в ванную, я увидел в зеркале напряженное, взволнованное лицо.

Когда, повернув ключ в замке, я открыл дверь, Шоу уже вставал с дивана. Это был высокий человек, в очках, над лысым, куполообразным черепом торчали уши. На лице застыла улыбка вежливого идиотизма.

Девушка сидела в моем кресле за шахматным столиком. Ничего не делала, просто сидела.

— А вот и вы, мистер Марло, — защебетал Шоу. — Отлично. Мы с мисс Дэвис тут без вас разговорились. Я рассказывал ей, что родился в Англии. А она... она не сообщила мне, откуда родом. — С этими словами он направился к двери.

— Большое спасибо, мистер Шоу.

— Не за что, — чирикнул он. — Не за что. Ну, я побежал. Обед, знаете ли...

— Еще раз огромное спасибо. Очень вам признателен.

Он кивнул и исчез. Дверь за ним закрылась, а в воздухе, казалось, еще витает его неестественно бодрая улыбка — словно улыбка Чеширского кота.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — откликнулась она. Голос очень спокойный, очень серьезный. Светло-коричневый полотняный костюм, соломенная шляпа с широкими полями, низкой тульей и коричневой бархатной лентой точно в тон туфель, кожаная отделка по краям холщовой сумки, перекинутой через плечо. Без очков.

Выдавало ее только выражение лица. Прежде всего совершенно безумные глаза. Белая кайма вокруг радужной оболочки, застывший взгляд. Зрачки двигаются с такой натугой, что, кажется, вот-вот заскрипят. Углы рта крепко сжаты, но середина верхней губы подергивается и выдается над зубами, как будто привязана тонкими нитками по краям. Губа взлетала вверх, и тогда всю нижнюю часть лица охватывала судорога; когда же судорога прекращалась, рот плотно сжимался, после чего все постепенно начиналось сызнова. Вдобавок что-то стряслось с ее шеей, так что голова медленно запрокидывалась налево, градусов на сорок пять. Тут голова застывала, шея подергивалась, и голова возвращалась в обычное положение.

Этих двух движений — в сочетании с неподвижной позой, стиснутыми на коленях руками и застывшим взглядом — было достаточно, чтобы и

самому свихнуться.

На письменном столе стояла жестянка с табаком, а между столом и ее креслом находился шахматный столик с шахматными фигурками в ящике. Я достал из кармана трубку и подошел к письменному столу набить ее табаком из жестянки, оказавшись таким образом по другую сторону шахматного столика от девушки. Ее сумка, завалившись немного набок, лежала перед ней на краю стола. Когда я подошел, девушка вздрогнула, но затем опять замерла. Даже выжала из себя улыбку.

Я набил трубку, чиркнул спичкой и закурил.

— Вы без очков, — сказал я, стоя с потушенной спичкой в руке.

Она заговорила. Тихим, ровным голосом:

— О, я ношу их только дома или когда читаю. Они у меня в сумке.

— Вы и сейчас не на улице. Наденьте.

Как бы невзначай потянулся к ее сумке. Она даже не пошевелилась. Смотрела мне в лицо, а не на руки. Отвернувшись, открыл сумку. Вынул оттуда прозрачный очешник и подтолкнул его ей через стол:

— Надевайте.

— Да, сейчас. Только надо, наверное, снять шляпу.

— Снимите шляпу.

Она сняла шляпу и положила ее на колени. Потом вспомнила про очки и забыла про шляпу. Потянулась за очками и уронила шляпу на пол. Надела очки. Совсем другое дело.

Тем временем я достал из ее сумки пистолет и опустил его в боковой карман. Кажется, она не заметила. Вроде бы тот самый автоматический кольт 25-го калибра с ореховой рукояткой, который я обнаружил вчера утром в верхнем правом ящике ее письменного стола.

Я вернулся к дивану, сел и сказал:

— Ну-с, что будем делать? Есть хотите?

— Я только что была у мистера Венниера.

— Правда?

— Он живет в Шермен-Окс. В конце Эскамильо-Драйв. В самом конце.

— Очень может быть, — бессмысленно проговорил я и попытался выпустить колечко дыма, но не получилось. На щеке стал подергиваться лицевой нерв. Это мне не понравилось.

— Да, — сказала она ровным голосом. Верхняя губа по-прежнему снует вверх-вниз, подбородок ходит ходуном. — Место очень тихое. Мистер Венниер живет там уже третий год. До этого он жил в Голливуд-Хиллз, на Даймонд-стрит. С одним человеком, но они, по словам мистера

Венниера, не очень ладили.

— Бывает. Вы мистера Венниера давно знаете?

— Восемь лет. Знаю не очень хорошо. Я должна была время от времени относить ему... пакет. Он любил, когда я приходила сама.

Опять попробовал выпустить колечко. Никак.

— Разумеется, мне он никогда не нравился. Я боялась, что он... боялась, он...

— Но он ничего себе не позволил?

— Нет, не позволил. Но был в пижаме.

— Вот жизнь. Целый день в пижаме валяется. Везет же некоторым.

— Что-то вы, должно быть, знаете, — серьезно сказала она. — Раз вам деньги платят. Миссис Мердок всегда прекрасно ко мне относилась, не правда ли?

— Еще бы. И сколько же сегодня вы ему отнесли?

— Только пятьсот долларов. Миссис Мердок сказала, что больше не даст и дать не может. Сказала, что пора с этим кончать. Так действительно больше не могло продолжаться. Мистер Венниер все обещал, что это прекратится, но не сдержал слова.

— Верь им после этого.

— Оставался только один выход. Я уже много лет знала, что этим кончится. Я была кругом виновата, а миссис Мердок так трогательно ко мне относилась. Мне ведь все равно нечего было терять, правда?

Я вцепился рукой в щеку, чтобы успокоить лицевой нерв. Она забыла, что я ей не ответил, и заговорила опять:

— Вот я и решилась. Он сидел в пижаме, перед ним на столе стоял стакан. Он пялился на меня. Даже не встал открыть мне дверь. Но в двери был ключ. Кто-то оставил ключ в замке. В двери... в двери... — слова застряли у нее в горле.

— ... торчал ключ, — закончил за нее я. — Поэтому вы смогли войти.

— Да, — она кивнула и опять попыталась улыбнуться. — Все оказалось так просто. Даже не помню, был ли шум. Конечно, не могло не быть. Очень сильный шум.

— Не иначе.

— Я подошла к нему совсем близко, так что промахнуться не могла.

— А что делал мистер Венниер?

— Ничего не делал. Сидел и пялился. Вот, собственно, и все. Мне не хотелось возвращаться к миссис Мердок. Я и так уже доставила ей столько неприятностей. Ей и Лесли. — Тут голос ее стих и оборвался, по телу пробежала легкая дрожь. — Поэтому я и приехала сюда. И когда вы не

открыли мне дверь, я пошла в контору управляющего попросить, чтобы он разрешил мне подождать вас здесь. Я не сомневалась: вы будете знать, что делать.

— Вы до чего-нибудь дотрагивались в доме Венниера? Постарайтесь вспомнить. Кроме ручки входной двери. Вошли и вышли, ничего не касаясь?

Она задумалась, и ее лицо перестало дергаться.

— Вспомнила. Я выключила свет. Перед уходом. Знаете, плафон под потолком с большой такой лампочкой. Его я и выключила.

Я кивнул и улыбнулся ей. Мимолетной, бодрой улыбкой знаменитого Филипа Марло.

— Когда это произошло? Давно?

— Нет, прямо перед тем, как ехать сюда. Я была на машине. На машине миссис Мердок. Той самой, о которой вы вчера спрашивали. Я забыла сказать вам, она не взяла ее, когда уехала. Или сказала? Да, теперь вспомнила, конечно, сказала.

— Значит, так, — прикинул я. — Сюда езды не меньше получаса. У меня вы уже почти час. Получается, что вы покинули дом мистера Венниера где-то в половине шестого. И выключили свет.

— Совершенно верно, — она снова кивнула, довольно быстро. Обрадовалась, что вспомнила. — Я выключила свет.

— Хотите выпить?

— Нет, что вы, — она решительно помотала головой. — Я не пью.

— А если я выпью, не возражаете?

— Конечно, нет. С какой стати.

Я встал, внимательно посмотрел на нее. Губа по-прежнему ползет вверх, голова вертится, хотя, кажется, не так быстро, как раньше. В затихающем ритме, что ли.

Трудно сказать, чем это кончится. Возможно, чем больше она говорит, тем лучше. Никто толком не знает, сколько времени длится шок.

— Где ваш дом?

— То есть как? Я живу у миссис Мердок. В Пасадене.

— Да нет, настоящий дом. Где живут ваши родители.

— Они живут в Вичите. Но я у них не бываю — никогда. Изредка пишу, но мы не виделись уже много лет.

— Чем занимается ваш отец?

— У него ветеринарная больница. Лечит кошек и собак. Мне кажется, не нужно, чтобы они знали. Они и раньше ничего не знали. Миссис Мердок от всех скрывала.

— Не нужно так не нужно, — согласился я. — Пойду выпью.

Обогнул ее кресло, пошел на кухню и приготовил себе коктейль покрепче. Выпил его залпом, вынул из бокового кармана ее маленький пистолет и проверил, стоит ли он на предохранителе. Понюхал дуло, выбил магазин. Взял пистолет так, чтобы можно было заглянуть в казенную часть. Загнанный туда патрон не подходил по размеру и скривился о затвор. Патрон, похоже, 32-го калибра. А патроны в магазине — 25-го калибра, от этого пистолета. Собрал пистолет и вернулся в комнату.

Из кухни звука падения я не услышал. Она просто соскользнула с кресла на пол, подмяв под себя свою красивую шляпу. Холодная, как макрель.

Я уложил ее поудобнее, снял с нее очки и проверил, не проглотила ли она язык. Вставил ей в угол рта сложенный носовой платок, чтобы она, когда придет в себя, не прикусила язык. Подошел к телефону и позвонил Карлу Моссу:

— Это Фил Марло, доктор. Есть еще больные или всех вылечил?

— Вылечил, — ответил он. — Ухожу. Что-нибудь случилось?

— Я дома. Если не забыл, Бристол-апартаментс, четыре-ноль-восемь. У меня здесь девушка потеряла сознание. Я боюсь не обморока, боюсь, как бы она не спятила, когда придет в себя.

— Не давай ей ни капли спиртного. Скоро буду.

Я положил трубку и опустился возле девушки на колени. Стал растирать ей виски. Она открыла глаза. Губа опять полезла вверх. Я вынул у нее изо рта платок. Она подняла на меня глаза и сказала:

— Я только что была у мистера Венниера. Он живет в Шермен-Окс. Я...

— Ничего, если я подыму вас и перенесу на диван? Это я, Марло, здоровенный олух, который вечно пристаёт со своими неуместными вопросами.

— Привет, — сказала она.

Я поднял ее. Она вся напряглась, но ничего не сказала. Опустил ее на диван, подоткнул юбку под ноги, подложил под голову подушку и подобрал ее шляпу. Шляпа стала плоской, как камбала. Кое-как расправил ее и положил на письменный стол.

Скосив глаза, девушка следила за мной.

— Вы вызвали полицию? — тихо спросила она.

— Еще нет. Не успел.

Она удивилась. И как будто даже немного обиделась.

Я открыл ее сумку и, повернувшись к ней спиной, вложил в нее

пистолет. Посмотрел, что было внутри. Обычные пустяки: пара носовых платков, помада, серебристо-красная эмалированная пудреница, несколько салфеток, кошелек с мелочью и несколькими долларовыми бумажками. Ни сигарет, ни спичек, ни билетов в театр.

Открыл боковое отделение на молнии. Водительские права и тонкая пачка денег — десять пятидесятидолларовых банкнот. Перетасовал их. Ни одной новенькой бумажки. Деньги перехвачены резинкой вместе со сложенным листом бумаги. Вынул его, развернул и прочел. Обычный, аккуратно напечатанный бланк долговой расписки, помеченной сегодняшним числом. Подпись подтвердила бы получение пятисот долларов. «Уплачено по счету».

Но подписать этот счет теперь, как видно, будет некому. Сунул деньги и расписку в карман. Застегнул сумку и повернулся к дивану.

Она смотрела в потолок. Лицо опять подергивается. Я зашел в спальню, взял одеяло и укрыл ее.

И опять пошел выпить на кухню.

Доктор Карл Мосс был большим, тучным евреем с гитлеровскими усиками, глазами навывкате и невозмутимостью айсберга. Он положил шляпу и сумку на стол, подошел к дивану, на котором лежала девушка, и застыл перед ней с непроницаемым видом.

— Я доктор Мосс, — сказал он. — Как вы себя чувствуете?

— Вы не из полиции? — спросила она.

Он наклонился, пощупал ей пульс и стал следить за ее дыханием:

— Что-нибудь болит, мисс...

— Дэвис, — вставил я. — Мисс Мерл Дэвис.

— Мисс Дэвис?

— Ничего не болит, — ответила она, подняв на него глаза. — Я... я даже не знаю, почему лежу здесь. Решила, что вы из полиции. Понимаете, я убила человека.

— Подумаешь, я убиваю десятки людей, — сказал он без тени улыбки.

Она опять подняла губу и повела головой.

— Не нужно так делать, — очень мягко сказал он. — Вы чувствуете нервную судорогу и начинаете себя настраивать. Вы вполне можете сдержаться, если захотите.

— Правда? — прошептала она.

— Если захотите. Но это вовсе не обязательно. Ради меня стараться не надо. Совсем ничего не болит, а?

— Нет, — она покачала головой.

Мосс хлопнул ее по плечу и вышел на кухню. Я пошел за ним. Он облокотился на раковину и лениво взглянул на меня:

— Что произошло?

— Она секретарша моей клиентки, миссис Мердок из Пасадены. Довольно мерзкой особы. Лет восемь назад к Мерл приставал один человек. Насколько грубо — не знаю. Потом — не сразу, конечно, — но примерно в то же время этот человек выпал или выбросился из окна. С тех пор она — в самом буквальном смысле слова — не подпускает к себе мужчин.

— Угу, — он сверлил меня своими выпученными глазами. — Она считает, что он выбросился из окна из-за нее?

— Не знаю. Миссис Мердок — вдова этого человека. Она еще раз вышла замуж, но ее второй муж тоже умер. Мерл живет у нее в доме.

Старуха обращается с ней, точно грубый папаша с непослушным ребенком.

— Понятно. Регрессивное поведение.

— Что это значит?

— Эмоциональный шок и подсознательная попытка уйти в детство. Если миссис Мердок постоянно ругает ее, но не очень сильно, это только усугубляет ее состояние. Идентификация детской субординации с инфантильной протекцией.

— А попроще никак нельзя? — буркнул я.

— Слушай, старик, — он спокойно улыбнулся. — Девушка явно невротик. Ее поведение во многом демонстративно. То есть она получает от этого удовольствие. Даже если сама и не осознает. Впрочем, неважно. Что там с убийством?

— Его зовут Венниер, живет в Шермен-Окс. Судя по всему, он их шантажировал. Мерл должна была время от времени носить ему деньги. Она боялась его. Я его видел. Гнусный тип. Она была там сегодня днем. Уверяет, что убила его.

— За что?

— Говорит, ей не понравилась его улыбка.

— Чем убила?

— У нее в сумке был пистолет. Не спрашивай почему. Сам не знаю. Но если она его и убила, так не из этого пистолета. В него загнали патрон другого калибра. Из него нельзя было выстрелить. И из него не стреляли.

— Это для меня слишком сложно. Я всего лишь врач. Что мне с ней делать?

— Кроме того, — продолжал я, не обращая внимания на его вопрос, — по ее словам, в комнате Венниера горел свет, а ведь было только половина шестого солнечного летнего дня. Он был в пижаме, а в двери торчал ключ. И он не встал, чтобы впустить ее. Сидел и скалился.

— О! — кивнув, сказал он. Зажал между толстых губ сигарету и закурил. — Не рассчитывай только, что я смогу определить, думает ли она, что убила, или нет. Если я правильно тебя понял, он убит. Так?

— Меня там не было, старина. Но получается, что так.

— Если она действительно думает, что убила, а не просто прикидывается (такие девицы обожают прикидываться), это означает, что мысль об убийстве она вынашивала уже давно. Тем более что она, как ты говоришь, носила в сумке пистолет. Возможно, у нее комплекс вины. Ищет наказания, хочет искупить реальное или вымышленное преступление. Еще раз спрашиваю, что мне с ней делать? Она не больна, она не спятила.

— В Пасадену она не вернется.

— Да? — он с любопытством посмотрел на меня. — У нее есть семья?
— В Вичите. Отец — ветеринар. Я ему позвоню, но ночь ей придется провести здесь.

— В этом я не убежден. Она настолько тебе доверяет, чтобы провести ночь в твоей квартире?

— Она пришла сюда по собственной воле. И не в гости. Стало быть, доверяет.

Он пожал плечами и провел пальцами по своим жестким черным усикам:

— Ладно, дам ей нембутал, пусть спит. А ты пока можешь расхаживать по комнате и бороться с нечистой совестью.

— Мне надо будет отлучиться. Поеду к Венниеру, посмотрю, что там делается. Но оставаться здесь одна она не может. Ни одному мужчине, даже врачу, она не даст уложить себя в постель. Вызови мне медсестру. А я найду где переночевать.

— Фил Марло! — воскликнул он. — Потрепанный жизнью Галахад! Ладно, медсестру я дождусь сам.

Он вернулся в комнату и вызвал по телефону медсестру. Потом позвонил жене. Пока он говорил с ней, Мерл села на диване, стиснув руки на коленях.

— Не понимаю, почему горел свет, — сказала она. — В доме совсем не было темно. Не настолько темно.

— Как зовут вашего отца?

— Доктор Уилбер Дэвис. А что?

— Не хотите поесть?

— Завтра поест, — вставил Карл Мосс, не прерывая телефонного разговора. — Ей, вероятно, скоро опять станет хуже. — Он положил трубку, подошел к своей сумке и вернулся, держа на ладони две желтые таблетки на вате. Взял стакан с водой, дал ей таблетки и сказал:

— Глотайте.

— Я не больна, нет? — спросила она, смотря на него.

— Глотайте, детка, глотайте.

Она положила таблетки в рот, взяла стакан и запила их.

А я надел шляпу и вышел.

Уже в лифте я вспомнил, что у нее в сумке не было ключей от машины, поэтому остановился на втором этаже и через вестибюль вышел на Бристол-авеню. Найти ее машину было несложно. Она криво стояла в двух футах от бордюра. Серый «меркьюри» с откидным верхом, номер 2X1111. Тут я сообразил, что это и был номер машины Линды Мердок.

Из замка торчали ключи на кожаном брелоке. Я сел в машину, включил зажигание, увидел, что бензин есть, и поехал. Отличная, приемистая машина. Через перевал Кахуэнга она перелетела, словно птица.

За четыре квартала Эскамильо-Драйв ухитрилась повернуть трижды. Эта очень узкая улица петляла между домами (в среднем по пять в квартале), а над ней нависали покрытые густым бурым кустарником холмы, на которых в такое время года ничего, кроме полыни и толокнянки, не росло. В пятом и последнем квартале Эскамильо-Драйв плавно свернула налево, уткнулась в основание холма и тихо скончалась. Здесь было еще три дома, два по бокам, друг против друга, один — в тупике. Это и был дом Венниера. Фары высветили торчавший в двери ключ.

Узкий одноэтажный английский дом с высокой крышей, свинцовыми переплетами на передних окнах, сбоку гараж, перед гаражом автоприцеп. На маленькой лужайке перед домом нежится ранняя луна. Возле самого крыльца большой дуб. В доме темно, с фасада, во всяком случае, света не видно.

При таком расположении дома днем в гостиной вполне мог гореть свет. Светло здесь, наверно, бывает только в утренние часы. В качестве укромного местечка для свиданий у этого дома, безусловно, есть свои преимущества, но шантажисту забираться в такую глушь не следовало бы. От внезапной смерти, конечно, не застрахован никто, но Венниер поступал слишком опрометчиво.

Я въехал во двор дома, развернулся задним ходом, выехал из тупика и поставил машину на углу. Назад пошел по проезжей части, так как тротуара не было. Входная дверь из обитых железом толстых дубовых досок, стесанных на стыках. На месте дверной ручки накладной замок. В замке головка плоского ключа. Позвонил в звонок, и он глухо отозвался по комнатам, как бывает, когда звонишь ночью в пустой дом. Обогнул дуб и направил карманный фонарик на раздвинутые створки ворот гаража. Внутри машина. Обошел дом и заглянул в маленький голый дворик, обнесенный низкой, выложенной булыжником каменной стеной. Еще три дуба, стол, под одним из деревьев пара металлических стульев. Сзади, у забора, мусорный бак. Прежде чем вернуться к дому, осветил автоприцеп. Внутри вроде бы пусто. Дверь заперта.

Открыл входную дверь, оставив ключ в замке. Долго торчать здесь я не собирался. Все равно ничего не изменишь. Просто сам хотел во всем убедиться. Пошарил по стене за дверью в поисках выключателя, нащупал его и включил. Комната слабо осветилась несколькими парными

настенными бра на кронштейнах. В их тусклом свете увидел большую лампу под потолком, ту самую, о которой говорила Мерл. Подошел включить ее, а потом вернулся выключить стенные бра. Под фарфоровым колпаком большая лампочка. Яркость света регулировалась тремя положениями выключателя. Повертел его, пока не включил лампу на полную мощность.

Комната продолговатая, сзади дверь, впереди, справа под аркой альков. В алькове небольшая столовая. На арке полураздвинутые портьеры, тяжелые, серо-зеленые, парчовые. Не первой свежести. На левой стене, посередине камин, напротив него и по бокам книжные полки. Невстроенные. По углам комнаты два дивана. Несколько стульев с разноцветной обивкой: золотой, розовой, коричневой. Один стул с подставкой для ног обит коричневой с золотом декоративной тканью.

На подставке голые ноги в желтых пижамных брюках и темнозеленых сафьяновых домашних туфлях. Медленно, внимательно скользнул глазами вверх. Темно-зеленый узорчатый шелковый халат, перетянутый поясом с кистями. Под раскрытым на груди халатом, на кармане пижамной куртки вышитая монограмма. Из кармашка аккуратно выглядывают накрахмаленные уголки белого льняного носового платка. Желтая шея, голова повернута набок, взгляд устремлен в зеркало на стене. Я подошел и взглянул в зеркало на искажившиеся в злобещей усмешке черты лица.

Левая рука лежит между коленями и стулом, а правая свисает вниз, касаясь кончиками пальцев ковра. И рукоятки маленького пистолета, примерно 32-го калибра, фактически без ствола. Правая сторона лица прижата к спинке стула, а правое плечо потемнело от крови. На правом рукаве тоже кровь. И на стуле. Много крови.

Голова в неестественном положении. Кому-то очень впечатлительному явно не понравилась ее правая сторона.

Я поднял ногу и легонько оттолкнул подставку в сторону, всего на несколько сантиметров. Голые пятки в шлепанцах съехали с узорчатой обивки. Как деревянные. Нагнулся и дотронулся до его лодыжки. Ледяная.

На столе справа от него недопитый стакан и пепельница, полная окурков и пепла. На трех окурках следы от помады. Ярко-красной, какой пользуются блондинки.

Рядом с другим стулом еще одна пепельница. В ней спички, много пепла, но окурков нет.

Пахнет духами и смертью. Смертью сильнее.

Я обошел весь дом, включая и выключая свет. Две спальни, одна обставлена светлой мебелью, другая — темной. Светлая спальня вроде бы

нежилая. Красивая ванная с разноцветным кафелем и душевой за стеклянной дверью. Маленькая кухня. На кухонном столе полно бутылок. Много бутылок, много стекла, много отпечатков пальцев, много улик. Впрочем, насчет улик вопрос спорный.

Вернулся в гостиную. Стоя посреди комнаты и глубоко дыша ртом, стал прикидывать, который он по счету. Заявить об убийстве Венниера и признаться, что тело Морнингстара нашел тоже я. Нашел и убежал. Да, счет сильно не в твою пользу, Марло. На тебе уже три убийства. Шагаешь по трупам. Против тебя все — разум, логика, эмоции. И это еще не самое худшее. Ведь стоит мне признаться, я теряю независимость. Все, что я делал, останется в прошлом.

Весьма вероятно, Карл Мосс захочет укрыть Мерл, насколько это возможно, под своей мантией эскулапа. Или же, наоборот, решит, что чистосердечное признание, каким бы оно ни было, пойдет ей только на пользу.

Опять поплелся к обитому декоративной тканью стулу, стиснул зубы и изо всех сил встряхнул стул, чтобы оторвать его голову от спинки. Пуля попала в висок. Самоубийство? Но такие, как Луис Венниер, не совершают самоубийств. Шантажист, пусть даже напуганный, упивается своей властью.

Отпустил его голову и нагнулся, чтобы вытереть руку о ковер. Нагнувшись, увидел угол рамы картины, торчавшей из-под стола возле локтя Венниера. Подошел и достал ее, обернув руку в носовой платок.

Стекло треснуло поперек. Картина упала со стены. Я заметил маленький гвоздик. Нетрудно догадаться, как это произошло. Кто-то стоял справа от Венниера и склонился над ним; кто-то, кого он знал и совершенно не опасался, внезапно выхватил пистолет и выстрелил ему в правый висок. Испугавшись вида крови или отдачи пистолета, стрелявший отпрыгнул назад, к стене, и сбил картину. Она ударилась углом и отлетела под стол. А убийца то ли из осторожности, то ли от страха не стал к ней прикасаться.

Я взглянул на нее. Небольшая, ничем не примечательная картина. Какой-то человек в камзоле с кружевными манжетами, в круглой бархатной шляпе с пером высовывается из окна, собираясь, очевидно, позвать кого-то с улицы. Улицы на картине не видно. Цветная репродукция с какого-то никому не нужного оригинала.

Оглядел стены. Есть и другие картины: пара вполне приличных акварелей, несколько эстампов — эстампы, кажется, теперь не в моде, или нет? Всего с полдюжины. Может быть, эта картина ему нравилась? Мало

ли. Человек высовывается из высокого окна. Давным-давно.

Взглянул на Венниера. Он мне никак не поможет. Человек высовывается из высокого окна. Давным-давно.

Зародившаяся догадка была настолько мимолетной, что я не придавал ей никакого значения. Как будто перышком пощекотали, не более того. Как будто упала снежинка. Высокое окно, высовывается человек, давным-давно...

Есть! Как обожгло. Из высокого окна давным-давно... восемь лет назад... высовывается человек... далеко высовывается... падает... разбивается насмерть... И зовут его Хорас Брайт.

— Отлично придумано, мистер Венниер! — с искренним восхищением сказал я.

Повернул картину. На обороте проставлены даты и денежные суммы. Взносы почти за восемь лет, в основном по 500 долларов, несколько раз по 750 и дважды по тысяче. Общая сумма подсчитана мелкими цифрами. 11 000 долларов. Последний взнос мистер Венниер не получил. Когда деньги принесли, он был уже мертв. Не так уж много денег — за восемь-то лет. Должник мистера Венниера умел торговаться.

Картонный задник крепился к рамке стальными патефонными иглами. Две из них выпали. Вынул картонку, немного порвав ее. Под ней, между задником и картиной, вложен белый конверт. Запечатан, без адреса. Вскрыл его. Внутри две квадратные фотографии и негатив. Фотографии совершенно одинаковые. Человек далеко высунулся из окна, кричит, разинув рот. Руками держится за кирпичные выступы на оконной раме. У него за плечом лицо женщины.

Худощавый темноволосый человек. Черты его лица, как и лицо стоявшей за ним женщины, вышли неразборчиво. Высовывается из окна, кричит или зовет кого-то.

Я держал фотографию в руках и смотрел на нее. Ничего особенного сначала не заметил. Но знал: что-то в ней должно быть. Но что? Продолжал смотреть. И вскоре понял: здесь что-то не так. Мелочь, но очень важная. Положение рук мужчины на фоне стены, в том месте, где вырезана оконная рама. Руки ни за что не держатся, ничего не касаются. Над кирпичным выступом не руки, а тыльная сторона запястья. Руки в воздухе.

Он не высовывался. Он падал.

Я положил карточки обратно в конверт, сложил картонку и запихнул ее вместе с конвертом в карман. Рамку, стекло и картину спрятал в бельевого шкафа, под полотенца.

На все это ушло много времени. Перед домом остановилась машина.

По дорожке слышались шаги.
Я нырнул за портьеру в альков.

Входная дверь открылась, а потом тихо закрылась.

Наступила гнетущая, гулкая, как на морозе, тишина, потом раздался истошный вопль, перешедший в горькие рыдания.

Потом сдавленный от бешенства мужской голос сказал:

— Неубедительно получилось. Попробуй еще разок.

— Господи, это Луис! Он мертв! — воскликнул женский голос.

— Может, я ошибаюсь, но, по-моему, ты опять переигрываешь, — сказал мужской голос.

— Господи! Он мертв, Алекс! Сделай что-нибудь, ради бога! Сделай же что-нибудь!

— Да, — грубым, сдавленным голосом ответил Морни, — надо бы. Не мешало бы и с тобой поступить так же. Кровь пустить. Чтоб сдохла, как он. Впрочем, это ни к чему. Ты от него и так не отличаешься. Такая же падаль. Замужем всего восемь месяцев, а уже спуталась с этим дерьмом. Черт меня дернул жениться на потаскухе!

Он перешел на крик.

Женщина опять всхлипнула.

— Перестань выть, — грубо оборвал ее Морни. — Как будто не знаешь, зачем я привез тебя. Не валяй дурака. За тобой следят уже несколько недель. Ты была у него вчера вечером. Я сегодня уже приезжал сюда. Все видел. Твою помаду на сигаретах, стакан, из которого ты пила. Воображаю, как ты сидела на ручке его кресла, как перебирала его сальные волосы, а потом, когда он еще урчал от удовольствия, вдруг взяла и пустила ему пулю в голову. Зачем?

— О Алекс, дорогой, не говори таких ужасных вещей.

— Ты прямо как Лилиан Гиш. Точная копия. Перестань ломать комедию, детка. Я должен знать, как себя вести. Зачем, думаешь, я сюда приехал? На тебя-то мне теперь наплевать. Абсолютно наплевать. Убила, красавица, — сама и выпутывайся. А я о себе позаботиться должен. О своей репутации, о своем деле. Ты хоть пистолет вытерла?

Тишина. Потом звук удара. Женщина зарыдала. Обижена, оскорблена. До глубины души. Неплохо сыграно.

— Слушай, ангел мой, — рявкнул Морни. — Брось прикидываться. Я сам в кино играл. Меня не проведешь. Кончай. Выкладывай, как было дело, если не хочешь, чтоб я тебя оттаскал за волосы по всей комнате. Говори —

вытерла пистолет?

Вдруг она рассмеялась. Неестественно, но звонко, заразительно. Потом, так же неожиданно, перестала смеяться.

— Да, — ответила она.

— И стакан тоже вытерла?

— Да, — теперь она говорила очень тихо, спокойно.

— Поставила его отпечатки пальцев на пистолете?

— Да.

Пауза. Он задумался.

— На это, боюсь, они не клонут, — сказал он наконец. — Практически невозможно оставить на пистолете отпечатки пальцев мертвеца так, чтобы это не бросалось в глаза. Впрочем, по-всякому бывает. Что ты еще вытерла?

— Больше ничего. О Алекс, пожалуйста, не будь таким грубым.

— Заткнись. Покажи, как ты его кокнула, как стояла, как держала пистолет.

Она не пошевелилась.

— За отпечатки не бойся. Будут и другие. Получше твоих.

Она медленно двинулась к портьеру, и я ее увидел. Бледно-зеленые габардиновые брюки, коричневая куртка свободного покроя с вышивкой, ярко-красная без полей шляпка с брошкой в виде золотой змейки. Лицо залито слезами.

— Подними пистолет! — заорал на нее Морни. — Показывай!

Она нагнулась под стул, подняла пистолет, обнажила зубы.

Через щель между портьерами направила пистолет в комнату, в сторону двери.

Морни не сдвинулся с места, не издал ни звука.

Рука блондинки задрожала, пистолет запрыгал в воздухе. У нее тряслись губы, рука упала.

— Не могу, — выдохнула она. — Хотела выстрелить в тебя, но не могу.

Морни быстро шагнул к портьеру, оттолкнул блондинку и ногой отбросил пистолет примерно туда, где он и лежал.

— Все равно ты не могла бы выстрелить, — хрипло сказал он. — Не могла. Смотри.

Он выхватил носовой платок и, нагнувшись, опять поднял пистолет. Нажал на что-то, и затвор открылся. Сунул правую руку в карман, потом, перебирая кончиками пальцев по металлу, стал крутить в руке патрон. Потом загнал его в цилиндр. Еще четыре раза повторил ту же операцию,

захлопнул затвор, затем снова открыл его и повернул до определенного положения. Положил пистолет на пол, оторвал от него руку с носовым платком и выпрямился.

— Ты не могла в меня выстрелить, — хмыкнул он, — потому что в пистолете был только один пустой патрон. Сейчас он опять заряжен. Цилиндры на месте. Из пистолета стреляли один раз. И теперь на нем твои отпечатки пальцев.

Блондинка молча смотрела на него измученными глазами.

— Забыл сказать тебе, — мягко добавил он, — что я протер пистолет. Хотел, чтобы на нем обязательно были твои отпечатки пальцев. Они и так были, я уверен, но теперь знаю точно. Понятно?

— Ты меня выдашь? — тихо спросила блондинка.

Он стоял ко мне спиной. Темный костюм. Надвинутая на глаза фетровая шляпа. Из-за нее я не видел лица. Зато живо представил себе улыбочку, с какой он произнес:

— Да, мой ангел, выдам.

— Ясно, — сказала она и пристально посмотрела на него. На ее подвижном личике хористки неожиданно появилось мрачное достоинство.

— Я тебя выдам, мой ангел, — медленно проговорил он, смакуя каждое слово. — Одни меня пожалеют, другие надо мной посмеются, но моему делу эта история не повредит. Ничуть не повредит. Тем моя профессия и хороша, что небольшой скандал ей даже на пользу.

— Значит, теперь я нужна тебе только, как реклама. Ну и, естественно, как ширма, чтобы тебя самого не заподозрили.

— Совершенно верно.

— И какой же, интересно, у меня мог быть повод для убийства? — опять совершенно спокойно спросила блондинка. Она по-прежнему пристально смотрела на него и говорила с таким нескрываемым отвращением, что он не понял, к чему она клонит.

— Не знаю. Какая разница? Что-то вы с ним замыслили. Эдди видел, как ты встретила в городе, в Банкер-Хилле, с каким-то блондином в коричневом костюме. Ты что-то ему передала. Эдди отстал от тебя и увязался за ним. Блондин зашел в дом поблизости. Эдди хотел еще за ним последить, но ему показалось, что парень его заметил, и Эдди пришлось убираться. Что все это значило, я не знаю. Знаю только, что вчера днем в том же самом доме убили молодого парня по имени Филлипс. Что ты на это скажешь, дорогая?

— Ничего не скажу. Не знаю я никакого Филлипса. И, как ни странно, я не убиваю людей просто так, забавы ради.

— Но ведь Венниера ты убила, дорогая, — сказал он почти ласково.

— О да, — протянула она. — Конечно. Но мы заговорили о поводе для убийства. Ты уже его придумал?

— Легавые сами придумают, — уронил он. — Ну, скажем, любовная ссора. Мало ли.

— А может, дело в том, что когда он напивался, то становился похож на тебя. Чем не повод для убийства?

— А-а! — промычал он и втянул в себя воздух.

— Только красивее тебя. Моложе, живот меньше. Но с такой же отвратительной самодовольной ухмылочкой.

— А-а, — опять протянул Морни. Он страдал.

— Такой мотив подойдет? — мягко спросила она.

Он сделал шаг вперед и размахнулся. Удар пришелся по лицу, она упала и села на полу, выставив перед собой длинную ногу, приложив руку к челюсти и не спуская с него ярко-синих глаз.

— Может, ты зря меня ударил? — спросила она. — Может, теперь я не захочу признаваться в убийстве?

— Признаешься как миленькая. У тебя нет выхода. Не бойся, ты легко отделаешься. Можешь мне поверить. С такой-то внешностью. Но ты признаешься, мой ангел. На пистолете твои отпечатки пальцев.

Она медленно встала, по-прежнему прижимая руку к челюсти.

И улыбнулась.

— Я знала, что он мертв. В двери торчал мой ключ. Я готова пойти в полицию и сказать, что убила его. Но если хочешь, чтобы я взяла вину на себя, не вздумай больше прикасаться ко мне своей гладкой белой лапой. Да, я готова пойти в полицию. С ними мне гораздо лучше, чем с тобой.

Морни повернулся, и я увидел, как побелело и перекосилось его лицо, как подергивается полоска шрама на щеке. Прошел в комнату через приоткрытые портьеры. Входная дверь опять открылась. С минуту блондинка молча стояла на пороге, покосилась через плечо на труп, слегка передернулась и исчезла из моего поля зрения.

Дверь закрылась. Послышались шаги по дорожке. Хлопнули, открываясь и закрываясь, дверцы машины. Взревел мотор, и машина уехала.

Прошло много времени, прежде чем я наконец выбрался из своего укрытия и опять вошел в гостиную, озираясь по сторонам. Подошел к стулу, поднял пистолет, тщательно протер его и положил на прежнее место. Выложил из пепельницы на стол три окурка со следами ярко-красной помады, отнес их в уборную и спустил воду. Затем поискал глазами второй стакан с ее отпечатками пальцев. Не нашел. Недопитый стакан отнес на кухню, сполоснул и вытер кухонным полотенцем.

Теперь самое главное. Опустился на колени на ковер перед стулом, подобрал пистолет и вложил его в свисающую над стулом застывшую руку. Отпечатки пальцев неразборчивы, но они есть, и это не отпечатки пальцев Лоис Морни. Покрытая мелкими трещинами резиновая рукоятка с отбитым краем слева, под затвором. На ней отпечатков нет. На правой стороне ствола отпечаток указательного пальца, на спусковой скобе еще два пальца, за камерой слева, на плоской части, отпечаток большого пальца. Более чем достаточно.

Напоследок еще раз оглядел гостиную.

Притушил свет в плафоне. Даже вполне накала лампочка все равно ослепительно освещала восковое лицо покойника. Открыл входную дверь, вынул из замочной скважины ключ, протер его и вставил обратно. Закрыл дверь, протер замок и пошел к машине.

Вернулся в Голливуд, запер машину и направился через стоянку к входу в Бристол-апартаментс.

Услышал в темноте хриплый шепот. Кто-то произнес мое имя из припаркованной на стоянке машины. В окне небольшого «паккарда», над крышей маячило длинное непроницаемое лицо Эдди Прю. Он был один. Я облокотился на дверцу машины и заглянул внутрь.

— Как живешь, сыщик?

Я бросил под ноги спичку и выпустил дым ему в лицо:

— Кто выронил счет на поставку стоматологического оборудования, который вы мне дали вчера вечером? Венниер или кто-то еще? — спросил я.

— Венниер.

— И что мне делать с этим счетом? Изучать по нему биографию Тигера?

— Не будь дураком.

— Почему в кармане у Венниера был этот счет? И если он его выронил, почему вы ему его не вернули? Короче, объясните мне, дураку, почему какой-то счет на поставку стоматологического оборудования так всех заинтересовал, что понадобилось даже нанимать частного сыщика. Да еще Алексу Морни, который терпеть их не может.

— Морни дело знает, — сухо сказал Эдди Прю.

— Недаром он бывший актер.

— Брось ты. Неужели не знаешь, зачем нужны эти материалы?

— Теперь знаю. Выяснил. Альбастон используют для искусственных пломб. Материал очень прочный, хорошо соединяется с драгоценным металлом. Другой материал, кристоболит, применяется для восковой формовки, так как не деформируется при высоких температурах. Понятно, о чем я говорю?

— Надеюсь, знаешь, как делаются золотые пломбы? Ведь знаешь, а?

— Сегодня два часа на это убил. Теперь я специалист. А что?

Он помолчал, а потом спросил:

— Газеты читаешь?

— Случается.

— Тогда, может, знаешь, что в Белфонт-билдинг на Девятой улице прихлопнули одного старика. Зовут Морнингстар. Его контора находилась как раз над мастерской этого Тигера, двумя этажами выше. Не читал?

Я не ответил. Еще некоторое время он смотрел на меня, потом потянулся к замку зажигания и повернул ключ. Машина завелась, и он выжал сцепление.

— Дурак ты, приятель, — мягко сказал он. — Дурак, каких мало. Спокойной ночи.

Машина отъехала от тротуара и покатила под гору в сторону Франклина. Улыбаясь, я смотрел ей вслед, пока она не скрылась из вида.

Поднялся к себе в квартиру, отпер ключом дверь, приоткрыл ее и только тогда тихо постучал. Из комнаты послышались шаги. Дверь распахнула крупная, румяная девица в белом медицинском халате и в шапочке с черной полосой.

— Я Марло. Живу здесь.

— Входите, мистер Марло. Доктор Мосс предупредил меня.

Я бесшумно закрыл дверь, и мы заговорили вполголоса.

— Как она? — спросил я.

— Спит. Когда я приехала, она уже дремала. Меня зовут мисс Лимингтон. Насколько мне известно, температура у нее нормальная, пульс еще немного частит, но стал ровнее. Видимо, психическое расстройство.

— Она нашла убитого человека, — объяснил я. — Страшно перепугалась. Она крепко спит? Могу зайти взять кое-какие вещи для гостиницы?

— Конечно. Только потише. Хотя вы вряд ли ее разбудите. А если и проснется, ничего страшного.

Я прошел в комнату и оставил на столе деньги.

— У меня есть кофе, бекон, яйца, хлеб, томатный сок, апельсины и выпивка. Все остальное придется заказать по телефону.

— Я уже изучила ваши запасы, — ответила она с улыбкой. — До завтра нам хватит. Она здесь останется?

— Посмотрим, что скажет доктор Мосс. Думаю, она поедет домой, как только будет в состоянии. Ехать ей далеко — в Вичиту.

— Я, конечно, не врач, — сказала она, — но, по-моему, ей просто нужно как следует выспаться, и все пройдет.

— Как следует выспаться и сменить обстановку, — уточнил я, но мисс Лимингтон вряд ли поняла меня.

Я прошел по коридору и заглянул в спальню. Они надели на нее мою пижаму. Лежит почти на спине, выбросив одну руку поверх одеяла. Манжет пижамной куртки закатан дюймов на шесть, а то и больше. Из рукава торчит маленькая рука, крепко сжатая в кулачок. Лицо изможденное, бледное и очень спокойное. Я порывлся в шкаф, взял чемодан и побросал в него всякую мелочь. Выходя из комнаты, еще раз взглянул на Мерл. Глаза открыты и устремлены в потолок. Покосилась на меня, губы растянулись в слабой улыбке.

— Привет, — голосок слабый, измученный. Таким голосом говорят, когда лежат в постели, когда рядом медсестра, и все под рукой.

— Привет.

Я подошел к постели и улыбнулся ей. Неотразимой улыбкой.

— Мне хорошо, — прошептала она. — Просто отлично. Да?

— Конечно.

— Я лежу на вашей постели?

— Ничего страшного. Она не кусается.

— Я не боюсь, — маленькая ручка скользнула ко мне по одеялу и легла ладонью вверх, ожидая пожатия. Я сжал ее. — Вас я не боюсь. Женщины могут вас не бояться, правда?

— Спасибо за комплимент.

Ее глаза улыбнулись, потом опять погасли.

— Я соврала вам, — тихо сказала она. — Я... я никого не убивала.

— Знаю. Я был там. Неважно. Не думайте об этом.

— О неприятном всегда советуют не думать. А все равно думаешь. Глупые какие-то советы.

— Значит, я глупый, — я сделал вид, что обиделся. — Может, еще поспите?

Она повернула голову и заглянула мне в глаза. Не выпуская ее руки, я сел на край кровати.

— Сюда явится полиция? — спросила она.

— Нет. Вы разочарованы?

Она нахмурилась:

— Должно быть, вы считаете меня ужасной дурой.

— Возможно.

У нее на глазах навернулись слезы, скользнули по ресницам и медленно поползли по щекам.

— Миссис Мердок знает, где я?

— Пока нет. Сейчас поеду к ней и расскажу.

— Вы... все ей расскажите?

— Ну да, а что?

Мерл отвернулась.

— Она поймет, — тихо проговорила девушка. — Она-то знает, что я наделала восемь лет назад. Боже, что я натворила!

— Конечно, знает. Стала бы она столько лет платить Венниеру.

— Какой ужас! — она выдернула руку, которую я держал, другую вынула из-под одеяла, сцепила их. — Жаль, что вы узнали об этом. Очень жаль. Никто не знал, кроме миссис Мердок. Даже родители. Лучше бы вы не знали.

На пороге появилась медсестра и неодобрительно посмотрела на меня:

— Мистер Марло, ей нельзя разговаривать. Вам вообще лучше уйти.

— Послушайте, мисс Лимингтон, я знаю эту девушку уже два дня, а вы всего два часа. Ей это только полезно.

— У нее опять может быть... приступ, — возразила она, старательно пряча глаза.

— Что ж, пусть лучше у нее будет приступ сейчас, пока вы здесь. Пойдите на кухню и пропустите стаканчик.

— Я не пью на работе, — холодно сказала она. — Кроме того, от меня будет пахнуть спиртным.

— В данный момент вы работаете на меня. А я требую, чтобы мои подчиненные время от времени выпивали. Кроме того, если за хорошим обедом вы и позволите себе рюмку-другую, от вас никогда не будет пахнуть спиртным.

Она прыснула и вышла из комнаты. Мерл слушала нас с некоторой досадой, как будто во время очень серьезной пьесы разыгрывается легкомысленная интермедия.

— Я хочу вам все рассказать, — заговорила она срывающимся голосом. — Я...

Я перегнулся на кровати и накрыл ее стиснутые руки своей громадной лапой:

— Бросьте. И так знаю. Марло все знает — кроме того, как устроиться в жизни. Не в деньгах счастье. Сейчас спите, а завтра отвезу вас в Вичиту — к родителям. За счет миссис Мердок.

— Как это благородно с ее стороны! — воскликнула она. Глаза широко раскрылись и заблестели. — Впрочем, она всегда удивительно ко мне относилась.

Я поднялся с кровати.

— Она вообще удивительная женщина, — сказал я, усмехнувшись. — Каких мало. Сейчас поеду к ней, и мы чудесно проведем время за чашкой чаю. А если вы сейчас же не заснете, я не разрешу вам больше признаваться в убийствах, так и знайте.

— Вы ужасный человек, — сказала она. — Не люблю вас. — Отвернулась, спрятала руки под одеяло и закрыла глаза.

Я пошел к двери. Перед тем как выйти, обернулся и мельком взглянул на нее. Смотрит на меня, приоткрыв один глаз. Я нахмурился, и глаз тут же закрылся.

Вернулся в гостиную, так же грозно взглянул на мисс Лимингтон и вышел с чемоданом в руке.

Поехал на бульвар Санта-Моника. Ломбард еще был открыт. Старый еврей в высокой черной ермолке явно удивился, что я смог так скоро выкупить монету из заклада. Я заверил его, что в Голливуде и не такое бывает.

Он достал из сейфа конверт, вскрыл его, взял у меня деньги и закладную квитанцию и выложил из конверта на ладонь блестящую золотую монету.

— С такой монеткой жаль расставаться, — сказал он. — Какая работа, нет, вы подумайте, какая работа!

— На двадцать долларов потянет, — сказал я.

Он пожал плечами, улыбнулся, я спрятал монету в карман и пожелал ему спокойной ночи.

На лужайке перед домом раскинулась белая простыня лунного света, и только под кедром трава отливала черным бархатом. В двух нижних окнах и одном наверху горел свет. Я поднялся по неровным ступенькам и позвонил.

На негритенка даже не взглянул. Не стал трепать его по голове. Шутка приелась.

Дверь открыла неизвестная мне женщина с красным лицом и белыми волосами.

— Я Филип Марло. Хотел бы повидать миссис Мердок. Миссис Элизабет Брайт Мердок.

Смутилась:

— Боюсь, миссис Мердок уже спит. Вы вряд ли сможете повидать ее.

— Но сейчас всего девять часов.

— Миссис Мердок рано ложится. — Стала закрывать дверь.

Пожалев славную старушку, я не стал ломиться в дом. Просто облокотился на дверь:

— Я по поводу мисс Дэвис. Это важно. Не могли бы вы передать ей?

— Попробую.

Я отступил и дал ей закрыть дверь.

Неподалеку, где-то в темноте пела колибри. По улице на большой скорости пронеслась машина и, завизжав тормозами, скрылась за поворотом. До меня донеслись, точно рассыпавшиеся от быстрой езды, отголоски женского смеха.

Через некоторое время дверь открылась, и женщина сказала:

— Можете войти.

Я последовал за ней через пустую гостиную. Едва освещая противоположную стену, тускло светилась лампа. Очень тихо и душно. Мы дошли до конца коридора и потом по лестнице с резными перилами и через балюстраду поднялись на второй этаж. Опять двинулись по коридору и подошли к открытой двери в заднюю комнату.

Я вошел, дверь за мной закрылась. Комната большая, много ситца, голубые с серебром обои, низкий диван, синий ковер, приоткрытая балконная дверь. Над балконом навес.

Миссис Мердок сидела у карточного столика в мягком кресле с высокой спинкой. Стеганный халат, волосы немного растрепаны.

Раскладывает пасьянс. Колода в левой руке. Выложила одну карту на стол, взялась за другую и только тогда посмотрела на меня.

— Слушаю вас, — сказала она наконец.

Я подошел и взглянул на пасьянс. «Кэнфилд».

— Мерл у меня дома. Она свихнулась.

— Как вас прикажете понимать, мистер Марло? — спросила она, не подымая головы.

Взяла еще одну карту, а потом сразу две.

— Раньше это называлось душевной болезнью, — пояснил я. — Кстати, вы не ловите себя на том, что жульничаете, когда раскладываете пасьянс?

— Жульничать неинтересно, — буркнула она. — Впрочем, в любом случае интересного мало. Что с Мерл? Она еще никогда так надолго не отлучалась. Я уже начала волноваться.

Я взял скамеечку и сел напротив нее. Слишком низко. Встал, придвинул стул и опять сел.

— Можете не волноваться. Я вызвал доктора и медсестру. Сейчас она спит. Она была у Венниера.

Старуха отложила колоду, сложила большие серые лапы на краю стола и хищно уставилась на меня:

— Мистер Марло, давайте говорить начистоту. Прежде всего мне не надо было нанимать вас. Но мне не нравилось, что эта ушлая тварь Линда водит меня за нос, как девчонку. Лучше бы я вообще не подымала шума. Гораздо легче перенести пропажу дублона, чем иметь дело с вами. Даже если бы мне не вернули монету.

— Но ее же вернули.

Старуха кивнула. И снова принялась поедать меня глазами.

— Да, вернули. Сами слышали как.

— Слышал, но не поверил.

— Я тоже не поверила, — спокойно сказала она. — Мой сын по глупости взял вину на себя, чтобы выгородить Линду. Ребенок, одно слово.

— Вы вообще обладаете удивительной способностью окружать себя детьми.

Она опять углубилась в пасьянс и покрыла красный валет черной десяткой, взяв обе карты из выложенных на столе. Потом повернулась и взяла со стоявшего рядом небольшого массивного стола бокал с портвейном. Сделала глоток, поставила бокал и смерила меня пристальным, суровым взглядом:

— У меня такое чувство, мистер Марло, что вы ищете ссоры.

Я покачал головой:

— Отнюдь. Только правды. Я не так уж плохо на вас поработал, миссис Мердок. Монету вы получили. Полицию — пока что — я от вас отвел. Разводом, правда, я не занимался, зато нашел Линду — ваш сын прекрасно знал, где она была все это время. Линда не против развода. Она убеждена, что брак с вашим сыном был ошибкой. Впрочем, если вы считаете, что я не заслуживаю...

Она презрительно фыркнула и открыла еще одну карту. Выложила в верхний ряд бубновый туз.

— Черт возьми! Трефового туза теперь не достать!

— А вы его подложите. Незаметно для себя.

— Чем давать советы, — очень спокойно сказала она, — вы бы лучше рассказали мне про Мерл. И нечего злорадствовать, если проникли в семейные тайны.

— Я и не думаю злорадствовать. Сегодня днем вы послали Мерл отнести Венниеру пятьсот долларов.

— Допустим. — Опять наполнила бокал и, пристально смотря на меня сквозь стекло, отпила из него.

— Когда он потребовал деньги?

— Вчера. Но я смогла взять их из банка только сегодня. А что случилось?

— Венниер шантажирует вас уже почти восемь лет, не правда ли? В связи с тем, что произошло 26 апреля 1933 года.

В ее глазах мелькнула тревога, но где-то очень глубоко, на самом дне, как будто уже давно пряталась там и выглянула всего на мгновение.

— Кое-что сообщила мне Мерл, — продолжал я. — Ваш сын рассказал, как умер его отец. Сегодня я просмотрел старые газеты. Случайная смерть. На улице, под окнами его конторы, произошел несчастный случай, и многие жители дома высунулись посмотреть. Он просто высунулся дальше, чем следовало. Поговаривали о самоубийстве, ведь он разорился, но был застрахован на пятьдесят тысяч, которые в случае его смерти получили бы родные. Следовательно, по счастью, не придал этому обстоятельству никакого значения.

— И что же? — голос холодный, жесткий. Не срывается. Не хрипит. Холодный, жесткий, абсолютно спокойный голос.

— Мерл была секретаршей Хораса Брайта. Совсем еще девочка, со странностями, излишне застенчивая, наивная, детский склад ума, впечатлительная, не испорчена — словом, понятно. Вероятно, как-то раз, выпив лишнего, он стал к ней приставать, чем напугал до полусмерти.

— Да? — короткое слово, сказанное сухим, жестким голосом, прозвучало как выстрел.

— Она затаилась, в голове стали появляться самые мрачные мысли. Когда случай представился, она его не упустила. Подкралась к Брайту, когда тот высунулся из окна. Надеюсь, понятно?

— Выражайтесь яснее, мистер Марло. Говорите прямо.

— Господи, куда уж яснее! Она вытолкнула своего хозяина из окна. Убила, попросту говоря. Убила и осталась на свободе. С вашей помощью.

Она посмотрела на левую руку, в которой стиснула колоду карт. Кивнула. Подбородок запрыгал.

— У Венниера были улики? — спросил я. — Или он, случайно увидев, что произошло, припугнул вас и вы стали платить ему, потому что не хотели огласки — и еще потому, что очень привязаны к Мерлу?

Прежде чем ответить, она открыла еще одну карту. Непоколебима, как скала.

— Он говорил о какой-то фотографии. Но я ему никогда не верила. То, что произошло, он сфотографировать не мог. А если бы и сфотографировал, то показал бы карточку мне — рано или поздно.

— Нет, я с вами не согласен. Если только в этот момент у него в руках оказался фотоаппарат, которым он хотел снять происходившее на улице, снимок мог бы получиться очень удачным. Но, думаю, он просто не решался показать его вам. Ведь человек вы довольно жесткий. Возможно, он боялся, как бы вы с ним не рассчитались. Так, по крайней мере, могло казаться этому проходимцу. И сколько всего вы ему заплатили?

— Не ваше... — начала было она, но осеклась и повела тяжелыми плечами. Властная, сильная, суровая, безжалостная женщина. Ее таким вопросом не смутишь. Задумалась:

— Одиннадцать тысяч сто долларов, не считая тех пятисот, которые я послала ему сегодня днем.

— Ого! Чертовски благородно с вашей стороны, миссис Мердок. Особенно если учитывать привходящие обстоятельства.

Она вяло махнула рукой, опять повела плечами:

— Виноват был мой муж. Он напился, непотребно вел себя. Сомневаюсь, что он и в самом деле оскорбил ее, но, как вы и сказали, действительно напугал до смерти. Я... я не могу слишком сурово осуждать ее. Она так терзалась все эти годы.

— Мерл должна была сама относить деньги Венниеру?

— Она решила, что таким образом искупит свою вину. Странное искупление.

Я кивнул:

— Что ж, на нее похоже. Потом вы вышли замуж за Джаспера Мердока, а Мерл оставили у себя. Кто-нибудь еще знает об этой истории?

— Никто. Только Венниер. А он, разумеется, никому не скажет.

— Да. Вряд ли. Теперь все это уже в прошлом. Венниера больше нет.

Она медленно подняла глаза и смерила меня долгим, пристальным взглядом. Седая голова — словно утес на вершине горы. Наконец отложила карты и крепко сцепила руки на краю стола. Так, что побелели суставы.

— Когда Мерл приехала, меня не было дома. Она попросила управляющего впустить ее, тот позвонил мне в контору, и я разрешил. Когда я приехал, она сказала, что убила Венниера.

В наступившей тишине ее дыхание отдавалось слабым шепотом.

— У нее в сумке почему-то был пистолет. По всей видимости, чтобы защищать себя от посягательств мужчин. Но кто-то — думаю, Лесли — обезвредил его, вогнав в казенную часть патрон другого калибра. Признавшись в убийстве Венниера, она потеряла сознание. Я вызвал знакомого врача, а сам отправился к Венниеру. В двери торчал ключ. Он сидел на стуле мертвый. Труп уже окоченел, смерть наступила задолго до прихода Мерл. Она не убивала его. Все сочинила. Доктор нашел ее поступку какое-то научное объяснение, но я не стану утомлять вас пересказом его слов. Надо думать, вы и так понимаете.

— Надо думать. А что с ней сейчас?

— Спит у меня в квартире. При ней медсестра. Я звонил в Вичиту отцу Мерл. Он хочет, чтобы она приехала домой. Вы не возражаете?

Она молча поела меня глазами.

— Он ничего не знает, — поспешил добавить я. — И не узнает. Я уверен. Просто хочет, чтобы дочь вернулась домой. Я решил сам отвезти ее, ведь теперь это моя обязанность, не правда ли? Те пятьсот долларов, которые негодились Венниеру, понадобятся мне... на расходы.

— А сколько еще?

— Вам лучше знать.

— Кто убил Венниера?

— Не исключено, что это самоубийство. В правой руке у него был пистолет. Выстрел в висок, в упор. Пока я находился там, приехали Морни с женой. Я спрятался. Морни пытался свалить убийство на жену. Она путалась с Венниером и, вероятно, считает, что убил либо сам муж, либо его люди. Но по всему похоже на самоубийство. Наверное, сейчас там уже орудует полиция. К какому выводу придут они, трудно сказать. Нам остается только тихо сидеть и выжидать.

— Такие, как Венниер, — мрачно заметила она, — не кончают жизнь самоубийством.

— С тем же успехом вы могли бы сказать, что такие, как Мерл, не выбрасывают людей из окна. Это еще ничего не значит.

Мы уставились друг на друга с той скрытой враждебностью, которая возникла с самого начала. Спустя мгновение я оттолкнул стул, встал и подошел к балконной двери. Откинул занавеску и вышел на балкон. Темно, все замерло. Холодный и ясный лунный свет — далекий, как справедливость, которую все мы ищем и не находим.

При свете луны деревья внизу отбрасывают густые тени. В центре сада как бы еще один, внутренний сад. Блестит вода в декоративном бассейне. У воды качели. На качелях кто-то сидит: заглянув вниз, я увидел тлеющий огонек сигареты.

Вернулся в комнату. Миссис Мердок опять раскладывала пасьянс. Я подошел к столу и посмотрел на карты:

— Как же вы извлекли трефовый туз?

— Я сжульничала, — ответила она, не подымая головы.

— Еще один вопрос. История с дублоном все еще остается не вполне ясной: ведь теперь, когда вы получили назад монету, оба убийства теряют всякий смысл. Меня вот что интересует: есть ли в монете Мердока какая-то особенность, которая бы бросилась в глаза специалисту вроде старика Морнингстара?

Задумалась. Сидит неподвижно, опустив голову.

— Да. Кажется, есть. Инициалы ювелира — Э. Б. — выбиты на левом крыле орла, а должны быть, насколько я слышала, на правом.

— Что ж, думаю, этого вполне достаточно. Скажите, вам действительно вернули монету? Или вы просто хотели от меня отвязаться?

Она быстро взглянула на меня и опять опустила глаза:

— В настоящий момент монета находится в сейфе. Если найдете сына, он вам ее покажет.

— Ясно. В таком случае с вашего разрешения я пойду. Пожалуйста, прикажите сложить вещи Мерл и прислать их завтра утром мне на квартиру.

Она опять вздернула голову, глаза вспыхнули:

— Я смотрю, вы диктуете свои условия, молодой человек.

— Прикажите сложить вещи. И прислать их. Мерл вам больше не нужна, раз Венниера нет в живых.

Наши глаза встретились. На ее губах мелькнула напряженная, кривая улыбка. Опустила голову, правой рукой из колоды, зажатой в левой руке,

взяла карту, открыла, взглянула на нее и отложила в стопку несыгранных карт под разложенным пасьянсом. Затем спокойно, не торопясь взяла из колоды следующую карту. Рука дрожит не больше, чем каменный пирс на легком ветерке.

Я пересек комнату, вышел, бесшумно прикрыл за собой дверь, прошел по коридору, спустился по лестнице, пошел по более узкому коридору нижнего этажа, миновал солярий, комнату Мерл и вошел в мрачную, нежилую гостиную, где всякий раз чувствовал себя набальзамированным трупом.

Балконная дверь приоткрылась, и появился Лесли Мердок. Замер, уставившись на меня.

Широкие брюки измяты, волосы взъерошены. Нелепые, рыжеватые усики. Ввалившиеся глаза.

Стоит, теребит в руках длинный черный мундштук, неприязненно косится на меня и не испытывает ни малейшего желания общаться.

— Добрый вечер, — холодно произнес он. — Уходите?

— Еще нет. Хочу поговорить с вами.

— Нам не о чем говорить. И вообще, я устал от разговоров.

— Так уж и не о чем? А о Венниере?

— Венниер? Я почти не знаю его. Видел пару раз. Как будто бы малоприятный тип.

— Знаете вы его, положим, не так уж плохо.

Он прошел в комнату, сел в одно из допотопных кресел, подался вперед и, уперев подбородок левой рукой, уставился в пол.

— Ладно, — устало сказал он. — Валяйте. Воображаю, как вы блеснете. Беспощадная логика, тонкая интуиция и прочий бред. Прямо как сыщик в детективном романе.

— Вот именно. Обстоятельный допрос свидетелей, тщательное сличение показаний, смутные догадки, тонкий анализ мотивов и поступков действующих лиц, которые в минуту прозрения предстают перед читателем — да и перед самим сыщиком — в совершенно ином свете, и, наконец, сокрушительный удар по тому, кого подозревали меньше всего.

Мердок поднял глаза и чуть было не улыбнулся.

— После чего обвиняемый, — подхватил он, — бледнеет как полотно, облизывает пересохшие губы и выхватывает пистолет из правого уха.

Я сел на соседний стул и достал сигарету:

— Совершенно верно. Надо бы нам как-нибудь разыграть эту сценку. Кстати, у вас есть пистолет?

— С собой нет. А вообще есть. Вы же знаете.

— Вы взяли его вчера вечером, когда ездили к Венниеру?

Он пожал плечами и осклабился:

— Разве я вчера вечером был у Венниера?

— Думаю, да. Дедуктивный метод. Вы курите сигареты «Бенсон энд Хеджес». От них остается стойкий, нерассыпающийся пепел. Судя по серым комочкам в пепельнице Венниера, было выкурено не меньше двух таких сигарет. Но окурков я не нашел. Ведь вы пользуетесь мундштуком, а

окурков в мундштуке выглядит по-другому. Поэтому окурки вы уничтожили. Ну как, нравится?

— Нет. — Голос тихий. Опять уставился в пол.

— Вот вам пример дедуктивного метода. Плохой пример. Ведь окурков могло и не быть, а если они были и их уничтожили, то не потому ли, что на них оставались следы помады? Такой, по которой, по крайней мере, можно определить цвет волос курившей? А у вашей жены есть странная привычка выбрасывать окурки в мусорную корзину.

— Не путайте сюда Линду, — сухо сказал он.

— Ваша мать по-прежнему уверена, что дублон взяла Линда, а вы, чтобы выгородить ее, выдумали историю про Алекса Морни.

— Повторяю, не путайте сюда Линду. — Застучал мундштуком по зубам. Быстро и звонко, словно телеграфным ключом.

— Не буду. Но вашей истории я не поверил совсем по другой причине. Вот, полюбуйтесь, — я достал дублон и протянул ему на ладони монету.

Он тупо посмотрел на нее. Рот опустился.

— Сегодня утром, когда вы рассказывали свою историю, монета находилась в сейфе ломбарда на бульваре Санта-Моника. Ее прислал мне некий Джордж Филлипс, великий, хотя и непризнанный, сыщик. Простодушный парень, он дал втянуть себя в темное дело, так как сидел без работы и неважно разбирался в людях. Плотный блондин в коричневом костюме, темных очках и смешной шляпе. Разъезжал в совсем еще новом «пантиаке» песочного цвета. Вы могли увидеть его вчера утром в коридоре, у двери в мою контору. Он следил за мной, а до меня, возможно, и за вами.

— За мной?! — сделал вид, что искренне удивился.

Я закурил и бросил спичку в нефритовую пепельницу, у которой был такой вид, словно ее первый раз используют по назначению.

— Я же сказал, «возможно». Точно не знаю. Может, он просто следил за вашим домом. Здесь он меня и заметил; по дороге к вам никто за мной вроде бы не следил. — Я по-прежнему держал монету в руке. Как бы невзначай подбросил ее на ладони, перевернул, убедился, что инициалы Э. Б. выбиты на левом крыле, и убрал дублон в карман. — Ну а за домом он мог следить хотя бы потому, что ему поручили продать редкую монету старому перекупщику Морнингстару. Морнингстар, как видно, сразу же заподозрил, откуда взялась такая монета, и сказал либо намекнул Филлипсу, что монета краденая. Но на этот раз он ошибся. Если ваш дублон действительно сейчас спрятан наверху, в сейфе, значит, монета, которую Филлипс должен был продать, была не краденной. А поддельной.

Он зябко повел плечами, как будто замерз. Но остался сидеть, как

сидел.

— Боюсь, мой рассказ окажется, как это бывает, чересчур длинным, — довольно мягко сказал я. — Заранее извиняюсь. Постараюсь быть кратким. История, прямо скажем, невеселая: ведь в ней два, а то и три убийства. Некто Венниер и некто Тигер задумали одно дельце. Тигер работал зубным техником и снимал помещение в Белфонт-билдинг, в том самом доме, где находилась контора старого Морнингстара. Им пришло в голову подделать редкую, ценную золотую монету — не настолько редкую, чтобы ее нельзя было продать, но достаточно редкую, чтобы выручить за нее хорошие деньги. Изготовление такого «фальшака» мало чем отличается от изготовления золотых зубов. Такой же материал, тот же инструмент, тот же навык. Чтобы точно воспроизвести золотую монету, из твердого белого цемента, называемого альбастон, изготавливается матрица, затем на эту матрицу с точностью до мельчайшей детали наносится восковой слепок образца, затем воск покрывается другим цементом, кристоболитом, который не деформируется при сверхвысоких температурах. В кристоболите стальной шпилькой проделывается небольшое отверстие. Когда воск застывает, шпилька вынимается. Затем покрытие из кристоболита нагревается на огне до тех пор, пока воск не вытапливается через небольшое отверстие и не остается полая форма образца. Она устанавливается на центрифуге, и в нее из тигеля заливается расплавленное золото. Затем еще горячий кристоболит подставляют под холодную воду, он лопается, а под ним остается золотая отливка с небольшим наростом. Нарост снимается, отливка протирается кислотой и шлифуется, — и вы получаете новенький дублон Брешера из чистого золота, точная копия оригинала. Понятно?

Он кивнул и устало провел рукой по голове.

— Для изготовления такой монеты, — продолжал я, — вполне достаточно того навыка, каким владеет зубной техник. Подделывать золотые монеты, находящиеся в обращении, не имеет никакого смысла, потому что материал и работа не окупятся. Но изготавливать старую золотую монету, ценность которой определяется ее редкостью, очень выгодно. Этим они и решили заняться. Но им нужен был образец. И тут настал ваш черед. Да, вы действительно взяли монету, только отдали ее не Морни, а Венниеру. Верно?

Он уставился в пол и молчал.

— Выше голову! Еще не все потеряно. Вероятно, вы рассчитывали получить с него деньги, чтобы расплатиться с карточными долгами, ведь ваша мать очень скупа. Но деньгами ваша зависимость от него не

ограничивалась.

Тут он быстро поднял голову. Лицо белое, в глазах страх.

— Как вы узнали?! — чуть ли не шепотом спросил он.

— Выяснил. Кое-что мне рассказали, что-то узнал сам, о чем-то догадался. Но об этом после. Итак, Венниер и его дружок подделали дублон и решили его испытать. Испытать на специалисте по редким монетам. Тут Венниеру пришло в голову нанять какого-нибудь простофилю и поручить ему продать подделку старому Морнингстару. Причем продать дешево, чтобы старик решил, что монета краденая. Им подвернулся Джордж Филлипс, поместивший в газете идиотское объявление. Связь с Филлипсом Венниер — сначала, во всяком случае, — поддерживал, по-видимому, через Лоис Морни. Сама она едва ли замешана в этом деле. Видели, как она передавала Филлипсу небольшой сверток. В свертке мог быть тот самый фальшивый дублон, который Филлипсу поручили продать. Когда же он показал монету Морнингстару, тот насторожился. Старик хорошо разбирался в редких монетах. Возможно даже, он и не заподозрил, что дублон подделан, — для этого понадобилось бы тщательное исследование, — однако непривычное расположение инициалов ювелира навело его на мысль, что монета украдена из коллекции Мердока. Он позвонил сюда и попытался это выяснить. Его звонок встревожил вашу мать, она обнаружила пропажу монеты, заподозрила ненавистную ей Линду и пригласила меня, поручив мне вернуть монету и принудить Линду развестись с вами, не требуя по разводу денежной компенсации.

— Не хочу я развода! — выпалил Мердок. — И никогда не хотел. Она не имела права... — Он замолчал, безнадежно махнул рукой и всхлипнул.

— Знаю, знаю. Так вот, старый Морнингстар припугнул Филлипса, который был дураком, но никак не жуликом. Ему удалось узнать у Филлипса его домашний телефон. Спрятавшись в конторе у перекупщика, когда тот решил, что я уже ушел, я сам слышал, как старик набирал его номер. Перед этим я предложил Морнингстару выкупить у него дублон за тысячу долларов, и он согласился, смекнув, что купит монету у Филлипса, перепродаст ее мне и немного на этом заработает, ничем, по существу, не рискуя. Тем временем Филлипс следил за вашим домом — нет ли полиции. Увидел меня, мою машину и по водительскому талону выяснил мое имя. Оказалось, он меня знает.

Филлипс стал преследовать меня по всему городу, все никак не решаясь попросить о помощи, пока наконец я сам не заговорил с ним. Он промямлил, что знает меня по делу в Вентуре, где он в свое время работал помощником шерифа, что его втянули в темное дело и что за ним по пятам

ходит какой-то высокий тип со «странным» глазом. Это был Эдди Прю, телохранитель Морни. Морни знал, что его жена спуталась с Венниером, и установил за ней слежку. Прю видел, как она встретилась с Филлипсом недалеко от его дома на Корт-стрит, в Банкер-Хилле, и стал следить за ним, пока ему не показалось, что Филлипс его заметил. Так оно и было. Прю или кто-то еще из людей Морни, вероятно, видел, как я иду в квартиру Филлипса на Корт-стрит. Во всяком случае, он дважды звонил мне. Первый раз запугивал, а второй — позвал увидеться с Морни.

Я выбросил окурок в нефритовую пепельницу, взглянул на серое, несчастное лицо собеседника и заговорил снова. Слова давались с трудом, звук собственного голоса стал мне противен.

— Теперь вернемся к вам. Узнав от Мерл, что ваша мать наняла частного сыщика, вы тоже не на шутку перепугались. Решили, что мать хватилась дублона, и в тот же день примчались ко мне, надеясь вытянуть из меня необходимые сведения. Сначала вы были очень галантны, очень язвительны, очень заботливы по отношению к своей жене, но крайне встревожены. Не знаю, что вы почерпнули из нашего разговора, но сразу же связались с Венниером. Теперь вам надо было срочно вернуть монету матери да еще выдумать какое-то оправдание. Вы встретились с Венниером, и тот отдал вам дублон. Не исключено, кстати, что подделанный. Подлинник он вполне мог присвоить. Венниер понимает, что его делу угрожает опасность: Морнингстар звонил вашей матери, она наняла меня, Морнингстар что-то заподозрил. Тогда он идет на Корт-стрит, пробирается в дом с черного хода и пытается разузнать у Филлипса, что произошло.

Филлипс не говорит ему, что уже отослал мне фальшивый дублон, написав адрес на посылке печатными буквами, такими же, какими вел дневник, найденный в его конторе. Знай Венниер об этом, он наверняка попытался бы отобрать у меня монету. Разумеется, мне неизвестно, что говорил Филлипс Венниеру, но, возможно, речь шла о том, что ему поручили вести грязное дело, что он знает, откуда взялась монета, и пойдет в полицию или же к миссис Мердок. Венниер выхватил пистолет, стукнул Филлипса по голове и пристрелил его. Обыскал тело и квартиру, но дублона не нашел. Поехал к Морнингстару. У старика фальшивого дублона тоже не оказалось, но Венниер, видимо, ему не поверил. Хватил старика по черепу рукояткой пистолета и в поисках монеты полез к нему в сейф. Не знаю нашел он там деньги или нет, но сейф взломал, чтобы создало впечатление налета с целью ограбления. После чего мистер Венниер отправился домой, хотя и раздосадованный пропажей дублона, но с

сознанием выполненного долга: шутка ли, два убийства за один день. Теперь ему предстояло разобраться с вами.

Мердок метнул на меня потерянный взгляд, а затем перевел глаза на черный мундштук, который по-прежнему сжимал в руке. Сунул его в нагрудный кармашек рубашки, вскочил, сцепил ладони и опять сел. Вынул носовой платок и вытер лицо.

— Со мной? — спросил он хриплым, сдавленным голосом.

— Вы слишком много знали. Может, знали про Филлипса, а может, нет. В зависимости от того, насколько были в курсе дела. Но про Морнингстара знали точно. План сорвался, и Морнингстара убрали. Венниер не мог сидеть сложа руки, рассчитывая, что вы ничего не узнаете про убийство. Ему надо было заткнуть вам рот, наглухо заткнуть. Но убивать вас для этого было вовсе не обязательно. Более того, убийство было бы ошибкой. Тогда бы он потерял власть над вашей матерью. Она бессердечная, безжалостная, корыстная женщина, но если ее сыну угрожает опасность, она становится тигрицей. Ради вас она пойдет на все.

Мердок поднял глаза. Попытался изобразить удивление. Вместо этого изобразил только тупой ужас:

— Моя мать... кто?

— Только, пожалуйста, не делайте из меня дурака. Ваша семейка и без того уже совершенно заморочила мне голову. Сегодня вечером ко мне пришла Мерл. Она и сейчас у меня. Мерл отвозила Венниеру деньги. Он вас шантажировал. Уже восемь лет вы платите ему. И есть за что.

Он не пошевелился. Руки застыли на коленях. Глаза провалились. Взгляд обреченный.

— Когда Мерл приехала к Венниеру, он был уже мертв. Мне же она сказала, что убила его. Не будем останавливаться на том, почему она считает своим долгом признаваться в убийствах, которые не совершала. Я был у Венниера, он умер еще вчера вечером. Сидел как восковой манекен. Под его правой рукой на полу лежал пистолет. Этот пистолет разыскивает полиция: он принадлежал человеку по имени Хенч, чья квартира находилась напротив квартиры Филлипса. Убийца Филлипса подложил свой пистолет Хенчу, а пистолет Хенча взял с собой. Хенч и его подружка напились и, уходя, оставили дверь открытой. Пока не доказано, что это пистолет Хенча, но только пока. Если он и правда принадлежит Хенчу, а Венниер совершил самоубийство, значит, Венниер причастен к убийству Филлипса. Связывает Венниера с Филлипсом и Лоис Мorni, только с

другой стороны. Если же Венниер не совершал самоубийства — в чем лично я сомневаюсь, — он все равно мог убить Филлипса. Или же Филлипса убил кто-то другой, тот же, кто убил и Венниера. Но меня, по некоторым соображениям, такая версия не устраивает.

Мердок вскинул голову.

— Правда? — спросил он неожиданно ясным голосом. Выражение лица теперь совсем другое: оживленное и вместе с тем какое-то глуповатое, как бывает, когда слабый человек гордится собой.

— Мне кажется, что Венниера убили вы.

Он даже не шевельнулся. Оживленное выражение на лице застыло.

— Вчера вечером вы были у него. Он вас вызвал. Сказал, что влип и что, если его загребут, он сделает все от себя зависящее, чтобы забрали и вас. Говорил что-нибудь в таком духе?

— Да, — прошептал Мердок. — Именно это и говорил. Он выпил, разошелся, встал в позу. Даже злорадствовал. Говорил, что, если его посадят в газовую камеру, я сяду вместе с ним. Но это еще не все.

— Верно, далеко не все. В газовую камеру идти ему не хотелось, более того, он считал, что она ему не грозит, если только ему удастся покрепче заткнуть вам рот. Поэтому он выложил свой главный козырь. Ведь даже рассчитывая получить с него деньги, вы не стали бы красть дублон, не зная он кое-что про Мерл и вашего отца. Эта история мне известна. То немногое, что еще оставалось неясным, рассказала мне сегодня вечером ваша мать. Это и был его главный козырь, который ставил вас в трудное положение. Но вчера вечером такого козыря было уже недостаточно. Вот он и выложил вам всю правду, сказал даже, что может представить доказательства.

Он вздрогнул, оживленное выражение лица не изменилось.

— Я пригрозил ему пистолетом, — не без гордости выпалил он. — Ведь она как-никак мне мать!

— Да, этого у вас не отнимешь.

Он встал и выпрямился во весь рост:

— Я подошел к стулу, на котором он сидел, нагнулся и ткнул ему пистолетом в лицо. Его пистолет лежал в кармане халата. Он попытался достать его, но не успел — я отобрал. Потом свой пистолет я спрятал в карман. Приставил ему дуло его же пистолета к виску и пригрозил убить, если он не представит доказательства. Обливаясь потом, он забормотал, что шутил. Чтобы еще больше припугнуть его, я щелкнул курком.

Он замолчал и выбросил перед собой руку. Рука дрожала, но он сосредоточенно посмотрел на нее, и она застыла. Уронил руку и взглянул

мне прямо в глаза:

— Пистолет выстрелил. Из него, вероятно, уже стреляли, и спуск был очень легким. Я отлетел к стене и сбил картину. Испугался звука выстрела, зато не испачкался кровью. Вытер пистолет, приложил к нему его пальцы и опустил пистолет на пол, рядом с его рукой. Умер он сразу. Крови было немного, только сначала брызнула. Несчастный случай.

— Зачем же портить отличную историю? — улыбнулся я. — Ну какой же это несчастный случай? Самое настоящее убийство.

— Я говорю правду. Понятно, у меня нет доказательств. Впрочем, я, вероятно, все равно убил бы его. А что полиция?

Я встал и расправил плечи. Устал, выбился из сил, выдохся, сник. В горле першило от болтовни, голова раскалывалась от напряжения.

— Про полицию ничего не могу вам сказать. Мы не очень-то ладим — они считают, что я с ними неискренен. И они, черт возьми, правы. В принципе полиция может выйти на вас. Но если никто вас не видел, если вы не оставили отпечатков пальцев или даже оставили, но если у них нет оснований подозревать вас и сличать ваши отпечатки, — тогда они, очень может быть, вообще про вас не вспомнят. Если же докопаются до дублона да еще узнают, что это «Брешер» Мердока, тогда — не знаю. Все будет зависеть от того, как вы себя с ними поведете.

— Если бы не мать, мне было бы безразлично. Терять все равно нечего.

— С другой стороны, — продолжал я, не обращая внимания на его лепет, — если у пистолета действительно очень легкий спуск, если вы нанимаете опытного адвоката и говорите всю правду, никакой суд присяжных не признает вас виновным. Присяжные не любят шантажистов.

— Ничего не выйдет. Такой защитой я не вправе воспользоваться. Про шантаж я ничего не знаю. Венниер научил меня, как раздобыть денег, а они мне в тот момент были очень нужны, только и всего.

— Верно. Но если вас припрут к стенке, то и про шантаж расскажете. Мамаша все равно заставит. Когда надо будет спасти свою — либо вашу — шкуру, она расколется, будьте спокойны.

— Какой ужас. Подумать страшно.

— С пистолетом вам повезло. Кто только не играл с ним, стирая отпечатки и ставя новые. Даже я отметился — не отставать же от остальных. Его пальцы застыли, и сделать это было не так просто. Но пришлось. Ведь Морни заставил свою жену взяться за пистолет, и на нем оставались ее отпечатки. Он полагает, что Венниера убила жена, а она, в свою очередь, подозревает мужа.

Он молчал и не отрываясь смотрел на меня. Я пожевал губу. Твердая, как кусок стекла.

— Ну что ж, я, пожалуй, пойду, — сказал я.

— Вы хотите сказать, что благодаря вам эта история сойдет мне с рук? — в его голосе опять зазвучали презрительные нотки.

— Я хочу сказать, что не выдам вас. В остальном ничего не обещаю. Если меня привлекут, придется вести себя в соответствии с ситуацией. Этика тут ни при чем. Я не полицейский, не осведомитель, не штатный следователь. Говорите, несчастный случай? Хорошо, пусть будет несчастный случай. Меня там не было. Улик у меня тоже нет. Я работал на вашу мать и ее секреты выдавать не вправе. Она мне не нравится. Не нравитесь и вы. И ваш дом. Ваша жена тоже не особенно мне приглянулась. Зато мне нравится Мерл. Она славная, хотя глупенькая и с приветом. Представляю, что она пережила в вашем проклятом доме за последние восемь лет. Я знаю — никого из окна она не выталкивала. Теперь вам понятно?

Он пробормотал что-то невнятное.

— Я отвезу Мерл домой. Я попросил вашу мать завтра утром отправить ко мне ее вещи. Если, увлекшись пасьянсом, она почему-либо забудет об этом, пожалуйста, проследите, чтобы все было выполнено.

Он тупо кивнул.

— И вы уходите... просто так. Я ведь даже... даже не поблагодарил вас. Человек, которого я, по существу, не знаю, рискует ради меня... Не знаю прямо, что и сказать.

— Я всегда так ухожу. С беззаботной улыбкой, небрежно кивнув головой. Искренне надеюсь никогда больше не видеть вас.

Повернулся к нему спиной и вышел. Плотнo прикрыл за собой дверь, тихо щелкнул замком. Спокойно, вежливо, несмотря на глубокое отвращение. В последний раз подошел и потрепал негритенка по голове, а потом, спустившись по длинной лужайке мимо залитого лунным светом кустарника и раскидистого кедра, вышел на улицу и направился к машине.

Вернулся в Голливуд, купил бутылку виски, снял номер в гостинице «Плаза», сел на кровать и, уставившись в пол, стал хлестать виски прямо из горлышка.

Прямо как запойный пьяница.

Выпив ровно столько, чтобы перестать думать, разделся, лег в постель и вскоре — хотя и не сразу — заснул.

В три часа дня у дверей моей квартиры на ковре выстроились пять чемоданов. Мой — желтый, из воловьей кожи, ободранный с обеих сторон. Два роскошных кофра, помеченных инициалами Л. М. Старый, черный, похожий на моржа чемодан из искусственной кожи с буквами М. Д. и небольшой саквояж из тех, что продаются в аптеках за полтора доллара.

Только что ушел Карл Мосс, ругаясь, что из-за меня опаздывает к своим ипохондрикам. В прихожей еще стоял сладковатый, тошнотворный запах его одеколона «Фатима». Еле шевеля усталыми мозгами, я пытался вспомнить, что он сказал в ответ на мой вопрос: «Когда поправится Мерл?»

«Смотря что значит „поправится“. Она всегда будет взвинчена и при этом подавлена. Всегда будет как на иголках. Она была бы идеальной монахиней. Целенаправленность, красочность, суровая отрешенность религиозных обрядов были бы для нее прекрасным лечением. Не исключено, что со временем она станет похожа на тех девственниц, которые с постным видом выдают книжки в публичных библиотеках».

«Ты слишком плохо о ней думаешь», — возразил я ему, но он только улыбнулся своей мудрой еврейской улыбкой и вышел.

«И потом, с чего ты взял, что они девственницы?» — выпалил я, обращаясь уже к закрытой двери. Ответа не последовало.

Я закурил и подошел к окну. Вскоре в дверях ванной появилась она. Черные круги вокруг глаз, бледное, сосредоточенное личико, никакой косметики, только на губах помада.

— Подкрасьте щеки, — велел я ей. — Вид у вас не лучше, чем у русалочки, переспавшей с командой рыболовного траулера.

Она покорно побрела назад в ванную и подкрасила щеки. Вернувшись, бросила взгляд на багаж и шепнула:

— Лесли одолжил мне два своих чемодана.

— Да, — подтвердил я и оглядел ее. Очень недурна собой. Коричневые, низко сидящие на талии брюки, фирменные туфли, бежевая с белой вышивкой блузка и оранжевый шейный платок. Без очков. Правда, взгляд огромных ярко-синих глаз немного отрешенный, но могло быть и хуже. Волосы туго затянуты в пучок, но с этим уж ничего не поделаешь.

— Я вам ужасно надоела, — сказала она. — Мне так неудобно.

— Ерунда. Я разговаривал по телефону с вашими родителями. Они очень волнуются и ждут. За последние восемь лет они видели вас всего

дважды и очень скучают.

— И я очень хочу повидать их, — сказала она, вперившись в ковер. — Я ужасно благодарна миссис Мердок за то, что она разрешила мне уехать. До сих пор она не имела возможности отпускать меня так надолго. — Повела ногой, будто раздумывая, зачем надела брюки, но брюки были ее собственные, и решить этот вопрос она могла бы и раньше. Наконец соединила колени и сложила на них руки.

— Если хотите поговорить, то лучше сейчас, — предупредил я. — Дорога предстоит долгая, и мне бы не хотелось, чтобы по пути у вас разыгрался очередной приступ.

Прикусила кулачок и метнула на меня быстрый взгляд.

— Вчера вечером... — начала она, осеклась и покраснела.

— Опять вы за свое. Вчера вечером сначала вы заявили, что убили Венниера, а потом, что не убивали. Знаю, убили не вы. Так что с этим мы разобрались.

Опустила руку, пристально, спокойно, сосредоточенно посмотрела на меня. Сложенные на коленях руки больше не дрожат.

— Венниер умер задолго до того, как вы приехали. Вы везли ему деньги от миссис Мердок.

— Нет от себя, поправила она. — Хотя деньги, разумеется, дала мне миссис Мердок. Я должна ей столько, что мне в жизни не рассчитаться. Правда, большой зарплаты она мне не платила, но...

Я был груб:

— Большой зарплаты от нее никто не дождется. Ну а что касается того, что вам с ней в жизни не рассчитаться, это тоже верно: за все, что она вам сделала, рассчитываться с ней должен боксер полутяжелого веса. Впрочем, неважно. Венниер попал в переделку и покончил жизнь самоубийством. Это доказанный факт. Отчасти вы сами себя убедили, что совершили убийство. Когда вы увидели в зеркале его искаженное, мертвое лицо, с вами случился тяжелый нервный приступ, который наложился еще на один — многолетней давности. Вот вы и разыграли из себя убийцу. Насколько умеете.

Она робко глянула на меня и, как бы в знак согласия, кивнула своей светлой головкой.

— И Хораса Брайта вы тоже из окна не выталкивали.

— Я... я... — ее лицо подпрыгнуло и побелело. Поднесла руку ко рту и в ужасе посмотрела из-за нее на меня.

— Без разрешения доктора Мосса я бы не стал говорить всего этого. Но он считает, что уже можно. Вы, вероятно, подумали, что убили Хораса

Брайта. Ведь повод для убийства у вас был, возможность тоже представилась, и, думаю, на какую-то долю секунды у вас даже мелькнула мысль воспользоваться этой возможностью. Но не такой вы человек. В последний момент вы бы все равно не решились. Но как раз в последний момент вам вдруг стало дурно, и вы упали в обморок. Он-то выпал из окна, только толкнули его не вы.

Я замолчал и увидел, что ее рука опять упала на колени, легла на другую руку и стиснула ее.

— Вам внушили, что это вы вытолкнули его из окна, — продолжал я. — Внушали осторожно, постепенно, с той неумолимой жестокостью, на какую способна только такая женщина и только по отношению к другой женщине. Хотя сейчас миссис Мердок никак не назовешь ревнивой, ревность могла стать поводом для убийства. Впрочем, был у нее повод и поважнее: пятьдесят тысяч страховки — все, что осталось от состояния ее разорившегося мужа. Она безумно, властно любила своего сына — как любят такие женщины. Жестокая, злая, беспринципная, она грубо, безжалостно использовала вас как заложницу на тот случай, если бы Венниеру вдруг взбрело в голову выдать тайну. Для нее вы были всего лишь козлом отпущения. Если хотите порвать с тем жалким, животным существованием, какое вели все эти годы, то должны вникнуть, поверить в то, что я вам говорю. Хотя понимаю, это непросто.

— Нет, не может быть, — тихо проговорила она, уставившись мне в переносицу. — Миссис Мердок всегда замечательно ко мне относилась. Верно, я толком не помню, что происходило в тот момент... но как же можно наговаривать на людей.

Я вынул белый конверт, который обнаружил в картине Венниера. Две фотографии и негатив. Подошел и положил фотографию ей на колени:

— Полюбуйтесь. Этот снимок Венниер сделал из дома напротив.

Она взглянула на фотографию:

— Это же мистер Брайт. Он неважно получился, правда? А за ним стоит миссис Мердок, вернее, миссис Брайт. У мистера Брайта какой-то безумный вид, — она с некоторым недоумением посмотрела на меня.

— Знали бы вы, какой у него был вид через несколько секунд, когда он вывалился.

— Когда он что?

— Послушайте, — сказал я отчаявшимся голосом. — Перед вами фотография, на которой миссис Элизабет Брайт Мердок выталкивает своего мужа из окна. Обратите внимание на положение его рук. Он кричит от страха. Неужели не понятно? Этим снимком Венниер шантажировал вас

восемь лет. Мердоки ни разу не видели фотографии, даже не верили, что она существует. Но она существовала. Вчера вечером я нашел эту фотографию по той же счастливой случайности, по какой в свое время ее отсняли. Так что справедливость восторжествовала. Теперь вы понимаете?

Она опять посмотрела на фотографию и отложила ее:

— Миссис Мердок всегда так трогательно ко мне относилась.

— Она сделала из вас козла отпущения, — проговорил я тем тихим, усталым голосом, каким режиссер объясняется с актерами на неудачной репетиции. — Она хитрая, жестокая, упрямая женщина. Но знает свои слабости. В случае необходимости она даже готова расстаться с лишним долларом, что с такими, как она, случается нечасто. Этого у нее не отнимешь, как, впрочем, и всего остального. Я бы с удовольствием попробовал, да воспитание не позволяет.

— Да, — протянула она. — Ничего не поделаешь. — И я наконец понял: из того, что ей говорилось, она не слышала и трети, а тому, что слышала, не поверила. — Никогда не показывайте миссис Мердок эту фотографию. Она ужасно расстроится.

Я встал, взял фотографию у нее из рук, порвал ее на мелкие кусочки и выбросил их в мусорную корзину.

— Может быть, когда-нибудь вы и пожалеете, что я порвал ее, — сказал я, утаив, что у меня есть еще одна и негатив. — Может быть, через три месяца или через три года вы проснетесь как-нибудь ночью и поймете, что я говорил вам правду. И, как знать, может, тогда вы захотите еще раз взглянуть на фотографию. А может, я и ошибаюсь. Может быть, наоборот, вы будете очень разочарованы, узнав, что никого не убивали. И прекрасно. Не все ли равно. А сейчас мы спустимся вниз, сядем в машину и поедем к вашим родителям в Вичиту. Думаю, к миссис Мердок вы больше не вернетесь, хотя, возможно, я опять ошибаюсь. Но об этом мы больше говорить не будем. Хватит.

— У меня нет денег.

— Миссис Мердок прислала вам пятьсот долларов. Они у меня в кармане.

— Как это мило с ее стороны.

— О дьявол! — взвыл я, пошел на кухню и хлебнул из бутылки перед дорогой. Легче не стало. Захотелось вскарабкаться на стену и поползть по потолку.

Я отсутствовал десять дней. Родители Мерл оказались мягкими, добрыми, спокойными людьми. Жили они в старом каркасном доме на тихой, тенистой улице. Когда я рассказал им то, что счел необходимым, они всплакнули. Стали говорить, что рады ее возвращению, что дома ей будет хорошо, во всем винили себя, и я не спорил.

Когда я уезжал, Мерл провожала меня в обсыпанном мукой фартуке с оборками. Вытерев руки об фартук, она подошла к двери, поцеловала меня в губы, заплакала и убежала в дом. Когда машина тронулась, на пороге вместо нее с широкой, добродушной улыбкой стояла ее мать.

Дом скрылся из виду, и я испытал странное чувство, словно написал стихи, очень хорошие стихи, но потерял их и теперь никогда больше не вспомню.

Вернувшись, я позвонил лейтенанту Бризу и зашел к нему узнать, как подвигается дело Филлипса. Оказалось, что с убийством они уже разобрались; в чем-то, как бывает, им повезло, а до чего-то додумались сами. Чета Морни так и не заявила в полицию, но кто-то позвонил, сообщил про смерть Венниера и бросил трубку. Криминалисту отпечатки пальцев на пистолете Венниера показались подозрительными, но, когда в результате экспертизы наличие пороха на руке подтвердилось, полиция сочла, что это все-таки самоубийство. Когда же дело передали в Главное управление, детектив Лэки заинтересовался пистолетом, найденным в комнате Венниера, и обнаружил, что по описанию он совпадает с тем пистолетом, который разыскивался в связи с убийством Филлипса. Хенч опознал его, к тому же они нашли на курке полустертый отпечаток его большого пальца. Поскольку на курок за это время нажимали всего один раз, отпечаток Хенча сохранился.

Обнаружив, таким образом, пистолет Хенча, и располагая лучшими, чем я, отпечатками пальцев Венниера, они опять отправились на дом к Филлипсу и Хенчу. На постели Хенча был найден отпечаток левой руки Венниера, а отпечаток пальца — на ручке сливного бачка в уборной Филлипса. Тогда они стали рыскать по округе с фотографией Венниера и установили, что его дважды видели за домом и, по крайней мере, три раза в переулке. Вместе с тем в самом доме никто его почему-то не видел, а если кто и видел, то не признался.

Теперь не хватало лишь мотива для убийства. Его им любезно предоставил Тигер, задержанный в Солт-Лейк-Сити при попытке всучить дублон Брешера местному перекупщику монет, который решил, что монета настоящая, но краденая. С десяток таких же монет нашли у Тигера и в номере гостиницы, причем одна из них оказалась подлинной. Тигер признался во всем и показал крошечную метку, с помощью которой он отличал подлинник от подделок. Где Венниер взял дублон, он понятия не имел. Ничего не удалось узнать об этом и полиции, так как владелец украденной монеты на многочисленные объявления, помещенные в газетах, не откликнулся. Окончательно убедившись, что убийцей был Венниер, полиция потеряла всякий интерес к дальнейшему расследованию. Дело закрыли, хотя некоторые сомнения в самоубийстве все же оставались.

Тигера вскоре отпустили, так как непосредственного участия в убийствах он не принимал. Хотя он и совершил неудавшуюся попытку подлога, но золото приобретал законным путем, а подделка старой монеты из штата Нью-Йорк соответствующей статьей федерального законодательства не преследуется. В штате Юта с ним связываться не стали.

В признание Хенча полиция, разумеется, не поверила. По словам Бриза, он воспользовался им, чтобы развязать язык мне. Ведь он понимал, что я не успокоюсь, если у меня есть доказательства невиновности Хенча. Самому Хенчу, впрочем, это не помогло. Его посадили по обвинению в грабеже пяти винных магазинов и убийстве во время налета. Его соучастником оказался итальянец по имени Гаэтано Приско, но его не поймали, и я так и не узнал, был ли он родственником Палермо.

— Ну, что скажете? — спросил Бриз, рассказав мне все, что произошло за время моего отсутствия и после приезда.

— Остаются неясными две вещи. Во-первых, почему Тигер бежал? И во-вторых, почему Филлипс жил на Корт-стрит под чужим именем?

— Тигер бежал, потому что узнал от лифтера, что Морнингстар убит, и почувал недоброе. Филлипс снял квартиру на имя Энсона, потому что не мог платить за купленную в рассрочку машину, потому что сидел без денег и без работы. Иначе бы даже такой болван, как он, не ввязался в дело, которое с самого начала не сулило ничего хорошего.

Я кивнул, соглашаясь с его доводами.

Бриз проводил меня до двери. Положил свою тяжелую руку мне на плечо и крепко стиснул его:

— Помните дело Кессиди, из-за которого вы так завелись, когда мы со Спенглером сидели у вас тогда вечером?

— Да.

— Потом вы сказали Спенглеру, что никакого дела Кессиди не было. Но Кессиди был, только звали его иначе. И дело это вел я.

Снял руку с моего плеча, открыл дверь и, улыбнувшись, посмотрел мне прямо в глаза.

— После этого дела, — сказал он, — после всего, что я тогда передумал, я иногда даю улизнуть тем, кто, в общем, этого не заслуживает. Маленькая месть за грязные миллионы от нищих работяг вроде нас с вами. Счастливо.

Была ночь. Я поехал домой, переоделся, расставил на доске шахматные фигуры, приготовил себе коктейль и разыграл еще одну партию Капабланки. Пятьдесят девять ходов. Красивые, бесстрастные, беспощадные шахматы. Прямо-таки в дрожь бросает от их молчаливой непроницаемости.

Когда партия кончилась, я подошел к открытому окну, прислушался и вдохнул ночной воздух. Потом отнес стакан на кухню, сполоснул, налил в него ледяной воды и стал пить маленькими глотками, разглядывая себя в зеркале над раковиной.

— Вылитый Капабланка! — сказал я себе.

notes

1

ИРА — Ирландская республиканская армия, подпольная организация ирландских националистов, основана в 1916 году.

2

«Бен Гур. История Христа» (1880) — исторический роман о первых христианах американского писателя Льюиса Уоллеса (1827–1905).

3

Имеется в виду многотомное издание «Птицы Америки» американского орнитолога Джона Джеймса Одюбона (1785–1851).

4

Закон, названный именем американского конгрессмена Джеймса Роберта Менна (1856–1922), запрещающий перевозить женщин из одного штата в другой в аморальных целях.

5

Известный американский гангстер.

6

Имеется в виду Гражданская война в Ирландии (1922–1923) между республиканцами и «юнионистами».

7

В Уэст-Пойнте, штат Нью-Йорк, находится Военная академия США.

8

Герой одноименной популярной детской книжки английского писателя Джеймса Барри (1860–1937).

9

«Вечер любви» (фр.), дешевые духи.

10

Фило Вэнс — сыщик-эрудит, персонаж детективных романов американского писателя У. Х. Райта, писавшего под псевдонимом С. С. Ван Дайн.

Цит. по: F. MacShare. The Life of Raymond Chandler. N. Y., 1976.

R. Chandler. Stories. L., 1965.

Как отмечают советские исследователи, «по некоторым данным, размер капиталовложений мафии в кинобизнес колеблется от 10 до 20 процентов» (Т. Г. Голенпольский, В. П. Шестаков. США: Кризис духовной жизни. М., «Мысль», 1982).

Jacques Barzun. *The Illusion of the Real*. — In: *The World of Raymond Chandler*. Weldenfield and Nicholson. L., 1977, p. 161.

15

Один из многих (*лат.*).

16

Нью-Йорк, Колумбия. Всё выше! (*лат.*)

17

Да (ит.).

Table of Contents

[Раймонд Чэндлер Вечный сон. Высокое окно](#)

[Раймонд Чэндлер Вечный сон](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[VI](#)

[VII](#)

[VIII](#)

[IX](#)

[X](#)

[XI](#)

[XII](#)

[XIII](#)

[XIV](#)

[XV](#)

[XVI](#)

[XVII](#)

[XVIII](#)

[XIX](#)

[XX](#)

[XXI](#)

[XXII](#)

[XXIII](#)

[XXIV](#)

[XXV](#)

[XXVI](#)

[XXVII](#)

[XXVIII](#)

[XXIX](#)

[XXX](#)

[XXXI](#)

[XXXII](#)

[ФЕНОМЕН РЕЙМОНДА ЧАНДЛЕРА](#)

Реймонд Чандлер Высокое окно

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36

3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17